

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ПРОФСОЮЗОВ

С Е Р И Я
НОВОЕ В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ 4

Борис
ПАРЫГИН

СОЦИАЛЬНАЯ

ПСИХОЛОГИЯ

Санкт-Петербург
1999

Б. Д. ПАРЫГИН

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ: ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ТЕОРИИ

Новое в гуманитарных науках

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРОФСОЮЗОВ

Санкт-Петербург, 1999.

Парыгин Б. Д. Социальная психология. Проблемы методологии, истории и теории. — СПб.: ИГУП, 1999. — 592 с.

Под редакцией почетного члена Международной академии психологических наук, действительного члена Академии гуманитарных наук, Петровской академии наук и искусств, Балтийской педагогической академии, доктора культурологических наук, профессора А. С. Запесоцкого.

Рецензенты:

доктор психологических наук А. Л. Свенцицкий.

доктор психологических наук Г. Л. Ержемский.

В монографии раскрываются понятие, предмет и система социальной психологии как науки, ее методы и статус в ряду других гуманитарных дисциплин, предпосылки и истоки ее становления. Впервые исследуется специфика российской социально-психологической мысли, своеобразие истории, этапы развития, состояние и проблемы современной отечественной социальной психологии.

Обосновывается концепция многозначности и многокачественности как проявлений социальной психики человека (личность, деятельность, общность, общение и состояние), так и природы, процесса развития, конституции самой социально-психологической науки.

Книга адресована философам, социальным психологам, социологам и всем интересующимся современными проблемами и перспективами развития социальной психологии.

ББК 88.5

ISBN 5-7621-0100-2

© Б. Д. Парыгин, 1999

© СПбГУП, оформление, 1999

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие
ВВЕДЕНИЕ

Раздел первый. МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

ГЛАВА 1. СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ КАК НАУКА

- 1.1. Понятие социальной психологии: его многозначность и трактовка
- 1.2. Предмет и область социальной психологии как науки. Необходимость уточнения представлений
- 1.3. Статус социальной психологии
- 1.4. Система социальной психологии
- 1.5. Методы социальной психологии
- 1.6. Социально-психологическое мышление как инструмент исследования

ГЛАВА 2. СТАНОВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

- 2.1. Природа и динамика социально-психологического знания
- 2.2. Эмпирические предпосылки социальной психологии
- 2.3. Философские истоки социальной психологии
- 2.4. Непосредственные исторические условия становления социальной психологии как течения мысли
- 2.5. От течения мысли к системе научного знания

ГЛАВА 3. ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

- 3.1. Социально-психологическое направление в России конца XIX — начала XX века
- 3.2. Социальная психология 20-х годов
- 3.3. Марксизм и фрейдизм: от попыток синтеза к идеологическому размежеванию
- 3.4. Был ли перерыв в развитии отечественной социальной психологии?
- 3.5. Возрождение и тенденции развития отечественной социальной психологии

Раздел второй. СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

ГЛАВА 4. ФЕНОМЕН ЛИЧНОСТИ В СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

- 4.1. Понятие личности
- 4.2. Социально-психологическая структура личности
- 4.3. Личность как социально-психологическая проблема
- 4.4. Специфика социально-психологического изучения личности с учетом пространственных и временных параметров

ГЛАВА 5. ДУХОВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛИЧНОСТИ

- 5.1. Понятие и природа духовного потенциала личности
- 5.2. Возможности и пределы духовно-психического потенциала личности

5.3. Природа скрытых резервов духовно-психического потенциала личности

ГЛАВА 6. СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ БАРЬЕРЫ ЛИЧНОСТИ

- 6.1. Понятие социально-психологического барьера
- 6.2. Функции и природа социально-психологического барьера
- 6.3. Виды социально-психологических барьеров
- 6.4. Пути преодоления социально-психологических барьеров

Раздел третий. СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ГЛАВА 7. ФЕНОМЕН ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

- 7.1. Статус, понятие и структура деятельности в социальной психологии
- 7.2. Деятельность как социально-психологическая проблема
- 7.3. Социально-исторические тенденции психической деятельности

ГЛАВА 8. ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ГОТОВНОСТЬ К ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- 8.1. Психологическая готовность как фактор деятельности
- 8.2. Статус, понятие и структура феномена готовности к действию в социальной психологии
- 8.3. Готовность к деятельности как социально-психологическая проблема

ГЛАВА 9. ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ВКЛЮЧЕННОСТЬ В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

- 9.1. Понятие психологической включенности в деятельность
- 9.2. Психологическая включенность как фактор деятельности
- 9.3. Включенность в деятельность как социально-психологическая проблема
- 9.4. Природа и факторы психологического включения и включенности личности
- 9.5. Обеспечение психологической включенности в деятельность
- 9.6. Эффект и парадокс психологической включенности
- 9.7. Преодоление инерции психологической включенности

Раздел четвертый. СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ОБЩНОСТИ

ГЛАВА 10. ОБЩНОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

- 10.1. Статус и модификации феномена общности в социальной психологии
- 10.2. Понятие психологической общности
- 10.3. Природа и функции психологической общности
- 10.4. Общность как социально-психологическая проблема
- 10.5. Лидерство как инструмент интеграции общности

ГЛАВА 11. СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗЛИЧНЫХ ОБЩНОСТЕЙ

- 11.1. Классификация социально-психологических общностей
- 11.2. Психология эпохи как историческая общность людей
- 11.3. Психология народа
- 11.4. Массовая психология

- 11.5. Психология эмиграции
- 11.6. Психология малой группы
- 11.7. Психология брака и семьи

Раздел пятый. СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ОБЩЕНИЯ

ГЛАВА 12. ОБЩЕНИЕ КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

- 12.1. Понятие общения
- 12.2. Общение и личность
- 12.3. Общение и деятельность
- 12.4. Общение и общность
- 12.5. Общение и социальные отношения
- 12.6. Общение и взаимопонимание людьми друг друга
- 12.7. Значение и функции общения
- 12.8. Анатомия общения

ГЛАВА 13. СТРУКТУРА ОБЩЕНИЯ

- 13.1. Понятие и способы структурирования общения
- 13.2. Субъект и объект общения
- 13.3. Средства общения
- 13.4. Общение как коммуникация
- 13.5. Общение как информационный процесс
- 13.6. Средства массовых коммуникаций в структуре общения
- 13.7. Общение как взаимодействие
- 13.8. Способы взаимодействия людей в процессе общения
- 13.9. Типы и виды общения

ГЛАВА 14. СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ОБЩЕНИЯ

- 14.1. Понятие и специфика социально-психологического механизма общения
- 14.2. Психическое заражение
- 14.3. Внушение
- 14.4. Убеждение
- 14.5. Подражание
- 14.6. Мода как самый динамичный феномен и механизм человеческого общения

Раздел шестой. СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ СОСТОЯНИЯ

ГЛАВА 15. СОСТОЯНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХИКИ В КАЧЕСТВЕ ПРЕДМЕТА ИССЛЕДОВАНИЯ

- 15.1. Понятие, природа и функции состояний социально-психологических явлений
- 15.2. Разновидности состояния социально-психологических явлений

ГЛАВА 16. НАСТРОЕНИЕ КАК ЭКВИВАЛЕНТ ПСИХИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ ИНДИВИДА

- 16.1. Из истории вопроса

- 16.2. Определение настроения
- 16.3. Индивидуальное и социальное в настроениях личности
- 16.4. Структура психического настроения личности
- 16.5. Психический настрой и установка

ГЛАВА 17. СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КЛИМАТ КОЛЛЕКТИВА — ПОКАЗАТЕЛЬ ЕГО СОСТОЯНИЯ

- 17.1. Понятие социально-психологического климата коллектива
- 17.2. Структура проявлений социально-психологического климата
- 17.3. Роль социально-психологического климата в жизнедеятельности личности и коллектива
- 17.4. Природа и факторы социально-психологического климата

ГЛАВА 18. ДИАГНОСТИКА СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КЛИМАТА КОЛЛЕКТИВА

- 18.1. Понятие и виды диагностики социально-психологического климата коллектива
- 18.2. В поисках критерия
- 18.3. Определение основных показателей климата
- 18.4. Потенциалы социально-психологического климата коллектива
- 18.5. От характеристики потенциалов к структурной модели СПК

ГЛАВА 19. ПРОГНОЗИРОВАНИЕ И РЕГУЛЯЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КЛИМАТА КОЛЛЕКТИВА

- 19.1. Прогнозирование социально-психологического климата коллектива
- 19.2. Понятие регуляции социально-психологического климата
- 19.3. Постдиагностический тренинг-коррекция как инструмент регуляции СПК коллектива

ГЛАВА 20. ОБЩЕСТВЕННОЕ НАСТРОЕНИЕ КАК ЯВЛЕНИЕ МАССОВОЙ ПСИХОЛОГИИ

- 20.1. Общественное настроение как предмет исследования
- 20.2. Динамика социального настроения
- 20.3. Современные тенденции исследования общественного настроения

ГЛАВА 21. СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И СОСТОЯНИЕ ОБЩЕСТВА

- 21.1. Состояние общества как предмет социально-психологического исследования
- 21.2. Социально-психологические проблемы гуманитарного образования и культуры как индикаторы состояния общества
- 21.3. Гуманитарное образование и наука как зеркало состояния общества и духовной эволюции нации
- 21.4. Смена надстроечной парадигмы: способ преодоления барьеров на пути гуманизации общества

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

ПРЕДИСЛОВИЕ

В системе гуманитарного знания о человеке заметное место принадлежит социальной психологии. Она призвана ответить на многие вопросы, связанные со спецификой психического состояния и поведения, общения и деятельности как отдельного индивида, так и различных групп людей.

Сегодня особенно актуально включение потенциала социальной психологии в совершенствование системы высшего гуманитарного образования и культуры общества. Без этого невозможно решение такой стратегической задачи, какой является духовное преобразование России.

Но для разрешения всех этих проблем сама социальная психология должна быть готова к адекватному восприятию и пониманию тех перемен, которые происходят в мире человеческого общения и отношений в наш беспокойный век. А это предполагает, в свою очередь, целеустремленную работу социальных психологов над развитием и обогащением творческого потенциала данной науки, ее концептуальных возможностей и технологических средств. Именно в этом нам и видится смысл данного исследования.

Автор настоящего труда — доктор философских наук Борис Дмитриевич Парыгин — уже известен читателям как один из инициаторов возрождения социальной психологии в нашей стране в конце 50 — начале 60-х годов. Среди его публикаций такие, как "Социальная психология как наука" (1965, 1967), "Основы социально-психологической теории" (1971), "Общественное настроение" (1966), "Научно-техническая революция и личность" (1978), "Социально-психологический климат коллектива" (1981) и целый ряд других.

Новая книга Б. Д. Парыгина является итогом его многолетней экспериментально-практической и теоретической работы в этой области.

Данный труд не только обобщает уже сложившийся у автора опыт наблюдений и исследования социально-психологических явлений, но также ставит целый ряд новых вопросов, предлагая их видение и решение.

Таковы проблемы социально-психологического мышления, его характера и места в системе научного знания как инструмента методологии, природы и этапов становления мировой социально-психологической мысли от отдаленных предпосылок до сложившейся системы, специфики национальных школ и исторических особенностей процесса развития мировой и отечественной социальной психологии, резервов духовно-психологического потенциала личности, психологической готовности и психологической включенности в деятельность, характера и специфики социально-психологических механизмов человеческой деятельности, общности и состояния социальной психики.

Полагаю, что новая книга Б. Д. Парыгина привлечет внимание не только специалистов — социальных психологов, философов и социологов, но будет полезна и всем интересующимся новейшими разработками в этой области научного знания.

Академик А. С. Запесоцкий

ВВЕДЕНИЕ

Со времени выхода в свет в 60—70-е годы первых отечественных монографических исследований, посвященных современным проблемам социальной психологии, прошло более четверти века¹. За это время многое изменилось и в жизни страны, и в положении данной науки. Произошли радикальные перемены в системе социальных отношений, в жизнедеятельности всех слоев и групп общества, в состоянии духовно-нравственной атмосферы, в общественном настроении и ценностных ориентациях, доминирующих в социуме, которые пока не получили необходимого научного, в частности социально-психологического осмысления и объяснения.

Не остался без изменения и статус самой социальной психологии как науки. Сегодня она уже не нуждается в доказательствах своего права на существование. Нет сомнений и в возрастающей значимости как эмпирических исследований в этой области, так и в необходимости социально-психологического видения всего многообразия повседневно наблюдаемых нами явлений жизни.

Теперь пришло время энергичного развертывания творческих возможностей этой науки и ее включения в решение многих практических вопросов, связанных с психологическим обеспечением готовности общества к эффективному выходу из затянувшегося кризиса, возрождению и обновлению экономического, правового, политического и духовно-нравственного потенциала социума, его гуманитарной культуры и гуманитарного образования.

Вместе с тем очевидно и отставание в темпах развития социально-психологической теории и опыта ее практического внедрения от давно назревших и все более острых запросов социальной жизни. Одним из показателей этого является недостаточная пока вовлеченность практических психологов в деятельность различных систем управления (федерального, отраслевого, территориального) и некоторое снижение в темпах развития фундаментальных исследований.

Это, конечно, не означает отсутствия новых теоретических и практических подходов и разработок в области социальной психологии. Они существуют и нуждаются в более широком обсуждении. Общетеоретические вопросы социальной психологии отражены в ряде работ, опубликованных за последние 10—15 лет [3]—[33].

Вместе с тем сохраняется настоятельная необходимость дальнейшего развития социально-психологической мысли. Стремительный поток радикальных изменений, происходящих в жизнедеятельности людей в последние годы, требует серьезного осмысления, а нередко и переосмысления многого из того, что было сказано ранее. Одна из первых попыток постановки и обсуждения этих вопросов была предпринята на Международной научной конференции "Социально-психологические проблемы человека в изменяющемся мире", которая состоялась в 1993 г. в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов [34].

Не менее существенно и то, что при относительной стабильности общего понятия о предмете и области социальной психологии представление о круге ее вопросов может и должно уточняться и обогащаться.

В настоящем издании рассматриваются вопросы методологии и истории

¹ Подробно об этой странице в истории отечественной социальной психологии и ее проблемах см. [1], [2].

² Подробнее об этом см. [2].

³ Однако его статус был ограничен рамками факультатива для студентов Педагогического института.

становления мировой и отечественной социально-психологической мысли, а также основные проблемы социально-психологической теории (личности, деятельности, общности, общения и состояния).

Наряду с традиционным освещением предмета и области, системы и методов и других методологических вопросов, которые связаны с характеристикой социальной психологии как науки, здесь предпринята попытка определения и ее статуса в системе человекознания.

Это касается прежде всего тех границ в предметной области социальной психологии, которые позволили бы видеть как поле совпадения ее интересов со смежными отраслями научного знания, так и сферу присущего ей специфического видения изучаемых явлений.

Существенно при этом учитывать то, как постепенно меняется статус этой науки по мере развития ее потенциала: от течения мысли и одной из составляющих в лоне других дисциплин до методолого-теоретической основы социально-психологического видения человека во всех сферах его социальной жизнедеятельности.

По мере накопления новых эмпирических данных, связанных с расширением сферы прикладной социальной психологии, еще более возрастает значимость их теоретического осмысления.

Применительно к способу построения социально-психологической теории необходимо учитывать все большую актуальность:

- разделения функций, с одной стороны, общей теории, а с другой — той ее разновидности, которая носит преимущественно прикладной характер;
- проблемного подхода к рассмотрению изучаемых явлений в отличие от преимущественно эмпирического, описательного;
- системного видения всего многообразия граней изучаемых явлений и вытекающего из этого расширения их круга, попадающего в поле зрения данной науки.

С последним связано, в частности, и представленное здесь на рассмотрение авторское видение феномена деятельности и как социально-психологического явления, и как проблемы (психологическая готовность и психологическая включенность в деятельность).

Очевидна и в дальнейшем перспектива уточнения и обогащения представлений о предмете социальной психологии за счет включения в нее новых явлений и проблем.

Это вытекает из процесса расширения поля взаимных интересов дисциплин, пограничных с социальной психологией. Происходит это как за счет дифференциации и развития прикладной социальной психологии, так и в результате обращения к социально-психологической теории, ее понятийному аппарату тех исследований, которые осуществляются в пределах смежных с ней дисциплин.

Все это делает весьма прозрачными границы между социальной психологией и другими науками о человеке и сопровождается взаимными и все более массовыми переходами их демаркационных линий исследователями с обеих сторон (к счастью, пока без перерастания этих переходов в сколько-нибудь серьезные "пограничные конфликты").

Примером может служить ситуация, связанная с изучением феноменологии общения.

На старте возрождения отечественной социальной психологии в 1960-е годы феномен общения представлялся объектом исключительно социально-психологических интересов и исследований.

Однако уже к 80 и тем более 90-м годам появилось немало работ, в кото-

рых общение исследовалось с позиций и в рамках традиций общей психологии. Это привело к необходимости чисто терминологически различать такие понятия, как психология общения и социальная психология общения, при том очевидном факте, что и просто психология общения не может быть никакой другой, кроме как столь же социальной.

Феномен общения уже сейчас вызывает растущий интерес в других, в прошлом далеких от него, сферах научного исследования. Это отражается в таких понятиях, как "экономическое общение", "научное общение", "политическое общение", "духовное общение" и т. д.

И тогда возникает закономерный вопрос: в чем же специфика социально-психологического видения и изучения общения в отличие от подходов к нему социологов, экономистов, политологов или философов?

В самом сжатом виде ответ на него будет связан с признанием права и притязаний социальной психологии преимущественно на развитие общей теории общения в отличие от ее многообразных модификаций, порожденных спецификой всех других областей знания и носящих или прикладной характер, или, если говорить о философии и социологии, имеющих свои границы на пути углубления в этот предмет.

Но это не освобождает от разграничения отношений с общей психологией или тем более философией, представители которых в не меньшей степени имеют основание претендовать на развитие достаточно общих представлений о данном явлении.

Ответом на эту задачу может стать поиск не только и даже не столько границ, разделяющих сферы интересов к одному и тому же явлению, сколько различий в способе профессионального мышления, сложившегося в рамках той или иной научной дисциплины.

Очевидно, например, наличие разницы между характером социологического и философского мышления, а соответственно общепсихологического и социально-психологического.

Это делает актуальным постановку проблемы характера, типа, стиля мышления как главного инструмента построения социально-психологической теории.

Из этого же следует целесообразность введения в структуру методологии социальной психологии как науки понятия социально-психологического мышления с определением его содержательного наполнения, его смысловой и функциональной нагрузки.

Не менее актуальной методологической проблемой является и вопрос о природе самого социально-психологического знания. Он до сих пор во многих отношениях остается открытым как применительно к характеристике генезиса и процесса становления социальной психологии в качестве мировой науки, так и относительно национальной специфики в ее развитии, исторических особенностей становления и судьбы, в частности отечественной социально-психологической мысли.

Более эффективное решение данных вопросов, на наш взгляд, может быть связано с переходом от представлений об одномерности, однозначности и однокачественности к признанию многомерности, многозначности и многокачественности изучаемых процессов и явлений. Именно с этой точки зрения здесь предпринята попытка рассмотрения природы, и мирового процесса становления социально-психологического знания, и истории отечественной социально-психологической мысли, и особенностей постановки и решения ею или в рамках ее традиций проблем личности и деятельности, общности, общения и состояния.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

ГЛАВА 1. СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ КАК НАУКА

1.1. Понятие социальной психологии: его многозначность и трактовка.

Тенденции времени. Одной из характерных примет нашего времени на рубеже веков и тысячелетий является многообразие тех тенденций, которые сопровождают процессы динамичных перемен как в самом социуме, так и в ходе его научного осмысления, в том числе и в системе социально-психологического знания.

В современной отечественной и зарубежной социальной психологии все более тесно соприкасаются и взаимодействуют достаточно разнонаправленные тенденции в понимании самой науки, ее становления, особенностей развития и предмета и области практических приложений, содержания и статуса, связей с другими дисциплинами, а в известной мере и ее методов.

Иными словами, идет процесс обновления и обогащения понятий и представлений, включенных в концептуальный аппарат научного знания. Сказанное не означает полного отказа от ранее сложившихся и ставших уже традиционными представлений и подходов. Скорее есть основание говорить об их известном совмещении друг с другом. Это относится как к самому понятию социальной психологии в качестве явления человеческого поведения и человеческих отношений, изучаемых наукой, так и к социальной психологии в статусе собственно системы научного знания.

Начнем с характеристики достаточно сложившихся и ставших уже традиционными представлений о сути и содержании социально-психологических явлений и вытекающих из этого представлений об отличии социальной психологии как науки от других дисциплин.

Определение понятия социальной психологии. Понятие социальной психологии многозначно. В самом общем виде следует различать по крайней мере два основных его смысловых значения.

Во-первых, под социальной психологией прежде всего принято понимать многообразные проявления социальной психики человека — особенности его психического состояния и поведения в ситуации группового и массового взаимодействия с другими людьми.

Этому соответствуют такие понятия, как социально-психологический климат группы или коллектива, общественное настроение, психическое заражение, подражание, внушение, психология толпы, групповая психология, лидерство и т. д.

Во-вторых, термин "социальная психология" применяется и для обозначения той науки, которая призвана изучать закономерности психической жизнедеятельности человека в социуме, в общении и взаимодействии его с другими людьми.

Наряду с термином "социальная психология" для обозначения тех же явлений (группового, коллективного и массового психического состояния и поведения людей, с одной стороны, и науки, которая это изучает — с другой) нередко употребляется и другое словосочетание — "общественная психология". Его можно встретить преимущественно в работах отечественных социальных

психологов 60—70-х годов.

В дальнейшем термин "общественная психология" сохранился, как правило, для обозначения специфики социально-психологических явлений (группового, коллективного и массового сознания и поведения людей), в отличие от идеологии, то есть различных форм теоретически систематизированного сознания, складывающегося преимущественно не стихийно, как социальная психика, а вырабатываемого идеологами и теоретиками, отражающими интересы тех или иных социальных групп, слоев и классов общества.

Соотношение общей и социальной психологии. Теперь, когда мы определили понятие социальной психологии, встает вопрос о том, как оно соотносится с понятием общей психологии.

Существует мнение, что социальная психология — это частный случай психологии вообще наряду с инженерной, медицинской, общей психологией и т. д.

Представляется, что все обстоит наоборот. А именно: все разновидности психологической науки — это разновидности по сути социальной психологии.

Давайте разберемся более подробно в соотношении этих понятий. Когда-то известный американский психиатр Джозеф Фурст высказал сомнение в правомерности существования социальной психологии как самостоятельной науки, отличной от традиционной общей психологии.

Основанием для этого послужило следующее рассуждение: "Поскольку человеческий опыт означает социальный опыт, то ясно, что не может быть психики, которая одновременно не являлась бы социальной психикой. Следовательно, специальный учебник по "социальной" психологии — это абсурд, неправильное употребление терминов. Человеческая психика или является социальной, или она вообще не психика [1]".

В этом рассуждении Фурста все правильно, кроме одного. Он игнорирует реальный опыт развития самой психологической науки, в которой произошло разделение труда между общей и социальной психологией. За первой остались общечеловеческие психические свойства человека вообще. За второй — его социально-специфические особенности, связанные преимущественно с ситуацией группового и массового психического взаимодействия людей.

Структура социальной психики человека. Чтобы лучше разобраться в различиях между общей и социальной психологией, кратко остановимся на вопросе о структуре или составляющих социальной психики человека.

В самом общем и довольно упрощенном виде эту структуру можно было бы представить в виде пирамиды из трех основных составляющих, в основании которой лежат общечеловеческие психические свойства — ощущение, восприятие, представление, память, мышление, воля и т. д.; далее — социально-специфические особенности психики индивида, связанные с его принадлежностью к той или иной общности или группе — этнические и исторические, классовые и профессиональные и пр.; наконец, индивидуально-неповторимые черты характера и жизненного опыта (см. схему 1).

Схема 1

Этим трем структурным составляющим соответствуют и три различных вида освоения психического опыта человека: общая психология, социальная психология и область художественного творчества.

Насколько реальны эти различия и в чем состоит их материализация?

В первом случае реальность общечеловеческих психических свойств даже визуально очевидна. Возьмем самые элементарные психические процессы — ощущение и восприятие.

Уже здесь очевиден общечеловеческий характер этих наиболее "элементарных" проявлений человеческой психики.

Они же вместе с тем носят и социальный характер. Орел, как известно, видит дальше человека, но человек видит больше орла, его восприятие социальной реальности намного богаче.

И вместе с тем этот ряд элементарных и более сложных общечеловеческих проявлений психики не принято изымать из сферы общей психологии. Почему?

Потому что здесь речь идет именно об общечеловеческих, хотя и социально обусловленных, психических свойствах. Но что значит общечеловеческие? Это те свойства, которые присущи любому человеку, или человеку вообще.

Эффект социальности психической деятельности. Из сказанного очевидна условность различия предмета общей и социальной психологии. Социальны в конечном итоге все, в том числе и общечеловеческие, свойства психики человека.

Но степень или эффект социальности психической деятельности не равнозначен в том случае, когда человек предстает перед нами как отдельный и как бы изолированный от других индивид или в том случае, когда он вступает во взаимодействие с другими людьми.

Это было замечено давно. Еще древнегреческий философ Платон различал поведение индивида наедине с собой и в толпе. В первом случае человек, по Платону, способен на рациональное поведение, во втором — он становится жертвой стадных, иррациональных инстинктов. Известно и то, что в условиях длительной изоляции человек может потерять способность к общению и пониманию себе подобных. А человеческое существо, выросшее лишь среди зверей, не способно стать человеком.

Здесь мы имеем дело уже с тем дополнительным эффектом социальности психики и психической деятельности, который как раз более всего и представляет интерес для социальной психологии как науки. Это — эффект влияния социальной общности и общения на человека.

Сила данного эффекта прямо пропорциональна массе влияющей на человека общности. Здесь человека можно уподобить элементарной частице, которая разгоняется в атомном реакторе. Чем выше скорость разгона, тем выше скорость протекания психических процессов, выше уровень эмоциональности, реактивности и экспрессивности индивида.

Возьмем для примера и сравнения человека в трех разных ситуациях погруженности в контакт с другими.

Ситуация первая. Студент на лекции. Спокойная, эмоционально сдержанная обстановка, напряженная интеллектуально-деловая атмосфера. Никто не вскакивает, и никто ничего, как правило, не кричит.

Ситуация вторая. Мы расширяем пространство общения. Концерт. Психологически раскрепощенный контакт артиста со зрительской аудиторией. Публика способна к эмоциональному реагированию в самом широком диапазоне — от улыбки и смеха до бурных проявлений радости и восторга через аплодисменты и выкрики "браво!". Агрессивное поведение зрителей, как правило, исключено.

Ситуация третья. Поведение спортивных болельщиков на стадионе во время состязаний. Многим известен психологический эффект одновременного восприятия, переживания и реагирования тысяч людей, следящих за спортивной борьбой на стадионе. Атмосфера ожидания развязки складывающейся ситуации, завершающейся эпизодически взрывом эмоций восторга или разочарования тысяч болельщиков. Даже человек, вначале пассивно реагирующий на ход состязания, начинает под ее влиянием постепенно заражаться настроением стадиона. При этом он может повести себя совершенно не свойственным для него образом. Спокойный и уравновешенный на работе или в семье, он вдруг способен проявить себя как бурный итальянский "тиффози" — вскакивать, кричать, толкать соседей. Здесь недалеко и от "скромных" предложений толпы болельщиков "судью на мыло" до самых безграничных проявлений агрессивности.

Феномен психического заражения имеет место во всех трех случаях, рассмотренных выше. Он же выступает одновременно и в качестве механизма психической стимуляции совместной деятельности людей.

Эффект социальной психики, в данном случае податливости человека воздействию на него других людей, может быть прослежен и экспериментально. Американский психолог Соломон Аш, в частности, провел в 1951 г. эксперименты, которые позволили констатировать или установить факт конформности или, что то же самое, податливости человека групповому давлению².

1.2. Предмет и область социальной психологии как науки. Необходимость уточнения представлений.

Предварительное определение предмета социальной психологии. Из вышесказанного следует, что в поле зрения социального психолога может попеременно оказываться то личность, на которую оказывают влияние другие индивиды, то группы или массы людей, которые обладают огромной силой за-

² Подробнее об этом см. [2].

разительного воздействия на окружающих.

Эти различия в точке отсчета, в позиции, с которой можно смотреть на социально-психологические явления, уже давно послужили почвой для многообразия представлений исследователей о том, что же является предметом данной науки.

Сложилось два основных направления, а точнее сказать, даже две как бы взаимоисключающие друг друга точки зрения на предмет социальной психологии.

С одной точки зрения, таким предметом является отдельный индивид или личность, но никак не группа, общность или масса людей. Этому мнению придерживался, в частности, французский социальный психолог Габриэль Тард [3], [4], автор концепции подражания, согласно которой масса людей способна лишь подражать, копировать и тиражировать те или иные эталоны и новации, предлагаемые отдельными выдающимися людьми.

С другой — наоборот, не отдельный индивид, а именно большие социальные группы, народы и массы должны быть и являются действительным предметом социальной психологии. Таким был взгляд немецкого психолога Вильгельма Вундта [5] и французского социального психолога Гюстава Лебона [6]. Их основные аргументы таковы.

1. Отдельный индивид смертен. Народ же, его психология — мифы, обычаи, язык, традиции — бессмертны. Отдельный индивид, рождаясь, лишь усваивает духовные ценности народа и временно пользуется их богатством.

2. Даже если рушатся сложившиеся духовные ценности общества и народа, то на арену истории выходит безличная и необузданная в своей силе масса [6, с. 154].

Почти на протяжении столетия можно было наблюдать сопоставление и противоборство различных точек зрения на предмет социальной психологии как у нас, так и за рубежом.

Нами было предложено такое определение предмета социальной психологии, которое снимает конфронтацию предыдущих подходов к его видению.

Предметом социальной психологии является социальная психика человека во всем многообразии ее проявлений. Или иначе — это как особенности психического состояния и поведения индивида в группе, массе и коллективе, так и специфика совокупной, т. е. совместной групповой, коллективной и массовой психической жизнедеятельности людей [7, с. 64].

Область практического применения социальной психологии. Наряду с предметом социальной психологии следует различать область ее практического применения. Само возникновение социальной психологии связано с определенными эмпирическими предпосылками или опытом использования тех или иных социально-психологических знаний людей в их практической жизни. Областью же практического применения социальной психологии как науки является вся система общественных отношений (см. схему 2).

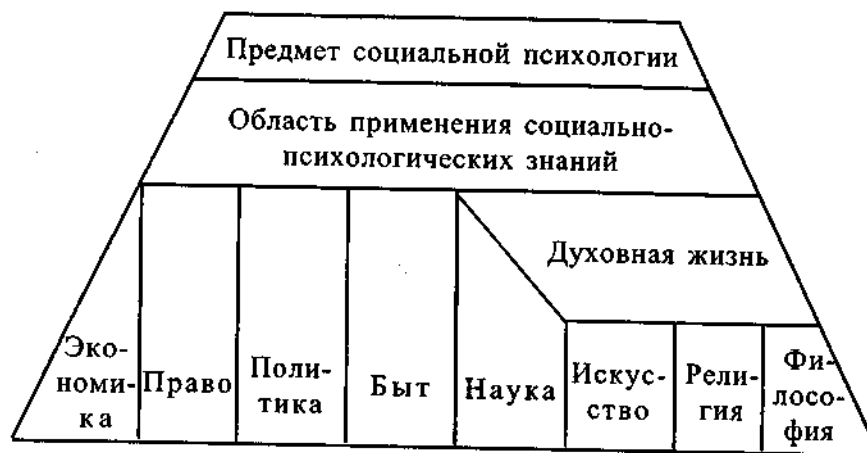

Схема 2

Если первый опыт практического применения социально-психологических знаний связан уже с жизнью первобытной общины, то самое широкое развитие прикладные функции социальной психологии получают в условиях капиталистического общества. Переход к массовому производству требовал, в отличие от мануфактурного, учитывать психологию потребителя. Задачи политической борьбы вызвали к жизни исследования общественного мнения и массовых настроений, рост преступности определил интерес к вопросам криминальной психологии, внешняя политика натолкнулась на необходимость знания психологии народов колониальных и зависимых стран.

К 90-м годам XIX века относится первый опыт теоретической разработки вопросов психологии политики и права, психологии религии, быта и др. С 20—30-х годов XX века начинается этап эмпирического исследования в этой области, в первую очередь — общественного мнения, пропаганды, промышленности и торговли. Особенно широкое развитие прикладная социальная психология получает в капиталистических странах после Второй мировой войны, когда идеи и выводы прикладной социальной психологии нашли повсеместное применение во всех сферах жизни буржуазного общества.

Выдвижению на первый план прикладных функций социальной психологии способствовало перемещение центра социально-психологической мысли из Европы в Америку. В результате первой и второй мировых войн были сильно обескровлены кадры европейских социальных психологов. Некоторые из них погибли, другие были вынуждены эмигрировать в США, спасаясь от преследований нацистов, третьи временно приостановили работу в условиях войны.

На развитие социальной психологии в США сильное влияние оказывали как прагматическая традиция в философии, так и непосредственные запросы американского бизнеса, который мало интересовался общетеоретическими построениями, если они не давали никакого практического результата, не обещали увеличения прибыли или по крайней мере усиления политического престижа капитала.

Большинство социальных психологов утрачивало интерес к чисто теоретической стороне исследования. Потребности капиталистической практики требовали разработки эффективных методов и техники, которая бы позволила как можно скорее поставить социальную психологию на службу интересам монополий. Именно в США социальная психология вскоре нашла широкое применение во всех сферах социальной жизни.

Эмпирически найденные, но вместе с тем эффективные рекомендации специалистов-психологов явились одним из весьма существенных обстоятельств, объясняющих, почему социальная психология за сравнительно короткий промежуток времени получила быстрое распространение и развитие в капиталистических странах Европы и особенно в США.

В настоящее время не только за рубежом, но и у нас получили развитие такие направления прикладной социальной психологии, как политическая психология и психология преступности, психология науки, психология искусства и культуры, психология производства и управления, психология торговли и быта, психология религии и др. [8].

Менее всего разработанной пока остается область экономической психологии, что объясняется во многом длительной традицией недооценки, если не игнорирования, социально-психологических факторов в структуре материальных, экономических отношений.

Недостаточность соотнесения предмета общей и современной социальной психологии для определения специфики последней. Уже традиционным стало сопоставление общей и социальной психологии в целях характеристики особенностей предмета последней.

Вместе с тем соотнесение общей и социальной психологии по предмету исследования лишь на первый взгляд позволяет получить достаточно полное представление о специфике интересов и содержания последней. Действительно, в отличие от общей психологии, социальная ориентирована на изучение прежде всего особенностей психического состояния и поведения индивида в группе, массе и коллективе.

Однако достаточно ли этого определения для проведения границ между социальной психологией и теми ее областями прикладных исследований, которые сегодня все в большей мере превращаются в самостоятельные отрасли научного знания?

Если поставить вопрос именно так, то становится очевидной ограниченность, одномерность уже сложившейся и достаточно распространенной формулировки предмета социальной психологии как науки об особенностях психического состояния и поведения как индивида в группе или массе людей, так и их совместной — групповой коллективной и массовой психической жизнедеятельности.

Очевидно то, что в этом определении не предусмотрена разграничительная линия, которая позволила бы отделить предмет социальной психологии не только от общей психологии, но и от социологии, политической или правовой, религиозной или исторической психологии, в рамках которых речь также идет именно об особенностях психического состояния и поведения индивида в группе или массе людей, как и в социальной психологии.

В таком случае, во-первых, необходимо уточнение предмета социальной психологии с учетом всего сказанного выше. Во-вторых, это уточнение, очевидно, должно констатировать не просто любые особенности психического состояния и поведения человека среди других людей, а лишь те, которые носят достаточно общий характер и не зависят от специфики предметной деятельности субъекта (экономической, правовой, политической или религиозной).

Из этого, в свою очередь, следует, что характеристика таких тенденций и закономерностей психического состояния и поведения людей должна быть достоянием основ общей социально-психологической теории в отличие от ее прикладных модификаций.

В таком случае мы получаем не однозначную, а достаточно многозначную характеристику предмета социальной психологии. В отличие от общей психологии это дает основание говорить об особенностях психического состояния и поведения индивида в группе, массе и коллективе. Вместе с тем, в отличие от тех прикладных отраслей социальной психологии, которые все больше превращаются в самостоятельные научные направления и дисциплины, здесь важно видеть достаточно общий характер тенденций и закономерностей этих особенностей.

Однако в полной мере о различиях между социальной психологией и близкими к ней гуманитарными дисциплинами можно говорить лишь с учетом всего многообразия проблем, позволяющих судить о современном статусе данной науки.

1.3. Статус социальной психологии.

Статус как элемент самоопределения социальной психологии. По мере завершения процесса становления социальной психологии все более актуальными становились вопросы ее внутреннего самоопределения. Последние были связаны не только с уяснением и уточнением самого предмета исследования и пониманием данной науки как целостной и вместе с тем достаточно дифференцированной системы научного знания, но также и с определением ее статуса.

Значимость достаточно четкого представления о статусе социальной психологии диктуется, во-первых, необходимостью разобраться во всем многообразии тех связей, которые соединяли эту науку с системой других дисциплин о человеке; во-вторых, неизбежностью сопоставления тех принципиальных подходов, которые были привнесены сюда из давних ей жизнь наук с точки зрения их приоритета в социальной психологии; в-третьих, по мере развития, а соответственно и изменения положения социальной психологии в ряду смежных наук, нуждается в пересмотре и внутренняя самооценка этой дисциплины, которая от потребительской роли аккумулятора, получающего подзарядку, переходит к новой роли энергетического источника для творческой стимуляции других; наконец, в-четвертых, определение статуса необходимо для прогнозирования дальнейших перспектив ее взаимоотношений с другими науками о человеке.

Понятие и составляющие статуса. Под статусом социальной психологии есть основание понимать характеристику ее положения в ряду других наук о человеке. Последнее, в свою очередь, может анализироваться с различных точек зрения, а именно:

— с точки зрения определения характера ее связи, соприкосновения, а соответственно и границ с другими науками о человеке по предмету и области исследования;

— с точки зрения распределения ролей во взаимодействии с другими дисциплинами (потребителя, аккумулятора, накопителя или донора, генератора);

— с точки зрения определения того, опирается ли эта наука на методологию других дисциплин или сама является методологической основой для них;

— является ли она, с точки зрения "генеалогии", лишь продуктом, дочерним образованием каких-то наук или сама способна продуцировать новые дисциплины;

— является ли она, с точки зрения степени автономии и самодостаточности, всего лишь частью каких-то наук, например социологии или психологии, или имеет свой самостоятельный предмет исследования, не принадлежащий никому, кроме социальной психологии.

Пограничный статус социальной психологии. Наибольший интерес у зарубежных и отечественных исследователей в последние годы вызывает соотношение предмета и области социальной психологии с другими, пограничными с ней дисциплинами или, иными словами, ее пограничный статус [9, с. 18—22].

Вопрос этот не новый. Еще в 20-е годы, а затем на старте возрождения отечественной социальной психологии в конце 50 — начале 60-х годов выявились следующие подходы:

— социальная психология возникает на границе между психологией и социологией, а поэтому не является самостоятельной наукой, а всего лишь суммой отторгнутых у одной из них или обеих сразу областей знания;

— социальная психология хотя и возникла на пересечении всех наук о человеке, но имеет полное право на самоопределение и свой специфический предмет исследования, который не дублирует ни предмет общей психологии, ни социологии, ни тем более других дисциплин.

По поводу этих двух принципиально различных позиций можно и сейчас предлагать различные варианты вопросов такого типа.

1. Является ли социальная психология только частью психологии?
2. Является ли она частью социологии?
3. Может быть, она включает в себя часть одной науки и часть другой?
4. Может, она вообще автономна и имеет свой, отличный от других, предмет исследования?

Ответы на эти вопросы, как и раньше, допускают одновременное существование различных вариантов.

Социальная психология, берущая свое начало из общей психологии, может существовать и продолжать развиваться там же. И тогда ее можно квалифицировать как психологическую или эмпирическую социальную психологию или как психологическое или эмпирическое направление в социальной психологии.

Но с таким же успехом и даже с большим основанием можно говорить и, наоборот, о превращении общей психологии по преимуществу в социальную, а соответственно этому и о развитии социально-психологического направления в общей психологии. Конкретных оснований для обеих тенденций сейчас более чем достаточно.

Аналогичным образом обстоит дело и со статусом социальной психологии в соотношении с социологией. Социальная психология здесь может находиться на положении части социологии, как ее психологическое направление; равно как и наоборот социология может рассматриваться в качестве прикладной социальной психологии, и тогда более уместно говорить о социологическом направлении в социальной психологии.

Но, как уже отмечалось выше, социальная психология может иметь и смешанный статус (гибрид социологической психологии и психологической социологии на паритетных началах). Такой же гибрид может возникнуть и на преимущественно психологической почве.

Статус социальной психологии как самостоятельной науки и его модификации. Однако и эти варианты не отменяют тот, который можно ква-

лифицировать как статус самостоятельной -науки, имеющей свой собственный предмет исследования. Вместе с тем и здесь возможны различные направления. Если учесть то обстоятельство, что наиболее глубокими и древними корнями социальная психология уходит в область философии, то в итоге можно назвать три основных (из большего числа возможных) направления этой науки в данном статусе:

- философское, преимущественно теоретическое;
- психологическое, преимущественно экспериментально-эмпирическое;
- социологическое, преимущественно эмпирически-прикладное.

Таким образом, уже на основе названных выше критериев как предметной, так и межпредметной дифференциации можно говорить о достаточно большом количестве вариантов пограничного статуса социальной психологии (не менее 10).

Но при этом следует учесть то, что не меньшие права на статус самостоятельного социально-психологического направления имеют и все другие науки о человеке, в лоне которых когда-то зародилась, да и сейчас продолжает развиваться социальная психология.

Это — языкознание, этнология, правоведение, история, педагогика, психиатрия, политология и т. д. Следовательно, число возможных и вполне реальных статусных характеристик этой науки еще более велико.

Тенденции изменения статуса социальной психологии. Нельзя не учитывать еще и то, что статус социальной психологии как междисциплинарной науки не оставался и не остается неизменным.

Известно, что завершающая стадия в процессе становления социально-психологического знания, связанная с переходом от течения мысли к системе научных знаний, проходила на пересечении многих, если не всех гуманитарных научных дисциплин, нацеленных на изучение человека.

Поэтому о пограничном статусе социальной психологии можно говорить применительно как к тем дисциплинам, на пересечении которых она возникла, так и к тем, которые созрели в дальнейшем в ее недрах, а в настоящее время либо отпочковываются, либо уже отделились от нее.

В таком случае, на наш взгляд, есть основание говорить в этой связи о трех основных стадиях изменения статуса социальной психологии в период ее оформления в качестве науки, начиная от фазы самоопределения как течения мысли во второй половине XIX века.

Первой стадией можно считать статус этой дисциплины в качестве течения мысли, когда нет еще четкого определения предмета и социальная психология не является самостоятельной и сложившейся системой научного знания. Здесь имеет место непосредственная связь социально-психологической проблематики со сферой и проблемами породивших ее дисциплин — философии, языкознания, психологии, социологии, этнографии, юриспруденции, истории, политологии и т. д. (см. рис. 1)

Рис. 1. Модель статуса социальной психологии как течения мысли.

Вторая стадия связана с оформлением статуса социальной психологии в качестве самостоятельной и сложившейся системы научного знания. Ее характерные черты: определение собственного предмета; появление "буферной зоны", в рамках которой формируется область прикладной социальной психологии. Она еще не выделилась в совокупность самостоятельных дисциплин и не отделилась от теоретического ядра исследования собственной сферы специфических социально-психологических явлений. Доминирует движение информации от периферии к центру (см. рис. 2).

Рис. 2. Модель статуса социальной психологии как сложившейся системы научного знания.

Третья стадия связана с процессом отпочкования прикладных разделов социальной психологии от общей социально-психологической теории. При этом наиболее рельефным становится видение собственного предмета социальной психологии. "Буферная зона", включающая в себя прикладные сферы социальной психологии, теперь представлена самоопределяющимися научными дисциплинами — политическая психология, этническая психология,

историческая психология и т. д. и выходит за границу социальной психологии. Теперь доминирует тенденция движения информации из центра на периферию (см. рис. 3).

Рис. 3. Модель статуса социальной психологии как общей теории и методологической основы человекознания.

Социальная психология на этой стадии начинает выполнять функции общей теории, методологической основы человекознания и мировоззренческой дисциплины наряду с философией и социологией. От дифференцированных ранее прикладных разделов ей остается лишь раздел практической социальной психологии, ориентированной на экспериментально-эмпирическую апробацию и обеспечение развития общей социально-психологической теории.

1.4. Система социальной психологии.

Основание моделирования системы. Как и всякая наука, социальная психология характеризуется определенной структурой элементов, куда входят: накопленный в процессе исследований фактический материал, теоретические построения, принципы, законы и категории, гипотезы, подтвержденные выводы, методы, методика, процедура и техника исследования.

В более обобщенном виде можно говорить о такой органической связи всех элементов структуры социальной психологии, как науки, которая позволяет рассматривать эту связь как определенную систему. Последняя, на наш взгляд, может быть представлена в двух планах: по горизонтали — различием функций, а по вертикали — различием теоретических и практических аспектов данной системы.

В свою очередь, горизонтальный срез может быть рассмотрен с трех основных сторон: 1) методологической; 2) феноменологической; 3) праксиологической (см. табл. 1).

Методология социальной психологии. Методологию принято определять как совокупность приемов исследования, применяемых в какой-либо науке.

Таблица 1. Система социальной психологии

	Методология	Феноменология	Праксиология
Теория	Концептуальный аппарат (принципы, законы, категории)	Концептуальные модели	Концептуальные модели
Практика	Инструментальный аппарат (методы, процедура и техника исследования)	Фактический материал (эмпирический материал)	Опыт практического применения социально-психологической теории

В понятие методологии, следовательно, входит вся совокупность средств, необходимых для организации и проведения исследования. Эти средства, в свою очередь, оказываются представленными, с одной стороны, концептуальным, а с другой — инструментальным аппаратом науки.

Под концептуальным аппаратом понимается вся совокупность принципов, законов, категорий и рабочих понятий социально-психологической науки. Под инструментальным аппаратом подразумевается вся совокупность методов, методик, а также процедура и техника, применяемые в исследовании.

Различия между концептуальным и инструментальным аппаратом науки условны, поскольку элементы концептуального аппарата одновременно выполняют и функцию общих методов познания социально-психологических явлений, а тем самым играют и роль важнейшего инструмента исследования. Между тем как методика, техника и результаты исследования оказываются средством проверки и совершенствования концептуального аппарата науки.

Социально-психологическая теория и ее функции. Теория пронизывает всю систему социально-психологической науки, в том числе и методологию, в качестве концептуального аппарата и наиболее общих философских положений, касающихся определения места и роли психического фактора в социальной жизни. Теория выполняет методологические функции средства научного познания.

Теория входит в праксиологию науки, т. е. в тот ее раздел, который реализует социально-психологическую теорию в практической деятельности людей. Прикладные функции социально-психологической теории находят отражение в опыте и практике применения теории в различных сферах социальных отношений.

Вместе с тем социально-психологическая теория обладает и относительной самостоятельностью, поскольку ее роль не исчерпывается методологическими и праксиологическими функциями, но предполагает также разработку, построение и проверку моделей самих социально-психологических явлений, связанных с поведением и психическим состоянием индивида в группе и спецификой совокупной групповой, коллективной и массовой психической деятельности людей.

Теория непосредственно связана с инструментальным аппаратом науки и фактическим материалом, который накоплен в ходе исследования. Она, безусловно, зависит от уровня отточенности методики и техники исследования и от степени добротности, достоверности и репрезентативности эмпирического

материала.

Эмпирический аспект системы социальной психологии. С эмпирической стороны система социальной психологии может рассматриваться как образование, состоящее из трех основных компонентов:

- инструментального аппарата науки (методы, методика, процедуры и техника эмпирического исследования);
- фактического или эмпирического материала;
- опыта практического применения социально-психологических данных в конкретных сферах социальных отношений.

Уровень инструментального аппарата науки и объем накопленных эмпирических данных имеют фундаментальное значение для успешного развития социально-психологической теории и во многом определяют степень практической эффективности применения последней.

Не случайно поэтому, что и успехи в развитии теории находятся в основном в прямой пропорциональной зависимости от объема накопленного в данной области фактического материала. Из этого же вытекают и некоторые дополнительные функции теории в социальной психологии.

Одной из существенных функций теории является функция описания полученных эмпирических данных, приведения их в систему в ряду других, уже имевшихся ранее фактов.

Однако к последней не сводятся функции социально-психологической теории. Более того, главной задачей теории является не описание, а объяснение полученных эмпирических данных на основе проникновения в сущность исследуемых явлений.

1.5. Методы социальной психологии.

История развития методов. Успех развития и практического применения любой науки, в том числе и социальной психологии, во многом зависит как от богатства ее идей, теоретического багажа, так и от степени отработанности и полноты всей системы методов и приемов исследования и реализации выводов науки в практической деятельности [10], [11].

История социально-психологической мысли свидетельствует о том, как вместе с развитием социально-психологической теории совершенствуются, обогащаются новыми средствами, приемами и техническими возможностями и методы исследования.

Ведущими методами социальной психологии во второй половине XIX века были методы наблюдения и самонаблюдения, методы анализа различных источников (художественная литература, публицистика, письма, биографии, политические документы, описание исторических событий и т. д.), методы изучения этнографического материала. В конце XIX века впервые применяется метод опроса (беседа, анкета) и проводятся социально-психологические эксперименты. Однако наибольшее развитие и применение метод экспериментального исследования в социальной психологии получает в первой половине XX века в работах немецкого психолога В. Мёдэ, американского социального психолога Ф. Олпорта и русских ученых В. М. Бехтерева и М. В. Ланге.

Система методов социальной психологии продолжает обогащаться и сейчас. Идет интенсивная разработка методов наблюдения и опроса, эксперимента, методов не только получения, но и обработки первичной информации.

Вместе с тем этим не ограничивается история разработки методов социальной психологии, поскольку они не исчерпываются задачами исследования,

но предполагают нацеленность и на эффективное социальное влияние, а также социально-психологический контроль различных форм человеческой жизнедеятельности.

Первоначально методы социальной психологии не осознаются человеком как таковые и применяются как эмпирически найденные приемы эффективного воздействия друг на друга. Затем они осознаются и разрабатываются уже преимущественно как методы эмпирического исследования. Однако со временем получают все большее развитие методы осознанного социально-психологического контроля и воздействия. В какой-то мере они содержатся уже в самих методах эмпирического исследования, таких, например, как эксперимент.

Трудности классификации методов. Названные выше обстоятельства, как правило, до сих пор ставят исследователей перед трудностями при попытках построения классификации методов. Под "шапкой" общей характеристики методов социально-психологического исследования могут оказаться как методы исследования, так и методы воздействия [9, с. 58]. При этом первые исчерпываются преимущественно методами эмпирического исследования, т. е. методами сбора и первичной обработки информации. Во многом остается не ясным, есть ли различие между методами, применяемыми в данной науке и других смежных дисциплинах, несмотря на универсальный, междисциплинарный характер большей части этих методов.

Логические основания для классификации методов социальной психологии. На наш взгляд, все методы и их модификации, применяемые в социальной психологии, следует различать по двум различным основаниям: во-первых, по степени их принадлежности к социальной психологии и, во-вторых, по специфике выполняемых ими функций вообще и в данной науке в частности.

В таком случае можно было бы говорить о трех случаях, характеризующих степень принадлежности тех или иных методов к социальной психологии:

- методы универсальные, применяемые почти во всех науках о человеке, в том числе и в социальной психологии;
- универсальные методы, но имеющие существенные особенности их применения в данной науке;
- собственно специфические социально-психологические методы, применяемые преимущественно здесь и надежно обеспеченные только средствами данной науки.

Функциональное различие методов. Применительно же к специфике выполняемых теми или иными методами функций правомерно, на наш взгляд, различать:

- методы воздействия;
- методы исследования;
- методы контроля.

Начнем с характеристики специфики функций, выполняемых теми или иными методами в социальной психологии. Методы воздействия первоначально складываются как не вполне осознаваемые приемы эффективного влияния людей друг на друга, а в дальнейшем исследуются и классифицируются в то же время и в качестве социально-психологических механизмов общения и взаимовлияния (заражение, внушение, гипноз, убеждение и др.).

Методы исследования. Методы исследования в социальной психологии формируются позже и связаны первоначально с опытом философского, теоретического, а затем и эмпирического, в частности экспериментального, исследования.

В настоящее время, как это уже отмечалось, методы исследования, применяемые в социальной психологии часто отождествляются с методами эмпирического исследования. Как правило они сводятся к наблюдению, изучению документов, опросу, тестированию и эксперименту.

Методы сбора первичной информации. Формы каждого из названных методов весьма многообразны. Наблюдение может выступать, например, в виде самонаблюдения или наблюдения со стороны за поступками, поведением и психическим состоянием других людей. Разновидностью последнего является "включенное" наблюдение, когда исследователь сам входит в изучаемый коллектив в качестве одного из его членов и скрытно ведет наблюдение за поведением других членов группы. По своему объекту наблюдение может быть направлено на так называемые "значимые" или "стандартные" ситуации.

Многообразны и формы опроса. Последний может осуществляться в виде интервью, беседы, анкетирования, тестирования и т. д. Специфической формой опроса являются диспуты и обсуждения, опросы общественного мнения средствами массовой информации.

Большое значение в эмпирическом исследовании имеет работа по изучению документального материала. В широком смысле слова документ — это не только та или иная форма информации, зафиксированной на бумаге, но и вообще все продукты или следы человеческой деятельности, знание которых существенно для понимания природы и сути изучаемых явлений.

Соотношение методов эмпирического и теоретического исследования. Вместе с тем это далеко не совсем полная характеристика методов, применение которых необходимо для осуществления даже эмпирического исследования. Последнее становится просто невозможным без теоретического обеспечения и его методов уже на стадии замысла эмпирического исследования. Программа последнего включает в себя реализацию методов концептуального анализа и моделирования структурно-функциональных особенностей изучаемого явления, определение проблемного поля, целей и задач исследования, гипотез относительно характера изучаемых процессов, ожидаемых по итогам исследования результатов.

После предварительной теоретической подготовки осуществляется сбор первичной информации с применением тех методов, о которых уже говорилось выше.

Методы обработки информации. После того как собран нужный эмпирический материал, наступает следующий этап исследования, который заключается в определении степени достоверности и репрезентативности полученной информации, а также в ее количественной обработке. Необходимый уровень достоверности обеспечивается как сочетанием ряда методов, например опроса или наблюдения с экспериментом и анализом объективных показателей, так и применением современных средств вычислительной техники для обработки большого количества полученной информации. Однако проблема точности исследования в социальной психологии не сводится к определению степени достоверности и репрезентативности эмпирических данных. Не менее важным условием точности исследования являются строгость и упорядочен-

ность логической системы науки, научная обоснованность ее принципов, категорий и законов.

Когда определена степень достоверности исходных данных, установлена какая-то зависимость, корреляция между различными элементами исследуемого объекта, на первый план выступает задача соотнесения сформулированных ранее рабочих гипотез и моделей структуры и механизмов изучаемого явления с полученными эмпирическими данными. На этом этапе решающее значение приобретает система принципиальных теоретических установок исследователя, глубина и последовательность методологического аппарата науки. В соответствии с этим можно говорить уже не только о совокупности методов получения, первичной, количественной обработки информации, но и о системе методов вторичной, качественной обработки эмпирических данных с целью объяснения установленных на основе анализа статистического материала зависимостей. (Точнее здесь было бы говорить не просто о переходе от количественных к качественным методам или методам качественного анализа, а к методам анализа качества изучаемого явления.)

Основными методами на этой стадии исследования являются важнейшие установки социальной психологии, вытекающие из социально-психологической теории, логические методы обобщения и анализа (индуктивный и дедуктивный, аналогия и т. д.), построение рабочих гипотез и метод моделирования. Все эти методы в целом могут рассматриваться как способы объяснения эмпирических данных. Определение места и значения каждого из них в социально-психологическом исследовании может и должно стать объектом специальных работ.

Вслед за построением рабочей гипотезы и соответствующей модели (на этапе, предшествующем началу сбора информации) наступает этап их проверки. Здесь опять применимы все известные методы получения информации для выяснения того, насколько соответствует или не соответствует, подходит или не подходит новая информация под объяснение с позиций сложившейся гипотезы и соответствующей модели. Однако наиболее эффективным и надежным методом проверки рабочих гипотез и моделей является метод социально-психологического эксперимента.

Методы социально-психологического контроля. Особое место в арсенале средств социальной психологии наряду с методами воздействия и исследования занимают методы социально-психологического контроля. Их специфика состоит в том, что они применяются, как правило, во-первых, на основе уже имеющейся первичной информации об объекте наблюдения; во-вторых, выходят за рамки чисто исследовательских процедур; в-третьих, соединяют в себе методы диагностики и направленного воздействия в одно целое, подчиненное практическим задачам.

Методы социально-психологического контроля могут быть как элементом процесса исследования, например эксперимента, так и иметь самостоятельное значение. При этом уровень контроля бывает разным. От простого одноактного наблюдения за тем или иным социально-психологическим процессом до наблюдения систематического, предполагающего регулярное снятие информации с объекта и замеры его различных параметров. Такова, например, практика социально-психологического мониторинга.

Еще более высоким уровнем контроля является применение целого комплекса методов, начиная от диагностики и заканчивая методами целенаправленного корректирующего и регулирующего воздействия на обследуемый объект.

Такова, например, практика диагностики (в данном случае с целью обследования) и регуляции социально-психологического климата коллектива (СПК). Последняя включает в себя диагностику всей совокупности компонентов, составляющих социально-психологические условия жизнедеятельности данного коллектива (его СПК, стиль руководства, типологию лидерства, иерархию основных социально-психологических расхождений в структуре как межличностных, так и деловых отношений между членами коллектива), а также систему мер коррекции горизонтальных и вертикальных структур внутриколлективных отношений и тем самым регуляцию СПК [12], [13].

Отвечая на поставленный нами выше вопрос о различии методов социальной психологии по критерию степени принадлежности к данной науке, необходимо отметить следующее.

Все общеизвестные группы методов получения первичной информации (наблюдение, опрос, тест, документ и эксперимент) являются достаточно универсальными методами практически всех наук о человеке. Часть из них, такие, например, как наблюдение или эксперимент, имеют несколько больше, чем опрос или -документ, возможностей для проявления своих особенностей в социальной психологии. Наблюдение способно дать максимальный эффект именно в социальной психологии в той мере, в какой исследователь именно данной области психологически готов к наибольшей полноте и глубине восприятия психического состояния и поведения человека. Эксперимент же предполагает достаточно высокий уровень технологической и технической оснащенности средствами и методами социальной психологии.

К специфическим же методам собственно социальной психологии можно отнести такие методы, какими являются средства диагностики и регуляции групповой деятельности — диагностики СПК, стиля руководства и лидерства, коррекции межличностных отношений в группе и регуляции на их основе СПК. Сюда же можно отнести и методы социально-психологического контроля в целом, предполагающие комплексное применение методов диагностики, прогнозирования, коррекции и регуляции явлений групповой, коллективной и массовой психологии как специфической феноменологии данной науки.

1.6. Социально-психологическое мышление как инструмент исследования.

Постановка вопроса. В ряду всего многообразия применяемых в социальной психологии методов как теоретического, так и эмпирического исследования, как методов воздействия, так и контроля, исключительно важная роль принадлежит способу осуществления процесса мыслительной деятельности самого социального психолога.

С представлением о способе профессионального социально-психологического научного мышления невольно ассоциируются такие категории и понятия, как главный метод, универсальный инструмент, парадигма, принципиальная позиция, способ понимания, подхода и объяснения изучаемых явлений и др.

Разработка смыслового значения этого понятия, исследование его связей с близкими к нему явлениями и категориями безусловно нуждается во всестороннем изучении. Однако и сейчас уже ясно, что в ряду других составляющих концептуального аппарата в структуре методологии социальной психологии (принципы, категории, законы, теоретические построения) особое место занимает сам этот способ профессионального мышления. Есть основания рассматривать и квалифицировать последний в качестве социально-

психологического мышления подобно тому, как можно по аналогии с этим говорить о социологическом или математическом (математическая логика), экономическом или политологическом, философском или теоретическом мышлении.

Сформулируем три основных вопроса. Что же считать критериями для различия этих типов или разновидностей мышления? Насколько общеобязательным здесь является признак профессионализма или логическая обоснованность последнего? В чем специфика социально-психологического мышления?

Начнем с ответа на первый вопрос. На наш взгляд, критерием различия названных типов или разновидностей мышления является специфика их предметной ориентированности. Так, предмет социально-психологического мышления — особенности психического состояния, поведения и общения людей, их отношений и взаимодействия; математического — числовые характеристики; философского — самые общие проблемы природы и общества и соответствующие понятия и категории; и т. д.

В предельно широком смысле слова любые мыслительные операции независимо от уровня профессионализма могут рассматриваться в качестве предметно ориентированных, а следовательно и специфических по форме при том условии, что это логическое, рациональное в своей основе мышление.

Альтернативы понятия социально-психологического мышления как рационального. Альтернативой ему может быть эмоциональное или образное мышление как частный случай логики чувств или логики ассоциаций, мышление дологическое, мифологическое или магическое, как его определял в свое время пионер исследований первобытного мышления во второй половине XIX века французский этнолог Люсьен Леви-Брюль.

Альтернативность этих вариантов мышления на уровне обыденного сознания связана с их отступлением от требований рациональной обоснованности или логичности самого рассуждения, в отказе от работы с понятиями и категориями, в подмене эмпирически верифицируемого опыта и результатов исследования плодами экзальтированного воображения.

Это, однако, не означает, что в этих проявлениях мышления, оперирующего чувственным опытом или мифологическим материалом, ассоциациями образов или символов, нет никакой логики. Здесь, как и в случае с абстрактным, логическим и профессиональным мышлением, есть и своя внутренняя логика.

Но это совсем другая и весьма своеобразная "логика" независимо от того, говорим ли мы о логике чувств, как это делал французский психолог Теодюль Рибо, или о логике образных ассоциаций, как об этом говорил Г. В. Плеханов применительно к психологии женщин африканских племен, переживавших железный век.

К этой во многом парадоксальной и не требующей аргументации и доказательств логике не применимы требования профессионального мышления, как социологического, так и социально-психологического.

Социально-психологическое мышление как новая парадигма. Не менее актуален и вопрос о специфике разновидностей профессионального мышления, если рассуждать о них, руководствуясь не только различием предмета исследования, но и самого способа осуществления логических операций.

В таком случае правомерно говорить о парадигме как понятии, введенном в научный оборот американским ученым-научковедом Куном в 1962 году и

означающем определенную характеристику типа мышления. Последняя связана со спецификой логического основания при выборе проблем и приоритетов, при определении детерминант, объясняющих ту или иную взаимозависимость изучаемых явлений. Парадигма при этом рассматривается как определенный образец для решения исследовательских задач, нередко специфических для той или иной области или этапа в истории развития научного знания.

С этой точки зрения само возникновение социальной психологии уже как течения мысли означало формирование новой парадигмы во всей системе научных представлений о человеке. Существо той парадигмы, которую несло в себе социально-психологическое мышление, состояло не только в новых аргументах в пользу еще большей, чем прежде, концентрации внимания исследователей на социальной психике человека как "мере всех вещей".

Эта парадигма означала прежде всего интерес к той новой точке отсчета, связанной с пониманием психологии и поведения человека, которая теперь была найдена в феноменологии и эффектах массовой психологии и массового поведения (психология народов и масс, психология толпы, "коллективных представлений" и т. д.). Она позволяла говорить об открытии той новой силы, с которой раньше не сталкивалась вплотную мысль ни историка, ни психолога, ни социолога, ни политолога и т. д.

Соотношение понятий "парадигма" и "центризм" применительно к мышлению. В дальнейшем специфика данной парадигмы становится еще более рельефной в терминах "центризма" как профессионального способа мышления и объяснения социальных явлений. И тогда, сопоставляя тип социально-психологического мышления с характерной для антропологии парадигмой антропоцентризма, для социологии — социоцентризма, культурологии — культуроцентризма [14], становится возможным говорить о таком типе социально-психологического мышления, который может быть квалифицирован в понятии "социопсихоцентризма".

Междисциплинарный статус социально-психологического мышления. Дает ли такая квалификация типа социально-психологического мышления основание для его упрека в профессиональной ограниченности вследствие замкнутости мысли исследователя рамками своих специальных интересов, а может быть, заодно и в экстраполяции, т. е. распространении или переносе своих представлений для объяснения явлений на другие науки о человеке?

Опыт провозглашения такой "опасности" у нас уже есть. Достаточно вспомнить тезис об угрозе якобы психологизации социологии или истории, который уже звучал у нас в тех случаях, когда речь шла о применении социально-психологических знаний или даже рассмотрении соответствующих проблем социальной психологии для большего понимания различных социальных явлений социологами или исторического процесса историками.

Между тем заложенная в любой сфере профессионального научного мышления сфокусированность внимания исследователя на своих проблемах и стремление понять через них другие области науки и практики не несет в себе ничего предосудительного.

Реальная опасность профессиональной замкнутости социально-психологической мысли, однако, существует в той мере, в какой она не опирается на то богатство многообразных теперь уже смежных дисциплин, из которых она когда-то родилась сама.

Но из этого вытекает прежде всего актуальность вопроса о профессиональном самоопределении социально-психологической мысли и статуса самой

науки социальной психологии в ряду других наук о человеке. В этом самоопределении существенна как четкость представлений о специфике социально-психологического видения мира человека, особенностях социально-психологического типа или парадигмы мышления, так и о тех гранях и границах, которые связаны с областью соприкосновения этой научной дисциплины с другими.

Социально-психологическое мышление и этнический менталитет.

Не меньшую актуальность представляет и вопрос о соотношении в социально-психологическом мышлении объективной, деперсонифицированной и не связанной с этническими особенностями восприятия и понимания мира человека основы с позицией национально окрашенного менталитета исследователя. Ведь практически невозможно избежать противоречивого взаимодействия этих двух структур в логике видения и понимания исследователем своих проблем. Вопрос этот чуть позже будет еще предметом специального рассмотрения. Пока можно лишь заметить, что он до настоящего времени не был объектом разностороннего изучения. Хотя влияние этих двух структур (национальной и наднациональной или вненациональной) безусловно существенно для понимания особенностей становления и развития национальных школ в истории социально-психологической мысли.

Резюме. Подводя некоторый итог рассмотрению феномена социально-психологического мышления как главного инструмента в арсенале всех средств данной науки, можно еще раз подчеркнуть, что социально-психологическое мышление является:

— универсальным инструментом социальной психологии как науки, позволяющим осуществлять решение стратегических задач, связанных с развитием теории и практики этой науки, с разработкой и эффективным использованием более частных по сравнению с ним методов исследования, воздействия и контроля;

— специфическим способом профессионального видения и решения проблем социальной психологии, определяемым законами рационального, логического мышления, особенностями предметной области данной науки;

— своеобразной позицией подхода к изучаемым явлениям и их объяснения, лежащей в основе понимания всех элементов методологии, феноменологии и праксиологии данной науки;

— таким процессом, на алгоритме развития которого в тот или иной период в рамках той или иной национальной научной школы могут сказываться влияния как доминирующей в данный момент парадигмы, так и особенности этнического менталитета исследователя.

ГЛАВА 2. СТАНОВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

2.1. Природа и динамика социально-психологического знания.

Когда возникла социальная психология? Осветить становление социальной психологии — значит сказать, где, когда и при каких обстоятельствах возникла эта новая отрасль знания. Принято считать, что социальная психология складывается во второй половине XIX века в Германии, Англии, Франции, России, несколько позже в США и других странах.

Попытки уточнить обстоятельства возникновения данной дисциплины выявляют существенно различный подход исследователей к проблеме.

Одни точно называют дату рождения социальной психологии — 1859 год, когда основоположник психологического направления в языкознании немецкий философ и филолог Г. Штейнталь совместно с философом М. Лацарусом начал издавать журнал "Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft".

Другие, связывая или даже отождествляя возникновение социальной психологии с образованием психологического направления в социологии, относят время ее рождения к концу 90-х годов XIX века.

В таком случае в качестве основоположника этой науки называют имя французского психосоциолога Гюстава Лебона, опубликовавшего в 1895 г. труд под названием "Психология народов и масс" [1].

Однако оформление социальной психологии в качестве самостоятельной дисциплины принято связывать с 1908 годом, когда одновременно вышли две книги: Уильяма Мак-Дауголла "Введение в социальную психологию" в Лондоне и американского социолога Эдварда Росса "Социальная психология" в Нью-Йорке [2], [3], [4].

Линия на омоложение социальной психологии нередко доводится и до 20-х годов XX века на том основании, что только с началом первых экспериментальных исследований в этой области и можно говорить о формировании подлинно научного знания.

По критерию же оформления социальной психологии в качестве целостной системы научного знания с развитой структурой прикладных функций этот процесс может быть отнесен даже к 70-м годам XX века.

Но названной тенденции противостоит и другая, связанная с поиском более удаленного от наших дней времени становления социально-психологического знания.

Американский психолог Гордон Олпорт, например, не без основания к числу пионеров этой науки относит античного мыслителя Платона, творившего в IV веке до нашей эры [5, с. 29].

В видении еще более древних истоков данной науки дальше всех ушли немецкие психологи Ганс Гибш и Манфред Форверг, которые считают, что социально-психологическое мышление существует со времени появления на земле человека.

«С тех пор как существуют люди, которые вместе трудятся и живут, с того момента, когда они осознали необходимость осмыслить общественное бытие человека, существует без сомнения, "социально-психологическое мышление" как один из аспектов всеобъемлющей работы мысли — с целью понять и сформулировать отношение человека к более крупным социальным структурам» [2, с. 13].

А это значит, что с данной точки зрения начало рассматриваемой науки переносится в такую темную глубину прошлого, которое измеряется уже не

столетиями, а десятками тысячелетий.

Естественно, что вопрос о времени возникновения социальной психологии приобретает еще большую остроту, равно как встает и другой — чем объяснить такой разницей во взглядах на время становления данной науки?

Причины разногласий в представлениях о времени рождения социальной психологии. Начнем с ответа на вопрос, каковы причины различия в представлениях о времени рождения социальной психологии. На наш взгляд, эти различия вызваны прежде всего склонностью ряда исследователей к видению ее генезиса в качестве одноактного и однозначного феномена, что особенно очевидно в случаях фиксирования даты рождения науки подобно тому, когда мы говорим о рождении ребенка. Сказывается при этом и недостаточная договоренность о предмете науки, разницей в критериях при определении ее истоков в лоне различных научных дисциплин.

Между тем становление мировой социально-психологической мысли и науки представляет собой не одноактный и не однозначный, а многоактный, многокачественный и достаточно протяженный во времени процесс.

В рамках этого процесса можно фиксировать годы зарождения тех или иных течений социально-психологической мысли в лоне философии, языкознания, социологии, этнологии, криминологии и др., равно как и первого опыта постановки соответствующих проблем исследователями различных стран.

Однако ни один из этих моментов не может быть квалифицирован как акт основания социальной психологии вообще.

Становление последней — это длительный и развернутый в историческом пространстве процесс поэтапного перехода от очень удаленных по времени и первоначально научно неосознаваемых эмпирических предпосылок, практического опыта человеческого поведения и взаимодействия, к попыткам его осмысления и анализа, постепенно перерастающим в течение социально-психологической мысли, а затем и систему научного знания.

Основные этапы становления социальной психологии. В целом история становления социальной психологии включает в себя, на наш взгляд, характеристику следующих основных моментов в этом процессе.

1. Эмпирические предпосылки социальной психологии как опыта практических действий.
2. Философские истоки социально-психологической мысли.
3. Непосредственные исторические условия.
4. Формирование социально-психологического направления в человекознании.
5. Становление социальной психологии как экспериментальной науки.
6. Оформление социальной психологии в сложившуюся систему научного знания.

Кратко остановимся на каждом из этих моментов в истории социальной психологии.

2.2. Эмпирические предпосылки социальной психологии.

Древнейший опыт практического взаимодействия людей как эмпирические предпосылки социальной психологии. Задолго до того, как сложилась социальная психология в качестве самостоятельной науки, люди уже имели некоторый стихийно сложившийся опыт во многом еще интуитивного использования представлений об особенностях психики человека и его по-

ведения в массе для достижения определенных практических результатов.

Этот опыт, сложившийся еще в недрах первобытной общины, можно рассматривать в качестве первых и очень отдаленных эмпирических предпосылок последующего формирования прикладной социальной психологии.

Так, подметив свойство "заразительности" массового настроения, его способность повышать уровень психологической готовности участников к совместному массовому действию, члены первобытной общины научились вызывать друг у друга психическое состояние, подходящее для начала охоты или военных действий, совета или празднества.

Это достигалось стихийно сложившейся и передаваемой от поколения к поколению системой традиционных обрядов и церемоний, привлекавших к участию в массовых играх, пению, пляскам и другим ритуальным действиям всех членов племени.

Совместные действия — фактор психологической интеграции общности и зарождения ее самосознания. Ярко эмоционально окрашенные совместные действия выполняли роль социально-психологического механизма интеграции, сплочения членов племени, были проявлением еще не вполне оформленного и только зарождающегося чувства "мы" и пока еще смутного осознания своей родовой принадлежности.

По замечанию известного историка и социального психолога Б. Ф. Поршнева, полноте этого чувства "мы" у первобытного человека предшествовало более острое ощущение и осознание "они", обращенное к иноплеменникам как к врагам своей общины [6, с. 81—82].

К числу стихийно сложившихся на основе эмпирического опыта древнейших обычаев следует отнести и систему нравственных запретов — табу, которая была призвана ограничивать половые связи между членами первобытной общины. Эта система, описанная многими исследователями первобытного общества, как отечественными, так и зарубежными, по существу выполняла функцию нравственного регулятора человеческого поведения.

Искусство как инструмент психологического воздействия. Более осознанно эмпирически найденные законы общественной психологии применялись в практике ораторского искусства, в приемах риторики, которым столь большее значение придавали политические деятели Древней Греции и Рима.

Ораторское искусство требовало знания психологии масс, учета особенностей их восприятия, понимания и реагирования на выступление того или иного политического деятеля или проповедника. Не меньшее значение имело и владение средствами психологического воздействия на слушателей. Одни ораторы, например, считали, что сила влияния речи на массы достигается при условии, если она возбуждает чувства, разжигает страсти толпы. Другие находили, что надо воздействовать в большей степени на разум людей путем логических рассуждений и аргументированных доказательств. Демосфен, которого обычно называют величайшим оратором всех времен и народов, полагал, что на народ надо действовать не насилием, а убеждением. Это положение он обосновывал особенностями психологии демократически настроенных афинян. Демосфен говорил, что их можно увлечь, но все же они разумны и подчиняются благородным решениям, потому что им присущи мягкость и человеколюбие. Таким образом, искусство прославленных ораторов древности было мощным средством воздействия на психику масс, важным фактором идеологической и политической борьбы.

Ряд прикладных, утилитарных функций, связанных с воздействием на общественную психологию, с давних времен выполняло искусство пения и тан-

цев. Г. В. Плеханов говорил, например, о значении пения и танцев в трудовых процессах. Песня не только поднимала настроение, но и позволяла соблюдать единый ритм в работе.

Сила эмоционального воздействия искусства использовалась и господствующими классами с целью формирования определенной системы идеологических установок. Великолепие древних храмов, убранство, богатство и масштабы дворцов, гробниц, пирамид и садов могущественных деспотов и царей должны были производить впечатление мощи, недостижимости и величия их власти.

2.3. Философские истоки социальной психологии.

Первый опыт "осознания" социально-психологических явлений: социально-психологическое или первобытное мышление?

Наряду с практикой неосознанного в полной мере, стихийно сформировавшегося опыта использования психологически эффективных способов совместных действий членов первобытной общины, необходимо различать и потребности человека в понимании своего поведения, отношений и общения с другими людьми, т. е. в осознании социально-психологических явлений. Зачатки этого осознания на первых порах могли проявиться уже в характерных для первобытного человека актах мистического и дологического мышления, которое было впервые изучено французским социологом и этнологом Люсьеном Леви-Брюлем (1857—1939). Последний пришел к выводу о том, что исторически и культурно различным социальным типам соответствуют и определенные формы мышления.

Так, первобытной культуре свойственно "примитивное сознание", а соответственно и "первобытное мышление" человека, которое качественно отличается от современного рационального мышления. Оно дологично, ориентировано прежде всего на восприятие сверхъестественного и не способно отличить его от естественного. Такое мышление представляет собой продукт "коллективных представлений" передаваемых от поколения к поколению и предполагающих безрефлективное следование традициям предков.

Естественно, что здесь еще рано говорить не только о социально-психологическом, но и просто о логическом мышлении.

Философские корни социальной психологии. На уровень абстрактного, логического, а тем более содержательно обращенного к анализу человеческих отношений социально-психологического мышления человек приходит вместе с зарождением и развитием философии.

Вот почему есть все основания говорить о том, что своими глубокими корнями социально-психологическая мысль уходит в область философии.

Как справедливо отмечает американский исследователь Отто Клайнберг, большое число проблем социальной психологии, точно так же, как и общей, берет начало от философии.

Истоки многих идей, получивших затем развитие в социальной психологии XIX и XX веков, можно обнаружить еще в философских воззрениях мыслителей древности, например Платона и Аристотеля.

Американский социальный психолог Г. Олпорт не без основания называет Платона родоначальником иррационалистической концепции, а затем и традиции в социальной психологии [5]. Точка зрения Платона об иррациональном поведении масс как явлении, якобы сопутствующем демократии, стала в дальнейшем доминирующим мотивом при оценке массовых социальных дви-

жений у многих зарубежных исследователей и политологов.

Одним из первых с психологической трактовкой политической организации общества выступил Аристотель. В трактате "О политике" он говорил о том, что человек по своей природе суть животное политическое и что общественный инстинкт составляет первую основу происхождения общественного союза.

Вместе с тем Аристотель одним из первых в истории философской мысли обратил внимание на социально-психологические предпосылки и факторы политических сдвигов и изменений, в частности на "мятежные настроения" людей, недовольных существующим политическим строем и поднимающих восстание". Во-первых, — писал Аристотель, — нужно знать настроение лиц, поднимающих восстание, во-вторых — цель, к которой они при этом стремятся, и, в-третьих, чем, собственно, начинаются политические смуты и междоусобные распри" [7, с. 208].

Не останавливаясь на этом, Аристотель пытался далее вскрыть и социальные корни соответствующих политических настроений. Последние он усматривал прежде всего в факте социального неравенства. "Вообще повсюду, — писал он, — причиною возмущений бывает отсутствие равенства, коль скоро это последнее оказывается несоответственным в отношении лиц, находящихся в неравном положении. И вот вообще для достижения равенства и поднимаются возмущения" [7, с. 206].

Социально-психологический подход к объяснению политической жизни общества находит развитие и в теории общественного договора, связанной первоначально с именами Сократа и Эпикура, а в дальнейшем — Гоббса, Гаспенди, Спинозы, Локка и Руссо. Государство и право, согласно этой теории, возникли в результате того, что людям надоело "естественное состояние" ничем не ограниченной свободы действий, проявляющейся в войне всех против всех, и они пришли к соглашению поступиться в интересах собственной безопасности частью своей свободы, передав некоторые права государству.

Много других вопросов социальной психологии было поставлено в работах ранних буржуазных мыслителей. О направленности и стадиальности в развитии психологии общества говорил, например, Дж. Вико в работе "Основания новой науки об общей природе наций" (1725).

Ряд вопросов, касающихся определения места и роли психологии личности в жизни общества, поставил Гельвеции. В своих работах "Об уме" и "О человеке" он подчеркивал, с одной стороны, роль общественной среды в воспитании человека, с другой — роль сознания и страстей, влечений, потребностей, желаний индивида в развитии общества.

Людвиг Фейербах о человеческих отношениях и общении людей. Антропологический принцип разрабатывался в философии Л. Фейербаха, который подчеркивал решающую роль человеческих отношений, фактора социально-психологического общения как единственного способа проявления человеческой сущности и человеческой индивидуальности. "Уединенность, — писал Л. Фейербах, — есть конечность и ограниченность, общение есть свобода и бесконечность" [8, с. 203].

Обосновывая значение принципа общения, Л. Фейербах говорил об ограниченности изолированной индивидуальности, с одной стороны, и совершенстве и многогранности человеческих отношений, особенно отношений гармонии и единства — с другой. "...Никакое существо... — писал он, — взятое изолированно для себя самого, не является подлинным, совершенным, абсолютным существом; истина и совершенство заключаются лишь в связи, в единстве рав-

ноправных существ. Величайшим и последним принципом философии является поэтому единство человека с человеком" [8, с. 204].

В социально-психологическом общении человека с человеком Л. Фейербах видел единственный способ осознания человеком не только своей принадлежности к социальной общности, к роду человеческому, но и способ развития его осознания собственной индивидуальной неповторимости, своего "Я".

Однако, справедливо усматривая в социально-психологическом общении способ проявления и самоутверждения личности как представителя социальной общности, Л. Фейербах тем не менее решающее значение в процессе общения придавал не столько социальным отношениям, сколько непосредственным межличностным связям, которые он сводил при этом к эмоциональным отношениям между "Я" и "Ты". "Истинная диалектика, — писал он, — не есть монолог одинокого мыслителя с самим собой, это диалог между Я и Ты" [8, с. 203].

В этой попытке сведения всего многообразия социальных отношений к эмоциональным отношениям между "Я" и "Ты" заключалась ограниченность фейербаховского антропологизма.

Впоследствии фейербаховская по своей сути, хотя и возникшая на другой основе, идея человеческих отношений получила широкое развитие в зарубежной социальной психологии XX в. в форме теории и практики "человеческих отношений" в американской промышленности.

Влияние Гегеля на развитие социально-психологической мысли. Значительное влияние на развитие социально-психологической мысли оказал Гегель. В его работах можно найти интересную попытку социально-психологического подхода к объяснению как исторического процесса в целом, так и отдельных исторически значимых этапов в процессе социального развития.

В лекциях по философии истории Гегель указывал, в частности, на социально-психологические механизмы исторической деятельности людей. "Ближайшее рассмотрение истории, — писал он, — убеждает нас в том, что действия людей вытекают из их потребностей, их страстей, их интересов, их характеров и способностей и притом таким образом, что побудительными мотивами в этой драме являются лишь эти потребности, страсти, интересы, и лишь они играют главную роль" [9, с. 20].

Уточняя выдвинутое положение, Гегель говорит о том, что потребность порождает интерес, который в свою очередь выступает в форме человеческой страсти. Последняя и является истинной пружиной движения человеческой истории. "Итак, мы утверждаем, — продолжает Гегель, — что вообще ничто не осуществлялось без интереса тех, которые участвовали своей деятельностью, и так как мы называем интерес страстью, поскольку индивидуальность, отодвигая на задний план все другие интересы и цели, которые также имеются и могут быть у этой индивидуальности, целиком отдается предмету, сосредоточивает на этой цели все свои силы и потребности, — то мы должны вообще сказать, что ничто великое в мире не совершалось без страсти" [9, с. 23].

Не только непосредственная массовая деятельность людей, но и довольно устойчивые социальные образования — религия, государство и т. д. — оказываются проявлением тех или иных изменений в социальной психологии, в частности в психологии или, как говорит Гегель, в "духе народа".

Однако если в гегелевском положении о решающей роли духа народа как фактора социальной организации явно сказывается его идеалистическая концепция развития абсолютной идеи, то в стремлении понять саму психологию народа как некое противоречивое целое обнаруживается больше реалистич-

ности и рациональности.

В этой связи интересна попытка Гегеля охарактеризовать понятие "Мы" применительно к национальной общности под углом соотношения в этом понятии элементов общего и отдельного, а также его представления о конкретно-исторических и этнических особенностях народной психологии, о психологических особенностях разных эпох и др.

2.4. Непосредственные исторические условия становления социальной психологии как течения мысли.

Ограниченность прежних философских предпосылок социальной психологии. Несмотря на то, что многие идеи социальной психологии XIX и XX веков были во многом предвосхищены философами и социологами прошлого, последних все же еще нельзя называть основоположниками социально-психологической теории. Для ее возникновения недостаточно тех или иных идей и высказываний. Необходимо обособление социально-психологической теории от других, уже сложившихся дисциплин или как минимум обособление внутри них со всеми вытекающими последствиями — определением собственного объекта и предмета изучения, методологии и прикладных функций.

Особенно важным в этом процессе обособления оказывается момент определения собственного предмета исследования. Представители антропологического материализма в философии были близки к тому, чтобы увидеть в социальной психике человека предмет, достойный внимания и изучения. Однако, поскольку человек рассматривался ими все же не как социально-психологическое, а прежде всего как родовое, биологическое существо, постольку это не привело, да и не могло привести к возникновению социально-психологической теории в лоне философии.

Представители субъективного идеализма, хотя и склонны были психологизировать историю, тем не менее были далеки от того, чтобы создать социально-психологическую теорию, поскольку отрицали реальность коллективной психологии, признавая единственной реальностью лишь внутренний, субъективный мир личности.

Объективный идеализм, напротив, признает в качестве единственной реальности лишь абсолютную идею, не только не связанную с индивидуальным сознанием, но и существующую помимо него и над ним в качестве самодовлеющей сущности. Такой подход не только исключал научную постановку вопроса о социальной природе общественной психологии, но и вел к игнорированию реальной духовной жизни различных социальных групп и классов общества, оправдывал презрительное отношение к массам, отрицание их роли в истории общества. Естественно, что и на такой основе научная социально-психологическая теория не могла возникнуть и успешно разрабатываться.

Препятствием на пути возникновения социальной психологии была и свойственная антропологизму и субъективному идеализму установка на изучение психики абстрактного человека, рассматриваемого вне конкретных социально-экономических условий.

Роль эпохи буржуазных революций в преодолении абстрактного антропологизма. Между тем развитие капиталистических производственных отношений, ликвидировавших феодальную замкнутость и обособленность производителей друг от друга, развитие капиталистической кооперации, обмена и конкуренции подрывало устой субъективного идеализма, трактующего личность как некую изолированную, самодовлеющую сущность.

Ход исторического развития с характерным для буржуазных революций XVII—XIX веков обострением классовой борьбы, выступлением третьего сословия, а в середине XIX века и первыми выступлениями пролетариата против буржуазии сильно поколебал философские представления о решающей роли выдающейся личности в истории.

Становилось все более очевидной необходимость перехода от изучения отдельных, хотя и выдающихся личностей, к исследованию психологии массовых движений, к анализу интересов, потребностей, настроений и чаяний народных масс и борющихся классов для того, чтобы понять динамику и смысл исторических событий.

Смена парадигм: от психологии личности к психологии слоев и классов. В условиях кризиса традиционного идеалистического понимания истории создалась атмосфера, благоприятствующая новому подходу к оценке как места личности в обществе, ее природы, так и психологии различных социальных групп и классов, творческой роли народных масс в истории. Эта обстановка отразилась не только на ходе развития социальной мысли, но и на методах и традициях художественного творчества, дав толчок интенсивному развитию последнего.

Кое в чем искусство оказалось подвижнее философской и социальной мысли, опередив, например, последнюю в отображении социально-психологических особенностей различных социальных типов, являющихся представителями определенных слоев и классов той эпохи. Именно в этот период Бальзак создал непревзойденные по своему мастерству портреты самых различных социальных типов французского общества XIX века, приковав тем самым внимание всех мыслящих людей, в том числе философов и социологов, к вопросам классовой психологии.

А. Лабриола дал очень точную характеристику этому явлению: "Социология была потребностью времени, и после тщетной попытки найти свое теоретическое выражение у запоздалого схоластика Огюста Конта она, несомненно, нашла своего художника в Бальзаке, который фактически первым открыл психологию классов" [10, с. 66].

Французские историки времен реставрации — Тьерри, Минье и Гизо — делают открытие классов и классовой борьбы уже достоянием исторической науки и социальной мысли. Они одними из первых говорят о решающей роли народных масс на пути к свободе и благосостоянию (их борьба за свои интересы должна стать в центре внимания исторического исследования) и смело выступают против традиций буржуазной и добуржуазной исторической науки, игнорировавшей роль народа в истории. "Совершенно своеобразное явление, — писал О. Тьерри, — представляет собою... то упорство, с которым историки никогда не признают ни инициативы, ни идей за людскими массами. Когда целый народ переходит из одной страны в другую и в ней поселяется, то летописцы и поэты так описывают всегда это событие, будто какой-то герой задумал основать новое государство, чтобы прославить свое имя; когда вырабатываются новые обычаи, то оказывается непременно, что какой-то законодатель выдумал их и заставил принять их; когда вырастает новое государство, то непременно какой-нибудь князь основал его. А народ и граждане всегда являются лишь прикрытием... мысли одного какого-нибудь человека" [11, с. 648—649].

Об огромном положительном значении исторической концепции О. Тьерри говорил Г. В. Плеханов. "Философия истории XVIII столетия, — писал он, — знала только личность, только великих людей, — масса, народ, как таковой,

для нее почти не существовал. Философия истории Огюстэна Тьерри представляет собою в этом отношении полную противоположность философии истории XVIII столетия" [11, с. 648].

Образование социальной психологии в качестве течения мысли: определение понятия. Поворот внимания исследователей-обществоведов к психологии народов и массовой психологии, начавшийся во второй половине XIX века, знаменовал собой формирование нового течения в системе наук о человеке. Давайте разберемся прежде всего в смысловом значении данного понятия.

Что значит течение или направление мысли в рамках тех или иных наук? Это означает, во-первых, один из результатов дифференциации знаний, в итоге которой появляется новый круг проблем, выходящих за рамки прежних границ данной отрасли.

Во-вторых, направленность или течение мысли характеризует определенную и достаточно новую точку зрения на целый ряд прежних вопросов данной науки.

В-третьих, это предполагает стабильный интерес или психологическую установку сознания на внимание к определенному кругу явлений. Более того, есть все основания говорить не только об устойчивости, но и о постепенном росте этого интереса к специфическим явлениям массового поведения и психического состояния больших групп людей.

Влияние успехов научного знания на становление социальной психологии как течения мысли. Нарастанию интереса исследователей к вопросам социальной психологии и ее развитию немало способствовали успехи и потребности развития различных отраслей научного знания. На это обстоятельство обращает внимание американский социальный психолог С. Сэрджент. Социальная психология, по мнению последнего, была подготовлена четырьмя группами школ: 1) социальными философами (Платон, Аристотель, Ш. Монтескье, Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо и др.); 2) пионерами антропологии (куда С. Сэрджент относит М. Лацаруса, Г. Штейнталя и В. Вундта, положивших начало разработки проблем психологии народов); 3) представителями английского эволюционизма (Ч. Дарвин, Г. Спенсер и др.); 4) ранними социологами (О. Конт и Э. Дюрк-гейм) [12, с. 7—10].

Успехи и запросы этих направлений социального знания действительно сыграли важную роль в развитии социальной психологии.

В связи с усилившимся в эпоху империализма процессом миграции населения очень остро встали проблемы языкового общения и культурного взаимодействия народов. Не последнюю роль здесь играли и интересы политического плана, связанные с изучением национальной психологии зависимых народов, их обычаев, традиций и языка. Чтобы раскрыть связь языка с различными компонентами психологии народа, необходимо было специально заниматься разработкой проблем социальной психологии. Вот почему в языкознании раньше, чем в других отраслях обществоведения, работами Лацаруса, Штейнталя, а в определенном отношении и Вундта было положено начало психологическому направлению, что многие авторы и расценивают как начало возникновения социальной психологии вообще.

Важную роль в ее возникновении сыграло и развитие антропологии, этнографии и археологии. Труды английского антрополога Э. Тейлора о первобытной культуре, американского этнографа и археолога Л. Г. Моргана о быте американских индейцев, французского социолога и этнолога Л. Леви-Брюля об

особенностях представлений и мышления первобытного человека поставили ряд важных социально-психологических проблем, дали ценный фактический материал. Можно сказать, что они ознаменовали начало поворота интереса этнографов, антропологов и археологов к вопросам социальной психологии и заложили основы психологического направления в этой области.

Глубокими корнями социальная психология уходит в область общей психологии и психиатрии. Труды психологов Б. Болдуина и В. Мак-Дауголла, В. Вундта, Т. Рибо положили начало социально-психологическому направлению в психологической науке.

Исходя из потребностей и задач психиатрии к социальной психологии, хотя и очень разными путями, пришли в конце XIX века академик В. М. Бехтерев, начавший с изучения явлений массового психоза под воздействием внушения, а впоследствии, уже в начале XX века, и австрийский психиатр З. Фрейд. Так возник социально-психологический раздел психиатрии, исследующий социальную обусловленность психических явлений, а также механизм массовых неврозов и психозов. Невозможность объяснить данные явления с позиций общей психологии с неизбежностью привела психиатров к социальной психологии.

Важный мост от социальной медицины к социальной психологии был перекинут в начале XX века известным русским биологом и мыслителем И. И. Мечниковым, который внес значительный вклад в исследование столь сложных явлений общественной психологии, каковыми являются пессимистическое и оптимистическое умонастроения людей.

Основы социально-психологического направления в юриспруденции были заложены работами немецкого правоведа Ф. Гольцендорфа, занимавшегося проблемами формирования и функционирования общественного мнения, и исследованиями русского юриста Л. И. Петражицкого эмоциональной и мотивационной сторон правосознания.

Формирование психологического направления в социологии. Не случаен и процесс психологизации социологии. Тенденция психологического подхода к объяснению социальных явлений имела место уже давно у многих представителей идеалистической философии. Однако психологическое направление как таковое возникает в буржуазной социологии примерно в 90-е годы XIX века, т. е. после того, как успели сложиться в основном соответствующие направления в языкознании, истории, этнографии и некоторых других областях социального знания.

В возникновении психологического направления в социологии в известной мере, как и во всех предыдущих случаях, сказались закономерности развития научного знания.

Буржуазные социологи вынуждены были под давлением фактов признать очевидную ограниченность прежнего толкования общественной жизни, которое игнорировало деятельность масс.

Французский социолог и публицист Г. Лебон говорил о том, что на смену веку героев приходит век масс. "И в то время, как все наши древние верования колеблются и исчезают, — писал он, — старинные столпы общества рушатся друг за другом, — могущество масс представляет единственную силу, которой ничто не угрожает и значение которой все увеличивается. Наступающая эпоха будет поистине эрой масс" [1, с. 154].

В числе первых работ по социальной психологии были труды не только философов, языковедов, этнографов, историков, юристов, психологов, но и экономистов, биологов, зоопсихологов, политических деятелей, публицистов, пи-

сателей, журналистов и представителей многих других отраслей знания и профессий.

Все это, несомненно, свидетельствует о многообразии корней и истоков социально-психологической теории.

2.5. От течения мысли к системе научного знания.

Этапы перехода от течения мысли к системе научного знания. Процесс перехода к складывающейся системе научного знания осуществлялся через ряд последовательных этапов. В их числе основными, на наш взгляд, были следующие, связанные с определением:

- предмета исследования нового социально-психологического знания;
- статуса нового знания, его места в рамках сложившихся научных дисциплин;
- инструментального аппарата или методов теоретического и эмпирического исследования;
- экспериментальной и соответственно фактологической базы науки;
- методологии научного познания;
- задач и направлений общей социально-психологической теории;
- возможностей и путей развития прикладной социальной психологии;
- структуры данной науки и ее функций как системы.

Пока трудно сколько-нибудь категорично говорить о временных рамках каждого из этапов в процессе перехода от состояния социально-психологической мысли как течения к сложившейся системе научного знания.

Несмотря на наличие определенной последовательности в процессе прохождения каждого из названных выше этапов и даже относительной завершенности решаемых при этом задач, все же и до сих пор нельзя говорить о его полной законченности.

И сейчас продолжается уточнение предмета и статуса данной науки, равно как ее методологии, методов исследования, общей теории и прикладных функций.

Вместе с тем заметно доминируют те стадии, которые связаны с формированием экспериментальных предпосылок и перехода от традиций умозрительного, чисто теоретического к эмпирически верифицируемому опыту исследования (20-е годы XX века).

Бесспорно дальнейшее движение от увлеченности совершенствованием инструментальных методов исследования и накоплением эмпирической базы к развертыванию функций прикладной социальной психологии (30—40-е годы) и от нее к новому осознанию значимости и необходимости развития общей социально-психологической теории (70-е годы XX века), опирающейся на богатый эмпирический базис и опыт прикладных разработок.

Однако при всей значимости названных этапов особое значение имел переход от традиций умозрительного построения теории, характерных для XIX века, к новому опыту накопления и осмысления фактов на основе эмпирических исследований в первой четверти XX века.

От умозрительного к экспериментально верифицируемому знанию. Наличие сложившегося и даже нарастающего интереса исследователей к явлениям групповой, коллективной и массовой психологии было достаточным признаком образования нового научного направления, но еще не давало оснований для признания его в качестве самостоятельной научной дисциплины. В числе атрибутов сложившейся науки обязательно наличие самостоятельного и от-

личного от других отраслей предмета исследования, развитых теоретических представлений и даже системы накопленных знаний, средств их достижения и способов практического использования.

В рамках психологического направления, сложившегося в различных отраслях обществоведения во второй половине XIX века, не было недостатка в концептуальной составляющей научного знания. Тем более, что в числе пионеров этого направления было немало публицистов, литераторов и лингвистов, имевших большой опыт писательской деятельности. Многообразие теоретических подходов и видения социально-психологических явлений несло на себе печать беллетристической принадлежности.

Однако начало, точнее первая четверть XX века, ознаменовалось крутым поворотом в умонастроении представителей как естествознания, так и обществоведения, когда на смену увлечению чисто теоретической, концептуальной стороной науки стал приходиться быстро растущий интерес к фактической составляющей приобретенного знания, к методам эмпирического исследования, особенно экспериментального. Наибольшую ценность в этой связи приобретали не умозрительные концептуальные построения, квалифицируемые нередко как чистая беллетристика, а факты, добытые в результате тщательного и разностороннего исследования. Именно это и становилось критерием научности и давало основания для констатации превращения социальной психологии из течения мысли в сложившуюся отрасль строгого знания.

К началу XX века как раз и относятся первые экспериментальные разработки в области групповой психологии, проведенные В. М. Бехтеревым и М. В. Ланге в России, В. Меде в Германии и Ф. Олпортом в США. Их результаты позволили более определенно говорить как о специфике группового взаимодействия людей, так и об особенностях самого предмета социальной психологии уже в качестве самостоятельной науки. В центре внимания теперь оказывался феномен группового поведения, а не "душа" народа или "дух времени" как наиболее популярные понятия во второй половине XIX века.

От увлечения эмпирическим материалом к новому витку более глубокого интереса к теории. Конечно экспериментальный материал, говорившей о психологическом эффекте влияния группы на поведение отдельного индивида, еще не давал однозначного ответа на вопрос о предмете социальной психологии. Целая полоса прошедших дискуссий и серия публикаций, появившихся в течение первой половины XX века, позволила более четко увидеть контуры нового социально-психологического знания. К 60—70-м годам XX века в целом складывается система социально-психологического знания как самостоятельной науки.

Именно к этому времени получают дальнейшее развитие уже на новой основе как социально-психологическая теория, методология данной науки, так и сфера ее практического применения. Прикладная социальная психология производства и управления, рекламы и торговли, политическая и правовая психология, психология науки, психология пропаганды и религии — таков далеко не полный перечень тех разветвлений социальной психологии, которые стали интенсивно развиваться в этот период с последующим широким выходом в социальную практику.

ГЛАВА 3. ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

3.1. Социально-психологическое направление в России конца XIX — начала XX века.

Специфика национальных школ в социальной психологии. К числу актуальных методологических проблем всемирной истории социальной психологии следует отнести и вопросы, связанные с соотношением общечеловеческих и национально-специфических тенденций, с особенностями становления и развития различных национальных школ, направлений и течений в этой области.

В общей концепции истории социальной психологии необходимо видеть место и роль специфических национальных установок и традиций в развитии данной науки как за рубежом, так и у нас.

Социальная психология, как и любая другая наука о человеке, содержит в себе всемирно-исторический опыт человечества на пути постижения его бытия под своим углом зрения. Она пытается осмыслить и осветить общечеловеческие закономерности социального поведения, взаимодействия, отношений и общения людей.

Это, однако, не означает, что национальные особенности той или иной страны, ее истории, характера и менталитета народа не оказывают никакого влияния на ход развития социально-психологической мысли.

Есть все основания говорить не только об общих тенденциях процесса становления социальной психологии в качестве мировой науки, но и об особенностях формирования и развития национальных школ и направлений в различных странах.

Исторически своеобразные условия человеческой жизнедеятельности в разных странах порождают потребность и в постижении их специфических социально-психологических проблем. А характер народа, его менталитет так или иначе, но неизбежно сказывается на способах постановки, видения и решения этих проблем его представителями в мире науки. Существенно при этом и влияние культурных, духовных, философских и социологических традиций.

Из всей совокупности названных факторов складывается и своеобразие направленности социально-психологической мысли, те или иные приоритеты в выборе как проблем, так и методов их концептуального осмысления и эмпирического исследования.

Достаточно очевидно, например, различие социально-психологических школ в Европе и в Америке.

Для европейской социальной психологии, в отличие от американской, характерен более высокий интерес к теоретической социальной психологии, но вместе с тем у нее меньше развернут потенциал экспериментальной, эмпирической и особенно прикладной сферы данной науки. У американских же исследователей, наоборот, повышен интерес к проблемам социального контроля поведения личности в группе, применению этой науки в промышленности, рекламе, торговле, управлении и других сферах социальной жизнедеятельности человека.

Здесь, очевидно, сказался как менталитет американского характера, так и отразившие его философские и культурные традиции американского прагматизма.

Особенности становления и этапы истории отечественной социальной психологии. Но если для представителей западноевропейских школ характерен интерес к детальному анализу отдельных составляющих и элементов

социальной психологии (Вундт — анализ структурных составляющих психологии народа, Фрейд — структура и механизмы функционирования сознательного и бессознательного в психике индивида, Тард — исследование подражания, Лебон — психологии народов и масс), то для социально-психологического направления в России характерным оказывается внимание не к тем или иным явлениям, а к глобальным социально-психологическим проблемам.

Об этом говорит прежде всего повышенный интерес отечественных ученых к социально-психологическим факторам российской истории, к психологии различных массовых социальных и политических движений, духовной жизни общества, политической борьбы и революционного движения.

Отличается подход российских исследователей к феномену психологии народа и от подхода к нему немецких или французских коллег. Если у западноевропейцев он носит достаточно общий характер, то у русских социальных психологов это прежде всего интерес к психологии собственного народа, сопряженный с психологическими факторами российской судьбы. Отсюда и сильная традиция обращенности к философско-социологическим аспектам социальной психологии, озабоченности судьбой страны и народа, активное участие в идейной борьбе за идеалы свободы и демократии против самодержавно-крепостнической системы.

Разумеется, спецификой стартовых позиций исследователей далеко не исчерпываются возможности характеристики национальных особенностей процесса формирования социально-психологического направления в России.

В полной мере они могли бы быть выявлены лишь в результате сравнения всей истории отечественной и зарубежной социальной психологии, что выходит за рамки задач настоящей работы.

Поэтому, отсылая читателей к уже имеющимся обзорам развития зарубежной социальной психологии [1]—[4] мы ограничимся тем, что хотя бы бегло ознакомимся с ходом становления и развития лишь отечественной социально-психологической мысли.

Есть основания говорить о следующих стадиях или вехах в становлении и развитии отечественной социальной психологии.

1. Становление социально-психологического направления в России (вторая половина XIX — начало XX века).
2. Развитие социальной психологии в период 20-х гг.
3. Перерыв в развитии (30—50-е гг.).
4. Возрождение отечественной социальной психологии (60-е гг.).
5. Оформление современной отечественной социальной психологии в систему научного знания (70—80-е гг.).

Предпосылки становления социально-психологического направления в России. Становление отечественной социальной психологии в России осуществлялось во второй половине XIX века в форме течения или направления мысли преимущественно в лоне философии, социологии и психологии. Вместе с тем ряд отдельных высказываний о различных социально-психологических явлениях (социальное настроение и общественное мнение, дух времени, нравы, обычаи и традиции и т. д.) мы находим в трудах русских философов, революционных демократов В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева и социологов П. Л. Лаврова, М. М. Ковалевского и др.

Не менее существенное влияние на процесс формирования отечественной социально-психологической мысли оказали и остающиеся пока, по словам

Е. А. Будиловой, вне поля зрения исследователей письма, публицистика и художественные произведения русских писателей — Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, М. Е. Салтыкова-Щедрина, А. П. Чехова, Г. И. Успенского и других, которых волновали проблемы социальной психологии [5, с. 9]. Однако к числу собственно зачинателей и крупнейших представителей отечественной социальной психологии, складывающейся на рубеже XIX и XX веков, мы относим в первую очередь Н. К. Михайловского, Г. В. Плеханова, Н. А. Бердяева и В. М. Бехтерева.

Социально-психологические взгляды Н. К. Михайловского. Особенно ощутимый вклад в развитие социально-психологической мысли в России был внесен русским социологом, публицистом, теоретиком либерального народничества Н. К. Михайловским (1842—1904) [6]—[8, с. 203—207]. Интерес Михайловского к вопросу о месте и роли психологического фактора в историческом процессе не был случайным. Он объяснялся прежде всего насущными потребностями народнического движения в России второй половины XIX века. Конечно, как выдающийся идеолог русского народничества, он делал это со своих позиций представителя так называемой субъективной школы в русской социологии.

Н. К. Михайловскому принадлежит неоспоримая заслуга в постановке и разработке ряда важных проблем социальной психологии применительно к пониманию социально-политических условий функционирования и развития общества.

В противовес фаталистическим и вульгарно-социологическим концепциям Н. К. Михайловский подчеркивал значение психологического фактора, в частности сознательной деятельности людей в историческом процессе. "Сознательная деятельность человека, — писал он, — есть такой же фактор истории, как стихийная сила почвы или климата" [9, с. 101].

При этом Н. К. Михайловский не только отмечал значение субъективного, психологического фактора в историческом процессе, но и настойчиво призывал обратиться к изучению социально-психологических явлений как к средству более полного объяснения исторического процесса. Итогом этого был вывод о необходимости разработки такой науки, которая бы специально исследовала массовую психологию, ее место и роль в социальных движениях, восполняя тем самым существенный пробел в системе социальных наук. "...Коллективная, массовая психология, — отмечал Н. К. Михайловский, — еще только начинает разрабатываться, и сама история может ждать от нее огромных услуг" [10, с. 162].

Н. К. Михайловский убедительно аргументировал особую роль социальной психологии в изучении именно массовых социальных движений. "Потрудитесь припомнить весь цикл существующих так называемых социальных наук, — замечает он, — и вы увидите, что ни на одну из них нельзя возложить обязанности изучения массовых движений как таковых, т. е. в их существенных и самостоятельных чертах. Правда, уголовное право знает, например, соучастие в преступлении, бунт, восстание; политическая экономия знает стачку, эмиграционное движение; международное право знает войну, сражение. Но уголовное право ведает предмет с точки зрения виновности и наказуемости, политическая экономия — с точки зрения хозяйственных последствий, международное право — с точки зрения известного, постоянно колеблющегося, так сказать, кодекса приличий. При этом массовое движение, как общественное явление, в своих интимных, самостоятельных чертах, как явление, имеющее свои законы, по которым оно возникает, продолжается и прекращается, остается совершенно даже незатронутым. По-видимому, история должна ведасть занимающие нас

вопросы. Но история до сих пор не знает, что такое она сама и в чем состоит ее задача... Во всяком случае, для уразумения природы массовых движений история представляет до сих пор только гигантский склад материалов" [11, с. 104—105].

В работах Н. К. Михайловского содержится не только призыв к изучению психологии массовых движений, но и многочисленные и в ряде случаев интересные, хотя и далеко не всегда бесспорные, попытки характеристики самих механизмов изменения психического состояния и поведения больших социальных групп.

Особое место в воззрениях Н. К. Михайловского занимает концепция психологии героя и толпы как одной из важнейших форм проявления массовой психологии. Последняя, то есть психология толпы, по Н. К. Михайловскому, порождается всеми условиями жизни общества, которые обрекают народ на нищету и духовное опустошение. Поэтому масса превращается в "толпу", которую "герой" своим примером может увлечь или на подвиг или на преступление. Личность героя объявлялась, таким образом, творцом истории, а последняя представляла как результат взаимодействия героя и толпы.

Толпой, по Михайловскому, следует называть массу, способную увлекаться примером. Толпа "выдавливает" героя в определенные моменты истории. Герой при этом оказывается центром, аккумулирующим умственную и нравственную энергию толпы. Главным механизмом взаимодействия героя и толпы является подражание толпы герою и взаимоподражание людей в толпе.

Наклонность масс к подражанию объясняется не только их легкой внушаемостью, доверчивостью, податливостью внешнему воздействию, но и магнетической силой самого героя, силой его авторитета. Обращался Н. К. Михайловский и к анализу массового настроения людей для объяснения революционного движения.

Концепция "героев" и "толпы" нашла отражение в целом цикле статей Н. К. Михайловского по социальной психологии: "Герои и толпа" (1882), "Патологическая магия" (1887), "Сила подражания" (1879) и др.

Социально-психологические воззрения Г. В. Плеханова. В этом же ряду стоит русский революционер и мыслитель, основатель социал-демократического движения в России, видный теоретик марксизма, публицист Г. В. Плеханов (1856—1918), который внес большой вклад в становление отечественной социально-психологической мысли. Г. В. Плеханов дал глубокий анализ психологии демократического движения в России, психологических особенностей различных эпох или духа времени. Г. В. Плеханову принадлежит опыт глубокого социально-психологического анализа различных форм общественного сознания — литературы, искусства, философии [12]—[15, с. 213—221].

Велика заслуга Г. В. Плеханова в противостоянии попыткам вульгарно-социологического истолкования истории, недооценки роли общественного сознания и прежде всего общественной психологии в социальной жизни.

Раскрывая диалектическую связь экономики и общественной психологии, Г. В. Плеханов отмечал, что нет ни одного исторического факта, который бы не был обязан своим происхождением общественной экономике, "...но не менее верно и то, что нет ни одного исторического факта, которому не предшествовало бы, которого не сопровождало бы и за которым не следовало бы известное состояние сознания" [16, с. 247—248].

Из общественного сознания Г. В. Плеханов особо выделял явления социальной психологии.

Он неоднократно говорил о необходимости обратиться к серьезному изучению общественной психологии для более глубокого понимания многообразных форм общественного сознания, движения научной мысли и истории искусства.

"Чтобы понять историю научной мысли или историю искусства в данной стране, недостаточно знать ее экономию.

Надо, — говорил Плеханов, — от экономии уметь перейти к общественной психологии, без внимательного изучения и понимания которой невозможно материалистическое объяснение истории идеологий" [16, с. 247].

Заостряя эту мысль, Г. В. Плеханов отмечал, что без понимания общественной психологии "нельзя сделать ни шагу в истории литературы, искусства, философии и проч."

Г. В. Плеханов не только раскрывает, но и дает определение самого понятия "общественная психология". Об общественной психологии он говорит как о "преобладающем настроении чувств и умов в данном общественном классе данной страны и данного времени".

Г. В. Плеханов говорит здесь об общественной психологии как о живом и цельном явлении, которое он и стремится охватить одним понятием — преобладающее настроение чувств и умов.

Вместе с тем рассматриваемое определение не охватывает всего многообразия форм общественной психологии ("дух времени", национальная психология, психология класса, профессиональная психология), сводя их к одной классовой психологии, хотя в других случаях Г. В. Плеханов не ограничивается этим и говорит также об особенностях настроений времени и духа эпохи в целом, об особенностях национальной психологии.

Определение общественной психологии как преобладающего настроения чувств и умов отражает только одну ее грань — динамичность, подвижность. Между тем общественная психология — это не только данный, преходящий со временем настрой чувств и умов, не только динамическое состояние умов и нравов, но и некоторые устойчивые формы — навыки, привычки, традиции, коренные интересы и т. д., которые как раз и позволяют нам говорить об определенных и весьма устойчивых чертах классовой, профессиональной и национальной психологии, несмотря на перемены в настроении данных социальных групп.

Следует вместе с тем отметить, что рассматриваемое определение общественной психологии не совсем полно выражает и взгляды самого Г. В. Плеханова, его понимание общественной психологии. В другом месте он дает более широкое ее толкование, не ограничиваясь характеристикой одной изменчивой сферы, но включая сюда и весьма устойчивые элементы психики — привычки, нравы и традиции людей и т. д. [16, с. 262].

От понятия общественной психологии Плеханов переходит к определению ее места и роли в социальной структуре общества. В "Очерках по истории материализма" Г. В. Плеханов расчленяет всю социальную структуру общества на пять следующих элементов: "данная степень развития производительных сил; взаимоотношения людей в процессе общественного производства, определяемые этой степенью развития; форма общества, выражающая эти отношения людей; определенное состояние духа и нравов, соответствующее этой форме общества; религия, философия, литература, искусство, соответствующие способностям, направлениям вкуса и склонностям, порождаемым этим состоянием" [17, с. 171].

Общественная психология в данной пятичленной структуре выступает как "определенное состояние духа и нравов", соответствующее политической

форме общества, и играет роль связующего звена между этой формой и формами общественного сознания — религией, философией, литературой и искусством.

На тесную взаимосвязь "идеологической" и социально-психологической сторон общественного сознания Плеханов указывал, например, характеризуя религию. Последнюю он определял как более или менее стройную систему представлений, настроений и действий. Представления образуют мифологический элемент религии; настроения относятся к области религиозного чувства, а действие — к области религиозного поклонения или, как говорят иначе, культа [18, с. 330].

Г. В. Плеханов рассматривал общественную психологию как психологическую почву, на которой вырастает не только религия, но и вообще все другие формы общественного сознания, в том числе искусство, литература и философия.

Так, всеобщее увлечение древностью в искусстве, характерное для эпохи Возрождения, было одним из симптомов нового общественного настроения. Буржуазная драма, по мнению Г. В. Плеханова, также была вызвана к жизни определенными изменениями в психологии французской буржуазии, и прежде всего ее оппозиционным настроением.

В связи с переменой преобладающего общественного настроения и превращением его из оппозиционного в революционное происходит изменение эстетических запросов и оценок в искусстве. Жанровая живопись, как писал Плеханов, в духе Греза, (с характерной для нее фигурой нравственного отца семейства в центре картины), еще не так давно вызывавшая всеобщий энтузиазм, затмевается революционной живописью Давида и его школы, для которого "Брут" не только отец, но и гражданин, не останавливающийся ни перед чем во имя Республики [19, с. 426—427].

Таким образом, искусство, религия и другие формы общественного сознания могут быть объяснены, по мнению Г. В. Плеханова, состоянием умов и нравов данного времени, т. е. психологией эпохи.

В свою очередь, психологию эпохи, "дух эпохи" или "дух времени" Плеханов определял как преобладающее в определенный период настроение тех классов, которые задавали тон общественной жизни.

Не ограничиваясь характеристикой психологии эпохи и национальной психологии, Плеханов прямо указывал и на психологию различных классов. "Структура цивилизованных обществ, — писал он, — настолько сложна, что, в строгом смысле слова, нельзя даже говорить о состоянии духа и нравов, соответствующем данной форме общества. Состояние духа и нравов горожан часто существенно отличается от состояния духа и нравов крестьян, а дух и нравы дворянства очень мало похожи на дух и нравы пролетариата" [17, с. 172].

Раскрывая принцип социальной обусловленности общественного сознания, Г. В. Плеханов отмечал в числе других важнейших закономерностей формирования общественной психологии факт соответствия взглядов, настроений и привычек людей социальным условиям их существования и то обстоятельство, что социально-экономические условия, характеризующие положение определенного класса, всегда так или иначе отражаются и на его психологии.

Наличие определенной общности во взглядах, чувствах и настроениях людей, являющихся представителями одного и того же класса, не только обедняет их индивидуальность, но, наоборот, придает ей силу, выражающую потребности и побуждения этих классов, а вместе с тем и определенные тенденции исторического развития.

Весьма характерна для марксистской трактовки законов общественной

психологии критика, данная Г. В. Плехановым, социологов и историков конца XIX — начала XX века по проблемам психологии масс, особенно психологии пролетарского движения.

Полемизируя с характерной для многих социологов того времени концепцией, согласно которой личность или противостоит толпе, выступая в качестве героя, или нивелируется, обесцвечивается, сливаясь с пролетарской массой, Г. В. Плеханов в статье "К психологии рабочего движения" и ряде других работ стремился показать их полную несостоятельность.

Развитие личности пролетария прямо пропорционально развитию его самостоятельности, а она в свою очередь развивается у пролетариата в той мере, в какой он выступает как организованный класс. Поэтому чувство и сознание классовой солидарности не только не противоречит собственной инициативе и самостоятельности личности, но, наоборот, является важнейшим условием развития этих качеств.

"Освободительная борьба пролетариата есть массовое движение. Поэтому и психология этого движения, — писал Г. В. Плеханов, — есть психология массы. Разумеется, масса состоит из отдельных лиц, а отдельные лица не тождественны между собою. В массовом движении участвуют и худые и полные, и низкие и высокорослые, и русые и черноволосые, и робкие и смелые, и слабые и сильные, и мягкие и жесткие индивидуумы. Но индивидуумы, являющиеся созданием массы, плотью от ее плоти и костью от ее костей, не противопоставляют себя ей, как любят противопоставлять себя толпе герои из буржуазной среды, а сознают себя ее частью и чувствуют себя тем лучше, чем явственнее ощущается ими тесная связь, соединяющая их с нею" [20, с. 510].

Таким образом, Г. В. Плеханов раскрывает важную социально-психологическую закономерность в развитии рабочего движения. Она состоит в существовании определенной пропорциональной зависимости между тяготением рабочего к массе, его чувством и сознанием своей классовой принадлежности и развитием его политической индивидуальности.

Наряду со специфическими законами формирования классовой психологии Г. В. Плеханов указывал и на некоторые общие законы коллективной психологии. В "Письмах без адреса" он раскрыл, в частности, социальную природу законов ассоциации идей и чувств, подражания и противодействия.

В отличие от известного французского психолога Теодю-ля Рибо, отвергавшего возможность объяснить логику чувств законом ассоциаций, Плеханов, наоборот, придавал большое значение данному закону в объяснении некоторых народных представлений и чувств.

Та или иная вещь может вызвать, по мнению Плеханова, эстетическое переживание человека по определенной ассоциации с какими-либо ценностями в жизни общества. В отличие от Ч. Дарвина, который считал, что ощущение красоты ассоциируется со сложными социальными идеями только у цивилизованного человека, Г. В. Плеханов обращал внимание и на факты социально-психологической ассоциации, имевшие место в истории первобытной культуры и до сих пор наблюдающиеся у народов, находящихся на сравнительно невысокой ступени экономического развития.

Так, первобытный человек украшал себя когтями и шкурой убитого им свирепого медведя, поскольку когти и шкура зверя ассоциировались у него с представлением о ловкости, храбрости и силе добывшего их охотника и служили как бы символом этих качеств.

Женщины некоторых африканских племен носили в прошлом веке на ногах и руках тяжелые железные кольца, иногда до пуда весом, поскольку железо для этих племен, переживавших железный век, являлось драгоценным ме-

таллом, признаком богатства, а следовательно, и красоты.

Наряду с законом ассоциаций важную роль в формировании общественной психологии играют, по мнению Плеханова, законы подражания. Свойственное человеку стремление к подражанию накладывает несомненный отпечаток на его психику. "Что подражание играло очень большую роль в истории всех наших идей, вкусов, моды и обычаев, это не подлежит ни малейшему сомнению. На его огромное значение, — писал Г. В. Плеханов, — указывали еще материалисты прошлого века: человек весь состоит из подражания, говорил Гельвеций" [21, с. 295].

Однако в отличие от зачинателя психологического направления во французской социологии Г. Тарда, который "поставил исследование законов подражания на ложную основу", абсолютизировав подражание, приписав ему неограниченную силу, превращавшую массы в слепых последователей героев, Г. В. Плеханов говорил об относительности той роли и того значения, которое играет явление подражания в историческом процессе. Он отмечал, что наряду с подражанием имеет место и определенное противодействие как отдельных лиц, так и целых социальных групп друг другу. Кроме того, различая два вида подражания в пределах одного и того же класса и между классами, Г. В. Плеханов рассматривал подражание низшего класса высшему как признак неразвитости самосознания первого.

Н. А. Бердяев о психологии русского народа. Видное место в формировании социально-психологического видения исторического процесса принадлежит одному из самых глубоких и оригинальных русских мыслителей — Н. А. Бердяеву (1874— 1948). В его работах "Истоки и смысл русского коммунизма", "Смысл истории" и особенно "Судьба России" предпринята попытка освещения многих глобальных проблем и социально-психологических явлений: психологии русского народа и души России, войны и политики, нации и религиозности, веры и духовенства и др.

Если Н. К. Михайловский и Г. В. Плеханов сосредоточивают свое внимание прежде всего на массовой психологии народнического, демократического или пролетарского движений, то Н. А. Бердяев исторические повороты в судьбе России, противоречия ее бытия стремится осмыслить через противоречивый характер русского народа.

Россия, по Н. А. Бердяеву, — страна безграничной свободы духа, страна бытовой свободы, неведомой передовым странам Запада, и вместе с тем это страна жуткой покорности, лишенная сознания прав личности и не защищающая достоинства личности.

Корень этих глубоких противоречий Н. А. Бердяев видел в несоединенности мужественного и женского начал в русском характере... Мужественное начало всегда ожидается извне, личное начало не раскрывается в самом русском народе. Отсюда вечная зависимость от инородного.

Существенно и другое противоречие между великодушием, способностью выносить бесконечно много, широтой души, отсутствием мещанского духа, даже святостью, с одной стороны, и способностью поддаваться соблазнам легкой наживы — с другой. За этим стоит отсутствие настоящей школы чести и гражданского закала.

Таким образом, в ряде своих работ, и в первую очередь в книге "Судьба России", Н. А. Бердяев остро и бескомпромиссно ставит вопрос о зависимости судьбы России от превратностей и противоречий русского характера, о необходимости развития русского национального самосознания как способа постижения и преодоления этих противоречий, о предстоящем духовном пере-

рождении и перевоспитании русского народа.

"Целое столетие русская интеллигенция, — пишет Н. А. Бердяев, — жила отрицанием и подрывала основы существования России. Теперь должна она обратиться к положительным началам, к абсолютным святыням, чтобы возродить Россию. Но это предполагает перевоспитание русского характера. Мы должны будем усвоить себе некоторые западные добродетели, оставаясь русскими" [22, с. 7].

В такой постановке проблемы интересно отметить по крайней мере два обстоятельства.

Во-первых, то, что Н. А. Бердяев не скрывает сложности и противоречивости встающей задачи "перевоспитать свой характер", с одной стороны, и вместе с тем "остаться русскими" — с другой.

Вероятно, именно поэтому он обращается с надеждой на принятие его идеи интеллигенцией. Задачу такой степени сложности нельзя решить без ее участия.

Вместе с тем, во-вторых, он понимает и трудности, стоящие перед российской интеллигенцией, которая до сих пор действовала совсем другим образом, обращаясь не столько к идеалам совершенствования характера народа, сколько к практике побуждения народа к радикальным политическим действиям. Н. А. Бердяев упрекал русскую интеллигенцию за то, что она тем самым целое столетие "подрывала основы существования России".

Однако он понимал и то, что одной из решающих предпосылок перевоспитания российского характера, с его способностью примирения с социальной несправедливостью, с его долготерпением и непротивлением злу, с его пассивностью и неразвитостью личного, инициативного начала, должно стать изменение самих условий социального бытия народа. Это предполагает прежде всего демократизацию социальных отношений, развитие общественного самоуправления.

В свою очередь, на пути демократизации общества стоит не столько та или иная форма правления, сколько уровень внутренней, нравственной и психологической культуры общества — культуры народа, интеллигенции и власти. Монархическая власть в лице императора Александра Николаевича Романова (Александра II) доказала свою готовность к осуществлению демократических реформ сверху.

Но реформационный процесс в России не мог пойти без принятия его снизу, со стороны народа, и интеллигенции, претендующей на выражение его умонастроений.

Революционно же настроенная интеллигенция не принимала реформаторских инициатив, если они шли не от нее, а сверху.

Народ в своей массе был психологически не готов к самостоятельной роли в этом процессе наметившейся демократизации общества. Этому мешала как инерционность его характера, так и невысокий уровень гражданской, политической и правовой культуры.

Н. А. Бердяев глубоко понимал, что для достижения необходимого для самоуправления уровня культуры личности и человеческих отношений надо преодолеть российскую пассивность, лень и беспечность, шедшие от широты русских просторов и души.

"В русском человеке, — писал он, — нет узости европейского человека, концентрирующего свою энергию на небольшом пространстве души, нет этой расчетливости, экономии пространства и времени, интенсивности культуры. Власть шири над русской душой порождает целый ряд русских качеств и русских недостатков. Русская лень, беспечность, недостаток инициативы, слабо

развитое чувство ответственности с этим связаны. Ширь русской земли и ширь русской души давили русскую энергию, открывая возможность движения в сторону экстенсивности. Эта ширь не требовала интенсивной энергии и интенсивной культуры" [22, с. 67].

Из этого же Н. А. Бердяев выводил и свойственное российской интеллигенции равнодушие к идеям и идейному творчеству, вялость и инертность мысли, неверие в нее и склонность подменять ее морализированием [22, с. 82].

Словно предчувствуя грядущие испытания, которые выпадут на долю народа в будущей истории России, Н. А. Бердяев предостерегал об опасности иллюзорных надежд на демократию, если она не опирается на внутреннюю культуру и психологическую готовность народа к самоуправлению.

"Демократию, — писал он, — слишком часто понимают наыворот, — не ставят ее в зависимость от внутренней способности к самоуправлению, от характера народа и личности. И это — реальная опасность для нашего будущего. Русский народ должен перейти к истинному самоуправлению. Но этот переход зависит от качества человеческого материала, от способности к самоуправлению всех нас. Это требует исключительного уважения к человеку, к личности, к ее правам, к ее духовно самоуправляющейся природе" [22, с. 214].

Уточняя и развивая эти мысли, Н. А. Бердяев говорил о том, что главным качеством будущей демократии должна стать ее высокая одухотворенность. Разъяренная, бездуховная масса, толпа, одержимая корыстными и злыми инстинктами, не может быть носителем подлинной демократии. Последняя, т. е. демократия, представляет собой, по мнению Бердяева, прежде всего реализацию духовного содержания, направленности духовных ценностей личности и народа.

И в этом смысле, по словам Бердяева: "Дух нации глубже демократии и должен направлять ее" [22, с. 215].

Однако Н. А. Бердяев так и не смог дать ответа на вопрос о том, как, каким именно образом перестроить, изменить противоречивый характер русского народа настолько, чтобы "дух нации" порожденный из самих "недр народной жизни" и имманентный народу, его собственный "потенциал" не был чем-то навязанным ему извне и действительно обеспечил бы должную направленность демократического развития России.

В. М. Бехтерев о динамике психического состояния общества. Крупнейший вклад в становление социально-психологического направления в России внес в последней четверти XIX и первой четверти XX века выдающийся русский ученый-психолог, психоневролог и психиатр, академик В. М. Бехтерев (1857—1927).

В отличие от Бердяева, говорившего о значимости и необходимости изменения характера русского народа, он обращается к более подвижному (чем стабильный и складывающийся веками характер) слою общественного сознания, точнее его динамичному состоянию, каким является общественное или массовое настроение. Он исследует также такие явления социальной психологии, как массовый психоз, паника и массовое внушение. Характеризуя роль внушения в общественной жизни, В. М. Бехтерев прослеживает его главный эффект — изменение общественного настроения, а соответственно и психического состояния масс.

Выступая с критикой В. Вундта, который, по его мнению, сводил народную психологию к мифам, обычаям и языку, В. М. Бехтерев подчеркивал необходимость изучения прежде всего психологического состояния общества, общественного настроения как важнейшего элемента социальной психологии

[23, с. 7]. При этом В. М. Бехтерев вполне обоснованно указывал на то, что настроения — самый массовый феномен социальной психологии, который проявляется во всем многообразии социальной жизни [23, с. 8].

Вопросы природы и динамики группового, коллективного и массового настроения, особенно механизма, стадийности, тенденций и форм динамики массового настроения, занимают видное место в работах В. М. Бехтерева, посвященных проблемам социальной психологии. В первую очередь это относится к таким работам, как "Предмет и задачи общественной психологии как объективной науки" (1911), "Коллективная рефлексология" (1921) и др.

В. М. Бехтерев, подобно тому как это делал Н. А. Бердяев, пытается объяснить российскую историю, исходя из анализа массовых социально-психологических явлений. Только у него в качестве решающего фактора, влияющего на ход социального процесса, оказывается не характер народа, а динамичное, изменчивое психическое состояние общества, его преобладающее общественное настроение.

По В. М. Бехтереву, оно подчиняется "закону ритма", прилива и отлива массовой психической энергии. Так, смена трех русских революций в России рассматривается им как результат прилива и отлива революционных настроений общества в известные промежутки времени [24].

При всем многообразии и различии подходов к пониманию тех или иных изучаемых явлений всех пионеров отечественной социально-психологической мысли объединяет интерес прежде всего к судьбе и духовным факторам истории своей страны.

Это проявляется, в отличие от многих других национальных школ, в направленности внимания и интереса на исследование не тех или иных составляющих или механизмов социальной психологии (психология народа у В. Вундта, например, или законы подражания Тарда), а психологии социальных (народнического, социал-демократического, христианско-демократического и революционного) движений в обществе; не на статическую характеристику социальной психики (мифы, обычаи, язык и др.), а на изучение динамических состояний людей, социально-психологических проблем духовно-нравственной культуры общества, социально-психологических факторов исторического процесса.

3.2. Социальная психология 20-х годов.

Можно и нужно ли говорить об особенностях становления советской социальной психологии? На первый взгляд не должна вызывать сомнений актуальность поставленного выше вопроса. Нельзя понять логики движения научного знания, если оно изъято из контекста своей предыстории и истории развития.

Вместе с тем оценка уровня значимости данного вопроса у исследователей варьирует в достаточно широком диапазоне. В одном случае интерес к этой странице в истории отечественной социальной психологии исчерпывается достаточно обстоятельной характеристикой авторских разработок того периода [25], [26] в другом он сводится к изложению сути дискуссии в этот период о предмете данной науки [27, с. 10—16].

Гораздо реже соотносятся качественные особенности становления социальной психологии в СССР с предреволюционной социально-психологической мыслью. Но и они, если и имеют место, то преимущественно носят лапидарный характер, констатируя, например, лишь то, что "...в России социальная психология развивалась под сильным влиянием марксизма" (имеется в виду последняя

четверть XIX века), а "...после установления советской власти в октябре 1917 года марксизм становится единственной методологической основой психологической науки" [28].

Не имея ни оснований, ни намерений для упрека в адрес авторов такого подхода, можно лишь, к сожалению, констатировать, что и другая линия исследования, идущая в направлении от последней четверти XIX к началу XX века, в свою очередь, пока обрывается на 1910-х годах, не доходя до выявления специфики рассматриваемого периода. Таково, безусловно, фундаментальное и интересное исследование социально-психологических проблем в русской науке, осуществленное известным историком психологии Е. А. Будиловой [5].

Поэтому особенно актуальна по существу первая попытка дать хотя и краткий, но достаточно аргументированный сравнительный анализ состояния отечественной социальной психологии на рубеже XIX и XX веков с позиций сопоставления дореволюционных и послеоктябрьских характеристик этой науки, предпринятая К. А. Абульхановой-Славской и В. А. Кольцовой [29].

Исходя из определения основных предпосылок становления и развития отечественной социальной психологии на рубеже XIX—XX веков, данной Е. А. Будиловой в ее книге "Социально-психологические проблемы в русской науке", К. А. Абульханова-Славская и В. А. Кольцова делают вывод об особой роли феномена массовой психологии как предмета внимания и фактора развития последней. Массовая психология в России, с их точки зрения, играет, по видимому, большую роль, чем в странах жестко конституированных в правовом, институциональном и других социальных отношениях. Это составляет предпосылку, исходя из которой в России отечественная социальная психология должна быть развита более, чем в других странах, в других типах общества. При этом, однако, как отмечают они далее, реальный ход развития социальной психологии не подтвердил этого, возникнув и начав бурно развиваться на рубеже веков, она практически исчезает как область психологического знания почти на тридцать лет (с 30-х до 60-х годов) [29, с. 375—376].

Чем объяснить столь трагический поворот в судьбе отечественной социальной психологии?

По мнению названных авторов, это было проявлением государственного политического воздействия на судьбы многих общественных наук в эпоху тоталитаризма. Почему именно социальная психология подверглась депривации? В силу того парадоксального обстоятельства, что социальные психологи, стремясь применить марксизм к анализу массовых психических явлений, начали осмысливать методологические проблемы своей науки и тем самым оказались в конкурентных отношениях с идеологией, которая опиралась исключительно на политические, а не на научные основания [29, с. 376].

Соглашаясь в основном с таким подходом к определению специфики в становлении, истории и судьбе отечественной социальной психологии, хотелось бы вместе с тем высказать несколько соображений по этому поводу.

Прежде всего, представляется в определенной мере спорным утверждение-гипотеза об особой, "роковой" роли феномена массовой психологии как главного объекта внимания и исследования в судьбе отечественной социальной психологии.

Повышенный интерес к массовой психологии несомненно сыграл свою роль в формировании традиций отечественной социальной психологии. Нельзя вместе с тем специфику последней связывать только с этим. Во-первых, потому, что только из обращения к феномену массовой психологии еще с неизбежностью не вытекала обреченность этой науки на исчезновение. Поэтому были основания и для предположения о возможности больших успехов в развитии по-

следней. Нельзя не учитывать, во-вторых, и то, что повышенный интерес к массовым явлениям психической деятельности людей во второй половине (особенно последней четверти) XIX века был свойствен исследователям не только в России, но и во Франции (Г. Тард и Г. Лебон), и в Германии (В. Вундт), и в Италии (А. Лабриола, Сигеле и др.). Вообще интерес к явлениям массовой психологии присутствует во всех без исключения национальных школах и до сих пор.

Можно, вероятно, говорить лишь о том, что в России это преимущественно интерес к политическим массовым движениям и процессам. В других же странах с более стабильной социально-экономической и правово-политической системой и ситуацией это интерес больше к психологии досуга и массового потребления.

Значит, дело, на наш взгляд, не только и не столько в самой обращенности внимания отечественных исследователей к явлениям массовой психологии, сколько в ряде других не менее, если не более, существенных обстоятельств.

В их числе безусловно особенно значимо то, что, во-первых, начав осмысливать методологические проблемы своей науки, социальные психологи оказались в конкурентных отношениях с идеологией, а та, в свою очередь, во-вторых, опиралась исключительно на политические, а не на научные основания.

Однако нельзя при этом забывать и того, что советская идеология опиралась не столько на вариант "бархатного" (по словам К. А. Абульхановой-Славской и В. А. Кольцовой) марксизма и социально-психологическую трактовку в исполнении Г. В. Плеханова, сколько на марксистский же, но несопоставимо более жесткий социально-психологический анализ массовой политической и классовой психологии, представленный во взглядах В. И. Ленина [29, с. 376].

Здесь же, несомненно, сказались и традиции российской революционно-демократической и народнической мысли с их откровенно комплиментарной трактовкой как массовой психологии и движений, так и героев, ведущих за собой толпу. При этом безраздельно позитивная оценка массовой психологии не отделяла народников от марксистов (при условии, что последние имели в виду прежде всего организованное политическое движение рабочего класса). Не из этой ли комплиментарности впоследствии начала складываться и та атмосфера безграничного доверия масс к политическим лидерам, без которой вряд ли могла бы сформироваться идеология культа личности политического лидера, равно как и доминирование идеологических и политических приоритетов и ценностей над научными?

Разумеется, развернутый и аргументированный ответ на этот вопрос еще ждет своих исследователей.

Но уже и так достаточно очевидно то, что существенным водоразделом между состоянием дореволюционной и послереволюционной социальной психологии в России была их преимущественная включенность в различные сферы жизнедеятельности общества. Нельзя во многом не согласиться с К. А. Абульхановой-Славской и В. А. Кольцовой, когда они говорят о том, что "дореволюционная социальная психология была значительно органичнее включена в социально-культурный, мировоззренческий контекст духовной жизни общества. В ней отсутствовали идеологические и политические акценты" [29]. С последней частью этой фразы (об акцентах) можно, однако, согласиться лишь отчасти, поскольку эти акценты в последней четверти XIX века в России набирали силу и просачивались уже в различные сферы духовной жизни вместе с ростом популярности марксизма.

Таким образом, существенным фактором, который сыграл свою роль, создав условия, благоприятствующие росту приоритета политических и идеоло-

гических акцентов над научными в тот период, была сама революционная атмосфера общества и сопровождающие и обеспечивающие ее идеология и популярность марксизма.

Особенности становления социальной психологии в СССР в 1920-е годы. Основная особенность процесса становления отечественной социальной психологии в период 20-х годов состояла в том, что, переживая этап своего самоопределения, еще не сложившись в полной мере в качестве самостоятельной науки с прочным методолого-теоретическим фундаментом, она должна была, откликаясь на социальный заказ своего времени, дать ответ на вопрос о путях социально-психологического обеспечения социалистического строительства.

В отличие от предшествующих традиций, сложившихся в русской культуре, философии и социологии, она должна была помочь обществу не в разрушении былого уклада жизни, а в созидании и прежде всего в формировании психологии, идеологии и культуры нового человека.

А это, в свою очередь, предполагало обращение исследователей к практическим вопросам как развертывания творческого потенциала самой науки, ее внутреннего самоопределения, так и ее применения в повседневной практике социальной жизни.

В эти годы было положено начало первым экспериментальным социально-психологическим исследованиям, проведенным В. М. Бехтеревым совместно с М. В. Ланге и В. Н. Мясищевым со студентами медицинского, педагогического и психоневрологического институтов. Это знаменовало переход от чистой теории к формированию эмпирически-верифицируемого фундамента научного знания.

Тогда же началась активная разработка ряда проблем прикладной социальной психологии. Потребности практики социалистического государства, связанные как с радикальными переменами в процессе формирования ряда социальных институтов (управления, политики, права, образования и др.), так и с осуществлением установки на воспитание нового человека — коллективиста являлась мощным фактором активизации социально-психологических исследований, дали толчок выступлению по вопросам этой науки большой группе философов, психологов и представителей других отраслей научного знания. Среди них были: логик, психолог и философ Г. И. Челпанов; зоопсихолог В. А. Вагнер; психиатр В. М. Бехтерев; журналист и литературный критик Л. Н. Войтоволский; психологи К. Н. Корнилов, В. А. Артемов, П. П. Блонский, В. М. Боровский; правовед М. А. Рейснер и многие другие.

В этот период исследовались проблемы формирования общественного мнения (В. Кузьмичев, 1929), психологии быта рабочих Москвы и Ленинграда. Применялись как методы наблюдения (И. Жига), так и методы анализа документов, стенгазет и писем рабочих корреспондентов (Лебедев и Рафаил), разрабатывались вопросы промышленной эстетики, тесно соприкасавшиеся с проблемами прикладной социальной психологии.

Обстановка решительной ломки старого социального уклада жизни и пестрота подходов к построению социальной психологии, связанная с работой на этом поприще представителей самых разных направлений и поколений, определили особенно острый характер полемической борьбы между ними в этот период.

Дискуссия о предмете и путях развития социальной психологии. Настоятельная необходимость определения предмета и путей развития социальной психологии, с одной стороны, и различия во взглядах исследователей

на способы решения этих задач, с другой, с неизбежностью породили дискуссию по этим вопросам.

В эпицентре полемики оказались различия во взглядах на предмет и перспективы социальной психологии, с одной стороны, Г. И. Челпанова — представителя дореволюционной эмпирической психологии, до 1923 года возглавлявшего Московский психологический институт, и целой группой его оппонентов (В. А. Артемова, К. Н. Корнилова, П. П. Блонского и В. М. Бехтерева) — с другой.

Г. И. Челпанов (1862—1936), логик, психолог и философ-идеалист, предложил дополнить индивидуальную экспериментальную психологию социальной. При этом социальная психология, по его мнению, должна разрабатываться в рамках марксизма через преодоление абстрактного, фейербаховского антропологизма, в то время как собственно психология должна остаться эмпирической наукой, не зависимой от мировоззрения, в том числе и от марксизма. При этом он настаивал на первостепенной важности изучения психологии сознания индивида, обвиняя сторонников объективной психологии в отказе от его исследования [30].

Г. И. Челпанову возражали стоявшие на позициях: бихевиоризма — П. П. Блонский; реактологии — К. Н. Корнилов; коллективной рефлексологии — В. М. Бехтерев. Их объединяло первостепенное внимание к изучению поведения как отдельного индивида, так и различных групп людей в контексте социальной среды. За более полное включение марксизма в систему психологии выступали В. М. Бехтерев, П. П. Блонский, В. А. Артемов, М. А. Рейснер и др. [24], [31]—[33].

Итоги дискуссии. Однако по мере того, как идеалистическое направление в советской психологии сходило со сцены, все более очевидной становилась ограниченность рефлексологии и реактологии, выражавших, по существу, механистический подход к решению сложных вопросов социальной психологии. В концепции "коллективной рефлексологии" В. М. Бехтерева наряду с "законом ритма" или "законом периодичности", ассоциирующимся с реальными тенденциями динамики, приливов и отливов общественного настроения, отчетливо просматривался и излишне прямолинейный перенос универсализируемых физических и биологических принципов и законов (инерции, сцепления, диффузии, отбора, изменчивости, воспроизведения, колебания маятника и др.) на область социальной психологии.

Полемизируя со своими оппонентами и в первую очередь с В. М. Бехтеревым, Г. И. Челпанов настаивал на том, что его «эмпирическая психология не противоречит марксизму, а вытекающая из последнего необходимость реформы психологии должна своим символом иметь не "устройство собачников для изучения условных рефлексов", а серьезную организацию работ по изучению социальной психологии, для чего необходимо создание специального института социальной психологии» [34, с. 9—10].

Против идеализма Г. И. Челпанова и механистического материализма В. М. Бехтерева, в свою очередь, выступил К. Н. Корнилов, прозорливо указавший на перспективу грядущего синтеза двух борющихся пока во многих странах течений — так называемого эмпирического, или субъективного, направления и психологии поведения, рефлексологии, объективной психологии [35, с. 9].

Наиболее обстоятельная и аргументированная критика "коллективной рефлексологии" была дана в тот период В. А. Артемовым, по мнению которого нельзя отождествлять законы проявления коллективной и индивидуальной психологии или тем более физиологии, как это делали В. М. Бехтерев и другие

[31]. Он же в дальнейшем возражал и тем, кто отказывал социальной психологии в праве на самостоятельное развитие на том основании, что вся психология и так целиком социальна; квалифицируя такую позицию как тормоз на пути развития социальной психологии, он указывал в числе других препятствий и на почти полное отсутствие экспериментальных разработок в данной области [36, с. 170—171].

3.3. Марксизм и фрейдизм: от попыток синтеза к идеологическому размежеванию.

Чем объяснить популярность фрейдизма у нас в 20-е годы?

Состояние и развитие отечественной социальной психологии в 20—30-е годы, равно как и в последующий период, нельзя понять, если не учитывать характер идеологической атмосферы того времени. Опыт строительства социализма был попыткой практического осуществления идей основоположников марксизма и их последователей, нацеленных на революционное преобразование общества и формирование нового человека.

Для принципиальной возможности решения этой задачи уже имелись необходимые предпосылки в российской философии, социологии и психологии. Достаточно вспомнить предложения Н. А. Бердяева о необходимости изменения российского характера как одного из решающих условий перехода к демократии, самоуправлению и социализму.

Однако предшествующий опыт не давал однозначного ответа на вопрос о том, каким именно должен быть этот человек. Если для Ф. М. Достоевского не вызывала сомнений ценность братского, соборного начала в психологии русского народа, что не противоречило и принципам коллективизма, то идеалы социализма были для него символом утраты внутренней свободы личности в обмен на гарантии социального и бытового благополучия.

Но если Ф. М. Достоевский не видел в психологии Запада примера, достойного для переноса его опыта на российскую почву, то Н. А. Бердяев, наоборот, духовное преобразование русского характера во многом связывал с усвоением западных добродетелей (привычка к порядку, дисциплине, законопослушание, хозяйственность и т. д.).

Вместе с тем и тот и другой понимали огромную сложность решения подобных задач, требующих, если говорить, например, о переходе от психологии одиночки и индивидуалиста к братскому, коллективистскому характеру, такого отрезка времени, который измерялся бы, по словам Достоевского, тысячами.

Атмосфера 20-х годов исключала такой подход. Преобладающее настроение строителей нового мира, способных разрушить ради его скорейшего созидания все "до основания", требовала неоспоримо более динамичных и вместе с тем радикальных решений. Предшествующий опыт представлялся в связи с этим неприемлемым.

Революционно настроенные массы были полны энергией преобразования и вместе с тем нуждались в постоянных источниках энергетической подзарядки для осуществления грандиозных свершений.

Поэтому естественно, что наибольший интерес вызывала в то время психоаналитическая концепция и практика З. Фрейда, открывавшая видение, понимание и возможность использования главного резервуара человеческой энергетике, которым согласно фрейдизму была сила сексуального влечения. Отсюда и основная цель деятельности одного из "главных" партийных психосоциологов того времени А. Б. Залкинда — подчинить сексуальную энергию

народа задачам революции. "Необходимо, чтобы коллектив больше тянул к себе, чем любовный партнер". Для этого Залкинд разрабатывает детальную систему — двенадцать заповедей половой жизни [37]. Их общий смысл в том, что энергия пролетариата не должна отвлекаться на бесполезные для его исторической миссии половые связи. "Половое должно во всем подчиняться классовому, ничем последнему не мешая, во всем его обслуживая..." Двенадцатая, самая главная заповедь гласила: "Класс в интересах революционной целесообразности имеет право вмешиваться в половую жизнь своих членов" [38, с. 328—329].

Кроме заманчивых выходов на неисчерпаемые запасы энергии здесь же, в обращении к З. Фрейду, виделся и мощный инструмент в борьбе с прошлой, дворянской культурой и православием, альтернативных пролетарской культуре, которая нуждалась в своих простых и понятных самой широкой массе символах и ценностях.

Показательны в связи с этим рассуждения Георгия Малиса, автора вышедшей в Харькове в 1924 году книги "Психоанализ коммунизма", в которой он, обильно ссылаясь на Троцкого и выражая по сути его идеи с энтузиазмом, говорил о перспективах человека в новом обществе. Смысл их сводился к тому, что по мере усложнения культуры человеку приходится вытеснять все больше своих желаний, потому и растет так быстро число нервных больных. В гармоничном обществе завтрашнего дня вытеснять будет нечего и незачем, будут раскрыты все виды удовлетворения. А значит, "в коммунистическом обществе не будет ни неврозов, ни религии, ни философии, ни искусства" [38, с. 277—288].

Поясняя суть замысла подлинного вдохновителя внедрения идей и практики психоанализа в послереволюционной России — Льва Троцкого, А. М. Эткинд отмечает, что последний выбрал самый "амбициозный, романтический и самый несбыточный вариант из трех возможных в кризисной ситуации, ставшей очевидной после событий Кронштадтского мятежа". Один из вариантов был — отступление. Дать людям жить так или почти так, как они хотят, могут и умеют. Этот путь связывают с Лениным и нэпом.

Был другой вариант: "искусственный отбор тех, кто готов жить в новом обществе, и устранение всех остальных", который А. М. Эткинд связывает со Сталиным и ГУЛАГом.

А Троцкий, по его мнению, искал третий путь. "Люди не способны жить в новом обществе — значит, надо переделать людей". Поскольку "марксизм здесь помочь не мог, он сложившейся ситуации не предусматривал", то пришлось совершать рискованные броски в сторону... [38, с. 290]. То есть в данном случае в сторону фрейдовского психоанализа.

За обращением к психоанализу у Троцкого просматривался и свой собственный "особый мотив" видения стратегии переустройства человека, "далеко уклоняющейся от знакомых ленинско-сталинских интонаций" [38, с. 282].

Вот его суть: "Человек примется, наконец, всерьез гармонизировать самого себя. Он поставит себе задачей ввести в движения своих собственных органов — при труде, при ходьбе, при игре — высшую отчетливость, целесообразность, экономию и тем самым красоту. Он захочет овладеть полубессознательными, а затем и бессознательными процессами в собственном организме: дыханием, кровообращением, оплодотворением — и, в необходимых пределах, подчинит их контролю разума и воли. Жизнь, даже чисто физиологическая, станет коллективно-экспериментальной. Человеческий род, застывший хомо сапиенс, снова поступит в радикальную переработку и станет — под собственными пальцами — объектом сложнейших методов искусственного отбора и психофизической тренировки. Это целиком лежит на линии развития..." [39, с.

196].

Ставку на глобальный эксперимент, предполагающий искусственную манипуляцию массовой психологией, ее радикальную переделку в утилитарных целях создания армии высокопроизводительных людей-роботов, разделял вслед за Троцким и Бухарин, который писал о том, что нам нужно "в кратчайший срок произвести определенное количество живых рабочих, квалифицированных, специально вышколенных машин, которые можно было бы сейчас завести и пустить в общий оборот" [38, с. 319].

В унисон с этим шли и рассуждения психолога П. П. Блонского, бывшего в то время ответственным работником Наркомпроса, который вполне серьезно предлагал наряду с растениеводством и животноводством создать и науку чело-веководства, в рамках которой педагогика бы выполняла функции, аналогичные зоотехнике и фитотехнике [40, с. 31].

Таким образом, еще одно существенное "достоинство" психоаналитического подхода к возможности формирования нового человека состояло в том, что он не накладывал никаких временных ограничений на процесс достижения необходимого результата. Психоаналитическая коррекция личности не требовала тысячелетий или хотя бы столетий. А это открывало простор для ожиданий достижения быстрых результатов у адептов приложения психоанализа к задачам революционного переустройства человека.

Тем самым оба доминирующих в тот период времени процесса — обращение психологов к марксизму, с одной стороны, и увлечение концепцией и методами фрейдовского психоанализа, с другой — должны были так или иначе войти в тесное соприкосновение друг с другом.

Естественно, что соответствие или несоответствие марксизму как "единственно верному учению" было критерием права на существование любых воззрений и теорий не только в сфере идеологии, духовной и политической культуры, но и науки.

Это, однако, не исключало в 20-х годах многообразных попыток использования опыта зарубежной социальной психологии, в частности теории и практики фрейдовского психоанализа, в интересах решения задач по воспитанию нового человека.

Даже руководители государства считали возможным поддержать экспериментальный поиск путей перевоспитания человека на психоаналитической основе. Об этом достаточно красноречиво говорил факт пребывания в соответствующем специнтернате сына Сталина — Василия [38, с. 243].

Опыт попыток теоретического обоснования синтеза марксизма с фрейдизмом. Вместе с тем очевидная разница в исходных посылах марксизма и фрейдизма требовала осмысления. Необходимо было определить принципиальную возможность и степень как теоретического, так и практического совмещения друг с другом этих качественно разных подходов.

Связанный с этим рост интереса к Фрейду и фрейдизму и стремление к сопоставлению его с марксизмом стимулировался и дополнительными обстоятельствами. За ростом популярности фрейдизма в 20-е годы стояла, по мнению А. В. Петровского, как «нарастающая неудовлетворенность общим состоянием психологической науки, плоским "поведенчеством", не оставлявшим места проблеме активности личности и динамике ее развития», так и готовность Фрейда решать трудные вопросы науки и описывать человеческую природу в живой динамике, во взаимодействии ее частей и сторон [41, с. 86].

Вот почему многие психологи и философы — М. А. Рейснер, А. Р. Лурия, К. Д. Фридман, Б. Э. Быховский, А. С. Грибоедов, А. К. Ленц — проявляют в эти годы интерес к Фрейду, а начиная с 1923 года растет число публикаций, как статей,

так и книг, не только излагающих психоаналитическую концепцию, но и рассматривающих возможность синтеза марксизма с фрейдизмом [41, с. 86—87].

Наибольшую активность в этом направлении предпринимает бывший профессор юридического факультета Томского, а затем Петербургского университета М. А. Рейснер, привлеченный после Октябрьской революции к работе в Народном Комиссариате юстиции и ставший в 1918 году одним из организаторов Коммунистической академии.

В ряде своих работ М. А. Рейснер говорил о необходимости реформирования психологии на базе психоанализа в интересах исторического материализма, о целесообразности сопоставления социологического метода Маркса с психоаналитическим методом Фрейда при изучении социально-психологических явлений, наконец о необходимости соединения достоинств марксизма и фрейдизма в социальной психологии ради преодоления их недостатков. Тем самым, по мнению Рейснера, была бы устранена и компенсирована недооценка марксизмом сферы бессознательной и подсознательной психики человека, с одной стороны, и ограниченность фрейдизма с его невниманием к роли социальной среды — с другой [33], [42].

Поиски путей синтеза марксизма с фрейдизмом осуществлялись не только на уровне групповых педагогических экспериментов или в рамках общей теории, но и применительно к массовому обыденному сознанию.

Известна, например, широко распространенная в то время так называемая "теория стакана воды" или тогдашнее по сути нудистское движение, шедшее под лозунгом "Долой стыд". Последнее исходило из постулата о необходимости покончить с пережитками классово чуждой и далекой от простого народа, утонченной и излишне сентиментальной дворянской культуры.

Пролетарская культура в противовес дворянской выступала за полное моральное раскрепощение индивида — за брак и секс без условностей и излишних церемоний. Символом раскрепощенной пролетарской эротики как раз и была концепция "стакана воды". Согласно последней утолить свою сексуальную потребность "так же просто, как выпить стакан воды". Не здесь ли уже закладывались первые кирпичи в фундамент грядущей сексуальной революции?

Причины идеологического размежевания марксизма и фрейдизма.

Конечно, вульгаризация в культуре и нравственности не могла дать полноценной духовной раскрепощенности личности. Зато раскованность и непринужденность суждений не только в быту или в сфере науки, но и в идеологии располагала к нарушению партийной монополии на нее.

Есть основания предполагать, что ужесточение политического и идеологического режима и сопутствующая этому острота идеологической борьбы последующих 30—40-х годов сыграла свою роль в качестве фактора, который способствовал свертыванию былых и недолгих увлечений западными и в первую очередь психоаналитическими концепциями и методами.

Но из этого опыта должен был с неизбежностью родиться и вывод о несовместимости фрейдизма, а заодно и ряда других зарубежных течений в социальной психологии с марксизмом.

Поскольку идея синтеза марксизма с фрейдизмом играла, по сути, лидерскую роль в попытке создания методологического фундамента социальной психологии того периода, то ее критическая переоценка могла означать и конец исканиям в этой области в целом.

Неудачи попыток сведения социально-психологических закономерностей к законам физики или даже механики (как это делал, например, В. М. Бехтерев) также облегчили задачу глобальной критики социально-

психологических начинаний. Итогом был общеизвестный вывод, прозвучавший в те и последующие годы, как о несовместимости социальной психологии с марксизмом, так и о ее антинаучном характере.

Между тем в самом марксизме не было ни утверждения, ни отрицания социальной психологии как науки. Как показал последующий опыт развития социальной психологии, требовалась иная трактовка связи марксизма с возможностями и опытом развития отечественной социальной психологии.

3.4. Был ли перерыв в развитии отечественной социальной психологии?

Перерыв в ходе нормального развития социальной психологии, его характер и проявления. Осуждение социальной психологии, ее квалификация в качестве лженауки, несовместимой с марксизмом, означала запрет на открытую постановку и разработку ее проблем как науки.

Означало ли это полное прекращение каких бы то ни было попыток осуществления социально-психологических исследований, а тем самым и перерыв в ее полноценном развитии?

Если нет, то можно ли говорить о перерыве в развитии данной науки в нашей стране?

Так или примерно так был поставлен в свое время вопрос теми исследователями, которые считали, что публичное осуждение социальной психологии и ее объявление лженаукой не могло изменить нормального хода развития последней.

Нам представляется необходимым различать два смысловых значения этого вопроса.

Первый относится к определению возможности или невозможности полноценного, нормального развития науки как целостной системы знания и его повсеместного практического применения. Второй же касается возможности или невозможности подспудного развития того или иного течения мысли даже в неблагоприятных для этого условиях.

Так вот, в первом смысловом значении рассматриваемого вопроса есть все основания говорить о начале и наличии перерыва в нормальном развитии социальной психологии. Об этом говорит тот факт, что за период 30—50-х годов не было опубликовано ни одной книги, в которой бы открыто ставились и обсуждались проблемы социальной психологии. Прекратили существование и соответствующие лаборатории.

Это не означает, однако, что отдельные попытки подойти так или иначе к решению практических вопросов с позиций по существу социально-психологических, были полностью исключены. В скрытом виде, подспудно интерес к социальной психологии не пропал.

Перерыв в нормальном развитии социальной психологии как самостоятельной науки не означал прекращения социально-психологических исследований вообще. Разработка некоторых вопросов коллективной психологии продолжалась и в этот период, но только в рамках других социальных дисциплин — общей психологии, педагогики, военной и спортивной психологии и т. д.

Опыт 20—30-х годов был не только опытом ошибок и неудач. В работах В. М. Бехтерева, Л. Н. Войтоловского, В. А. Артемова и других было дано позитивное и во многих отношениях вполне научное освещение вопросов, касающихся не только определения предмета и задач материалистической социальной психологии (В. А. Артемов), но и ее специфических методов и техники ис-

следования (В. М. Бехтерев). Разрабатывались и отдельные теоретические вопросы, например проблема динамики и формирования общественного настроения в работах В. М. Бехтерева и Л. Н. Войтоловского.

Естественно поэтому, что положительные традиции отечественной социальной психологии были продолжены и в период, когда право на существование социальной психологии как самостоятельной науки уже оспаривалось.

Поскольку возможность широкой разработки методологических и теоретических вопросов социальной психологии была ограничена, то основной формой стали эмпирические, конкретные социально-психологические исследования отдельных, частных проблем, имеющих непосредственное отношение к практике обучения и воспитания подрастающих поколений. Центральными в этих исследованиях были проблемы взаимоотношений коллектива и личности, формирования личности в коллективе и под его влиянием, социальной и психологической обусловленности поведения и сознания личности и др.

В творчестве А. С. Макаренко, например, который никогда не называл себя социальным психологом, достаточно ощутимо прослеживается социально-психологический подход к решению таких проблем педагогики, которые связаны с групповым поведением, руководством и лидерством, общением, психологией наказания, поощрения и др.

Но это не могло изменить ситуацию со статусом социальной психологии. Наука не могла нормально развиваться перед лицом угрозы сурового осуждения и наказания. Природа остановки в развитии данной науки, причины ее перерыва и сейчас являются актуальной проблемой, требующей осмысления. Почему произошел перерыв в развитии отечественной социальной психологии после 20-х годов?

Этот перерыв явился прежде всего результатом глубокого кризиса в развитии данной науки в тот период. Он произошел вследствие как завышенных, так и столь же необоснованных притязаний исследователей на объяснение исторических превратностей того времени, на роль средства или инструмента создания качественно нового человека.

Социальным психологам того времени не удалось предложить сколь угодно убедительной концепции социально-психологического видения или тем более обеспечения эффективности социальной жизнедеятельности ни в одной из сфер социума.

Не менее существенно и то, что после спада увлечения методами психоанализа попытка соединить марксизм с фрейдизмом была квалифицирована как антинаучная и несовместимая с марксистской идеологией.

Столь же несостоятельными были и поиски перспектив социально-психологических исследований с позиций коллективной рефлексологии. Они несли в себе достаточно очевидный заряд механистического детерминизма, упрощения несопоставимо более сложных механизмов динамики массовой психологии.

Серьезные ошибки пионеров отечественной социальной психологии породили в 30-х годах резко отрицательное отношение ряда философов к социальной психологии вообще. При этом наряду с обоснованными выводами о неправомочности отождествления психологии и идеологии, психологии и социологии, о несостоятельности бихевиоризма, об ошибочности соединения физиологии высшей нервной деятельности с историческим материализмом и т. п. тогда же были высказаны и явно ошибочные положения.

Так, в одном из учебников по диалектическому и историческому материализму, который был издан в 30-е годы, утверждалось, что само понятие "общественная психология" и даже просто "психика" «открывает путь идеалисти-

ческому "учению" о "подсознательной" и даже "бессознательной психике" (учение идеалиста Бергсона, фрейдизм). Оно облегчило путь огромному влиянию реакционной теории Фрейда, согласно которой подсознательное и бессознательное будто бы играют решающую роль в человеческом сознании» [43, с. 337]. Авторы этого же учебника обрушились на Г. В. Плеханова за то, что он проводит различие между идеологией и общественной психологией, биологизируя якобы тем самым последнюю.

Несмотря на более чем очевидную нелепость подобных обвинений и выводов, некоторые философы и в середине 40-х годов продолжали упрекать Г. В. Плеханова в биологизации общественного сознания лишь на том основании, что он употреблял понятие "общественная психология" [44, с. 72].

Отрицательному отношению к социальной психологии немало способствовали не только неудачи первых работ в этом направлении у нас, но и одностороннее представление о зарубежной социальной психологии, которая отождествлялась с психосоциологией, а та, в свою очередь, сводилась к совокупности идеологических приемов апологетики капитализма и средств антикоммунистической пропаганды.

Отсюда и родился один из основных аргументов, направленный против социальной психологии вообще. Поскольку буржуазная психосоциология носит идеалистический и реакционный характер, постольку якобы и всякие попытки исследования в этой области неизбежно будут означать капитуляцию перед идеализмом. Такой точки зрения придерживался, в частности, С. Л. Рубинштейн [45, с. 240].

В числе обстоятельств, определивших перерыв и отставание в развитии социальной психологии в нашей стране, существенным фактором была атмосфера администрирования и декретирования, преобладавшая в общественных науках, которая сковывала творческую инициативу, порождала догматизм и боязнь заниматься сложными, острыми вопросами, к числу которых относились и проблемы социальной психологии.

Распространенное в этих условиях нигилистическое отношение к зарубежной науке, в том числе и к психологии, вело к полному отрицанию достоверности даже экспериментальных данных, опирающихся на конкретный фактический материал, способствовало свертыванию социально-психологических исследований.

Сказалось и другое: в лице социальной психологии была дана заявка на трактовку исторического процесса и всей социальной жизнедеятельности человека с позиций, отличных от марксистской концепции экономического детерминизма, недооценивавшей в должной мере роль социально-психологического фактора.

Работы основоположников марксизма давали достаточный повод для упрека в односторонней трактовке ими социальной реальности в духе чисто экономического детерминизма.

Еще немецкий историк второй половины XIX века П. Барт относил марксизм к числу "односторонних учений", признающих роль лишь единственного фактора в жизни общества, и называл исторический материализм "экономической конструкцией истории" [46, с. 308].

С подобными же обвинениями в адрес марксизма и позже выступали многие зарубежные социологи и социальные психологи. Маркс, по мнению известного американского социального психолога реформатора фрейдизма Эриха Фромма, "недооценил сложности мира человеческих страстей... Он не видел отчетливо всех тех страстей и устремлений, которые коренятся в природе человека и в условиях его существования и которые сами по себе являются самой

могущественной движущей силой человеческого развития..." [47, с. 263—264].

В письмах 90-х годов Ф. Энгельс признал и пытался объяснить недостатки своих и К. Маркса взглядов, связанные с недооценкой духовного фактора в историческом процессе, преимущественным сосредоточением их внимания на анализе социально-экономических отношений капиталистического общества.

Это понимали и некоторые последователи К. Маркса и Ф. Энгельса, стремившиеся возместить ограниченность марксистского учения повышенным вниманием к сфере общественного сознания.

В работах таких марксистов, как Г. В. Плеханов в России и А. Лабриола в Италии, были предприняты попытки обращения к социальной психологии вероятно и ради того, чтобы преодолеть опасность распространения вульгарно-социологической концепции в марксизме.

Однако их взглядам не суждено было получить необходимую для развития поддержку. В результате этого идеологическая практика вульгарно-социологической трактовки истории, игнорировавшая социально-психологическую реальность, возобладала повсеместно в революционном движении как в России, так и в других странах.

Естественно, что после недолгого опыта увлечения фрейдизмом в 20-е годы должна была сказаться и сказалась эта очевидная для ортодоксальных марксистов несовместимость социальной психологии с их официальной идеологической доктриной.

Это было решающим фактором, определившим неизбежность перерыва в развитии отечественной социальной психологии после 20-х годов.

3.5. Возрождение и тенденции развития отечественной социальной психологии.

Факторы возрождения отечественной социальной психологии. В конце 50 — начале 60-х годов начинается этап возрождения отечественной социальной психологии. Внешним импульсом к ее возрождению на первых порах явился растущий интерес к психологическим проблемам бытовой религиозности в стране. Он был обусловлен настоятельной необходимостью понять природу идеологической неэффективности антирелигиозной пропаганды в условиях усиления религиозности населения в послевоенный период. Официальный заказ на эту тему и последовавшие за этим массовые социологические опросы как у нас, так и за рубежом показали, что питательной почвой для религиозности являются не идеологическая приверженность людей к церкви, предполагающая знание религиозных догматов, как могло казаться, а социально-психологические факторы.

Последние, как показали исследования, были представлены потребностью в эстетическом оформлении переживаний человеком особо значимых для него жизненных ситуаций. Это рождение ребенка и его последующее совершеннолетие, бракосочетание и потеря близких. Осознание социально-психологической природы религиозности дало импульс росту не только многообразных форм гражданской обрядности как способу удовлетворения названных потребностей, но и стимулировало интерес к общественной психологии.

Вместе с тем в числе факторов, которые способствовали возрождению социальной психологии, были: растущие запросы общества, связанные с потребностью изучения и учета социально-психологических знаний во всех областях социальной жизни, необходимостью более полного представления о структуре общественных отношений и общественного сознания; успехи психо-

логической науки в сфере изучения взаимоотношений личности в коллективе; изменение идеологической атмосферы в стране, начавшееся в период 60-х годов, известное под названием "оттепели", когда на волне общественно-политического подъема, вызванного разоблачением культа личности, советским руководством было допущено некоторое смягчение идеологического контроля в духовной жизни общества в целом и научной сфере в частности [28, с. 33].

В 1959 году ленинградские ученые (Б. Г. Ананьев, А. Г. Ковалев, В. Н. Мясищев и Б. Д. Парыгин) выступили с критикой отрицания права отечественной социальной психологии на существование и развитие как науки [48]—[50].

В статьях А. Г. Ковалева и Б. Д. Парыгина, опубликованных в "Вестнике ЛГУ" за 1959 год, аргументировалась необоснованность отказа в праве советской социальной психологии на разработку на том основании, что одноименная зарубежная наука носит якобы антинаучный и апологетический характер. Отвергался и тезис о несовместимости социальной психологии с марксизмом, обосновывалась продуктивность ее развития на этой основе.

Дискуссия о предмете социальной психологии, развернувшаяся в начале 60-х годов в журнале "Вопросы психологии", привлекла еще большее внимание научной общественности к этим проблемам. А в 1963 году вопросам социальной психологии была посвящена секция на II съезде Общества психологов СССР, проходившем в Ленинграде.

Начало дискуссии о праве социальной психологии на существование и ее предмете. В работах философов и психологов был поставлен вопрос о месте и роли психологического фактора в структуре общественного сознания. Становилась все более очевидной несводимость последнего к идеологии.

Вместе с этим нужно было понять и объяснить как причину длительного упрощения во взглядах на общественное сознание, так и природу господства вульгарно-социологических представлений во взглядах на общество и человека, а также определить свое отношение к непростой судьбе отечественной социальной психологии.

Однако сделать все это можно было лишь при условии снятия с социальной психологии идеологического заклятия и жупела "лженауки", а это предполагало развитие новой трактовки связи между этой дисциплиной и марксизмом.

Совместима ли социальная психология с марксизмом? Всем была хорошо памятна заключительная идеологическая оценка социальной психологии как лженауки, несовместимой с марксизмом, повсеместно прозвучавшая в 40-х и 50-х годах в трудах философов и психологов.

Как писал в те годы известный психолог С. Л. Рубинштейн, "проповедовать особую историческую психологию — это по большей части не что иное, как защищать любезную сердцу; реакционеров социальную психологию, являющуюся, по существу, не чем иным, как попыткой психологизировать социологию, т. е. протащить идеализм в область изучения общественных явлений" [45, с. 240]. Только теперь, радикально пересмотрев эту оценку, можно было приступить и к другим доказательствам в пользу права данной дисциплины на существование как науки.

Именно эта задача и была решена в конце 50-х и первой половине 60-х годов в выступлениях ряда отечественных философов, историков и психологов.

В первом сборнике "Проблемы общественной психологии", посвященном этим вопросам (вышел в 1965 году), представлено доказательство того, что как классики марксизма, так и их последователи не были чужды социально-

психологическому видению и пониманию социальных отношений [51].

Было убедительно показано, что в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса, написанных до 1848 года за десять с лишним лет до появления первых специальных исследований социальных психологов), в подготовительных работах к "Святому семейству", в "Немецкой идеологии", в "Положении рабочего класса в Англии", в "Манифесте Коммунистической партии" и др. дан анализ многообразных явлений общественной психологии: настроений и потребностей, интересов и традиций различных социальных групп, слоев и классов буржуазного общества.

Указывая на социальную обусловленность сознания, марксизм вместе с тем не отрицал и активной роли человеческой деятельности, психологического, субъективного момента в истории общества. Г. В. Плеханов говорил в этой связи о том, что "для Маркса проблема истории в известном смысле была также психологической проблемой" [17, с. 170—171].

Действительно, К. Маркс не только признавал, но и подчеркивал большое значение психологического фактора в жизни общества. Именно в недооценке этого момента он видел основной недостаток метафизического материализма. В "Тезисах о Фейербахе" К. Маркс писал: "Главный недостаток всего предшествующего материализма — включая и феербаховский — заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берутся только в форме объекта или в форме созерцания, а не как человеческая чувственная деятельность, практика, не субъективно" [52, с. 3]. На то обстоятельство, что существование и развитие общества подчиняется объективным, независимым от воли и сознания людей законам и нисколько не отрицает участия воли каждого человека в данном процессе, указывал Ф. Энгельс в письме И. Блоху [53, с. 469]. Подчеркивая силу обратного воздействия психологического фактора на всю систему социально-экономических отношений, Ф. Энгельс говорил о массовых побуждениях людей как о рычагах и даже как о движущей силе общественного развития [54, с. 373].

Итальянский марксист Антонио Лабриола в ряде своих работ ("Памяти Манифеста Коммунистической партии" (1895), "К вопросу о монистическом взгляде на историю" (1898), "Исторический материализм и философия" (1900) и др.) проводит мысль об активной роли народных масс в историческом процессе и необходимости изучать их психологию.

Отвергая абстрактные представления о "коллективной душе", "народном духе", развиваемые в 60-х годах XIX века немецкими философами Лацарусом и Штейнталем, А. Лабриола противопоставляет им конкретно-исторический подход к общественной психологии. О ней он говорит как о "конкретных и определенных формах общественного сознания, при рассмотрении которых перед нами предстают в своем подлинном облике плебеи Рима той или иной эпохи, ремесленники Флоренции времени, когда вспыхнуло движение чомпи, или же те крестьяне Франции, в среде которых зародилась, по выражению Тэна, стихийная анархия 1789 года..." [55, с. 90—91].

На необходимость изучать психологию народных масс, их жизненный опыт, настроения и взгляды указывал и основатель Итальянской коммунистической партии А. Грамши. Особенно важное значение имеют, по его мнению, жизненный опыт и убеждения, взгляды масс, которые накладывают свой отпечаток на определенные философские воззрения и теории.

Неоспоримая заслуга постановки и разработки ряда важнейших проблем социальной психологии принадлежит Г. В. Плеханову.

Значимость общественной психологии понимал и В. И. Ленин. В его работах дан анализ психологии различных социальных групп и классов буржуаз-

ного общества: пролетариата и буржуазии, мелкой буржуазии города и деревни, буржуазной интеллигенции и т. д. Вместе с тем в центре его внимания постоянно находились социальные и политические настроения низов, приливы и отливы революционного настроения масс.

Однако, как это уже отмечалось ранее, социально-психологический подход к восприятию социума не получил должного развития в рамках марксистской традиции.

Абсолютизация экономического детерминизма и политической борьбы, в частности, насильственных методов решения многих проблем социального и экономического преобразования общества, безусловно, мешала видеть реальную значимость социально-психологического фактора, его действительную роль как в историческом процессе, так и в повседневной жизни людей.

В то же время получила критическую оценку позиция тех исследователей, которые отождествляли перспективу развития отечественной социальной психологии с "угрозой" психологизации социологии.

Становилась все более очевидной необходимость пересмотра сложившегося отношения ко многим традициям как отечественной, так и зарубежной социологической и психологической мысли.

Из того факта, что зарубежная социальная психология не является марксистской, вовсе не следует, что социальная психология вообще не наука, равно как нельзя отрицать ни политической экономии, ни истории, ни социологии вообще, потому что зарубежные авторы разрабатывают эти науки на иной основе. Кроме того, разрабатывать отечественную психологию — это совсем не значит во всем соглашаться с западными социальными психологами.

Тенденции развития социальной психологии. Первые монографические исследования, посвященные проблемам возрождающейся социальной психологии, сделали предметом внимания ученых еще более широкий круг проблем этой науки: истории, методологии и теории (Б. Д. Парыгин. "Социальная психология как наука". Л., 1965 и Е. С. Кузьмин. "Основы социальной психологии". Л., 1967); таких фундаментальных явлений как историческая психология (Б. Ф. Поршнев. "Социальная психология и история". М., 1966); общественное настроение (Б. Д. Парыгин. "Общественное настроение". М., 1966); восприятие человека человеком (А. А. Бодалев. "Восприятие человека человеком". Л., 1965) и др.

В 1962 в Ленинградском государственном университете была создана первая в стране лаборатория социальной психологии под руководством Е. С. Кузьмина. Несколько позже открыли и первые кафедры социальной психологии: в 1968 году в Ленинградском университете (под руководством Е. С. Кузьмина) и в 1972 в Московском университете (под руководством Г. М. Андреевой). В 1968 году начала работу проблемная лаборатория социально-психологических исследований при кафедре философии Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена под руководством Б. Д. Парыгина. По его инициативе в 1969 году там же был учрежден и первый в стране факультет социальной психологии³.

Для 60-х и 70-х годов в истории отечественной социальной психологии характерно не только организационное оформление данной науки, но также и динамичное развертывание ее собственного инструментального и концептуального потенциала. Доминирующими направлениями развития в 70-е годы становятся как разработка методологии и методов, так и осуществление самих

³ Однако его статус был ограничен рамками факультатива для студентов Педагогического института.

эмпирических исследований проблем — групп и коллективов; поведения личности, его регуляции и саморегуляции; психологии руководства и управления и др.

В этот же период предпринимаются и первые попытки концептуальных построений как специальных теорий, прежде всего теории коллектива [56], так и общей социально-психологической теории [57].

Для 80-х годов характерным является процесс нарастающей дифференциации [58, с. 452] социально-психологических исследований, развивающихся в трех основных направлениях: во-первых, преимущественно теоретическом; во-вторых, теоретико-эмпирическом или теоретико-прикладном; в-третьих, преимущественно прикладном. С первым связана разработка общей социально-психологической теории, со вторым — специальных концептуальных подходов (концепции социально-психологического климата, социалистического соревнования, конфликтов в коллективе, управления коллективом и др.), с третьим — практических приложений социальной психологии к различным сферам практической деятельности (экономической, политической, правовой и др.).

Переход от 80-х к 90-м годам заслуживает специального рассмотрения как некий переломный этап в развитии данной науки: от советской к постсоветской отечественной социальной психологии. Начиная со второй половины 80-х годов и включая 90-е годы есть основание говорить о специфических чертах и особенностях состояния современной, постсоветской социально-психологической мысли и соответствующих ей исследованиях [58, с. 432—451].

Состояние, проблемы и задачи современной отечественной социальной психологии.

С начала своего возрождения в 60-х годах отечественная социальная психология прошла значительный путь. За это время она получила развитие по всем аспектам: методологическому, теоретическому и прикладному. Накоплен большой эмпирический материал. Социальная психология вошла в систему как обучения, образования и подготовки кадров, так и во все сферы практической деятельности — экономику и политику, право и духовную жизнь. Теперь уже ни у кого не вызывает сомнения ни право данной науки на существование и развитие, ни ее практическая значимость в социальной жизнедеятельности.

Вместе с тем даже с учетом всех достижений в этой области нельзя говорить о полном соответствии потенциала и возможностей социальной психологии требованиям, ожиданиям и потребностям современной социальной ситуации.

При всем многообразии проблем, которые встают теперь перед социальной психологией, все они связаны с совершенствованием социально-психологической культуры личности и человеческой деятельности, общности, общения, управления и др. Наиболее актуальной сегодня становится необходимость развития способности данной науки к обоснованной интегральной оценке современной социальной ситуации.

Возрастающая сложность последней, обусловленная масштабностью, динамизмом, радикальностью и противоречивостью происходящих перемен, требует все более адекватного и тщательно выверенного подхода к их восприятию, пониманию и прогнозированию. Это предполагает прежде всего развитие социально-психологического видения проблем человека в современных условиях его жизнедеятельности.

Актуальность обращения именно к такому осмыслению феномена человека не случайна. Она вызвана тем обстоятельством, что как радикальная трансформация, так и выход из глобального кризиса общества предполагают

высокий уровень социально-психологической готовности людей ко все более экстремальным условиям их жизнедеятельности.

Существенно и то, что именно человек является главным источником, движущей силой и резервом успехов социального обновления. Он же вместе с тем оказывается в эпицентре социальных перемен, в напряженной зоне столкновения всех альтернативных тенденций реформационного процесса.

От психического состояния людей, уровня их внутренней культуры, веры в себя и убежденности в правильности избранного пути в решающей степени зависит как ход, так и исход стратегии демократизации общественных отношений, преодоление тоталитаризма и духовное возрождение России.

Многие трудности и пробуксовки в практике социально-экономического, равно как и правового, и политического реформирования общества, объясняются не только и даже не столько несовершенством тех или иных частных социальных проектов, сколько их несоотнесенностью с духовно-нравственным, социально-психологическим состоянием человека.

Нельзя не видеть того, что падение жизненного уровня народа, связанное с процессом социально-экономических преобразований, происходит не только на фоне, но во многом и под влиянием разрушения складывавшихся десятилетиями как хозяйственных, так и духовных связей людей, нравственных ценностей, привычек и стереотипов.

Отсутствие мер по адекватной компенсации возникающего (а в известном смысле и усиливающегося) духовно-нравственного вакуума является одним из факторов развития деструктивных процессов. Это наблюдается во всех сферах социальных отношений — экономических, политических и правовых. Об этом же свидетельствуют рост преступности, снижение уровня гражданского самосознания, нравственной мотивации людей и в целом стабильности общества.

Однако ни состояние тревожности человека, ни его сомнения в эффективности действий тех или иных властных структур еще не тождественны позиции неприятия стратегии радикального обновления общества до тех пор, пока остается вера в себя, надежда на лучшее будущее и доверие к основному направлению взятого курса.

Нельзя не считаться и с фактором социально-психологической нестабильности состояния общества и человека. Социальная напряженность, неуверенность в завтрашнем дне, в способности поддержания социального правопорядка, сомнения в эффективности действий тех или иных политических лидеров порождает непрогнозируемость массового состояния и поведения людей. Последняя в конечном итоге во многом есть результат недооценки значимости состояния массовой психологии как фактора реформационного процесса.

Альтернативой этому является поворот внимания различных властных структур, средств массовой информации, науки, а также и самого человека к тем глубинным изменениям в его духовном состоянии, которые связаны с динамикой социального обновления.

Определенные подходы к постановке и решению данных вопросов уже наметились в последние годы [59]—[60].

Вместе с тем наряду с опытом теоретической разработки не менее необходима и программа практического обеспечения соответствующих решений и подходов. Видную роль в этом предстоит сыграть активным методам обучения, психологической диагностике, терапии и коррекции психической жизнедеятельности людей.

Особую актуальность в рамках данного направления приобретает разработка таких методов социально-психологического тренинга коммуникативной

и управленческой деятельности, которые бы обеспечили переход от традиций и навыков командно-административной системы к новому опыту партнерского общения в условиях демократизации общественных отношений [61].

Только при условии разностороннего социально-психологического обеспечения всех видов человеческой жизнедеятельности — экономической и правовой, бытовой и политической, духовно-нравственной и социокультурной — возможно успешное формирование психологической готовности человека к эффективному действию в изменяющемся мире.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

ГЛАВА 4. ФЕНОМЕН ЛИЧНОСТИ В СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

4.1. Понятие личности.

Семантические функции слова "личность". В процессе словоупотребления понятия "личность" следует различать семантические функции самого слова, связанные с особенностями того или иного языка, с одной стороны, и смысловое значение данного понятия в контексте научного аппарата современного философского, социально-психологического или социологического исследования — с другой.

Если в первом случае за многозначностью и многофункциональностью слова "личность" стоит процесс языковой эволюции и его специфичность у различных народов, то во втором — речь идет уже об особенностях методологической позиции исследователя и стоящей за этим концепции природы и сущности личности.

Первоначально слово "личность" (person) обозначало маску, которую надевал актер античных трагедий, затем самого актера и его роль. Постепенно понятие "личность" наполнялось все большим многообразием смысловых значений, оттенки и диапазон которых в какой-то мере специфичны для каждого национального языка.

В немецком языке слово person означает лицо, особу и человека.

В английском языке слово person означает так же, как и в немецком, лицо, особу и человека. Однако сверх того под этим словом здесь может подразумеваться личность и внешность. А различные производные от этого слова обозначают в английском языке персонаж (personage); личный, частный (personal) и т. д.

Интересно заметить, что понятие индивидуальности, уникальности личности в этих двух названных языках не выступает в качестве семантической функции слова person или непосредственных производных от него.

Во французском языке personne означает, как в немецком и английском, человек, особа, лицо, персона. Вместе с тем появляются и некоторые дополнительные смысловые оттенки, возникающие в контексте словоупотребления этого понятия — "никто" и "кто-либо", "кто-нибудь". Интересно также и то, что в числе близких производных от personne во французском языке (в отличие от немецкого и английского) появляется слово personnalite, которое обозначает индивидуальность.

Между тем и в английском, и в немецком языках для обозначения индивида и индивидуальности существует слово с другим корнем, что соответственно предполагает на английском — individual (индивидуальный, индивидуум); на немецком — Individuum (индивид).

В русском языке, как и во французском, понятие личности не отделено от смыслового значения индивидуальности. Однако здесь же подразумевается как природная, так и социальная принадлежность, социальная обусловленность человеческой характеристики.

В толковом словаре под редакцией проф. Ушакова (М., 1938) личность характеризуется, в частности, как отдельное человеческое "Я" и как человеческая индивидуальность, являющаяся носителем отдельных социальных и субъективных признаков и свойств.

Этот экскурс в область языкового значения понятия "личность" понадобился нам для того, чтобы, во-первых, обратить внимание на факт многозначности данного понятия в практике языкового общения людей; во-вторых, на специфичность диапазона значений и характера смысловых оттенков понятия "личность" в языках различных народов; в-третьих, перебросить мост от семантики обыденной, повседневной практики языкового общения людей к семантике научного исследования феномена личности, ее природы и сущности.

Понятие личности в научных исследованиях. Факт исключительной многозначности слова "личность" в практике языкового общения на уровне обыденного сознания, разумеется, не дает оснований для механического переноса данного опыта в область научных исследований. Поэтому понятно стремление философов, социологов и психологов в своих работах определенным образом унифицировать понятие личности, четко разграничить его различные смысловые значения.

Однако от намерения до его реализации лежит некоторая дистанция. В настоящее время в научной литературе нет единого понимания и соответственно определения сущности личности.

Можно выделить три основных подхода к трактовке личности, каждый из которых находится в известном противоречии с двумя другими. Условно эти подходы можно обозначить как 1) антропологический; 2) социологический; 3) персоналистический.

Антропологический подход. Для антропологического подхода к определению понятия личности характерно представление о последней как о носителе общечеловеческих свойств. Личность в таком случае рассматривается лишь как родовое понятие, обозначающее представителя рода человеческого "homo sapiens", и уподобляется понятию индивида.

В свое время антропологический подход к человеку нашел свое классическое выражение в трудах Л. Фейербаха, который рассматривал его как продукт природы, игнорируя при этом весь многообразный контекст социальных отношений личности.

На позициях абстрактного антропологизма стоит, по существу, весь классический бихевиоризм, рассматривающий человека как некое биосоматическое начало, которое определенным образом реагирует на стимулы внешней среды.

Социологический подход. С позиций социологического подхода личность рассматривается прежде всего как объект и продукт социальных отношений. В соответствии с этим подходом в социальной психологии конца XIX — начала XX века сформировалось целое направление, получившее название социологического.

В работах французских социологов Э. Дюркгейма, Л. Леви-Брюля и психологов Т. Рибо, Ш. Блонделя, М. Хальбвакса, Ж. Пиаже и других разрабатывался принцип социальной обусловленности психики, который в свое время был выдвинут еще Сен-Симоном.

Эволюция самого понятия личности (person) от обозначения маски к актеру и от него к роли последнего дало толчок для развития представлений о личности как системе ролевого поведения, обусловленного совокупностью социальных ожиданий, экспектаций. Это нашло свое выражение, в частности, в так называемой ролевой теории личности, разрабатываемой американскими психосоциологами Парсонсом, Мидом и др. [1].

Персоналистический подход. В какой-то мере в качестве противовеса антропологическому и социологическому подходам, рассматривающим личность как функцию биосоматической или социальной программ, существуют попытки понять и объяснить личность как некую абсолютно самостоятельную и индивидуально-неповторимую целостность.

Стремясь подчеркнуть полную автономность личности, направленность ее интересов, воли и прав прежде всего и только на самое себя, основоположник американского прагматизма, психолог В. Джеймс, рассматривал в свое время личность как итог и воплощение собственности на свое тело и способности, на семью и продукты своей деятельности, на свое творчество и материальное благосостояние [2, с. 135].

Наиболее полное выражение персоналистическая трактовка личности получила в концепции экзистенциализма, усматривающего сущность личности в ее абсолютной духовной самостоятельности и уникальности. Окружающая человека среда — природа и социальные отношения — создают "неподлинность" существования личности, мешают ей уйти в свой неповторимый внутренний мир. Зброшенный в современный индустриальный мир вещей, человек теряет свою индивидуальность, растворяя свое "Я" в массе.

Однако идеи, развиваемые в работах Хайдеггера, Сартра, Ясперса и других крупнейших представителей экзистенциализма, не дают достаточно аргументированного представления о личности вообще, хотя и вскрывают многие теневые стороны бытия личности в условиях современного капиталистического общества.

Отождествлять личность с индивидуальностью склонны и те авторы, которые считают, что личность не попадает в поле зрения интересов социолога, поскольку последний интересуется не индивидуальной неповторимостью людей, а социальными типами.

Как очевидно, в данном случае исключается почему-то возможность совмещения в личности свойств социального типа с элементами индивидуальной неповторимости и уникальности. Нам же представляется, что одно совершенно не исключает другого.

Тенденция односторонней трактовки личности, состоящая в сведении понятия личности к ее социальному положению, а также к совокупности ее социальных отношений, функций и ролей и ведущая к недооценке целостности и относительной самостоятельности ее психического мира, самосознания и уникальности, не дает оснований для другой крайности, состоящей в абсолютизации индивидуальной неповторимости личности.

Стремление рассматривать личность лишь как совокупность уникальных психических процессов, свойств и состояний безотносительно к ее социальному положению, функциям и ролям столь же ограничено по своим возможностям.

Интегральное определение личности. Все сказанное выше не исключает возможности и правомерности различных подходов к изучению и характеристике личности.

По-своему правомерен как антропологический, так и социологический и персоналистический подходы к исследованию рассматриваемой проблемы, но лишь в той мере, в какой они отражают действительное место, значение и роль в личности общечеловеческого, социально-специфического и индивидуально-неповторимого начала.

Но одно дело подход, а другое — определение личности. Не всякий под-

ход дает основания для формулирования обобщенной дефиниции. А в данном конкретном случае таких оснований не дает ни один из рассмотренных подходов.

Нельзя не учитывать того, что, будучи одновременно как объектом, так и субъектом биосоциальных отношений, личность соединяет в себе также черты рода (общечеловеческое) с социально-специфическими свойствами вида или, что в данном случае то же самое, — социального типа, поскольку является носителем особенностей тех или иных социальных общностей.

Наконец, как общечеловеческое, так и социально-специфическое преломляется у человека через его индивидуально-неповторимые особенности.

Таким образом, в целом можно предложить следующее определение: личность — это интегральное понятие, характеризующее человека в качестве объекта и субъекта биосоциальных отношений и объединяющее в нем общечеловеческое, социально-специфическое и индивидуально-неповторимое.

4.2. Социально-психологическая структура личности.

Постановка вопроса. Проблема структуры личности относится к числу актуальнейших вопросов социально-психологической теории. Здесь предпринята попытка определить основные параметры моделирования структуры личности, а также дать их конкретную характеристику. В соответствии с этим, в отличие от распространенной точки зрения на структуру личности, говорится не о структуре личности вообще, а о различных подходах к ее построению и соответственно о двух качественно различных моделях структуры личности: статической и динамической. Здесь же определяется особая роль и место эмоционального фактора в структуре личности и рассматриваются понятие, природа, структура и функции психического настроения в связи с понятием установки. Понятие психического настроения при этом рассматривается как эквивалент динамической структуры личности.

Представляется, что есть все необходимые основания для того, чтобы говорить о двух основных параметрах социально-психологической модели личности или даже о двух различных структурных моделях личности — статической и динамической.

Статическая структура личности. Под статической структурой следует понимать предельно отвлеченную от реально функционирующей личности абстрактную модель, характеризующую основные аспекты, пласты или компоненты психики индивида.

Степень обобщенности или дифференцированности такой модели может быть весьма различной. Это зависит уже от того, каков инструментальный подход исследователя к статической структуре личности — аналитический или интегральный.

При интегральном, т. е. самом обобщенном подходе, статическая структура личности может рассматриваться как бы состоящей из трех основных пластов: 1) общечеловеческого, биосоциального; 2) социально-специфического; 3) индивидуально-неповторимого.

При аналитическом подходе к статической структуре предполагается более высокая степень дифференциации представлений. А это означает уже расчленение на составляющие каждого из трех названных выше пластов в структуре личности.

Однако независимо от того, какова степень дифференцированности представлений об основных компонентах личности, основным признаком ста-

тической структуры остается ее отвлеченность от реального процесса динамики и формирования личности, от ее конкретно-исторического психического состояния и поведения.

Понятие динамической структуры личности. В отличие от модели статической структуры личности модель динамической структуры фиксирует основные компоненты в психике индивида уже не в их отвлеченности от каждодневного существования человека, а, наоборот, лишь в непосредственном контексте человеческой деятельности.

В каждый конкретный момент своей жизнедеятельности человек предстает перед исследователем не как набор тех или иных образований, а как личность, пребывающая в определенном психическом состоянии, которое так или иначе отражается на сиюминутном поведении индивида.

Под динамической структурой личности мы и подразумеваем ту одномоментную фотографию или модель психического состояния и поведения человека, которая позволяет понять механизмы взаимосвязи и взаимодействия между собой всех компонентов и структурных пластов в психике индивида.

Естественно поэтому, что если мы начинаем рассматривать основные компоненты статической структуры личности в их движении, изменении, взаимодействии и живой циркуляции, то тем самым совершаем переход от статической к динамической структуре личности.

Здесь, пожалуй, уместно такое сравнение из области медицины. Патологоанатом, исследуя труп, имеет дело со статической структурой животного или человеческого организма. Физиолог же, изучающий не труп, а живой, постоянно меняющийся, функционирующий организм, имеет дело не со статической, а с динамической структурой.

Здесь же можно видеть и различия в возможностях и пределах как интеграции, так и дифференциации целого. У патологоанатома неограниченные возможности анализа, расчленения, дифференциации объекта его исследования и крайне ограниченные возможности интеграции. Последние носят проективный характер. У физиолога же, наоборот, неограниченные возможности для изучения процессов интеграции и взаимодействия, но зато в гораздо большей степени затруднены и ограничены возможности анализа и расчленения соматических и конституционных компонентов организма друг от друга, чем у патологоанатома.

В этом вообще сказываются различия, связанные с особенностями (пределами и возможностями) манипулирования с двумя различными типами моделей тех или иных объектов — с моделью статической и динамической структуры.

Вместе с тем, как было установлено выше, как в случае исследования статической, так и в случае изучения динамической структур личности возможны два различных инструментальных подхода — аналитический и интегральный.

Это дает основание для построения следующей схемы, характеризующей соотношение между собой двух различных моделей структуры личности (статической и динамической), с одной стороны, и двух различных подходов к изучению названных структур (аналитического и интегрального) — с другой (см. схему 3).

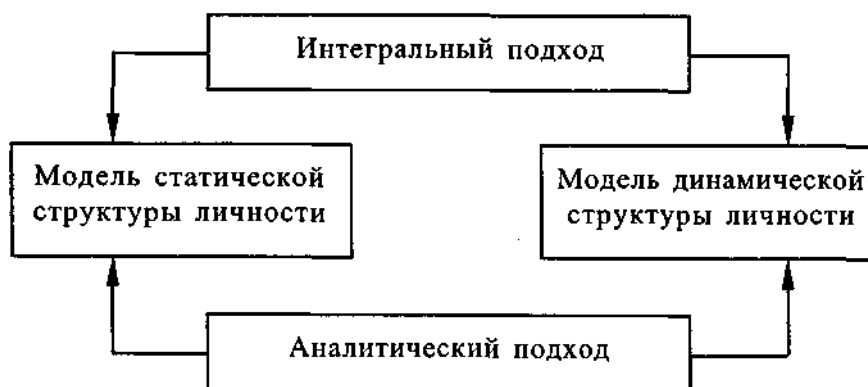

Схема 3

Таким образом, в характеристике модели социально-психологической структуры личности мы различаем два основных параметра: во-первых, тот, который связан с определением характера самой модели, могущей быть статической или динамической, и, во-вторых, тот, который связан с определением инструментального подхода к исследованию, могущего быть аналитическим или интегральным.

Основные параметры статической структуры личности. Прежде чем охарактеризовать основные параметры статической структуры личности, необходимо вспомнить о том, что обязательным условием логически строгого, обоснованного вычленения данных параметров является наличие единого основания, по которому осуществляется названная выше операция.

В качестве такого основания в рассматриваемом случае было взято различие всех компонентов психики человека по степени их представленности в структуре личности, которая, как мы уже говорили, выражена в следующих категориях, фиксирующих степень распространенности того или иного свойства психики:

- 1) всеобщие, т. е. единые для всех людей;
- 2) социально-специфические, т. е. присущие только тем или иным группам людей или общностям;
- 3) индивидуально-неповторимые, т. е. характеризующие индивидуально-типологические особенности, свойственные только той или иной конкретной личности (см. схему 4).

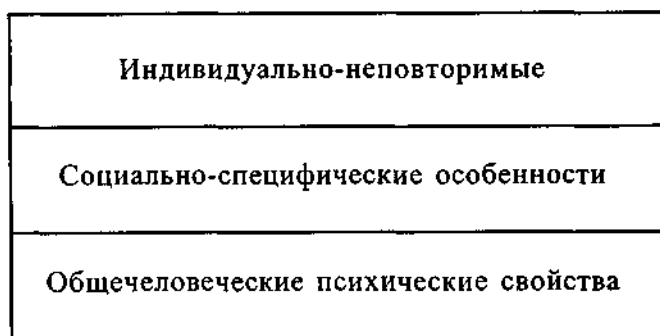

Схема 4

Общечеловеческие психические свойства индивида. Общечеловеческие психические свойства индивида являются исторически первыми и, следовательно, фундаментальными образованиями социальной психо-

логии личности.

Общечеловеческим в психике человека является, во-первых, наличие необходимого комплекса основных психических процессов (ощущение, восприятие, память, мышление, воля) и состояний, подчиняющихся общим для всех людей психофизиологическим механизмам, без которых не может быть и речи о психической деятельности личности; во-вторых, факт биосоциальной детерминированности психического мира и поведения человека (результатом и проявлением последней являются такие устойчивые черты и свойства личности, как ее темперамент и характер); в-третьих, факт социальности психики человека в отличие от психики животных.

Последнее обстоятельство находит свое выражение уже в самом элементарном акте психической деятельности людей, в ощущениях, поскольку в последнем сказывается специфически человеческий социальный опыт. Орел, замечал Ф. Энгельс, видит дальше человека, но зато человек видит гораздо больше орла, подмечая такие стороны и свойства явлений природы и общества, которые раскрываются лишь в практической, человеческой деятельности.

Социально-специфический опыт. Наряду с общечеловеческим необходимо различать социально-специфический опыт личности. Здесь имеются в виду все те особенности психики личности, которые связаны с фактом ее принадлежности к той или иной социальной общности или совокупности социальных общностей (этнических, классовых, политических, идеологических, экономических, профессиональных, национальных и т. д.).

За принадлежностью личности к той или иной общности или группе общностей стоит определенная программа предписанного извне поведения, которое находит выражение в системе требований, норм, правил и шаблонов деятельности.

Последние принято различать по их функциям на роли, нормы, ценности и символы.

Общим для названных элементов социально-специфического опыта личности является то, что все они выполняют определенные функции, санкционируя, регламентируя, регулируя и направляя поведение индивида.

Однако за пределами данной общности начинаются особенности каждого из элементов. Это находит свое отражение не только в том, что каждый из приведенных выше элементов опыта претендует на описание его функций в рамках специальной теории (теория ролей, теория ценностей и т. д.), но и в том, что за каждым из них стоит специфическая отрасль научного знания (за теорией ролей — социология; за нормативным подходом — этика и правоведение; за ценностным подходом — аксиология; за символикой — семиотика и т. д.).

Социальные роли. Роли являются исходными и определяющими элементами социального опыта, поскольку в них наиболее полно программируется тот или иной шаблон социального поведения.

Роли — это предписанные обществом в целом, специфической социальной организацией или конкретной совокупностью групп права и обязанности личности, которые вытекают из ее социального положения.

Каждая из ролей, вытекающих из определенного статуса человека, в свою очередь, представляет собой целый набор прав и обязанностей по отношению к окружающим индивида в конкретной ситуации людям. Так, человек, исполняющий роль врача, обязан заботиться о здоровье пациента, своевременно ставить диагноз, применять нужные и эффективные меры лечения, быть внимательным, отзывчивым, гуманным и т. д. Вместе с тем врач имеет и целый

ряд прав.

Роли личности весьма многообразны, человек является, как правило, одновременно и отцом семейства, и членом производственного коллектива, и членом приятельской компании и т. д. В результате складывается некий "узел" прав и обязанностей личности, которые вытекают из набора ролей и образуют ее социальное поле деятельности. Последнее есть целая система норм-шаблонов поведения, вытекающая из ролевой структуры личности.

Социальные нормы. Понятие социальной нормы широко практикуется в социологии и социальной психологии и обозначает правила или модели поведения, санкционированные социальными группами и ожидаемые в реальном поведении входящих в эти группы лиц [3].

Все нормы можно представить в виде норм-рамок, которые жестко регламентируют поведение и взаимоотношения людей в настоящем, и норм-идеалов, проектирующих наиболее оптимальные модели и шаблоны поведения людей на будущее. В свою очередь, нормы-рамки включают в себя нормы-запреты, нормы-права и нормы-обязанности [4].

Степень соотносительной значимости тех или иных социальных норм для индивида различна. Это находит свое выражение в том субъективно-практическом отношении к ним личности, которое принято называть ценностной ориентацией.

Ценностные ориентации. Любая общественно-экономическая формация характеризуется определенной системой и даже иерархией ценностей, которые надо различать на ценности санкционируемые и культивируемые официально, т. е. с помощью разветвленной системы средств, которыми располагает государство, и ценности, которые функционируют на уровне обыденного сознания, независимо от того, культивируются или, наоборот, отвергаются они официально. Во всяком случае не следует отождествлять эти два различных ряда ценностных ориентации. Когда речь идет о системе значений, характеризующих личность как объект социальных отношений, то имеется в виду как раз система официально культивируемых ценностей, которая в той или иной мере оказывается усвоенной индивидом.

Символы. Одним из средств распространения, внедрения и закрепления официально санкционируемой системы ценностей является символика. Символы соединяют в себе рациональный смысл и рационально истолкованное значение той или иной социальной ценности с высоким эмоциональным уровнем и остротой ее восприятия и переживания.

Все названные элементы (роли, нормы, ценности и символы) представляется целесообразным объединить одним обобщающим понятием — "значение". Этот термин употребляется в нашей психологической литературе для обозначения как раз тех специфических форм отражения социальной действительности человеком, которые носят предельно обобщенный, безличный характер [5, с. 34].

Усвоение социального опыта. Степень интернализации (усвоения) индивидом системы социального опыта различна. Она зависит от целого ряда моментов, в том числе и от эффективности функционирования средств, культивирующих те или иные значения. Известно, например, что иерархия ценностей в ориентации молодежи при выборе будущей профессии накануне или после окончания средней школы во многом зависит от направленности воздей-

ствия средств массовой информации.

Есть основания говорить о сложности и определенной последовательности самого процесса усвоения индивидом системы социальных значений. Весь этот процесс нам представляется в виде четырех последовательных стадий.

На первой стадии индивид получает исходную информацию о тех или иных социальных значениях (ролях, нормах, ценностях и т. д.). Эту стадию можно обозначить как знание.

Следующая стадия наступает, когда вслед за знанием приходит положительное или отрицательное эмоционально-рациональное отношение к культивируемому значению, представляющее собой социально-психологический стереотип восприятия (признание — отвержение) или установку восприятия.

Но степень признания различна: от легкой симпатии, незначительного интереса до глубокого убеждения в ценности того или иного значения и готовности действовать в соответствии с ним. Поэтому есть основания для того, чтобы выделить следующую ступень в процессе интернализации социальных значений — такую установку, которая означает готовность действовать в соответствии с заданным значением. Разновидностью такой осознаваемой установки является убеждение.

И наконец, завершающей, высшей ступенью в процессе усвоения индивидом социального опыта нам представляется тот качественный скачок, который сопровождает переход от убеждения к побуждению, обозначающему волевое усилие, необходимое для того, чтобы готовность к действию переросла в само действие.

Таким образом, в процессе усвоения социальных значений происходит изменение позиции личности от роли стороннего наблюдателя к заинтересованности, от заинтересованности к готовности и убежденности, а затем и к деятельности, соответствующей системе интернализованного социального опыта.

Позиция личности. Позиция — это отношение человека к системе норм, правил, шаблонов поведения, вытекающих из его социального положения и предписываемых окружающей его средой. Совокупность всех этих норм опосредована той ролью, которую, как считают окружающие и сам данный человек, он должен выполнять в соответствии с его социальным положением и данной конкретной ситуацией.

Позиция личности обусловлена целым рядом факторов — уровнем самосознания личности, мнением окружающих, системой ценностных ориентаций личности и т. д. [6].

С позиции личности, по существу, и начинается тот структурный пласт психики, который характеризует личность уже не в качестве объекта, а в качестве субъекта социальных отношений. Именно это качество — активность и четкость позиции — выражает наиболее полно и социально-психологическую сущность личности вообще (С. Л. Рубинштейн).

Но позиция личности есть не одномерное, а многомерное образование. Позицию личности в обществе, по словам Б. Ф. Ломова (ее индивидуальное бытие), было бы неверно изображать как некую точку в сложной сети связей между людьми. Скорее ее можно представить как "многомерное динамическое пространство", каждое измерение которого соответствует определенному виду общественных отношений [7, с. 301—302].

Самосознание личности. Наиболее важным структурным образованием психологии личности, оказывающим значительное воздействие на ее отношение к системе предписанных социальных норм и правил поведения, является самосознание личности⁴.

Существо самосознания состоит в способности и умении человека отделять себя от жесткой и довольно стереотипной как социальной, так и биологической программы поведения, которая характеризует его лишь как объект биосоциальных отношений.

Отношение к своему "Я", осознание своей индивидуальности нередко ставится в один ряд с понятием самосознания личности. Между тем понятие самосознания личности далеко не покрывается ее осознанием своей индивидуальности, а предполагает осознание широкого круга своих отношений с социальным миром.

В этой же связи правомерно говорить о социально-специфическом самосознании личности. Последнее проявляется прежде всего в том, как человек осознает свое специфическое социальное положение. Здесь подразумевается умение отделить себя от санкционированных извне норм и правил поведения. Но не для того, чтобы пытаться подняться над ними вообще, а лишь для того, чтобы отдать предпочтение одной из систем социальных ориентации.

Если попытаться охарактеризовать основные аспекты социально-специфического самосознания, то они, на наш взгляд, могут быть сведены к следующим: во-первых, к осознанию индивидом своего социального положения, предполагающего соотнесение этого положения с социальным положением других людей, отличных от данного индивида по их статусу; во-вторых, к осознанию индивидом санкционированных извне, предписанных обществом и его различными группами норм, требований, функций и ролей.

В свою очередь каждый из двух названных выше моментов предполагает более детальное расчленение на его составляющие. Так, осознание индивидом своего социального положения предполагает одновременно как национальное, так и классовое; как этническое, в том числе и земляческое, так и профессиональное самосознание.

Другими словами, здесь имеется в виду способность человека к осознанию всего того узла связей и отношений, которые характеризуют его как представителя и функционера самых различных социальных общностей, начиная от малых групп (друзья, семья, учебный и рабочий коллектив и т. д.) и кончая такими большими социальными группами, как класс, нация и народ.

Точно так же многогранен и тот аспект самосознания личности, который связан с ее способностью подняться над своим положением лишь в качестве объекта и продукта биосоциальных отношений. Здесь подразумевается осознание человеком не только своих чисто социальных, но и биосоциальных потребностей и влечений, в том числе и тех, которые связаны с его отношением к природной среде⁵, но также имеется в виду и способность личности к осознанию своей индивидуальности, то есть всего того, что характеризует неповторимость данного человека: его биосоциальных данных, жизненного опыта и жизненного пути.

Важным элементом в структуре самосознания личности является само-

⁴ Проблема самосознания привлекала внимание многих ученых еще в 60-е и 70-е годы. (Е. В. Шорохова, К. К. Платонов, В. П. Тугаринов, И. С. Кон, А. В. Петровский, А. Г. Спиркин, И. И. Чеснокова.) Она остается актуальной и в 80-е годы [8], [9].

⁵ Особое место здесь занимает и требует разностороннего исследования экологическое самосознание и воспитание личности. На значимость последнего применительно к системе профтехобразования уже указывалось ранее (Парыгина А. А. 1985-87 гг.).

оценка человека, то есть его оценка своих возможностей и способностей, соотношенная определенным образом с его реальным положением и совокупностью выполняемых им обязанностей, функций и ролей.

Таким образом, по своей структуре самосознание личности представлено: 1) родовым самосознанием или фактом осознания человеком своей принадлежности к человеческому роду; 2) социально-специфическим самосознанием или фактом осознания человеком своей принадлежности к определенной совокупности социальных групп, представителем которых он является (этому соответствует национальное, политическое, профессиональное, правовое самосознание); 3) индивидуальным самосознанием или фактом осознания индивидом его индивидуально-неповторимых особенностей, черт характера и специфических жизненных интересов.

Модели динамической структуры личности. Важной особенностью динамической структуры личности в отличие от статической является ее приуроченность к какому-то конкретному отрезку времени, в течение которого можно говорить о состоянии психики или деятельности человека.

В соответствии с этим нужно различать два основных аспекта динамической структуры личности: внутренний, интроспективный, и внешний, поведенческий.

Как интроспективный, так и поведенческий аспекты динамической структуры личности, в свою очередь, могут носить характер вербальной или невербальной модели. Иными словами, как внутреннее психическое состояние, так и внешне очевидное поведение человека может в различной степени осознаваться, предвлекаться и сопровождаться осознанной мотивацией побуждений и поступков.

Таким образом, можно говорить о четырех основных модификациях динамической структуры личности: 1) структуре вербального поведения; 2) структуре невербального поведения; 3) структуре внутреннего вербального состояния; 4) структуре невербального психического состояния (см. схему 5).

Схема 5

Эквиваленты динамической структуры личности. За каждой из моделей динамической структуры личности стоят определенные эквиваленты, которые можно выразить посредством системы научных терминов и категорий. Под эквивалентами динамической структуры личности мы понимаем, во-первых, определенную феноменологическую характеристику тех или иных аспектов структуры личности и, во-вторых, соответствующую этому единицу измерения исследуемого аспекта структуры.

Применительно к внешнему поведению человека, различаемому на вербальное и невербальное, есть основания в качестве эквивалентов рассматривать соответственно вербальный стереотип и шаблон невербального поведения, которые в совокупности образуют стереотипы социального поведения личности.

Последние характеризуют шаблон поведения или такую совокупность его элементов, которые носят относительно устойчивый характер в той или иной ситуации, являясь наиболее приемлемой и привычной для индивида формой и нормой его ситуативной активности.

Если личность в целом можно охарактеризовать как какой-то один определенный тип, то стереотипов поведения у одной и той же личности может быть очень много.

Моделям внутреннего психического состояния личности как моделям ее динамической структуры в качестве эквивалентов соответствуют другие понятия и категории.

К сожалению, на сегодняшний день в научной литературе нет сложившегося и общепринятого представления об эквивалентах динамической структуры личности.

В качестве такого эквивалента в философской, психологической и социологической литературе за последние годы выдвинуто много различных понятий, в том числе понятия направленности и позиции личности, понятия мотивации и нормы поведения, понятие роли и установки, понятия состояния, ценности и отношения и др.

Все это, безусловно, делает необходимым установление четкой субординации между философскими, социологическими и психологическими категориями, претендующими на роль известного эквивалента динамической структуры личности.

Это делает правомерным поиск и разработку интегральных понятий, которые могли бы быть эквивалентом динамической структуры личности, включающим в себя как предметно направленное, так и беспредметные психические состояния.

Понятие психического настроения личности. В качестве значимого образования психики может рассматриваться психический настрой или настроение личности [10]—[12, с. 135—159].

Под последним подразумевается интегральное структурное образование, которое характеризует тональность и степень предметной направленности психического состояния человека в данный отрезок времени. Эта предложенная нами в 1971 году [12, с. 144—154] концепция структуры психического настроения позже, уже в 90-е годы, была принята и другими авторами [13, с. 231]—[15, с. 200].

Значимость психического настроения личности определяется прежде всего многообразием его функций: 1) в качестве аккумулятора всей текущей информации, воспринимаемой и перерабатываемой индивидом в единицу времени; 2) в качестве регулятора и тонизатора активности человека; 3) в качестве установки восприятия информации и деятельности; 4) в качестве фактора ценностной ориентации личности.

В свете сказанного очевидно, что психический настрой может рассматриваться в качестве эквивалента той модели динамической структуры личности, которая связана с психическим состоянием человека в каждый конкретный момент его деятельности.

В конечном итоге связь между различными моделями динамической

структуры личности и их эквивалентами можно представить в виде следующей схемы (см. схему 6).

Как видно из данной схемы, динамическая структура личности представлена двумя основными моделями психического состояния и поведения. Каждая из них, в свою очередь, представляет собой двуединство: в одном случае невербального и вербального психического состояния, в другом — невербального и вербального поведения. Соответственно в качестве эквивалентов различных моделей динамической структуры личности выступают: психический настрой личности и стереотип социального поведения. Психический настрой личности представлен, с одной стороны, неосознанным эмоциональным фоном, что соответствует невербальному психическому состоянию, а с другой — умонастроением, осознанным переживанием, системой мотивации и планов поведения, что соответствует вербальному психическому состоянию.

Схема 6

4.3. Личность как социально-психологическая проблема.

Понимание личности как проблемы. Уже в структуре личности заложено противоречие между ее стабильной и динамичной (подвижной) составляющей. Сравнительно стабильна система психологических установок и стереотипов поведения. Психический же настрой личности, особенно его актуальная и ситуативная составляющие достаточно подвижны.

Сложившийся набор социальных ролей личности требует от нее устойчивого, прогнозируемого другими поведения в рамках социальных норм и ожиданий, вытекающих из ее социально-психологического статуса как в первичной группе, так и в социуме в целом.

Но сложная духовная жизнь индивида, подверженная смене настроений, способна выбить его из привычной колеи, поставить перед неожиданным и крутым поворотом в жизни.

Уже в этом столкновении устойчивых стереотипов и ориентации личности с ее же более подвижным жизненным опытом, со свойственной ему сменой впечатлений и настроений заложено глубокое внутреннее противоречие личности. Последнее и дает основание рассматривать личность в качестве социально-психологической проблемы.

Природа противоречий личности. Основным источником проблемности личности с этой точки зрения является чаще всего разрыв между уровнем притязаний и реальным потенциалом психических и физических сил и возможностей личности, между масштабностью мотивации, целей и намерений и уровнем психологической готовности к их практической реализации.

Эти противоречия проявляются во всем многообразии несоответствий между потребностью самоопределения личности (найти себя) и трудностью ее реализации, между жаждой подлинного самовыражения и суррогатной практикой ее утоления. С этой точки зрения тяга к нецензурным средствам речевого общения может квалифицироваться в качестве ущербного способа компенсации неспособности к более полному самовыражению своей индивидуальности. Это же одновременно и способ "психологической разрядки" от давящего комплекса неполноценности.

В конечном итоге в основе этих противоречий лежит трудность реализации потребности самосознания личности в упорядочении своих внутренних ценностей и ролей, сложность построения их оптимальной шкалы с таким распределением приоритетов, которое бы не противоречило подлинным интересам самого человека.

Природа проблемности личности состоит здесь в трудности формирования ее интегрального "Я". Именно оно несет ответственность за адекватную оценку своих психических и физических сил и возможностей, за адекватное соотношение своих притязаний и потенциала, за оптимальность выбранного пути и средств личностной самореализации и т. д.

Ключевое значение для преодоления этих противоречий имеет прежде всего адекватное представление личности о своем духовно-нравственном потенциале, о его специфике, масштабности, его возможностях и границах.

Пути преодоления внутриличностных противоречий. Не менее существенна и полнота представлений личности о ее социальных ролях, о путях преодоления межролевых и внутриличностных противоречий, о наибольшей адекватности ролевых предпочтений и приоритетов интересам развития и реализации ее уникального духовно-психического потенциала.

Но многообразием социальных ролей не покрывается поле личностного

самосознания. Столь же актуально осознание индивидом себя в качестве представителя рода человеческого, равно как и носителя своей уникальности, индивидуальной неповторимости.

Таким образом, преодоление внутриличностных противоречий предполагает, прежде всего, осознание индивидом природы последних и поиск путей согласования между собой тех доминирующих ценностей и ориентации, которые оказываются между собой в состоянии конфликта.

Интегральное "Я". В свою очередь, как осознание всего этого, так и выбор путей снятия конфликта ложится на интегральное "Я" личности, которое способно выступать в роли внутреннего арбитра при решении спорных вопросов. Интегральное "Я" стоит над более частными по отношению к нему разновидностями личностного самосознания. Именно это позволяет интегральному "Я" выстраивать ту или иную систему отношений, предпочтений и выборов применительно к различным ролевым функциям и ценностям личности.

Вместе с тем и по отношению к интегральному "Я", к тому, как оно справляется со своими обязанностями, необходим контроль со стороны самосознания. Это еще более высокий уровень последнего, который выступает по отношению к интегральному "Я" в качестве его цензуры. В роли цензора здесь выступает уже некое "Сверх-Я". Последнее представляет собой отношение к отношениям, т. е. свою оценку того, как интегральное "Я" строит свои отношения со всей совокупностью более частных ролей и ценностей личности.

"Сверх-Я" более свободно и вариабельно в ситуации выбора предпочтений и принятии решений в отличие от интегрального "Я", которое так или иначе, но должно соотноситься со своими частными ролями и ценностями.

Именно на уровне "Сверх-Я" как раз и возможно такое решение, которое, не затрагивая структуру внутриличностных отношений, способно придать им новое качество. Это тот случай, когда принято говорить. "Если ситуация невыносима, но ты не можешь ее изменить, то измени свое отношение к ней".

Способы повышения уровня рефлексивного потенциала личности. Из всего сказанного достаточно очевидно то, что как в отношениях интегрального "Я" к системе ролевых предписаний и функций, усвоенных личностью, так и в отношениях "Сверх-Я" к интегральному "Я" проявляется способность человеческого мозга и сознания к рефлексивной деятельности. При этом достигается его более высокий уровень разрешающей способности по отношению к той или иной проблеме.

Повышение ранга рефлексивности означает вместе с тем и развитие рефлексивного потенциала личности. С этой точки зрения и "Сверх-Я", так же как и интегральное "Я", нуждается в контроле над собой. В таком случае возникает еще один более высокий уровень рефлексии по отношению к тому, что только что было квалифицировано как "отношение к отношению".

Таким образом, уровень психологической готовности личности к разрешению своих внутренних проблем в конечном итоге оказывается в зависимости от степени развитости ее рефлексивного потенциала или способности подниматься над своими внешне ориентированными ролевыми отношениями к реальным проблемам внутреннего роста.

4.4. Специфика социально-психологического изучения личности с учетом пространственных и временных параметров.

Специфика социально-психологического подхода к изучению личности. Одной из особенностей социально-психологического подхода к изучению своего предмета, в том числе, а может быть и прежде всего, к личности является более высокая, чем в других, ранее сложившихся областях знания, динамичность, способность к перемещению акцентов во внимании исследователей к тем или иным сторонам изучаемого явления.

В 20-х годах, в пору первых социально-психологических экспериментов по изучению эффектов и результатов влияния на личность фактора совместной, групповой деятельности на первом плане оказалась эта сторона детерминации состояния и поведения индивида в группе. Значительно позже, в период возрождения отечественной социальной психологии в 60-х и 70-х годах, стала более актуальной задача исследования личности в широком контексте ее жизнедеятельности, выходящем за рамки лишь ее первичного коллектива.

Это отразилось, например, и на характере постановки такой традиционно социально-психологической проблемы, какой является феномен лидерства. Последнее стало сопоставляться с психологией руководства, а то, в свою очередь, вышло за узкие рамки не только первичного коллектива, но и более широкие грани социальной организации на еще больший оперативный простор исследования верхних эшелонов управления — территориального и регионального в их связи с федеральным [16].

Нет ничего удивительного поэтому в том, что и представление о специфике подхода к феномену личности в социальной психологии, в отличие от социологии и общей психологии, как они сложились более четверти века тому назад, сегодня нуждаются в определенной коррекции.

В 60-х и начале 70-х годов социальную психологию в отличие от социологии и общей психологии более всего выделяло стремление соединить в себе достоинства каждого из этих подходов, расчленивших по существу то единое целое, каким является личность на две обособленные составляющие.

Социологов более всего интересовал социальный контекст жизнедеятельности личности и в значительно меньшей степени глубина ее психологических характеристик, включая сюда и саму уникальность, и индивидуальную неповторимость личностных свойств человека.

Общая же психология тогда еще не успела выйти за рамки своих традиционных границ и представлений об общечеловеческих психических свойствах, процессах и состояниях индивида. Поэтому у нее на первом плане было изучение всеобщих механизмов психической жизнедеятельности человека.

Именно поэтому тогда нам представлялось крайне актуальным подчеркнуть то обстоятельство, что специфика социально-психологического подхода состоит в том, чтобы "раскрыть всю структурную сложность личности, которая является одновременно как объектом, так и субъектом общественных отношений" и представляет собой некое триединство "общечеловеческого, социально-специфического и индивидуально-неповторимого" [12, с. 109].

Необходимость и перспективы изменения подхода к исследованию личности. Однако в дальнейшем уже к концу 70 — началу 80-х годов ситуация существенно изменилась. Демаркационные линии границ, отделявшие социальную психологию от общей психологии и социологии, стали "прозрачными". Казавшаяся специфически социально-психологической, проблематика общения, например, стала интенсивно осваиваться с позиций общей психологии

[17], [18]. А такой почти никого кроме автора этих строк не волновавший в 50-е годы всерьез феномен, каким является общественное или (что по сути почти одно и то же) социальное настроение, сегодня в глазах социологов приобретает характер универсального ключа к пониманию если не всех, то по крайней мере очень многих как духовных, так и социально-экономических проблем в жизнедеятельности нашего социума [14].

Естественно, что все это делает достаточно актуальным и вопрос о специфике социально-психологического подхода не только к личности, но и шире — ко всей своей проблематике с учетом происходящих перемен.

Нам представляется, что сегодня становится все более очевидной ограниченность представлений, во многом заимствованных у зарубежных исследователей (преимущественно у социальных психологов США) о малой группе как эпицентре социально-психологических проблем, в том числе и при изучении личности.

Сегодня, когда Россия переживает состояние как тяжелого кризиса, так и глубочайших перемен, сопоставимых разве что с тектоническими разломами земной коры, микромасштаб групповой психологии мало что способен дать радикально нового для понимания острейших и требующих безотлагательного решения социально-психологических проблем, в числе которых личность занимает одно из видных мест.

Поэтому с точки зрения перспектив дальнейшего развития и углубления социально-психологического подхода к изучению личности, очевидна спорность утверждения Г. М. Андреевой о том, что "для социальной психологии главным ориентиром является взаимоотношение личности с группой" [19, с. 272].

Новое время масштабных трансформаций и динамичных перемен требует, на наш взгляд, иных измерений и пространств и для исследования социальной психологии личности.

Оно предполагает соотнесение всех психических сил и возможностей личности, ее духовно-нравственного и социально-психологического потенциала с ее же психологической готовностью дать адекватный ответ на вызов своего времени⁶. А это, в свою очередь, возможно лишь при условии развития нового социально-психологического видения путей решения вечно актуальной задачи личности, связанной с ее потребностью самореализации в качестве уникальной индивидуальности, вносящей свой посильный вклад в общечеловеческую и общенациональную культуру в отведенном для ее жизни пространстве и времени.

⁶ Несомненный интерес в этой связи представляет целое историко-психологическое направление отчетливо выраженное в русской науке середины XIX — начала XX веков: в трудах П. Л. Лаврова, Н. К. Михайловского, Н. И. Кареева, М. М. Троицкого, В. М. Бехтерева, П. А. Сорокина, Н. А. Бердяева, а также плодотворная попытка Е. Ю. Бобровой с позиций исторической психологии исследовать связь психологических особенностей личности с конкретно-историческими условиями ее существования [20].

ГЛАВА 5. ДУХОВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛИЧНОСТИ

5.1. Понятие и природа духовного потенциала личности

Определение понятия духовного потенциала. Под потенциалом личности понимают определенный уровень ее психических возможностей и внутренней энергии, направленной на творческое самовыражение и самоутверждение. Психические возможности личности складываются в конечном итоге из ее интеллектуального, эмоционального и волевого потенциалов.

Они, в свою очередь, предполагают наличие у личности развитого сознания и самосознания, способности критического восприятия поведения окружающих и собственного поведения, способности сознательного выбора своей позиции в жизни. В процессе принятия обоснованного, социально ответственного решения и его реализации проявляются активность, самостоятельность, индивидуальность человека, его наиболее глубокие индивидуально-типологические черты и особенности.

Духовный потенциал как проявление уникальности личности. Есть основание предполагать, что на степень развернутости духовного, творческого потенциала личности наряду с другими факторами влияет уровень развития ее социально значимого мироощущения, мировосприятия и умонастроения, проявляющейся в индивидуально-неповторимой форме. Именно этими качествами может быть измерен вклад творческой личности в ту или иную область науки, литературы, искусства. "Талант, — отмечал Ги де Мопассан, — порождается оригинальностью, которая представляет собой особую манеру мыслить, видеть, понимать и оценивать" [1, с. 7].

В сочетании индивидуальной неповторимости формы с социальной значимостью и богатством содержания — один из секретов бессмертных творений. "В своих симфониях, в частности в Героической симфонии, — писал академик Т. Павлов, — Бетховен действительно выразил ряд настроений, переживаний, мечтаний, стремлений, которые волновали его самого в его личной жизни. Но одновременно в Героической симфонии (и не только в ней) Бетховен... отразил гениальным художественным способом соответствующие настроения, чувства, стремления и идеи если не всего, то значительной части тогдашнего общества и времени" [2, с. 23].

Таким образом, не в оригинальности и нетрадиционности любой ценой, а в социально значимой самобытности творческой личности, в цельности и глубине ее мировосприятия, в органичности связи между ее мировосприятием и умонастроением эпохи — секрет влияния личности, ее духовной неповторимости.

Кратко смысл рассматриваемого здесь понятия духовного потенциала личности можно было бы выразить так: это есть интегральная характеристика психических возможностей (интеллектуальных, эмоциональных, энергетических и волевых) ее самореализации.

Факторы, определяющие духовный потенциал личности. По своей природе духовный потенциал личности является результатом всей ее жизнедеятельности (труда, познания и общения), в том числе и деятельности, специально направленной на его формирование, развитие и обогащение. Он складывается и формируется на протяжении всего жизненного пути человека под влиянием окружающих его социальных условий, особо значимых для него обстоятельств.

Вместе с тем исходные конституционно-психологические предпосылки

индивидуального своеобразия даны в определенной мере каждому человеку уже от природы, генетически.

На богатство и бесконечное разнообразие генофонда человеческой индивидуальности обращает внимание Н. П. Дубинин. "Можно твердо сказать, — пишет он, — что в современном человечестве за всю прошлую историю и в будущем не было и не будет двух наследственно идентичных людей" [3, с. 38].

Закономерный характер генетической неповторимости человека подчеркивают и другие исследователи. В частности, то обстоятельство, что эволюция живого — это творческий процесс в том смысле, что "она создает новое, которое никогда ни существовало в прошлом... Генотип, генетические возможности каждого из нас абсолютно уникальны; они никогда не существовали раньше у другой личности, и в высшей степени невероятно, чтобы они снова сформировались у кого-нибудь а будущем" [4, с. 19].

Это генетическое разнообразие человеческой индивидуальности так или иначе отражается и на многообразии психических свойств личности. Это, однако, не означает тождественности генотипа и духовно-психической индивидуальности личности⁷.

Самосознание личности как фактор развития ее духовного потенциала. Механизм самосознания, который является условием развертывания духовного потенциала личности, богатства ее внутреннего мира, уходит своими корнями уже в самочувствие ребенка, который научается отделять себя от окружающего, у которого формируется стремление сохранять внутреннюю сбалансированность и себестождественность. "...Из детского самочувствия, — писал И. М. Сеченов, — родится в зрелом возрасте самосознание, дающее человеку возможность относиться к актам собственного сознания критически, т. е. отделять все свое внутреннее от всего приходящего извне, анализировать его и сопоставлять (сравнивать) с внешним, — словом, изучать акт собственного сознания" [5, с. 504].

Однако при всей важности генетических, физиологических предпосылок и общепсихологических механизмов, которые обеспечивают реализацию духовного потенциала личности, его природа далеко не исчерпывается этим.

Духовный потенциал личности не есть результат простой реализации генетических предпосылок. Гораздо в большей степени он, как уже отмечалось, продукт всего жизненного пути человека, обусловленный сложным переплетением обстоятельств его социального бытия. Это значит, что правомерно говорить не только о реализации и развертывании социально-психологических предпосылок духовного потенциала личности, но и об их формировании, которое представляет собой столь же закономерный и естественный процесс, как и развитие ее задатков, потребностей и способностей.

Между духовным потенциалом личности как внутренней, психической возможности ее развития и практической реализацией последней всегда существует определенная дистанция. Ее преодоление зависит от целого ряда факторов, важнейшим из которых является активная практическая деятельность человека, направленная на развитие и реализацию его творческих сил и способностей.

⁷ Успехи современной генной инженерии, обеспечивающие уже сегодня эффект "клонирования", или дублирования, генотипа животного и могущие при необходимости быть примененными и для воспроизводства человеческого организма (что пока является предметом острой дискуссии), тем не менее не означают возможность искусственного "тиражирования" духовно-психической индивидуальности личности. Последняя сохраняется даже в феномене сиамских близнецов.

5.2. Возможности и пределы духовно-психического потенциала личности.

Возможности духовно-психического потенциала личности: интеллектуальные, эмоциональные и волевые. Во взглядах на возможности духовно-психического потенциала человека очевидны существенные различия между учеными.

Одни обращают внимание на его огромные, почти безграничные возможности [6]—[9], в то время как другие, наоборот, — на ограниченность тех или иных духовно-психических сил и резервов человека. Так, для многих исследователей бесспорны колоссальный потенциал роста продолжительности как физической, так и связанной с ней духовной жизни людей. Уже сейчас установлена как вполне естественная и достигнутая норма продолжительности жизни человека — 120 лет. Столько обычно уже сейчас живут в Тибете. Ученые говорят о принципиальной возможности 7- или 14-кратного увеличения жизни человека (от возраста зрелости в 20 лет) как это имеет место у животных. А по предсказаниям французского астролога Нострадамуса люди достигнут долгожительства и будут жить 300 лет уже в 2100 году⁸.

Жизнестойкость и необычные возможности духовно-психического потенциала человека в целом многие исследователи связывают с уровнем его интеллекта и прежде всего с материальным субстратом последнего — мозгом. Интеллектуальный потенциал человека в целом весьма высок, и его возможности еще далеки от сколько-нибудь полной реализации. Как отмечал американский ученый С. Коэн, "еще никто не знает границ своего ума... Мы никогда даже близко не подходим к границам наших возможностей, а мозг обычно работает на ничтожную долю своей мощности. Задача будущего — узнать, как, с какой пользой увеличить эту долю". "В коре головного мозга — по мнению Г. Селье, — заключено столько мыслительной энергии, сколько физической силы содержится в атомном ядре, и... центральная задача науки заключается в том, чтобы найти способ высвобождения и использования этой энергии" [10].

Известно также, что из огромного числа — 15 млрд нервных клеток — нейронов, заключенных в мозгу, используется пока сравнительно небольшая часть. По некоторым данным, человек в среднем реализует 4% от общего количества нервных клеток, так что 96% их остается в резерве [11, с. 7].

Представление о границах духовно-психического потенциала. Наряду с высокими оценками, даваемыми уровню развития духовно-нравственного потенциала человека, существуют и такие достаточно традиционные представления, согласно которым если не сам потенциал, то по крайней мере возможности его реализации весьма ограничены. В определенной мере о последнем свидетельствует то обстоятельство, что человек реализует в конце жизни только незначительную часть своего интеллектуального потенциала.

Н. М. Амосов о пределах интеллектуальных возможностей человека. Но если это свидетельствует лишь о трудностях прижизненной реализации интеллектуальных возможностей человека, то, по мнению Н. М. Амосова, есть основание говорить заодно и об ограниченности самого интеллекта. Именно с этим он связывает необходимость работ по созданию искусственного (машинного) интеллекта, что вызвано якобы особенностями мышления человека, для которого характерны ограниченный объем памяти, малая скорость переработ-

⁸ Однако еще значительно может оказаться срок жизни души человека. По традиционным представлениям, сложившимся в индийской философии, срок жизни души исчисляется в 500—600 лет. Если же допустить достоверность сообщений в прессе о многократной реинкарнации Сергея Перова из Волгограда, то наш соотечественник прожил уже 704 года.

ки информации, медленность обучения, трудность вспоминания и выборки, неизбежность искажений [12, с. 146—147], [13].

Близка к этой позиции и точка зрения тех исследователей, которые рассматривают деятельность мозга, лишь исходя из теории информации, а не физиологии, и говорят о пределах его возможностей, о его перегрузке и перенасыщенности информацией в условиях научно-технической революции.

Информационный взрыв как фактор перенасыщенности информацией. Действительно, научно-технический прогресс сопровождается интенсификацией всей психической, в том числе и интеллектуальной, деятельности человека, что в ряде случаев может породить эффект "информационного перенасыщения", психической перегрузки и стрессового состояния.

Одной из форм психологической защиты личности от стресса в этих условиях может оказаться известное торможение интеллектуальной и эмоционально-волевой активности индивида. Последняя обнаруживает себя внешне, например, в так называемом феномене "пресыщенности знанием", наблюдающемся у части учащихся средних школ и студентов вузов.

Известно, что на заре духовной истории человечества, во времена античности, да и в более поздние эпохи люди еще не были избалованы избытком информации. В эпоху Возрождения учащиеся школ могли слушать лекции в течении 4 часов подряд без перерыва. Современный школьник или студент далеко не всегда способен на столь длительное сосредоточение внимания.

Возможно, что эти различия в степени усидчивости учащихся могут быть объяснены большей динамичностью, разнообразием информации, с которой имеет дело современный молодой человек в отличие от его предшественников, не испытавших того многообразия быстро меняющихся впечатлений, которое несет ныне система средств массовой коммуникации.

Сугубо информативный подход видит причину такой эволюции познавательной активности учащихся в постепенном перенасыщении мозга, который, подобно сосуду, прошел долгий путь от "вакуума" до "переполненности" (см. рис. 4).

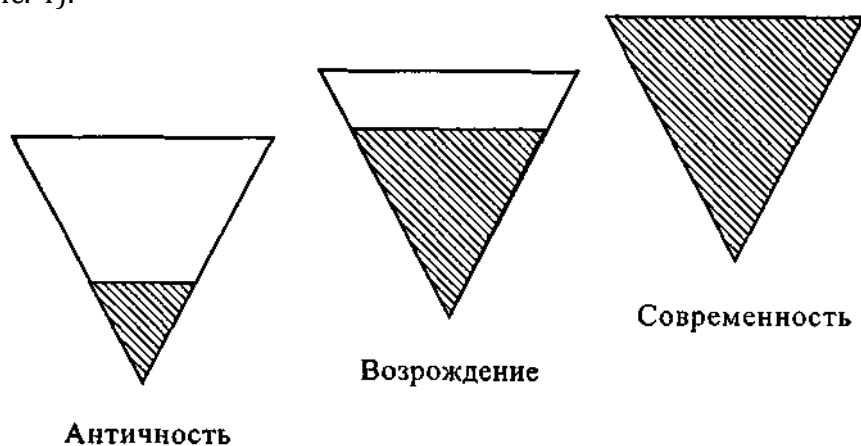

Рис. 4

Уже из сказанного выше вытекает ответ на вопрос относительно природы границ духовно-нравственного потенциала человека.

Одним из факторов, затрудняющих самореализацию духовно-психического потенциала личности, является ограниченность интеллектуальных, мыслительных способностей человека, связанных со скоростью переработки им информации и возможностями ее хранения в памяти. Другой — с

трудностями использования в полной мере и этих интеллектуальных возможностей.

В числе различных попыток объяснить последнее обстоятельство заслуживает внимания взгляд на рассматриваемую проблему со стороны исследования роли эмоций в жизни людей.

Эмоции как способ компенсации недостатка информации. Согласно концепции, предложенной академиком П. В. Симоновым, эмоции играют компенсаторную роль по отношению к уровню рациональной информированности человека. Эмоции тем ярче, чем ниже уровень информации, необходимой и имеющейся у человека по поводу удовлетворения актуальной для него в данный момент потребности. И наоборот, эмоции отсутствуют там, где есть вся необходимая и достаточная для эффективного действия информация [14, с. 30—31].

Эмоции как регулятор интеллектуальной активности. Из сказанного не трудно сделать выводы относительно роли эмоционального фактора, рассмотренного с данной точки зрения, в реализации духовного потенциала личности.

Являясь мощным инструментом эмоциональной самореализации личности, этот фактор вместе с тем может тормозить саму потребность в получении новой информации на основе интеллектуальной деятельности, поскольку способен компенсировать ее отсутствие.

Снижением уровня интеллектуальной активности способна сопровождаться и эмоционально яркая, окрашенная силой и потенциалом воображения, жизнедеятельность людей. Образность мировосприятия, связанная с тем же воображением человека, снижает уровень его потребности в чисто рациональной, интеллектуальной деятельности.

Далеко не случайно поэтому многие исследователи в прошлом склонялись к отрицательной оценке роли эмоций в развитии и реализации интеллектуального потенциала личности. Чарльз Дарвин, например, квалифицировал эмоции человека в качестве рудиментов психики животных. А немецкий философ Иммануил Кант полагал, что будущий и более интеллектуально развитый человек вполне сможет обходиться и без эмоций.

Однако такой взгляд нельзя признать абсолютно бесспорным.

Достаточно сказать, что те же эмоции ученого, его страсть, увлеченность решением какой-либо проблемы играют роль могучего фактора мобилизации всех его творческих сил.

Иными словами, эмоции нельзя рассматривать по отношению к интеллектуальному потенциалу человека в качестве некоего антипода. Эмоции способны играть как отрицательную, так и в высшей степени положительную роль в творческой, интеллектуальной деятельности человека. Они способны выступать в качестве психического регулятора уровня его интеллектуальной активности.

Фактор саморегуляции в реализации духовно-психического потенциала. Не менее существенен для понимания природы границ духовного потенциала и механизм психической саморегуляции личности. От уровня способности к сосредоточению внимания в любых видах деятельности решающим образом зависит и степень реализованности духовно-психического потенциала личности в целом.

Исследования в области инженерной психологии, в частности, показали,

что эффективность деятельности человека, например оператора у пульта управления, целиком зависит от адекватности или неадекватности его восприятия и реагирования на поступающую извне информацию, от его способности своевременной переработки последней, при этом как избыток, так и недостаток поступающей информации ведет к снижению уровня включенности сознания и внимание оператора в данной ситуации его деятельности (Б. Ф. Ломов).

5.3. Природа скрытых резервов духовно-психического потенциала личности.

Границы возможностей или скрытые резервы духовно-психического потенциала человека. Очевидно глубокое противоречие между ростом предметно-производительной активности человека в его истории, с одной стороны, и в то же время снижением уровня его же психической включенности во многие сферы современной жизнедеятельности — с другой.

Тенденция снижения уровня психологической включенности человека в различные сферы его жизнедеятельности, сопровождаемая процессом его психологической дестабилизации, подверженности разрушительным влияниям стрессогенных факторов может быть понята как защитная реакция на почве неадекватности его психического потенциала все более жестким требованиям новой среды и нового времени.

Невольно на этой основе может возникнуть вопрос и о границах психических возможностей человека, равно как и предположение о иссякающих резервах его духовно-нравственных сил.

Однако при более внимательном подходе к этому вопросу становится очевидна необоснованность такого предположения. Иначе чем объяснить наблюдаемый на протяжении веков всплеск психоэнергетической активности человека, происходящий на переломе различных исторических эпох и столетий? Вот и сейчас, в последнем десятилетии уходящего XX века, очевидна вспышка экстрасенсуальной активности личности.

Что это, как не знак неисчерпаемых духовно-психических сил и резервов его энергетики?

Однако почему этот признак полноты духовно-нравственной реализованности человека оказывается достоянием лишь немногих? Почему экстрасенсуальность никогда не была и сейчас не является достоянием масс, а оказывается достоянием лишь одаренных одиночек и немногих избранных? Что мешает основной массе людей проявить себя психологически столь же ярко и эффективно?

Природа скрытых резервов духовно-психического потенциала. Есть основание полагать, что наряду с открытыми для постоянного пользования психическими ресурсами человек имеет и глубоко скрытые резервы ("второе дно") своей психики. Переход от этих резервов к зоне постоянного пользования перекрыт целой системой психологических барьеров [15], [16]. Последние являются результатом как исторической эволюции человека, так и продуктом его индивидуального развития, следствием психологической неготовности индивида к тому, чтобы преодолевать те внутриличностные и межличностные преграды, которые возникают на пути его социально-психологической самореализации⁹.

⁹ Предложенная нами в 70-е годы концептуальная квалификация социально-психологических барьеров в качестве системы, выполняющей функцию защиты личности, не должна приниматься слишком буквально.

В какой-то мере человек уже давно догадывался о природе этих трудностей и препятствий на пути выявления его же глубинных и неиссякаемых сил.

Колоссальные возможности реализации скрытого психического потенциала человека уже давно нашли отражение в его мифологизированном сознании. В сказках, например, немало говорится о способности людей творить чудеса, обращаясь к скрытым от них магическим силам. Многим хорошо известна восточная сказка об Алладине и волшебной лампе, с помощью которой можно вызвать всемогущего джина, способного творить любые чудеса. А разве не теми же способностями наделены говорящая щука, пойманная Емелей-дурачком, или Золотая рыбка из сказки А. С. Пушкина "О рыбаке и рыбке"?

Фольклорное отражение природы резервов — беспочвенная фантазия или гениальная догадка? Все эти фольклорные отражения смутного сознания или догадки о необычайных силах и психических возможностях самого человека, законсервированных и недоступных для него, к сожалению, пока не были предметом сколько-нибудь тщательно изучения и сопоставления с той реальной почвой, на которой они произрастали. Вместе с тем и сегодня безусловно актуально то, насколько адекватно это фольклорное самосознание отражает действительную ситуацию блокирования скрытых резервов человеческой психики?

Для ответа на этот вопрос необходимо обратиться к самой феноменологии социально-психологического барьера, определить это понятие и его природу, место и роль психологических барьеров в человеческой жизнедеятельности.

Не менее значимо и то, какова тенденция динамики социально-психологических барьеров, происходит ли их рост или со временем численность их снижается, сколь многообразны модификации, разновидности и функции этих социально-психологических барьеров и прочее.

но. Понятие "система" здесь скорее результат трактовки, вносимой исследователем в его восприятие тех механизмов психологической защиты личности и общности, которые формируются и функционируют преимущественно спонтанно, помимо воли и отчетливого сознательного контроля людей. Но это не дает оснований для сомнений в правомерности исследования тех или иных структур психологической защиты в качестве системы [17].

6.1. Понятие социально-психологического барьера

Социально-психологический барьер как специфическое состояние или свойство индивида. Социально-психологический барьер — это такое состояние или свойство индивида, которое консервирует резервы его духовно-психического потенциала или тормозит их реализацию в процессе его жизнедеятельности [1]—[3].

В качестве состояния социально-психологический барьер выступает в той мере, в какой он характеризуется со стороны своей нестабильности и зависимости не столько от особенностей данной личности, сколько от конкретной ситуации ее жизнедеятельности. Например, плохое, хотя и временное, настроенное человека, вызванное определенным стечением обстоятельств, может оказаться психологическим барьером, деформирующим его внимание и понимание в данной конкретной ситуации его общения со своим партнером.

В качестве же свойства личности социально-психологический барьер представляет собой одно из стабильных проявлений, порожденных особенностями характера личности, а не той или иной преходящей ситуации. Или, наоборот, повышенная подозрительность, настороженность и недоверие к другим людям, являющиеся свойством характера личности, оказываются, независимо от конкретной ситуации, социально-психологическим барьером на пути общения.

Социально-психологический барьер как фактор жизнедеятельности личности. Социально-психологические барьеры личности — это те препятствия и осложнения, которые возникают при функционировании психики в процессе человеческой жизнедеятельности. Одной из наиболее распространенных форм социально-психологического барьера является нервное напряжение, которое может оказать деформирующее, негативное влияние на все проявления психики индивида.

Известно, например, что состояние предельного нервно-психического напряжения человека способно обернуться как эмоциональным срывом, так и скованностью мысли, неспособностью решения даже простых задач. В состоянии запредельного психического напряжения нарушаются многие функции нервной системы: появляются провалы в памяти, трудности сосредоточения внимания, неадекватности восприятия и реагирования на действия других людей [4]—[12]. Именно стрессовой ситуацией обязаны своим происхождением такие речевые аномалии, как заикание, или, наоборот, бессвязная скороговорка. Аналогичным индикатором состояния стрессового эффекта может быть и излишняя жестикуляция. Вспомните сверхподвижного полицейского капитана Жюва в исполнении французского актера Луи де Фюнеса в художественном фильме "Фантомас".

Все это мешает творческой самореализации личности или вовсе перекрывает выход ее психической энергии в эффективное действие. Но точно так же в качестве психологического барьера может выступать и психическое состояние индифферентности, безразличия, апатии или даже депрессии. В таком состоянии, как и при зашкаливающем возбуждении, становится невозможной психологическая включенность в деятельность, снижается уровень результативности во всех сферах проявления личностного потенциала человека.

Известна также парализующая психические возможности человека сила страха или неверия в себя, сила негативных эмоций и длительных отрицатель-

ных переживаний.

В качестве барьера, как это видно из предложенного определения, может выступать не только общее психическое состояние, но и свойство личности. Таковым, например, является замкнутость, повышенная герметичность личности как барьер на пути ее общения с другими людьми.

В качестве психологического барьера может выступать и такое свойство как излишняя застенчивость, повышенная впечатлительность, стыдливость. В печати сообщалось, например, об одной американской девушке, которая падала в обморок от одного только слова "секс".

По своей природе психологический барьер может представлять собой также устойчивую установку или психический настрой личности как разновидность ее психического состояния или состояния ее сознания.

Психологический барьер и установка. Варианты психологических установок, препятствующих самореализации личности, достаточно многообразны — от фиксированных на ее недостатках до чрезмерно сфокусированных на достижениях. Применительно к процессу познания, например, эта характеристика может быть целиком отнесена к такой форме позитивного результата гностической деятельности человека, какой является истина [13].

Разумеется, не истина сама по себе выступает в качестве психологического барьера на пути дальнейшего развития человеческого познания, а отношение к ней индивида. Такое отношение, которое, преломляясь через субъективное восприятие, полученное в результате познавательной деятельности достижения истины, влияет затем определенным образом на весь фон и структуру гностической активности человека.

Влияние это носит двоякий характер. С одной стороны, оно стимулирует творческую активность в области научной деятельности. Однако с другой — накладывает определенные ограничения на возможности творческого поиска в той же самой области, поскольку уже самим фактом прочного утверждения авторитета той или иной установившейся истины исключает альтернативные подходы и решения.

Именно в этом смысле о консервативной роли истины как фактора локализации творческого процесса писал в свое время Ф. Бэкон: "Когда истина обнаружена, она налагает ограничения на мысли людей" [14, с. 352].

Ограничительная и запретительная (интердиктивная) роль получивших признание и выступающих в качестве психологического барьера идей проявляется особенно ярко в период их наибольшей распространенности и популярности. Именно в этот период особенно велика сила их консервативного влияния на развитие или хотя бы даже саму формулировку принципиально новых идей и гипотез.

А это делает задачу преодоления подобного психологического барьера достаточно сложной. Трудно не согласиться в этой связи с известным английским ученым и историком науки Джоном Берналом, который писал: "Очень часто, в особенности, когда научные законы и теории завоевывают всеобщее признание, они становятся помехой для научного открытия. Наибольшая трудность открытия заключается не столько в проведении необходимых наблюдений, сколько в ломке традиционных идей при их толковании. С тех пор как Коперник доказал вращение Земли, Гарвей — наличие кровообращения, до того момента, когда Эйнштейн уничтожил старую теорию об эфире, а Планк постулировал квант действия, реальная борьба в науке была направлена не столько на постижение тайн природы, сколько на ломку установившихся идей, хотя бы они в свое время и способствовали развитию науки" [15, с. 34].

Из сказанного следует, что степень трудностей, встающих на пути преодоления психологического барьера в научном исследовании, находится в прямой зависимости от степени фундаментальности соответствующей традиционным знаниям и охраняющей их системы психологических барьеров.

6.2. Функции и природа социально-психологического барьера.

Основная функция барьера. Основная функция социально-психологического барьера состоит в защите личности от угрозы разрушительного воздействия [16]—[21].

Впервые термин "защита" был введен З. Фрейдом (1894), позднее (1896) им же было описано и функциональное назначение психологической защиты как средства или механизма ослабления внутриспсихического конфликта, вызванного столкновением инстинктивных импульсов индивида с интериоризированными требованиями социальной среды. Однако заслуга попытки создания целостной теоретической системы защитных механизмов принадлежит А. Фрейд, которая определяла их как "деятельность "Я", которая начинается, когда "Я" подвержено чрезмерной активности побуждений или соответствующих им аффектов, представляющих для него опасность. Существенно при этом, что эти механизмы функционируют автоматически, не согласуясь с сознанием" [22, с. 9—11].

Такие психологические механизмы, как отрицание, подавление, вытеснение, рационализация, проекция, сублимация, идентификация, замещение, сновидение и другие, открытые и описанные в свое время З. Фрейдом, а позднее систематизированные А. Фрейд, нацелены на ослабление внутренних и внешних конфликтов личности и повышение уровня ее способности и к адаптации, уравниванию со средой и саморегуляции.

Однако, обеспечивая психологическую защищенность личности от стрессогенных факторов, способных ее вывести из состояния внутренней уравновешенности, эти механизмы, в свою очередь, оказываются психологическими барьерами на пути адекватного восприятия и понимания личностью природы последних.

Так, вытесняя и подавляя сигналы тревоги и угрозы для личности, поступающие извне, и поддерживая тем самым ощущение внутреннего психологического комфорта у индивида, эти механизмы выступают в качестве психологического барьера или, что то же самое, помехи на пути формирования у личности адекватной оценки как этих сигналов, так и той ситуации, которая стоит за ними и требует перестройки психического состояния и поведения индивида.

Психологи рассматривают эти барьеры как средство контроля за степенью соответствия или не соответствия побуждений индивида социальным нормам, равно как и за уровнем стабильности его мировосприятия. Так, в работах Р. М. Грановской и Ю. С. Крижанской психологические барьеры квалифицируются в качестве "системы защиты от травмирующей информации и контроля за социально неодобряемыми побуждениями [23], [21, с. 19]. В свою очередь, сама система психологической защиты трактуется как механизм поддержания целостности и неизменности модели мира, который блокирует информацию, не соответствующую представлениям человека о мире, а иногда и мешает порождению новых решений, если они могут как-то противоречить существующим на данный момент представлениям [23, с. 5].

В какой-то мере социально-психологический барьер можно уподобить панцирю черепахи, которой он нужен потому, что у нее очень нежное и безза-

щитное тело. С этой точки зрения психологический барьер тем нужнее, чем чувствительнее, впечатлительнее нервная система человека.

Психологический барьер, подобно холодильнику, защищает духовный мир человека от резких перепадов внутренних состояний и внешних условий его жизни, от стрессовых перегревов и разрушительного воздействия опасных соблазнов.

Однако, защищая от внутренних конфликтов и внешних влияний, барьер одновременно и тормозит, сдерживает, замораживает и консервирует эмоциональную реактивность и впечатлительность, интеллектуальную активность и подвижность личности.

Иными словами, психологический барьер ограничивает или даже прерывает эпизодически связь индивида с его социальным окружением.

Зачем человеку нужна такая защита? Оправдана ли она? Чего в ней больше — приобретений или потерь?

Природа социально-психологического барьера. Необходимость психологической защиты личности от разрушительных последствий как внутреннего конфликта, так и внешнего влияния, порождающая барьер, вытекает из многих факторов и условий человеческой жизнедеятельности. Она может быть продуктом:

- угрозы манипуляции сознанием и психическим состоянием индивида;
- результатом потребности человека в обособлении от интенсивного общения с окружающими в целях внутреннего сосредоточения;
- следствием опасности стрессовой ситуации;
- финалом полной идентификации с какой-либо общностью в противовес другим;
- порождением трудностей межличностного или ролевого общения и т. д.

Социально-психологический барьер как средство компенсации индивидом своей неготовности к деятельности. Иными словами, психологический или социально-психологический барьер личности по своей природе — результат компенсации индивидом психологической неготовности к эффективной деятельности в условиях ее экстремальности.

Такая неготовность заставляет включить тормоза — психологические барьеры, которые осуществляют функции как психологической защиты, так одновременно и консервации резервов психологического потенциала индивида.

Смысл такого торможения — выключение личностного потенциала из опасной зоны экстремальной ситуации до того времени, пока не изменится сама ситуация или не будет сформирована необходимая для нее психологическая готовность к эффективному действию. Естественно, что платой за такую защиту может стать торможение не только тех или иных качеств личности, но и в целом всего процесса ее жизнедеятельности и развития.

Опосредованность — механизм образования социально-психологического барьера. Но если по своей природе психологический барьер является специфической установкой или психическим настроением индивида, то истоки того и другого, в свою очередь, связаны с механизмом опосредованности.

Иными словами, опосредованность психической деятельности человека выступает в конечном итоге основным источником всех психологических барьеров.

Это означает, что возможность возникновения психологических барьеров заложена уже в самой предметности психической деятельности человека, которая может выступать в качестве фильтра, опосредующего, преломляющего, а нередко и деформирующего всю поступающую извне информацию.

Однако опосредованность психической деятельности сама по себе еще не тождественна психологическому барьеру. Первоначальное назначение опосредованности — функция усиления психических качеств, свойств, возможностей и интеллектуального потенциала человека.

Например, опосредованность инстинктивных, эмоциональных реакций человека на опасность вооружением предметом, орудием с последующим развитием интереса к этому предмету как таковому стимулирует в дальнейшем его творческие способности в данной предметной деятельности.

Естественно, что это становится возможным лишь по мере замещения биологических, инстинктивных, непосредственных эмоциональных реакций на опосредованные. С этим связан процесс социализации человека и дальнейшего развертывания его интеллектуального потенциала.

Следовательно, уже в самом факте актуализации предметной деятельности можно видеть не только функцию усиления специфически социальной интеллектуальной и творческой активности индивида, но одновременно и подавления непосредственных, биологических реакций. Последняя же выступает по отношению к этим реакциям и в качестве психологического барьера.

Аналогичным образом обстоит дело и при переходе от непосредственного (основанного лишь на зрительном образе) к опосредованному озвучиванием слова восприятию при обучении ребенка языку. Научение навыкам громкого, произносимого по слогам, проговаривания слова "ма-ма", "па-па" и т. д. носит опосредованный голосом характер. Это значительно усиливает эффект запоминания.

Однако при этом в дальнейшем образуется и психологический барьер на пути к стремлению повысить скорость чтения. Скорость звукового произношения намного ниже скорости зрительного восприятия. И секрет достижения скорочтения заключается в отказе от звукового, голосового (хотя бы даже и мысленного) опосредованного восприятия текста и в возврате к непосредственному чисто зрительному восприятию. Таким образом, как непосредственность, так и опосредованность могут поочередно выступать в качестве механизма как возникновения, так и преодоления социально-психологических барьеров личности.

В конечном итоге, как уже отмечалось ранее, колоссальный разрыв между огромными возможностями психической самореализации человека как личности и его же реальными более скромными достижениями обусловлен целой системой психологических барьеров.

Степень опасности перерастания отдельных барьеров в систему, с эффектом полной психологической блокировки развития личности, определяется мерой развернутости последних в тех или иных сферах человеческой жизнедеятельности. Последнее связано с представлением о диапазоне и различных видах психологических барьеров.

6.3. Виды социально-психологических барьеров.

Видовое многообразие барьеров. Многообразие психологических барьеров, защищающих и вместе с тем консервирующих, блокирующих духовный потенциал личности или общности, соответствует основным понятиям социальной психологии (личность, общность, общение, деятельность). В таком слу-

чае правомерно говорить о психологических барьерах соответственно личности или общности, общения или деятельности. В каждом из этих случаев речь идет об особенностях проявления достаточно универсальных механизмов образования и функционирования социально-психологических барьеров.

Основные особенности действия того или иного барьера обусловлены спецификой названных выше социально-психологических явлений. Так, в качестве личностных психологических барьеров способно выступать психическое состояние или поведение индивида, вытекающее из особенностей его характера, специфики духовно-нравственной ориентации.

Барьеры личности и общности. В роли социально-психологического барьера на пути реализации творческого потенциала личности может оказаться свойственное в тех или иных случаях человеку как состояние высокой, зашкаливающей психической напряженности и скованности, так и, наоборот, состояние беспочвенной эйфории, благодушия, а соответственно и невключенности в сложную ситуацию, требующую собранности и полной концентрации сознания, воли и внимания на решение предстоящей задачи.

Иными словами, любое психическое состояние личности, не адекватное требованиям складывающейся ситуации, способно выступать в качестве ее личностного психологического барьера в той мере, в какой оно проистекает из особенностей характера данного индивида. Так, человек, склонный к повышенной самокритичности и заниженной самооценке, постоянно сомневающийся в своих действиях и в своих силах, чаще всего может оказаться жертвой собственного психологического барьера, необоснованной напряженности и скованности, тормозящих реализацию им своего духовного потенциала.

Психологический же барьер невключенности или явно недостаточной включенности в действие на почве недооценки сложности складывающейся ситуации чаще возникает у индивида, склонного к завышенной оценке своих сил и способностей. Но личность может быть носителем и психологических барьеров, доставшихся ей от общности, с которой она себя отождествляет. Например, психологический барьер, контролирующий дистанцию общения представителей одной общности с другими, является психологическим барьером общности. Таков, в частности, внешне ориентированный психологический барьер любой общности, который проявляется в конфронтации или противопоставлении "мы" и "они".

Социально-психологические барьеры деятельности. Наиболее многообразны психологические барьеры деятельности. Они могут дифференцироваться по видам последней. Это соответственно психологические барьеры: коммуникативной или познавательной, трудовой или управленческой, рекреативной или творческой, экономической или политической, правовой или духовно-нравственной деятельности людей.

Как и в случае с психологическими барьерами общности, барьеры деятельности как таковые носят безличный характер. Это объясняется, в частности, не зависящим от отдельного индивида универсальным характером противоречий в психологии деятельности — между ее мотивами и способами осуществления, между притязаниями и реальными достижениями субъекта действия и др.

Таков, например, рассмотренный нами психологический барьер на пути достижения нового знания в науке. Аналогичный характер носит и психологический барьер познавательной активности человека, связанный с механизмом опосредования в восприятии текста.

Социально-психологические барьеры общения. Особое место в системе социально-психологических барьеров человека занимают барьеры общения. Они столь же многообразны, как и само общение между людьми. По своей природе эти барьеры могут быть продуктом как безличных механизмов социально-психологического взаимодействия и взаимовлияния людей друг на друга, так и влияния личностных индивидуальных особенностей партнеров по общению. Примером первого могут служить стереотипы восприятия партнера по общению. Выполняя функцию средства психологической защиты индивида от перегрузки эмоциональной информацией, стереотип восприятия вместе с тем выступает и в роли социально-психологического барьера на пути адекватного восприятия партнера по общению в качестве уникальной индивидуальности.

Примером же второго могут быть индивидуальные, прежде всего характерологические, особенности личности. Интро-вертированность, например, последней очень часто оказывается социально-психологическим барьером в ситуации, которая требует быстрого психологического переключения внимания с одного контакта на другой.

6.4. Пути преодоления социально-психологических барьеров.

Необходимо ли преодоление социально-психологического барьера?

Двоякая роль социально-психологического барьера в качестве защиты личности, с одной стороны, и некоего препятствия, преграды на пути ее деятельности, с другой, ставят нас перед вопросом о нашей принципиальной позиции по отношению к этому явлению.

Нужно и можно ли устранять барьер как препятствие на пути к эффективной деятельности? Но тогда не окажется ли человек психологически незащищенным перед лицом тех факторов, которые и породили этот барьер? Или же барьеры столь же неустранимы, как и та природа, которая их порождает?

Иными словами, легко ли избавиться от роли барьера в качестве препятствия и преграды на пути к эффективной деятельности, но сохранить при этом те защитные функции, которые он выполнял?

Условия контроля и преодоления социально-психологических барьеров. Начнем с выяснения того, насколько и при каких условиях необходимо преодоления социально-психологических барьеров.

Несмотря на значимость функции психологической защиты, которую выполняют психологические барьеры, неоспорима необходимость их контроля, а если это неизбежно, то и преодоления — если они тормозят или тем более консервируют духовный потенциал человека.

Это оправдано, однако, при условии замещения выполняемой ими функции защиты другими средствами. Последними в результате устранения психологического барьера становятся такие средства психологической саморегуляции, которые способны контролировать меру включения тормозных механизмов в зависимости от степени необходимой самозащиты.

Естественно, что это предполагает высокий уровень социально-психологической культуры. Это касается не только случаев замещения психологических барьеров другими, более тонкими средствами контроля той или иной ситуации. Сама стратегия нацеленности на преодоление излишних психологических барьеров возможна лишь на основе более высокой социально-психологической культуры.

Так, преодоление психологического барьера на пути творческого само-

выражения личности, вызванного состоянием ее крайней напряженности, предполагает развитие навыков релаксации, то есть умения и опыта снятия психического напряжения через физическое расслабление.

Культура психической саморегуляции личности как предпосылка преодоления барьеров. Однако как само овладение навыками релаксации, так и способности их совмещения с одновременным контролем за активным выполнением других функций, возможно лишь при достаточно высоком уровне культуры психической саморегуляции. По существу, здесь происходит расширение поля психической деятельности, контролируемого вниманием. Это становится возможным за счет распределения внимания индивида сразу на два различных вида действия — релаксацию в одной зоне и целенаправленную активность в другой. Простой пример для оценки способности к такому действию. Дайте задание вашему слушателю: левую руку полностью расслабить и одновременно правой рукой написать какой-то текст мелом на доске. Проверка степени релаксированности левой руки показывает, как правило, трудность выполнения такого задания. Преодоление же психологической установки, связанной с недооценкой индивидом своего потенциала и являющейся барьером на пути его творческой самореализации, возможна лишь на путях радикальной коррекции его самоотношения в целом.

Это означает замещение сомнения в своих силах установкой твердой уверенности и веры в себя. Это уже глобальная внутриличностная операция. Она предусматривает новый уровень культуры самосознания, высокую степень развития интегрального "Я"¹⁰.

Роль социально-психологического тренинга в преодолении барьеров общения. Еще более высокие требования предъявляет к человеку необходимость преодоления психологических барьеров в ситуации межличностного или функционального общения. Этим целям служат активные методы обучения.

Концепция и практика социально-психологического тренинга, получившая широкое развитие как у нас в стране, так и за рубежом, нацелена на совершенствование психологической культуры коррекции и самокоррекции как личности так и группы. А это позволяет успешно преодолевать те психологические барьеры как личности, так и общности, которые мешают их эффективной деятельности. Этим целям соответствуют такие, например, виды социально-психологического тренинга, как: коммуникативной компетенции, индивидуального стиля, самореализации личности, делового и партнерского общения, когнитивный тренинг, постдиагностический тренинг — коррекция, тренинг конкурентоспособности и др.

Как практически и с успехом реализовать уникальный дар вашей индивидуальности в деловых и межличностных отношениях? Как преодолеть скованность и напряженность, наиболее ярко выразить себя и свой стиль в общении с другими?

Эти и многие другие вопросы, связанные как с индивидуальным развитием личности, так и с ее профессиональным ростом можно успешно решить на основе применения таких активных методов, как названные выше разновидности социально-психологического тренинга [25].

¹⁰ О других способах психической саморегуляции таких состояний, как, например, аутогенная тренировка, медитация и аутогипноз, см. [24].

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ГЛАВА 7. ФЕНОМЕН ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

7.1. Статус, понятие и структура деятельности в социальной психологии.

Место феномена деятельности в ряду других категорий социальной психологии. Социальная психология деятельности рассматривается здесь с разных сторон — как феномен социальной психики человека и как понятие в ряду других категорий науки, как фактор социальной жизнедеятельности и как проблема. Деятельность как социально-психологическое явление занимает особое место в науке. С одной стороны, наряду с категориями личность, общность и общение она имеет фундаментальный характер в структуре социально-психологического знания. Понятие деятельности характеризует активное начало в человеческой психике, во многом определяющее состояние и развитие как личности, так и общества [1]—[10].

С другой стороны, эта категория до сих пор не заняла подобающего ей места в системе социально-психологического знания. Пока ни в одном учебнике по социальной психологии нет раздела, который был бы посвящен феномену социальной психологии человеческой деятельности. Тем самым мы до сих пор имеем дело с социальной психологией недействующего человека.

Такая ситуация не только не адекватна реальной роли и значимости феномена деятельности в социальной психологии, но и совершенно парадоксальна, поскольку одним из основных и приоритетных направлений и достижений отечественной психологической науки считается концепция культурно-исторической обусловленности психической деятельности человека [11].

Вместе с тем такая ситуация, сложившаяся со статусом феномена деятельности, в социальной психологии не представляется случайной. Она, на наш взгляд, отражает специфику традиций тоталитарной психологии, в силу которых предпочтение отдается скорее практике и концепции воздействия, влияния на человека, регуляции и контроля его поведения, нежели психологии его собственной деятельности, саморегуляции, самоопределения и самоуправления.

Вследствие этого, в свою очередь, и в системе воспитания и обучения преобладали методы дидактики и вертикального, административного, а не горизонтального, партнерского общения. Активные же методы обучения, нацеленные прежде всего на развитие собственной психической деятельности личности, на ее максимальное включение в деятельность и инициативу, получили развитие лишь в последнее десятилетие.

Понятие деятельности. Для того чтобы определить понятие деятельности, необходимо прежде всего сопоставить его с рядом других наиболее близких по смыслу понятий: поведение, действие, жизнедеятельность и др. Начнем с понятия действие, поскольку именно от него производна и категория психической деятельности.

В динамической структуре личности есть основание различать две основные составляющие: ее психическое состояние и проявление последнего вовне (см. схему 8).

Действие есть активная форма поведения субъекта. Действие, в свою

очередь, может быть как спонтанным, бессознательно реактивным ответом на стимулирующее влияние внешних условий и обстоятельств, так и в высокой степени осозанным, целеустремленным, глубоко мотивированным и целесообразным проявлением активности.

Под деятельностью подразумевается характеристика целенаправленной и определенным образом мотивированной активности субъекта в различные интервалы времени.

Этим понятие деятельности отличается от слова действие, если оно означает реактивную, а не внутрилично обусловленную активность субъекта в ответ на стимулирующее влияние среды или складывающейся ситуации. Действие — это «одноактная активность в данном, текущем интервале» времени (настоящем) в отличие от деятельности, которая включает также прошлое и будущее.

В свою очередь, как психическое состояние, так и поведение личности может рассматриваться не только с точки зрения их общности, нормативности или стандартности (стереотипности), но и, наоборот, со стороны своей необычности. В таком случае модель динамической структуры личности может быть дополнена соответствующими альтернативными характеристиками состояния и поведения индивида. При этом как состояние, так и поведение личности может вылиться в три следующие основные формы отклонения от их обычных проявлений: 1. Асоциальное (антисоциальное). 2. Психически неадекватное, нездоровое, аномальное. 3. Инновационное (творческое). См. схему 8.

Схема 8

Этим понятие действие сближается с термином поведение с тем лишь различием, что последнее, во-первых, характеризует более широкий диапазон реакций человека на заданную извне ситуацию, чем действие, и допускает вариант бездействия, т. е. пассивной реакции, а во-вторых, больше относится к ситуации взаимодействия между людьми, чем понятие действие. Последнее же применимо к более широкому кругу явлений и включает в себя не только отношение к другим людям, но также к предметной среде и природе (см. схему 9).

Схема 9

Социально-психологическая структура деятельности. При употреблении понятия деятельности в рамках общей психологии речь идет о "динамической системе взаимодействий субъекта с миром, в процессе которых происходит возникновение и воплощение в объекте психического образа и реализация опосредованных им отношений субъекта в предметной деятельности" [12, с. 84]. Реализация деятельности осуществляется, с этой точки зрения, на основе психофизиологических механизмов. При этом учитывается и то, что в своей развитой форме предметность свойственна исключительно человеческой деятельности, что проявляется в ее социальной обусловленности. Субъектность же деятельности выражается в активности субъекта, в обусловленности психического образа прошлым опытом, потребностями, установками, эмоциями, целями и мотивами, определяющими направленность и избирательность деятельности в ее личностном смысле [12, с. 86].

Если в рамках общей психологии человеческая деятельность рассматривается как некий целостный процесс "взаимодействия субъекта с миром", где субъективность и предметность еще не отделены друг от друга, то в социальной психологии механизм, тенденции и логика личностной активности в ходе деятельности могут не совпадать и, как правило, не совпадают с логикой развития самой деятельности как объективного процесса.

Это объясняется более сложной социально-психологической структурой деятельности, где ее субъект может не исчерпываться отдельным индивидом, но может быть представлен общностью самого различного масштаба — от малой группы до социума.

Субъектами управленческой деятельности, например, на уровне крупного города являются исполнительные, законодательные и судебные органы, а также средства массовой информации ("четвертая власть"), оказывающие существенное влияние на климат и стиль территориального самоуправления.

Предметность деятельности далее здесь не исчерпывается предметно-вещной реальностью и может предстать в виде целой сферы социальных отношений (экономических, правовых, политических, духовных и т. д.).

Эта многопредметность деятельности становится особенно очевидной в условиях социальной реформации общества.

Предметная деятельность при этом способна "навязать" свою психологию, логику и последовательность действия, отличную от ее видения субъектом.

Наконец, наряду с непосредственным субъектом активного действия на логику и успех последнего оказывают влияние-содействие или противодей-

стве и субъекты соучастия в этом действии. Даже пассивная позиция тех или иных групп населения, их мотивы безучастного отношения к происходящему, их социальные ожидания и чаяния не остаются без влияния на конечный результат той или иной деятельности.

Таким образом, структура психологии деятельности предусматривает при самом общем подходе такие составляющие, как: субъект деятельности; предмет, на который направлено действие; мотив и цель деятельности; способ и последовательность действия. При рассмотрении социально-психологической структуры деятельности эти же составляющие приобретают иной характер.

Вместо индивида как субъекта таковым становится многокачественный и могущий быть весьма дифференцированным интегральный субъект. Еще более расчлененным и разнокачественным становится и предмет деятельности (например, в ситуации реформационной деятельности он распространяется на все сферы социальных отношений). В связи с многокачественностью субъекта столь же многообразными становятся как мотивы, так и цели деятельности. То же происходит и с последовательностью действий.

К этому добавляются такие значимые составляющие в структуре социальной психологии деятельности, как готовность к эффективному действию, различия логики и психологии субъектной и предметной деятельности и, наконец, различие психологии (мотивации, притязаний и ожиданий) субъекта непосредственного действия и субъекта соучастия в нем.

7.2. Деятельность как социально-психологическая проблема.

Характеристика деятельности в качестве социально-психологической проблемы. Усложнение структуры деятельности как социально-психологического явления неизбежно порождает и трудности ее практического осуществления. Как различия в характере, так и противоречия основных составляющих деятельности позволяют говорить о ней в качестве социально-психологической проблемы, т. е. такого противоречия, которое носит стабильный характер и трудно разрешимо.

Основные противоречия деятельности. Наиболее актуальными в структуре деятельности личности как социально-психологического явления оказываются следующие противоречия:

— между уровнем психического потенциала личности и степенью его реализации в деятельности;

— между социальными мотивами и ожиданиями, связанными с деятельностью и не совпадающими с ними результатами;

— между высоким уровнем притязаний на большие достижения и низким уровнем психологической готовности к такой деятельности, которая бы их обеспечила;

— между необходимостью адекватной оценки ситуации на старте деятельности и практической неспособностью к этому;

— между необходимостью прогнозирования хода и перспектив деятельности и отсутствием способности к этому;

— между постоянно растущим уровнем требований предъявляемых к человеку характером деятельности в условиях ее интенсификации, и отстающим от этого уровнем ее социально-психологической культуры.

Природа противоречий деятельности. Противоречия психической деятельности заложены в основе самой деятельности как динамического процесса

развертывания, развития и реализации психического потенциала человека. Если смотреть шире, то противоречивость свойственна не только сознательному действию человека, но уже любому акту движения.

Это подметили еще античные мыслители. Так, древнегреческий философ Зенон говорил о двух апориях (противоречиях) движения. Согласно одной из них, "Ахиллес не догонит черепаху", а по другой "летающая стрела покоится". В дальнейшем немецкий философ Гегель назвал противоречие не абсурдом, как полагал Зенон, анализируя движение, а источником развития.

Природа любого противоречия содержится уже в различии. Применительно к деятельности она заключена в различии логики и психологии ее основных составляющих. В различии, с одной стороны, логики и психологии сознания (замысла, стремления к цели, мотивации действия, притязаний и ожиданий результатов), с другой — реальной практики деятельности со всеми присущими ей сложностями.

Иными словами, противоречия деятельности заложены уже в ее структуре, в трудности совмещения друг с другом любой из составляющих этой структуры. Так та или иная мотивация деятельности на ее старте может разойтись с социальными притязаниями субъекта действия. Психология массового восприятия и переживания успехов или неудач в деятельности нередко не совпадает с логикой ее экспертной оценки.

Однако наиболее противоречивы взаимоотношения между психологией социальных ожиданий успехов деятельности и логикой их практического достижения.

Для возбуждения больших социальных ожиданий нужен только яркий образ желаемой цели, заверения в его легкой достижимости и живое воображение всех заинтересованных в успехе предстоящей деятельности. Этого вполне достаточно, чтобы страсть и фантазия, воспламенившие массу людей, довели образ ожидаемых плодов до гиперболических размеров, создали иллюзорные ощущения возможности беспрепятственного движения к цели.

Другими оказываются психология и логика реального практического действия на пути к осуществлению социальных чаяний и надежд. Здесь заведомо иные скорости движения, которые чересчур проигрывают в сравнении с логикой яркого воображения. А этот разрыв в скорости между эмоциональным, образным и практическим действием уже содержит в себе источник неудовлетворенности и разочарования, тормозит, если не подрывает, и без того трудный процесс практического достижения цели.

7.3. Социально-исторические тенденции психической деятельности.

Интенсификация как основная социально-историческая тенденция психической деятельности. Несмотря на противоречивость психической деятельности человека (познавательной, трудовой, коммуникативной и т. д.), есть основание говорить о ее интенсификации, т. е. росте ее напряженности, и продуктивности как устойчивой исторической тенденции. Об этом свидетельствует прежде всего стремительный рост творческий и предметно-производительной активности человека.

Известный американский футуролог Алвин Тоффлер предложил последние 50 тыс. лет существования человека измерить числом поколений, каждое продолжительностью жизни порядка 62 лет. Получилось около 800 таких поколений, из которых 650 жили в пещерах. Только при жизни 70 поколений оказалось возможным благодаря появлению письменности осуществить эффективную связь между ними.

Лишь на протяжении жизни шести последних поколений люди знакомы с печатным словом. Четыре поколения научились более или менее точно измерять время. Два поколения людей пользуются электромотором. А подавляющее большинство всех материальных ценностей, с которыми мы имеем дело, было впервые создано на протяжении жизни лишь нынешнего поколения [13].

Интенсификация представляет собой достаточно многогранное явление, которое может рассматриваться как с социально-экономической, так и с социально-психологической стороны.

Эскалация опосредованности как социально-психологическая тенденция человеческой деятельности. Другой устойчивой тенденцией психической деятельности и жизнедеятельности человека является эскалация (возрастание) ее опосредованности (сложности) как альтернативы первоначальной непосредственности.

Опосредованность психической деятельности человека имеет тенденцию к постепенному нарастанию. Такое нарастание и усиление эффекта функционирования данного механизма можно назвать эскалацией — от французского слова *escalader* (взбираться). Умножение числа звеньев, опосредующих психическую деятельность, с неизбежностью вызвано усложнением социальной жизнедеятельности, дифференциацией всего комплекса обуславливающих ее факторов. Однако даже чисто количественное увеличение числа звеньев, опосредующих процесс психической деятельности, открывает двоякую возможность: как значительного усиления ее эффективности, так и постепенного ее торможения, снижения ее исходного энергетического уровня.

Другими словами, эскалация опосредованности может иметь различные значения и последствия. Главными из них являются ее противоречивые тенденции. Если Опосредованность выступает в качестве фактора активизации, стимуляции активности, то ее нарастание будет, естественно, сопровождаться интенсификацией психической деятельности человека.

Такова роль длинной цепи опосредования психической деятельности человека на протяжении всего процесса его исторического становления и развития.

Весь ход социальной жизнедеятельности представляет собой процесс наращивания, умножения таких отношений человека с природой, которые многократно опосредованы его предметной, речевой и неречевой (эмоционально-выразительной) коммуникативной деятельностью.

Однако в качестве стимулятора деятельности Опосредованность выступает в той мере, в какой активизация одного вида деятельности осуществляется за счет свертывания другого ее вида.

Таков, например, механизм функционирования речевых сигналов, благодаря которому у предков современного человека ограничивалась сфера проявления инстинктов. Прогресс человеческой жизнедеятельности, предполагающий ее постоянную интенсификацию за счет развертывания системы опосредованных связей с окружающей средой, означал вместе с тем ограничение непосредственных связей человека с природой.

Та непосредственная связь с природой, которая была разорвана созданием орудия труда, по мере развития производства продолжает сужаться, сокращаться. Вместе с умножением и усложнением опосредованной связи происходит ослабление импульса к психической деятельности, направленной на прямое удовлетворение потребности. Это происходит не только потому, что из общего потенциала энергии, необходимой, например, для охоты и потребления пойманной дичи, часть ее теперь уходит на изготовление орудий и предметов, предназначенных для охоты.

По мере усложнения труда, все большего его разделения, перемещения усилий с потребления на производство средств для потребления, а в дальнейшем и средств для производства неизбежно удаляется цель человеческой деятельности от непосредственных побуждений, потребностей и импульсов, которые ее порождают. А это не может происходить без известного снижения силы импульса, порождаемого потребностью.

В условиях научно-технической революции эскалация опосредованности человеческой деятельности усиливается, возникают новые специфические формы опосредования.

Во-первых, успехи производства в этот период оказываются в большей степени, чем когда-либо, опосредованными достижениями науки. При этом цикл движения от изобретения, открытия до их практического внедрения в производство непрерывно сокращается.

Во-вторых, в структуре самой производственной деятельности человека появляется новое звено, опосредующее связь производителя не только с предметом, но и с орудием труда (например разнообразные автоматические системы управления).

Прогрессирующее усложнение производственной деятельности, лавинообразный рост информации, идущей от окружающей социальной среды, — все эти факторы с неизбежностью ведут к резкому повышению уровня психической напряженности индивида.

До известного предела возрастание психического напряжения является стимулятором активной деятельности человека. Однако постоянный рост ритмов автоматизированного производства, потока раздражителей, функционирование средств массовой информации предъявляют такие высокие требования к психике человека, которые могут привести к ее перегрузке, перенапряжению.

Максимальное же напряжение и длительная психическая перегрузка влекут за собой, как правило, постепенное истощение нервной системы, а вместе с ним и снижение тонуса личности, которое отражается не только на ее психическом, но и физическом состоянии. При неблагоприятной социальной обстановке эта тенденция выливается в широкое распространение психических расстройств и сердечно-сосудистых заболеваний, сопровождаемых психическими срывами, неврозами и подавленным настроением.

Здесь особенно наглядно видно, как из фактора стимуляции и интенсификации человеческой жизнедеятельности опосредование превращается в фактор ее торможения, в фактор деформации личности.

Персонализация и деперсонализация психической деятельности. Наконец, третьей тенденцией является противоречивое нарастание, с одной стороны, персонализации, с другой — деперсонализации в психической жизнедеятельности человека.

Персонализация — это целый комплекс тенденций изменения и развития личности, который включает в себя процесс ее духовного обогащения, рост самосознания, развертывание духовного потенциала. Она проявляется и в развитии потребностей личности: познавательных (потребность в познании и развитии самосознании), коммуникативных (потребность в духовном общении, понимании и признании), конструктивных (потребность в самовыражении, самоутверждении и творческой деятельности).

Безусловно, этот процесс имеет своей основой освоение личностью требований социальной среды, ее включение в систему социальных отношений и определяется в конечном счете характером последних.

Это значит, что персонификацию можно рассматривать как двусторонний процесс социализации индивида и индивидуализации личности. Обе стороны этого процесса находятся друг с другом в диалектической взаимосвязи и взаимозависимости.

Таким образом, персонификация, с одной стороны, выступает в качестве инструмента социализации, т. е. освоения и присвоения личностью социального опыта, его олицетворения в жизнедеятельности данного индивида; с другой — в качестве средства самовыражения и самоутверждения личности как неповторимой индивидуальности.

Понятие деперсонификации обозначает процесс, охватывающий элементы как десоциализации, так и деиндивидуализации личности и включающий в себя в качестве тенденций качественные изменения, которые могут привести к существенной деформации личности, к ее разрушению.

Деперсонификация может быть и результатом социализации индивида, если она означает освоение им системы обезличенных, стереотипных, шаблонных норм, ценностей, символов. К ней приводит и процесс индивидуализации, если он связан с гипертрофированным самосознанием своей неповторимости, с неадекватно завышенной системой самооценки и жизненных притязаний.

Такая гипертрофия индивидуальной исключительности неизбежно выливается в индивидуализм и эгоцентризм, а нередко может породить неспособность к трезвой оценке обстановки, привести к утрате навыков социальной ориентации. Следствием этого, как правило, оказывается разочарованный, утративший веру в себя и других, страдающий от сознания своей психической неполноценности индивид.

Источником деперсонификации могут стать и такие механизмы психической деятельности индивида, как механизм торможения и герметизации интеллектуального и эмоционального потенциала личности, который призван регулировать уровень психического напряжения человека в соответствии с требованиями и ожиданиями окружающих его людей.

Известно, например, что чрезмерная, но не оправданная обстановкой эмоциональная экспрессивность, проявляющаяся в излишней скорости и повышенной громкости речи, в избыточной жестикуляции и т. д., нередко свидетельствует о неспособности человека к внутренней саморегуляции.

Об этом же может свидетельствовать и полный отказ от эмоциональной выразительности языковых средств и мимики. Отсюда значение культуры речи, мимики и пантомимики как инструментов выражения индивидуальной неповторимости личности.

Очевидна противоречивость названных выше тенденций. Дальнейшая интенсификация предметно-производительной деятельности человека с неизбежностью наталкивается на снижение ее мотивации, связанное с ее усложнением, с одной стороны, и деперсонификацией, с другой.

Пределы активизации предметной деятельности: поиск альтернатив. Выход развитых стран на эффект удвоения предметно-вещной среды, создаваемой человеком в течение каждых 15 лет (по расчетам американского футуролога А. Тоффлера), уже сейчас способен поставить проблему смысла и пределов дальнейшей активизации предметно-производительной деятельности.

В Японии, стране самых наукоемких технологий и передовых рубежей научно-технического прогресса, наряду с обычными издержками интенсификации психической деятельности человека в сфере производства, связанными с ростом нервно-психических расстройств, появились и не совсем обычные —

рост самоубийств людей на почве переживания ими "некачественности" выпускаемой продукции. Такая плата за рост производительности труда, гонку за его эффективностью и качеством — продукт зашкаливающей психической интенсификации деятельности.

Еще в начале века могло показаться, что взяты все пределы интенсификации труда в связи с пуском конвейера. В фильме "Новые времена" Чарли Чаплин исполнял роль рабочего, завинчивающего гайки на конвейере и превратившегося в бездушный придаток машины.

Современная система эксплуатации психического потенциала человека ушла далеко вперед. Видимо, не случайно поэтому все более модными год от года становятся поиски путей не только и даже не столько технического прогресса, сколько совершенствования психической жизнедеятельности самого человека, поиска средств реализации скрытых резервов его психики.

Об этом говорит растущая популярность как новейших активных методов регуляции и коррекции психической жизнедеятельности людей типа психологического тренинга, так и экстрасенсов, всякого рода целителей и даже представителей оккультизма.

Гонке как предметно-производительной, так и потребительской активности все больше противопоставляются необъятные горизонты духовно-нравственного совершенствования человека, перспективы овладения неисчерпаемыми ресурсами его психического потенциала: от интегральной йоги [14] до выхода в неизведанные на уровне обыденного сознания новые измерения пространства и времени [15].

Многие связывают такой социально-психологический настрой с атмосферой, характерной для переломных эпох, наблюдающейся обычно в конце уходящего века. Последние же годы, знаменующие собой еще больший разлом в структуре исторического времени, связаны со сменой не только столетий, но и тысячелетий.

Является ли растущая обращенность внимания все большего числа людей к духовно-нравственным ценностям и неисчерпаемым ресурсам их психического потенциала лишь недолговечным модным поветрием на рубеже эпох или она есть знамение грядущего мира и его новой культуры, а значит, и необходимости формирования психологической готовности к этому — покажет будущее.

Однако и сейчас достаточно ясно то, что без начала радикального поворота внимания человека к первостепенной важности развития его духовно-нравственного самосознания не может быть надежных гарантий не только его защищенности сегодня, но и перспектив на будущее.

Нельзя не согласиться с А. И. Солженицыным, который предостерегает людей об опасности недооценки этого обстоятельства: "Только если творчески активные силы человечества направили бы себя к поиску постепенного и действительного ограничения злых сторон человеческой природы, возвышению нравственного самосознания — надежда дальняя есть" [16, с. 3].

ГЛАВА 8. ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ГОТОВНОСТЬ К ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

8.1. Психологическая готовность как фактор деятельности.

Роль фактора психологической готовности в человеческой деятельности. В числе структурных составляющих психической деятельности человека одним из основных является фактор психологической готовности. Психологическая готовность человека к деятельности как бы аккумулирует в себе в свернутом виде, подобно сильно сжатой пружине, все необходимые и достаточные для успешного решения поставленной задачи элементы предстоящего действия.

Психологическая готовность к деятельности является обязательным условием не только ее начала, но и эффективного завершения. Естественно поэтому, что феномен психологической готовности к действию и деятельности человека всегда привлекал к себе внимание в тех случаях, когда речь шла об использовании его сил и возможностей в необычных, экстремальных условиях.

В соответствии с пониманием особой значимости психологической готовности как фактора эффективной деятельности в экстремальных условиях сложилась и практика формирования специальной, в том числе и психологической, готовности специалиста. Такова практика подготовки к деятельности спортсмена, военного летчика, летчика-испытателя, полярника или космонавта. Она обязательно предполагает как определенную программу формирования психологической готовности к предстоящей деятельности, так в ряде случаев и оценку уровня достигнутого результата.

Очевидно, однако, что проблема психологической готовности не исчерпывается специфической профессиональной деятельностью в экстремальных условиях. Не менее актуальна она в любой профессиональной деятельности. Отсюда значимость психологического обеспечения профессионального отбора и готовности кадров.

А если посмотреть шире, то очевидна необходимость психологической готовности человека к жизнедеятельности в целом. Неоспоримо, например, ее значение при выборе не только профессии, но и спутника жизни. Исследования да и жизненный опыт показывают безусловную значимость психологической готовности или неготовности к браку в качестве фактора его успешности и стабильности.

Психологическая готовность как пусковой механизм деятельности. Как фактор человеческой деятельности, феномен психологической готовности определяет многое не только в финале (саму эффективность), но уже и в ее начале. Любая деятельность начинается с психологической готовности человека ее начать. Не отсюда ли известное утверждение, гласящее о том, что "главное — начать"?

Значимость психологической готовности к началу деятельности определяется прежде всего трудностью преодоления психологического барьера на ее старте. За последним (т. е. барьером) всегда стоят сомнения и колебания, связанные с переживаниями сложности предстоящего действия, сказывается здесь и фактор уверенности или неуверенности в своих силах, в удачном или неудачном выборе времени действия и т. д.

Таким образом, психологическая готовность обеспечивает динамичное включение человека в деятельность, равно как и последующую надежность и эффективность всей ее стратегии. Существенно и то, что психологическая готовность является универсальной предпосылкой эффективности не только

любой деятельности, но и других характеристик психической жизнедеятельности человека — его общения и отношений с другими людьми, адекватности его отношения к самому себе и т. д.

Вместе с тем как в общей, так и в социальной психологии феномен готовности к деятельности (если не считать наших работ) не стал предметом того внимания, которого он заслуживает [1]—[3].

8.2. Статус, понятие и структура феномена готовности к действию в социальной психологии.

Статус феномена готовности к действию в социальной психологии. Закономерным следствием значимости рассматриваемого феномена является то внимание к нему, которое прямо или косвенно просматривается во многих исследованиях. Это связано, прежде всего, с изучением психических состояний человека в экстремальных условиях, с разработкой методов оценки его адаптируемости, стрессоустойчивости и надежности в рамках психологии профессиональной деятельности (особенно спортивной, инженерной и военной). Еще более непосредственно данная проблема как социально-психологическая прослеживается в исследованиях состояний массовой психологии в экстремальных условиях [4] и уже совсем непосредственно ставится при разработке подходов к оценке психологической готовности населения к различным формам самоуправления [5]-[6].

Однако, несмотря на все это, как категория, так и проблема готовности в общей и особенно социальной психологии пока не заняла достойного места. Об этом свидетельствует прежде всего факт отсутствия исследований, которые были бы посвящены собственно проблеме готовности в социальной психологии безотносительно к тем или иным ее конкретным и потому частным практическим приложениям.

О недооценке действительной значимости категории и проблемы готовности в общей и социальной психологии свидетельствует и ее отсутствие в психологических словарях. Здесь же одновременно кроется и ключ к разгадке, состоящей в том, что психологическая готовность в этих изданиях по существу идентифицируется с понятием установки.

Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть любой словарь по психологии, где установка, как правило, определяется как "готовность, предрасположенность субъекта, возникающая при предвосхищении им определенного объекта (или ситуации) и обеспечивающая устойчивый целенаправленный характер протекания деятельности" [7].

Соотношение понятий "психологическая установка" и "психологическая готовность". Психологическая установка и психологическая готовность к эффективному действию — достаточно близкие понятия. Психологическая установка означает известную предрасположенность и в этом смысле готовность как к восприятию, так и действию определенным образом.

Готовность к эффективному действию, в свою очередь, подразумевает наличие психологической установки на достижение ожидаемого результата. Вместе с тем эти понятия не тождественны друг другу. Это делает необходимым остановиться на самом понятии психологической готовности и его отличии от термина установка.

Начнем с самого общего подхода к данному явлению. Понятие психологической готовности всегда соотносится с деятельностью и характеризуется нередко в терминологии психического состояния, психического настроения и пси-

хологической установки. Вместе с тем состояние психологической готовности к эффективной деятельности выступает в качестве целостного проявления личности и не сводится к совокупности отдельных установок.

Психологическая готовность к деятельности вообще может, на наш взгляд, рассматриваться в качестве характеристики меры настроенности человека как на активное включение, так и на наиболее полную отдачу в ней в соответствии со смыслом и характером последней. Этому сопутствует и такой показатель психологической готовности, каким является реальная деятельность.

Действительно, если есть, например, психологическая готовность к активному участию в управлении и самоуправлении, то она должна неизбежно проявиться в действии. Не может быть такой готовности, которая никак не могла бы себя обнаружить. Бесспорно вместе с тем и то, что даже самое активное участие, например в территориальном самоуправлении, еще не является свидетельством полной психологической готовности к этой деятельности.

Другой, не менее значимой составляющей психологической готовности к участию в самоуправлении является способность к эффективной деятельности, т. е. к такой активности, которая приводит к разрешению целого ряда реальных социально-экономических проблем данной территории. Именно эта составляющая психологической готовности и является в конечном итоге самой главной для оценки ее состояния.

Уже из сказанного очевидна тесная связь понятия психологической готовности к эффективному действию с известным психологическим же понятием установки.

Вместе с тем данные понятия не тождественны друг другу, так как психологическая готовность не сводится к установке на начало действия, но предполагает еще и способность ее реализации, т. е. успешного осуществления.

Психологическая готовность к эффективному социальному действию, например, на уровне территориального управления предполагает целый ряд психологических установок:

- к включению в экстремальную социально-политическую ситуацию;
- готовности взять на себя ответственность за судьбы радикального обновления в масштабе региона или города;
- на диалог и на компромисс.

Однако психологическая готовность к эффективному действию не исчерпывается ни одной из этих установок в отдельности, ни их суммой. Это объясняется рядом существенных обстоятельств. Прежде всего психологическая установка состоит по своей сути в готовности к реализации определенного и преимущественно заранее заданного извне стереотипа действия.

Между тем весь спектр психологической готовности к эффективному действию в современной социальной ситуации плюрализма мнений и установок предполагает скорее преодоление стереотипа, чем следование ему, столкновение разноречивых установок, нежели диктат одной из них.

В ситуации любой, особенно социальной, инновации психологическая готовность предусматривает чаще всего ломку, разрушение сложившихся ранее установочных стереотипов и шаблонов вследствие их полного несоответствия новым условиям деятельности. Такое разрушение прежних психологических установок, которые в свое время надежно обеспечивали эффективность действия, может быть вызвано изменением не только внешних по отношению к человеку условий, но и его внутренней психологической перестройкой.

Следствием многообразия и трудности осознания происходящих перемен на первых порах может стать формирование не однозначной и определенной психологической установки, а эмоционально окрашенного умонастроения,

имеющего не очень четко очерченную направленность.

Одна из функций такого, например, настроя на необходимость социального обновления состоит в формировании готовности к соответствующему социальному действию. При этом процесс формирования психологической готовности к действию проходит ряд стадий, когда от смутного и неопределенного на первых порах настроения осуществляется переход к его более очерченному и четкому состоянию, а от него — к психологической установке.

В свою очередь каждая из психологических установок должна быть подкреплена соответствующей ей способностью к ее практической реализации. Все это в совокупности и может рассматриваться в качестве интегральной характеристики психологической готовности к эффективному социальному действию.

Психологическая готовность к эффективному действию в отличие от психологической установки как формы готовности к действию не несет в себе терапевтического эффекта избавления от личной ответственности, подобно тому, как это происходит в том случае, когда установка задана извне.

Психологическая готовность к действию в условиях плюрализма социальных ориентации неизбежно сопровождается необходимостью принятия на себя дополнительной нервно-психической нагрузки, связанной с возложением личной ответственности за включение в ситуацию экстремальной деятельности. Следовательно, психологическая готовность к современной эффективной деятельности включает в себя еще и готовность к испытанию стрессом, стрессовой ситуацией в отличие от ситуации однозначной заданности установки, которая снимает эту напряженность.

Кроме того, полная психологическая готовность к деятельности в отличие от однозначной установки предполагает ситуацию выбора установок и способов деятельности.

Структура психологической готовности к действию. Таким образом, основными и наиболее общими составляющими психологической готовности к эффективной деятельности являются следующие:

1. Установка на включение в деятельность.
2. Способность к максимальному включению в деятельность.
3. Установка на преодоление инерционных стереотипов и шаблонов.
4. Способность выбора или выработки новых установок в соответствии с нестандартной ситуацией.
5. Внутренняя готовность взять на себя ответственность за самостоятельно принятые решения.
6. Способность принятия обоснованного решения.
7. Готовность к экстремальным условиям стрессовой ситуации.
8. Способность выдержать испытания стрессом.

Иными словами, вся структура психологической готовности к эффективной деятельности может быть представлена четырьмя блоками, в каждом из которых есть стартовая установка к тому или иному виду деятельности и одновременно способность к достижению необходимого позитивного результата (см. схему 10).

Установка и способность к полному включению в деятельность
Установка и способность к нестереотипной деятельности
Установка и способность принятия обоснованного решения
Установка и способность выдержать испытание стрессом

Схема 10

Все сказанное выше дает основание для формулировки итогового определения понятия психологической готовности в качестве состояния наивысшей вариабельности и максимальной включенности творческих сил и способностей субъекта в деятельность.

8.3. Готовность к деятельности как социально-психологическая проблема.

Проблемность феномена психологической готовности. Как социально-психологическая проблема готовность к деятельности предстает перед нами в той мере, в какой она полна внутренних противоречий, а также в той мере, в какой человек оказывается психологически готов или не готов к их восприятию, видению и пониманию — следовательно, и преодолению. Как из психологической противоречивости самой деятельности, так и из основных составляющих готовности к ней вытекают трудности формирования последней.

Уже в таких противоречиях психической деятельности человека, которые связаны с различием ожидания результатов, с одной стороны, и теми усилиями, которые для этого необходимы, с другой, заложена опасность психологической неготовности к эффективному действию. Обманчивая легкость отождествления предстоящего действия с его результатом уже предрасполагает к пассивному ожиданию его плодов.

Не менее опасна и склонность субъекта отождествлять готовность к началу действия с эффективностью всей последующей деятельности в целом. Она также равнозначна психологической неготовности к достижению ожидаемого результата.

Столь же ошибочной может оказаться и неспособность соразмерять завышенные ожидания и притязания на желательный результат деятельности с реальным потенциалом его субъекта. Однако к названным выше противоречиям деятельности, затрудняющим психологическую готовность к ее эффективному осуществлению, прибавляются рассогласования, заложенные в структуре самой психологической готовности к ней. Даже полная психологическая готовность к эффективной деятельности включает в себя такое, например, противоречие, как наличие серии психологических установок-стереотипов (на включение, принятие решения, испытание экстремальными условиями), с одной стороны, и установку на способность к нестереотипной, т. е. по сути психологически безустановочной деятельности — с другой.

Не менее серьезное противоречие может сложиться и между наличием психологической установки и трудностью ее практической реализации по причине неспособности к этому субъекта деятельности.

Возможна ли психологическая готовность к инновационной деятельности. Можно ли говорить в полной мере о психологической готовности к деятельности как о каком-то априорном состоянии субъекта, не имевшего до этого необходимого опыта соответствующих действий? Или же психологическая готовность к действию — это всего лишь аккумуляция всего предшествующего опыта эффективной практической деятельности, представленная в свернутом виде в качестве решительной и уверенной настроенности субъекта на ее начало и успешное завершение?

Тогда психологическая готовность к действию лишь в той мере способна предвосхитить его начало и эффективность, в какой она сама уже является его результатом.

Но из этого следует, что полная психологическая готовность к такой инновационной деятельности, которой не предшествует необходимый прошлый опыт, практически невозможна. Как в таком случае быть с подлинно инновационной, особенно масштабно и радикально инновационной активностью человека? Возможно ли исключить ее обреченность на неудачу вследствие психологической неготовности к ней человека?

Ответ на этот вопрос представляется однозначным: психологическая готовность к радикальным инновациям либо уже заложена в прошлом опыте, либо ее отсутствие должно быть компенсировано специальными и дополнительными усилиями.

Именно этой цели и должно служить социально-психологическое обеспечение готовности к эффективной деятельности. В противном случае опыт исканий в абсолютно новой сфере деятельности не защищен от грубых ошибок, просчетов, неудач и просто провалов.

Обеспечение психологической готовности к деятельности.

Но задача социально-психологического обеспечения готовности к деятельности состоит не только в том, чтобы понять природу ее отсутствия там, где она крайне необходима, и изыскать средства ее компенсации или ускоренного формирования в соответствии с динамично меняющейся жизненной ситуацией.

Не менее актуальна и другая сторона этой проблемы. Она связана с необходимостью своевременной диагностики уже имеющихся психологических готовностей людей к тем или иным действиям, которые могут иначе оказаться неожиданными и непредсказуемыми. На актуальность предвидения именно такого рода психологической готовности человека к действию в свое время обращал внимание великий русский писатель-сатирик М. Е. Салтыков-Щедрин, который говорил как об одной из задач, встающих перед писателем необходимости коснуться всех готовностей своего героя, которые кроются в нем, и испытать, насколько живуче его стремление совершать такие поступки, от которых он в обыденной жизни поневоле отказывается. Вы скажете: какое нам дело до того, волею или неволею воздерживается известный субъект от известных действий; для нас достаточно и того, что он не совершает их... Но берегитесь! Сегодня он действительно воздерживается, но завтра обстоятельства благоприятствуют ему, и он непременно совершит все, что когда-нибудь лелеяла тайная его мысль. И совершит с тем большею беспощадностью, чем больший гнет сдавливал это думанное и лелеянное [8].

ГЛАВА 9. ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ВКЛЮЧЕННОСТЬ В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

9.1. Понятие психологической включенности в деятельность.

Включенность как одна из составляющих психологической готовности. Одной из важнейших структурных составляющих психологической готовности человека к эффективному действию является психологическая включенность в него. Многочисленные синонимы этого понятия или слова, близкие по смыслу — вовлеченность, увлеченность, погруженность, сосредоточенность, захваченность, одержимость, зараженность и др., — говорят сами за себя. Они характеризуют высокую степень настроенности человека на то, чтобы максимально реализовать свой духовно-психологический потенциал в той или иной конкретной деятельности.

Несмотря на очевидную значимость психологической включенности в действие как фактора, она пока не стала предметом специального и разностороннего исследования ни в роли специфического социально-психологического явления, ни в качестве понятия.

Определение понятия психологической включенности. Это понятие находится в одном ряду с понятиями интенсификации и опосредованности психической деятельности. Однако, в отличие от них, оно обозначает не тот или иной механизм (опосредованность) или характер человеческой деятельности (интенсификация), а сам факт причастности к ней индивида. Включенность — это такое психическое состояние, которое характеризует степень вхождения человека в систему требований, норм, ролей, прав, обязанностей и ожиданий, которые предъявляет к нему сфера его деятельности. Это психическое состояние полного сосредоточения его внимания и психического потенциала на предмете деятельности [1], [2].

Степень включенности человека в деятельность характеризуется не только уровнем его ориентированности в системе специфических для определенной ситуации требований, но и мерой внутренней, психической идентификации, т. е. уподобления с данной деятельностью, готовностью к слиянию с ней и к максимальной отдаче.

Включенность и адаптация. Следует иметь в виду отличие феномена включенности от социально-психологического механизма адаптации. Последний предполагает прежде всего перестройку системы поведения личности под влиянием требований, предъявляемых к ней условиями среды.

Включенность же характеризуется определенной степенью соответствия или несоответствия внутреннего, психического состояния, настроя личности в целом тем требованиям, которые предъявляют ей конкретные условия протекания той или иной деятельности.

9.2. Психологическая включенность как фактор деятельности.

Роль психологической включенности в деятельность. Психологическая включенность личности в деятельность является одним из решающих факторов ее эффективности, равно как и предпосылкой ее успешного протекания. Такие составляющие включенности, как внимание и его сосредоточение на предмете деятельности, эмоциональная настроенность и высокая целеустремленность на достижение конечного результата, способны при определенных условиях обеспечить успех дела.

Психологическая включенность в действие не покрывает всех составляющих готовности к его эффективному началу и завершению. Чаще всего она отождествляется с психологической готовностью к тому, чтобы приступить к практическому осуществлению тех намерений индивида, которые созрели в его сознании в виде целей и мотивов, побуждающих к активному действию.

Однако психологическая включенность не исчерпывается началом действия, но способна быть характеристикой состояния индивида на протяжении всего процесса деятельности.

Компенсаторная функция включенности. В отличие от феномена заблаговременной психологической готовности она может выступать в качестве ее компенсации при недостатке или тем более отсутствии последней. В таком случае психологическую включенность можно рассматривать в роли ситуативного фактора динамичного формирования психологической готовности к действию.

Состояние предельного и нарастающего сосредоточения на предмете деятельности позволяет быстро мобилизовать скрытые психологические резервы личности для решения возникающей задачи. Это объясняется тем, что состояние включенности позволяет преодолеть многие психологические барьеры — препятствия на пути достижения эффективности деятельности. Известно, например, и то, что выдающаяся русская актриса М. Н. Ермолова жаловалась на переживание состояния неготовности к выходу на сцену перед самым выступлением, доводившее ее до полубоморочного состояния. Но в итоге само ее появление перед зрителем оказывало гипнотическое воздействие.

Влияние включенности на психическое состояние, умонастроение и жизнедеятельность личности. Включенность оказывает свое влияние не только на продуктивность той или иной предметной деятельности человека, но и на его психическое состояние, умонастроение, эмоциональное самочувствие и жизнедеятельность в целом.

Как правило, включенность — фактор ощущения полноты жизни, источник бодрых, жизнерадостных, мажорных настроений.

И наоборот, невключенность сопровождается отрицательным эмоциональным состоянием.

Так, характерная для юношества устремленность в будущее (включенность в будущее, в предмет фантазий, воображения и ожиданий) и невключенность в настоящее часто сопровождается эмоциональной неудовлетворенностью последних. И. И. Мечников говорил в свое время по этому поводу о том, что в юности мы все немножечко пессимисты, потому что с позиций наших ожиданий, очень часто завышенных, превосходящих нормы настоящего и продиктованных юношеским максимализмом, повседневная действительность кажется надоевшей, серой и скучной, мимо которой хочется поскорее убежать в будущее [3]. Об этом же говорит и наш современник писатель Юрий Бондарев. Юность, по его мнению, — это время постоянного ожидания будущего, на фоне которого настоящее часто оказывается чем-то скучным, обыденным, не заслуживающим внимания и оказывающимся вне поля зрения. В этом и состоит суть эффекта невключенности в настоящее в юношеском возрасте [4].

И наоборот, известно, что настоящее нередко особенно остро в качестве "чувства жизни" переживается и характерно для детей и стариков. Включенность здесь проявляется в ощущении радости повседневного существования. Для детей характерна наибольшая включенность в игровую ситуацию, для стариков же — в прошлое.

Включенность как фактор здоровья человека. Включенность — это такое психическое состояние полного сосредоточения всех сил и возможностей человека на предмете его действия или деятельности, которое может найти выход во всех проявлениях его жизнедеятельности.

Уже на уровне организма индивида это состояние может рассматриваться одновременно как результат и эффект включения резервных энергетических потенциалов физической и психической саморегуляции.

Диапазон проявлений такого эффекта достаточно широк и многообразен — от предельной психической сосредоточенности на предмете деятельности до достижения радикальных сдвигов в духовном или физическом состоянии индивида.

Результатом включения всех, в том числе и психических, резервов саморегуляции может стать как взрыв необычайной творческой активности человека, вообще любой его энергетической активности и деятельности, так и пробуждение энергии здоровья вплоть до его полного исцеления от самых тяжелых и кажущихся нередко неизлечимыми недугов. Врач-психиатр поликлиники № 3 Российской академии наук Р. Мирзабекян на основе многочисленных экспериментов доказал, что лечение знаменитых экстрасенсов — не что иное, как искусство включения собственных механизмов саморегуляции организма пациентов. Сама же саморегуляция была открыта еще в XIX веке С. Боткиным.

9.3. Включенность в деятельность как социально-психологическая проблема.

Эффект гиперстимуляции психологической включенности.

Интенсификация деятельности, характерная для научно-технической революции, сопровождается, как известно, ростом принудительной психологической вовлеченности, а также психического напряжения человека как результата его гиперстимуляции.

До известного предела возрастание психического напряжения может выступать в качестве стимулятора деятельности. С этим связано представление о положительной роли стресса, или эвстресса, в отличие от дистресса (отрицательно сказывающегося на состоянии здоровья), по терминологии канадского ученого Г. Селье [5], [6].

Исследования ученых также свидетельствуют и о том, что положительное эмоциональное напряжение создает психологическую основу творческой деятельности человека, оно необходимо для преодоления трудностей, личных неудач и т. д. [7], [8].

Противоречивость психологического эффекта гиперстимуляции включенности. Однако наличие положительного эмоционального напряжения не снимает реальной проблемы отрицательных последствий эмоциональных перегрузок. Как правило, при длительной психической перегрузке происходит постепенное истощение нервной системы, а вместе с тем и снижение тонуса личности, которое так или иначе отражается не только на ее настроении, но и на степени ее включенности в деятельность.

Следствием отрицательного эмоционального напряжения (дистресса) оказывается обычно снижение продуктивности, уровня активности индивида, вплоть до его полного отключения от заранее намеченной программы.

Исследования показывают, что самоустранение человека от продолжения работы является в конечном итоге результатом целого ряда крайних степеней психических изменений индивида под влиянием внутренней напряжен-

ности, которым предшествуют растерянность и утрата самообладания, возбудимость и суетливость, преобладание стереотипных действий и неадекватных реакций, блокада восприятия, памяти, мышления и практических действий субъекта и т. д. В этом сказываются защитные механизмы психической деятельности человека, направленные на нейтрализацию отрицательных последствий длительного эмоционального напряжения.

Логика современного развития любой социально значимой деятельности требует постоянного повышения уровня вовлеченности в нее человека. Тем самым человек оказывается поставленным перед необходимостью все большей эмоциональной и интеллектуальной отдачи, мобилизации своих внутренних сил и ресурсов.

Однако усложнение человеческой деятельности, развертывание ее многократной опосредованности способны, как мы видели, вместе с феноменом физической перегрузки порождать отрицательный эффект невключенности в деятельность. По существу, это явление представляет собой определенное психическое состояние субъекта, которое неадекватно той ситуации, в которой находится последний, условиям его деятельности.

Межличностное общение как фактор регуляции включенности.

Важную роль в активизации психического состояния и деятельности личности играет сфера межличностного общения людей. В человеке живет глубокая и органическая потребность в понимании, сопереживании и эмоциональном отклике со стороны других.

Но лишь при определенных социальных условиях становится возможным утверждение подлинно гуманистического по своему характеру межличностного общения, его оптимизация. В таком случае стереотип, шаблон и обезличенность межличностного контакта и связанные с ними нивелирование и атрофия эмоционального начала в человеке наталкиваются на решительное противодействие. Оптимизация человеческого общения становится достижимой прежде всего на путях создания здорового психологического климата человеческих отношений.

9.4. Природа и факторы психологического включения и включенности личности.

Включенность — продукт взаимодействия мотивации и стимуляции. По своей природе психологическая включенность в ту или иную деятельность является результатом взаимовлияния друг на друга целого ряда факторов. Важнейшим из них является мотивация заинтересованности как в самой деятельности, так и в ее результатах. Не менее значима и эмоциональная составляющая в качестве фактора психологической включенности в деятельность. Этому соответствует понятие увлеченности, зараженности, захваченности и даже одержимости.

В отличие от понятия увлеченности термин вовлеченность характеризует уже не внутренние, а внешние, выступающие в качестве стимулов, механизмы психологического включения человека в деятельность. Вовлеченность как результат стимуляции и включения может оказаться продуктом психического заражения чьим-либо состоянием или подражания чьему-либо примеру. Наравне с этим правомерно говорить и о внутриличностных навыках психической саморегуляции включенности на основе контроля внимания.

Внимание как механизм саморегуляции психологической включенности личности. Одним из важнейших условий психологической включенности является способность устойчивого сосредоточения внимания на предмете деятельности. Вместе с тем это и один из наиболее трудно достижимых внутриличностных навыков регуляции психологической включенности. Тем не менее, именно способность к максимальному сосредоточению внимания на предмете деятельности обеспечивает ее наибольшую эффективность.

Поясним это на примере игры в теннис. Может показаться, что главное здесь — сильно и правильно поставленный удар по мячу. Однако в действительности эти навыки вполне достижимы после серии тренировок. Труднее же всего овладеть способностью за все время игры видеть мяч в полете, отслеживать его движение от момента старта, даваемого партнером, до момента соприкосновения со своей ракеткой. Трудность состоит в необходимости предельной концентрации внимания на одном предмете, в то время как оно склонно к тому, чтобы рассеиваться на многом, ускользать от сознательного или подсознательного контроля. Известно также, что уровень творческого мастерства не только спортсмена, но и актера, оратора или гипнотизера определяется способностью сосредоточения и переключения внимания. Именно этот механизм произвольной и сознательно контролируемой саморегуляции внимания способен обеспечить эффективное сосредоточение или включение в любую деятельность.

Таким образом, психологическое включение и включенность по своей природе оказываются результатом взаимодействия двух основных групп факторов — внутренних, представленных спонтанной мотивацией и контролируемых опытом и навыками личности сосредоточения внимания, с одной стороны, и внешних, связанных с действием механизмов психологической стимуляции (заражение, подражание, внушение, мода и др.) — с другой.

9.5. Обеспечение психологической включенности в деятельность.

Альтернатива психологической включенности. Альтернатива психологической включенности — невключенность, рас-средоточенность внимания и сил на посторонних, отвлекающих от необходимого действия предметах и раздражителях. Чтобы собрать внимание, надо избавиться от посторонних, отвлекающих факторов.

Иными словами, условием полной включенности в данное действие является полная невключенность внимания во все другие возможные фоновые стимулы и раздражители.

Это в принципе вполне достижимо в результате овладения навыками психологической релаксации, т. е. снятия психического и физического напряжения через расслабление мышц тела.

Здесь феномен психологической включенности может рассматриваться как результат преодоления психологических барьеров личности, одним из которых оказывается психическая напряженность.

Психологическая релаксация как условие включенности. Релаксация достигается методами суггестии (внушения) и в результате тренировки навыков снятия физического напряжения (саморелаксации) при одновременном формировании способности к сосредоточению внимания на предмете действия.

Опыт показывает, что данная задача весьма сложна, если у испытуемого нет необходимых навыков не только релаксации, но и совмещения их со спо-

способностью к переключению внимания.

Для примера можно осуществить это в рамках такого эксперимента: пусть приглашенный к доске студент попытается полностью расслабить свою руку от кисти до плеча. В это же время он одновременно должен написать на доске мелом свои имя и фамилию.

Проверка состояния релаксированности руки при выполнении этого, казалось бы, несложного задания показывает, как правило, его невыполнимость или трудность выполнения без навыков релаксации.

Таким образом, одним из путей обеспечения психологической включенности в действие является формирование навыков физической и психической релаксации в сочетании с опытом распределения и переключения внимания.

Обеспечение психологической включенности через регуляцию внимания, мотивации и опыта психического заражения. В этом же направлении работает и опыт преодоления многих других психологических барьеров личности. В конечном итоге обеспечение психологической включенности в действие достигается на путях овладения навыками регуляции внимания и мотивации деятельности, равно как и опытом психического самозаражения интересом к предстоящему действию. Последний представляет собой психологический механизм внутренней самостимуляции, предполагающей развитие навыков эмоционального усиления и углубления интереса к предмету деятельности. В основе этого механизма лежит нарастающая эмоциональная и образная идентификация с предметом деятельности, равно как и ее символом.

В деятельности театрального артиста, например, это может быть процесс сближения, а иногда даже и слияния с психическим, эмоциональным состоянием изображаемого персонажа. Он позволяет достичь наибольших высот психологического включения или вхождения в образ, создающего эффект подлинности бытия того героя, которого играет актер.

Однако абсолютно полное слияние с образом на гребне эмоциональной идентификации достижимо, как правило, при фактическом отключении сознательного контроля за этим процессом. И здесь актера поджидает коварный эффект возможного выхода за рамки своего реального статуса.

Играющий роль Отелло, если он вдруг забудет обо всем, кроме своего сиюминутного образа, может и в действительности задушить актрису, исполняющую роль Дездемоны. Об этой опасности предупреждал К. С. Станиславский.

О реальности подобной ситуации, когда, исполняя роль, можно потерять контроль над собой, говорил и Федор Иванович Шаляпин как о действительном факте в своей творческой биографии, когда его начали душить слезы его героя, а он в результате на мгновение потерял голос, перейдя на хрип, но вовремя исправил положение.

9.6. Эффект и парадокс психологической включенности.

Отключенность как условие включения и включенности.

Максимальная психологическая включенность человека в деятельность, конкретную ситуацию, предполагающая использование его внутренних резервов, становится практически возможной лишь при достаточно высоком уровне его сосредоточенности на предмете деятельности.

А это предполагает, в свою очередь, полное выключение из сознания личности всех других, как внешних, так и внутренних, факторов, которые бы могли деформировать ее отношение к деятельности.

Школьник, мечтающий о путешествиях на уроке химии или истории, продавщица магазина, обслуживающая покупателей, у которой не выходит из головы мысль о предстоящей встрече после работы, и т. д. — все это ситуации, в которых та или иная конкретная деятельность оказывается опосредованной и определенным образом деформированной посторонними по отношению к ней раздражителями. Чтобы этого не произошло, необходим более высокий уровень включенности индивида в его конкретную текущую деятельность.

Глубокое торможение всех других, не имеющих отношения к деятельности опосредовании в сознании индивида означает его серьезную внутреннюю психологическую перестройку.

С этим связан, в частности, тот результат, который дает применение гипноза и внушения как средств активизации психической деятельности человека в учебном процессе [9]—[11].

Интересные результаты получены здесь болгарским ученым Г. Лозановым. Его исследования в области суггестологии (отрасли социально-психологической науки, изучающей феномен внушения) показали эффективность научно обоснованного вторжения в глубинные запасы психической энергии человека. Метод, разработанный Г. Лозановым, позволяет, в частности, сократить сроки и повысить результативность изучения иностранных языков [9].

Механизм максимальной непосредственной включенности в значимую ситуацию вызывает определенные структурно-функциональные сдвиги в психической деятельности индивида, которые не могут пройти для него бесследно.

Инерция как один из эффектов включенности. Преодолевая все предыдущие опосредования, полностью исключая их на время из сознания, эти сдвиги порождают, в свою очередь, стойкий эффект психологической вовлеченности в деятельность или, что то же самое, ее инерцию, инерцию включенности.

Инерция настроения индивида на определенную деятельность, с одной стороны, многократно усиливает эффект его сосредоточения на ней, а следовательно, и эффективность деятельности. С другой стороны, инерция включенности мешает человеку переключить внимание на новые жизненные обстоятельства и ситуации, порождает определенный консерватизм, может привести к сужению поля зрения и т. д.

Инерция включенности имеет достаточно глубокие корни и основания в самом характере деятельности человека.

Возрастающая сила инерции переживания прошлого опыта объясняется не только постоянно растущим уровнем психического напряжения и концентрации внимания, которых требует включение человека в деятельность. В числе факторов, которые ведут к усилению этой инерции, находится и фактор обогащения и усложнения самой деятельности, а также связанных с ней отношений.

Большая, чем раньше, сложность деятельности и необходимость ее постоянной самопроверки и самооценки способны длительное время приковывать внимание человека к решаемой им задаче и даже заставить его вернуться к ней уже в другой ситуации. Здесь же сказывается и потребность человека в больших, чем раньше, затратах времени, необходимых для решения новых и все более сложных задач.

Природа инерции психологической включенности. Следовательно, феномен инерции включенности оказывается механизмом социально-психологической адаптации индивида к решению все более сложных вопросов в условиях жесткого регламента времени, отводимого на непосредственную деятельность. В силу инерции включенности индивид продолжает и в новых условиях (хотя, конечно, только в мыслях, в воображении) пребывать в прежней ситуации, переживая связанные с ней осложнения и трудности.

Высокий уровень инерции психологической включенности в результате максимального сосредоточения внимания и мысли на каком-то предмете весьма характерен для представителей творческих профессий, особенно для ученых, одержимых какой-либо идеей.

Парадокс включенности. Погруженный в глубокие раздумья, решающий сложную задачу, исследователь, пребывающий в таком состоянии, как правило, не способен к адекватному восприятию внешней по отношению к нему среды. Инерция его творческой включенности оборачивается, таким образом, полной невключенностью в реальную жизненную ситуацию. В этом состоит так названный нами парадокс психологической включенности. Его суть в том, что за высокий уровень психологической включенности в какой-то сфере деятельности человек, как правило, неизбежно расплачивается психологической невключенностью во многих (иногда даже во всех) других сферах.

Убедительную серию иллюстраций этого дает основоположник космонавтики Константин Эдуардович Циолковский в написанной в 1918 году и не опубликованной при его жизни работе "Гений среди людей" [12]. Он обращает внимание на то обстоятельство, что гении развиваются рано, но они не выделяются официально своими успехами в школе. Гоголь был аттестован в школе, в которой некоторое время учился, как тупица и шалопай. Пушкин очень слабо успевал в Лицее и плакал на уроках арифметики. Л. Толстой на экзаменах в университете наполучал единиц. Чехов два раза в гимназии оставался на второй год. «...Гении, — писал К. Э. Циолковский, — умиляют нас бескорыстием, сосредоточенностью и преданностью своей идее. Гении до того сосредоточиваются, что не сознают окружающего мира и слынут сумасшедшими или больными. Когда Ньютон писал свои "Принципы", то он, поглощенный своими мыслями, забывал одеваться и есть. Однажды он пообедал, но не заметил этого. И когда пошел по ошибке обедать в другой раз, то очень удивился, что кто-то съел его кушанья. Лейбниц был целыми месяцами как бы прикован к письменному столу. Кюри был раздавлен в таком же состоянии ломовым. То же было с Костомаровым, но его раздавили не до смерти. Дидро забывал дни, месяцы, годы и имена близких людей. Гоголь, Гете, Сократ, Архимед не замечали смертельной опасности во время своей работы. Ампер, уходя из своей квартиры, написал мелом у себя на дверях: "Ампер будет дома только вечером". Но он случайно возвращается днем домой. Читает надпись на своих дверях и уходит обратно, так как забыл, что он сам и есть Ампер. Он же сморкался в тряпку, которой стирал мел во время лекций, и намазанный мелом, возбуждал веселость студентов. Другие писали на карете вычисления и гонялись за ней, когда она уходила. Садись на тумбу вместо экипажа. Архимед в бане, полоскаясь, наведен был на открытие своего гидростатического закона. Забыв, что раздет, он выскакивает голый на улицу и, радуясь, кричит неистово: "Теперь понял, понял"» [12, с. 9].

Психологические следствия инерции включенности. Таким образом, инерция включенности в уже несуществующую ситуацию сама превращается в фильтр, препятствующий непосредственному восприятию новой информации и более активной вовлеченности индивида в изменившуюся обстановку. Иными словами, максимальная и непосредственная включенность в одном случае оборачивается опосредованностью восприятия и реагирования в других случаях.

Нарастающая динамичность внешних условий деятельности и общения может прийти в несоответствие с замедленным механизмом переключения психической активности человека при изменении обстоятельств. Доминирование же в сознании индивида прошлого опыта и, как следствие этого, невключенность или недостаточная включенность в новый цикл деятельности могут переживаться им как внутренний психологический диссонанс, как состояние дискомфорта, которое требует своего разрешения.

Казалось бы, выход из этого лежит на путях преодоления всех механизмов опосредования эмоциональных движений, влияющих на психическую активность человека. Однако такой способ означал бы на деле десоциализацию индивида, его выключение из социального контекста.

Частным случаем такой социально-психологической выключенности может служить феномен невключенности человека в ситуацию дорожно-транспортного общения.

В свое время (в 1978 г.) работниками службы безопасности движения Санкт-Петербурга мне как социальному психологу было предложено выступить по телевидению с ответом на такой вопрос: "Почему количество наездов транспортных средств на пешеходов почти в два раза больше случаев столкновения друг с другом самих транспортных средств?".

Мой ответ:

— В этом факте есть некоторая парадоксальность. Казалось бы, управлять транспортным средством намного сложнее, чем самому пешеходу осуществлять контроль и регулировать свое поведение на улице.

Чем же объяснить тогда большую сложность тех отношений, которые возникают между водителем и пешеходом?

На наш взгляд, можно говорить об одной самой важной причине этого обстоятельства. Она состоит в различии уровней включенности в дорожную ситуацию водителя и пешехода.

Действительно, находясь за рулем, водитель, как правило, испытывает состояние полной психологической отомобилизованности, сосредоточенности, включенности в дорожную ситуацию. Его мобилизует как процесс управления транспортным средством, который требует четкости действий, так и высокая степень сложности дорожной обстановки, ее динамизм, требующий полной психологической отдачи, готовности принимать в считанные секунды ответственные решения.

Может ли водитель, находясь за рулем, задуматься о чем-то таком, что не имело бы отношения к процессу управления автомашиной? Безусловно, нет. Иначе может последовать авария или даже катастрофа.

В ином положении пешеход. Чаще всего он не испытывает состояния глубокой психологической включенности в ситуацию уличного движения. Выходя из помещения на улицу, он, как правило, меньше всего склонен думать о тех опасностях, которые таит в себе, например, переход перекрестка; он находится под впечатлением того, что он делал, или думает о том, что его ожидает в другом месте — дома, в кругу знакомых и друзей, на работе, в театре и т. д. Иными словами, его сознание, занято множеством повседневных дел, забот,

впечатлений и ожиданий и меньше всего самим процессом движения по улицам города. О сложности, ответственности и опасности этого движения ему эпизодически напоминают сигналы автомашин, скрип тормозов, милицейский свисток и другие способы возвращения его сознания в реальную ситуацию уличного движения.

Однако невключенность в данную конкретную ситуацию чревата не только травматическими последствиями для пешехода.

Социально-психологическая невключенность человека как проявление его жизненной позиции или как суррогатной самозащиты от стрессоров может быть чревата и психической деформацией или даже патологией личности.

Представляет интерес любопытная тенденция, обнаруженная у определенной категории психически больных людей. Не выдержав непосильного для их душевной организации бремени постоянно растущей многократной опосредованности психической деятельности, они как бы стремятся избавиться от этого итога социализации возвратом к абсолютной непосредственности эмоциональных реакций и побуждений. Последняя была свойственна лишь их животному предку и сохранялась еще какое-то время на ранних стадиях человеческой истории. Эта же особенность психики отличает и сейчас несоциализированного ребенка от взрослого.

Естественно, что данное явление не могло пройти мимо внимания психиатров и психопатологов. Последние усматривают в нарушении опосредования психической деятельности человека существенный механизм, позволяющий глубже понять истоки и закономерности психической деформации индивида. Нарушение опосредованности в иерархии мотивов личности проливает, по мнению психиатров, свет на природу ее психопатологии [13].

Потребности психически здорового человека достаточно многообразны и сложны по своей структуре. Часть из них имеет прямой, непосредственный характер, другие же опосредованы целью или сознательно принятым намерением [14, с. 435]. И только в том случае, когда потребность опосредована сознательно поставленной целью, возможен ее контроль и управление со стороны человека.

Однако у психически больных наблюдается такое изменение в структуре потребностей, которое характеризуется утратой их былой опосредованности сознательно поставленной целью. А подобное изменение иерархии и опосредованности мотивов означает, по существу, десоциализацию индивида, утерю сложной организации человеческой деятельности. Последняя утрачивает свою существенную и специфически человеческую характеристику в той мере, в какой она из многократно-опосредованной превращается в чисто импульсивную [13, с. 121].

Полный отказ от опосредования (т. е. в данном случае критического восприятия и сознательного контроля) внешних воздействий приводит к утрате индивидом психологической защиты от стрессоров, от других идущих извне влияний, превращает его в объект манипуляции, лишает его какой бы то ни было самостоятельности, индивидуальности.

Отказ же от механизма опосредования внутренних, спонтанных побуждений и реакций чреват анархией, разгулом стихийных, неконтролируемых инстинктов и влечений, а следовательно, социально-психологической деформацией личности.

Вместе с тем непосредственность в поведении человека, его открытость, способность к эмоциональному отклику в общении с другими, готовность к душевному соучастию и сопереживанию является признаком его душевного и нравственного богатства. Она привлекает и располагает к нему других, явля-

ется показателем и определенной психологической раскрепощенности, внутренней свободы и раскованности личности.

Следовательно, все дело в чувстве меры и способности удерживать мудрое равновесие между эмоциональной непосредственностью и внутренним контролем. Утрата или смещение этого чувства в ту или иную сторону чреват негативным эффектом.

Одной из психологических предпосылок душевной трагедии американской киноактрисы Мэрилин Монро и было как раз смещение всего настроения ее души в пользу доминирующей и так украшавшей ее непосредственности во всех проявлениях ее натуры. Усиленная и эксплуатируемая эффектом экспонированности перед миллионами зрителей, ее душевная непосредственность стала предметом хронической манипуляции. А это неизбежно должно было привести и привело ее к глубочайшему душевному кризису.

Задача регулирования психической деятельности состоит не в преодолении всех механизмов, опосредующих связь человека с социальным миром, а в устранении препятствий на пути реализации и совершенствования духовного потенциала личности, развития ее способностей.

9.7. Преодоление инерции психологической включенности.

Главный недостаток инерции включенности. Наряду с положительной функцией (продление времени сосредоточения внимания на решении сложной задачи) инерция психологической включенности имеет и серьезные недостатки. Главный из них в трудности, а во многом и невозможности психологического переключения внимания на новый предмет деятельности в изменившихся обстоятельствах.

В конечном итоге результатом инерции включенности оказывается психологическая невключенность в изменяющиеся обстоятельства деятельности. Именно это и делает актуальным вопрос о преодолении инерции включенности.

Достижимо ли это вообще? Если да, то при каких условиях? Каковы возможные последствия преодоления этой инерции?

Иными словами, речь идет о возможности достижения эффекта психологической включенности без инерции.

Возможна ли психологическая включенность без инерции? О том, что такая задача в принципе разрешима хотя бы в технике, говорит, например, факт создания спиннинга с безынерционной катушкой. А разве не о том же самом на уровне электроэнергии говорят "взаимоотношения" штепселя с розеткой?

Но возможно ли нечто подобное применительно к психологии человеческого поведения?

Позитивный ответ на это дает нам история и опыт знаменитого покорителя женских сердец — Дон-Жуана. Представляется, что одна из тайн обаяния последнего была в способности полного психологического включения внимания и всех сил в общение со своей очередной избранницей, равно как и способность полного выключения, "освобождения" от былых впечатлений и переживаний ради новых.

Если оставить в стороне нравственный аспект опыта безынерционной сексуально-психологической включенности Дон-Жуана, то, вероятно, следует признать правомерность развития навыков психологической включенности без инерции как условия более эффективной деятельности человека.

В свое время мне пришлось наблюдать силу механизма безынерционной

включенности в ситуации репетиции ныне широко известной эстрадной звезды Аллы Пугачевой. Тогда она еще не была столь знаменитой, но уже имела успех после исполнения "Арлекино". По договоренности с Киевской студией научно-популярных фильмов я должен был определить степень целесообразности включения в короткометражный фильм (который потом вышел под названием "Контакты") фрагмента с исполнением "Арлекино" Аллой Борисовной.

Меня поразила тогда, как я помню, ее способность без всяких эмоций, мгновенно включаться и выключаться во время исполнения репетируемой песни. Ее неоднократно прерывал дирижер из необходимости поправить кого-то из исполнителей в оркестре. И при этом я ни разу не заметил даже тени огорчения или недовольства в ее голосе, когда она начинала брать вновь только что прерванную ноту.

Условия реализации механизма безынерционной включенности. Развитие способности к безынерционной психологической включенности по принципу включения-выключения предполагает овладение навыками психологического освобождения от инерции прошлого опыта, с одной стороны, и навыками динамичного погружения в новую ситуацию деятельности — с другой.

Однако здесь необходимо различать сам психологический механизм безынерционной включенности от глубинных пластов социально-психологической памяти человека. Одно дело — этот механизм, и другое — неспособность усваивать уроки прошлого.

Процесс социализации индивида, освоения им прошлого опыта, накопленного предками, был бы невозможен без той позитивной силы сохранения лучших традиций или инерции психологической включенности в прошлое, которая обеспечивает духовную и историческую связь одного поколения с другим.

Инерция психологической включенности как способ духовной связи между поколениями. Признавая правомерность постановки вопроса о преодолении инерции психологической включенности и пользе развития навыков психологической включаемости, равно как и переключаемости без инерции, необходимо учитывать двоякий психологический эффект самой этой инерции. Она не только способ продления времени действия отдельного индивида при решении задач повышенной сложности, но и способ сохранения связи с прошлым, накопленным предшествующими поколениями жизненным опытом, способ связи традиционных и инновационных жизненных ценностей и достижений в культуре и духовной жизни народа.

Резюме. Итак, включенность — один из важнейших элементов психологической готовности к эффективной деятельности.

В отличие от других элементов психологической готовности она (включенность) носит сквозной характер, т. е. является условием эффективности деятельности не только на стадии предстартового состояния, но и на протяжении всей последующей деятельности.

Включение личности в деятельность, если оно происходит динамично, может компенсировать недостаток ее психологической готовности.

Эффектами психологической включенности в деятельность являются:

- повышение уровня качественной эффективности деятельности;
- сокращение сроков достижения необходимого, конечного результата

деятельности;

- более полная личностная самореализация;
- компенсация психологической неготовности к деятельности;
- инерция и парадокс включенности.

РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ОБЩНОСТИ

ГЛАВА 10. ОБЩНОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

10.1. Статус и модификации феномена общности в социальной психологии.

Постановка вопроса. Наряду со ставшей за последние годы традиционной для социальной психологии категории группы правомерно рассмотрение и исследование достаточно близкого по смыслу, но не тождественного ей феномена общности.

Социальная психология общности включает в себя более широкий круг явлений, нежели психология группы. Представление о групповой психологии складывается вместе с первыми экспериментальными исследованиями отечественных и зарубежных социальных психологов в 20-е годы нашего века. Оно, несомненно, альтернативно опыту второй половины XIX века.

Малая группа как альтернатива понятиям "дух времени" и "психология эпохи". Обращение пионеров отечественной и зарубежной социальной психологии конца XIX века к таким глобальным явлениям, как психология эпохи или дух времени, психология или душа народа, уже в первой четверти нового, XX века могло расцениваться лишь как неизбежная на первых порах творческого поиска дань умозрительности и беллетристике, не имеющей под собой сколько-нибудь серьезных научных оснований. Что можно сказать о духе времени или душе народа, если эти явления бесплотны, если их нельзя увидеть и сделать предметом контролируемого экспериментального исследования?

В противовес этому получило развитие исследование ощутимого и зримого поведения индивида в малой группе. Со временем экспериментальные исследования малых групп превратились в центральную ось современной социальной психологии, прежде всего зарубежной, а вслед за ней и отечественной.

Не ставя перед собой задачи обзора всего массива накопленных по итогам этих исследований данных и результатов [1]—[5], отметим лишь, что в общей картине социально-психологических явлений, соответствующих более широкому понятию социальной психологии общности, психология малой группы в действительности занимает более скромное место.

Гипертрофия феномена малой группы. Очевидная теперь гипертрофия феноменологии малой группы и ее места в структуре социально-психологических проявлений общности может быть объяснена не только удобством микроявлений и микропроцессов для экспериментального подхода в исследовании, но и рядом других обстоятельств.

В их числе — доминирование эмпирических традиций и недооценка роли теории в данной науке, повышенный интерес к микросоциальным явлениям и процессам в ущерб глобальным. Последнему в определенной мере способствовало и представление об относительной стабильности целого, т. е. системы социальных ценностей и институтов западного мира, тогда как более актуальной представлялась задача социального контроля за процессом адаптации и включения индивида в эту систему, нежели ее возможных изменений.

Природа внимания к психологии макрообщности. Будучи во многом объяснима для традиций зарубежной социальной психологии, эта тенденция концентрации внимания исследователей на феномене малой группы была изначально односторонней применительно к потребностям и перспективам развития отечественной социальной психологии.

Главная причина этого — высокий уровень нестабильности социальных институтов (если даже не общества в целом!) применительно по крайней мере к последнему столетию российской истории. Вот почему в центре ставшего традиционным внимания пионеров отечественной социальной психологии оказались прежде всего не те или иные частные, хотя и универсальные социально-психологические механизмы (заражение, подражание, внушение и т. д.), а глобальные социально-психологические явления и процессы, такие как психология социальных движений, психология и "душа" народа, история и судьба России.

Эта традиция была по известным причинам прервана в дальнейшем и заменена обращением к исследованию малых групп по образцу и подобию опыта зарубежных социальных психологов.

Теперь же становятся все более очевидными издержки такой утраты. Ключ к решению большинства проблем сегодняшнего кризиса нашего общества связан не с отдельными недочетами прежней или вновь складывающейся системы, а с глобальными социально-психологическими проблемами перехода от одной системы к другой в масштабах уже не одной страны, а целой совокупности стран, связанных глубокими общими корнями своей истории.

Занятая на протяжении последних двух или даже трех десятков лет изучением микроявлений и малых групп, преимущественно трудовых коллективов, отечественная социальная психология оказалась не готовой, как и общество в целом, к ответу на масштабные проблемы, поставленные сегодня ходом радикальных перемен.

10.2. Понятие психологической общности.

Определение понятия психологической общности. Общность — это понятие, которое характеризует связь и сопричастность людей друг другу по тому или иному признаку. В качестве последних может выступать, в частности, и сходство, единство элементов, составляющих нечто целое [6], т. е. в данном случае какое-то человеческое сообщество.

В отличие от деятельности как процесса активности субъекта общность означает свойства последнего, обусловленные чувством, сознанием и переживанием им той или иной связи с другими участниками совместного действия.

Понятие общности неразрывно связано с понятием общения. В своем предельно широком смысле как родовое понятие, означающее принадлежность человека к роду *homo sapiens* и отличающее человека от животных, это понятие охватывает любую совокупность индивидов, способных к общению друг с другом. В этой связи и в этом смысле общность может рассматриваться как предпосылка общения, поскольку для того, чтобы общение имело место, необходимы индивиды, испытывающие потребность в совместной деятельности и общении друг с другом.

Многозначность понятия общности. Однако наряду с предельно широким пониманием общности, предполагающим единство лишь общечеловеческих признаков и родовую принадлежность человека, правомерно говорить и о более узком понимании общности, объединяющем различные группы людей в

какие-то постоянные или временные формы совместной социально-специфической деятельности [7], [8].

Понятие общности в этом смысле очень близко понятию группы, имеющей общий предмет внимания и переживания. Таковы, несмотря на специфику признаков, самые различные формы группового контакта и деятельности людей: театральная публика и слушатели публичной лекции, многотысячная армия болельщиков на стадионе и случайная толпа на улице.

Разумеется, степень общности при этом весьма различна и относительна, а сама общность во многом случайна и неустойчива.

Слушатели публичной лекции и театральная публика, которых объединяет относительная общность культурных интересов, могут оказаться более устойчивой общностью, чем армия болельщиков или тем более случайно собравшаяся уличная толпа.

Однако состав и театральная публика, и слушателей публичной лекции или концерта не остается неизменным, а постоянно обновляется.

Любая из названных выше неустойчивых общностей одновременно и весьма относительна, поскольку за пределами общего интереса к театру, лекции или спортивному состязанию находятся различные вкусы, привязанности и переживания. Театральная публика нередко расходится во мнениях при оценке спектакля. Еще существеннее расхождения между болельщиками на спортивном состязании, которое разделяет их, как правило, на два противоположно настроенных лагеря.

В более узком смысле понятие общности обозначает уже не случайную совокупность общающихся индивидов, а группы людей, объединенных устойчивыми социальными признаками безотносительно того, наблюдается или не наблюдается между ними непосредственная межличностная связь. Таковы понятия класса, профессии, нации, народа и т. д. Устойчивая социальная общность может характеризовать как большие, так и малые группы людей. К последним относятся семья, учебный или производственный коллектив и т. д.¹¹

Общность как духовная солидарность. Наряду с обозначением факта принадлежности к устойчивым социальным группам понятие общности употребляется и для характеристики внутренней духовной солидарности общающихся, которая может наблюдаться или не наблюдаться в достаточной степени в рамках устойчивых социальных общностей, объединенных теми или иными признаками принадлежности: профессиональной, национальной, политической, идеологической, родовой, этнической, земляческой и т. д.

В таком случае принято говорить о степени внутренней симпатии, сплоченности и взаимопонимания между общающимися членами группы или между людьми, принадлежащими к одной социальной группе. Понятию внутренней, духовной общности соответствует чувство "мы" и развитое самосознание групповой принадлежности, связанное с осознанием специфических особенностей, интересов и ценностей данной группы.

¹¹ В задачу настоящего раздела не входит конкретное рассмотрение социально-психологических особенностей различных видов социальной общности (классовой, профессиональной, национальной, политической, идеологической, культурной и т. д.), поскольку это выходит за рамки общей социально-психологической теории и является или должна стать, если еще не стало, предметом специального изучения. Этому соответствует, например, этническая и политическая психология как самостоятельные отрасли социальной психологии. Точно так же религиозная общность исследуется в рамках самостоятельной социально-психологической дисциплины — психологии религии и т. д.

Общность как взаимопонимание. Особой формой общности, выражающейся во взаимопонимании людьми друг друга, является устойчивая духовная связь между двумя индивидами. Специфика данной общности или духовной связи состоит в возможности наиболее полного понимания одной индивидуальности другой индивидуальностью, что достигается только при условии постоянного контакта, высокого уровня психофизической совместимости, знания друг друга и взаимного доверия. Значимость такой формы общности как абсолютного взаимопонимания бесспорно велика, поскольку она открывает большой простор для самовыражения и самоутверждения индивидуальности.

Именно в этой связи можно понять и смысл фейербаховской идеи о духовном, интимном контакте между "Я" и "Ты". Идея значимости духовного, интимного контакта как единственного способа сохранения и проявления индивидуальности в еще большей мере характерна для всей философии экзистенциализма.

Общность и чувство "Мы". Разумеется, из трех основных значений понятия общности возможны различные сочетания этих смысловых нагрузок, которые дают еще более конкретную картину реальной общности. Так, очевидна, например, принципиальная возможность существования таких случайных и недолговременных общностей, которое сопровождается достаточно глубоким внутренним контактом, чувством "мы" и развитым самосознанием групповой принадлежности.

Точно так же и в рамках устойчивых социальных групп (профессиональных, классовых, политических, производственных, учебных и т. д.) возможна различная степень представленности группового самосознания. В таком случае принято говорить о развитом или неразвитом классовом или национальном самосознании и т. п. Из сказанного следует, что понятие общности в одном смысле может не совпадать целиком с понятием общности в другом значении.

10.3. Природа и функции психологической общности.

Общность как предпосылка и условие общения. С одной стороны, как совокупность индивидов, вынуждаемых обстоятельствами существования к совместной деятельности и общению друг с другом, общность выступает в качестве исходной предпосылки и постоянного условия общения.

Однако, с другой стороны, общность может рассматриваться и как результат человеческого общения в той мере, в какой в ходе исторического развития человечества происходит развертывание самой возможности и способности индивидов к налаживанию между собой устойчивых, достаточно дифференцированных социальных отношений и взаимопонимания.

Нельзя не учитывать при этом и того обстоятельства, что увеличение числа социальных общностей от одной исторической эпохи к другой является результатом развития человеческого общения, его усложнения, обогащения и дифференциации.

Так, в результате развития человеческого общения, разделения труда и социальной дифференциации появились такие устойчивые родовые и социальные общности, как нации и народы, профессии, классы, семья и т. д.

Функции общности. Природа и функции общности, таким образом, оказываются органически связанными между собой. По своей природе общность — результат социальной дифференциации, усложнения и обогащения процесса человеческого общения.

В то же время коренными функциями общности являются функции средства закрепления групповых особенностей, средства обособления одной группы от другой, средства выражения и утверждения специфических групповых интересов и ценностных ориентации.

Сознание и чувство "мы" как способ интеграции общности. Являясь средством обособления от других групп, общность служит средством внутргруппового сплочения, внутргрупповой солидарности, спаянности и взаимопонимания, направленного против центробежных тенденций, ведущих к разрушению общности.

Этому способствует уже сам факт признания общих групповых интересов, целей и ценностей, факт признания принадлежности к группе, находящийся отражение в сознании и чувстве "мы".

В той мере, в какой интересы общности совпадают или созвучны интересам входящих в эту общность индивидов, есть основание говорить об общности и как средстве выражения и самоутверждения индивидуальности.

10.4. Общность как социально-психологическая проблема.

Понимание общности как социально-психологической проблемы. В качестве социально-психологической проблемы общность предстает перед нами в той мере, в какой она оказывается перед свойственным ей противоречием между тенденцией и силами ее интеграции, объединения сплочения, с одной стороны, и тенденцией и силами ее дезинтеграции, разобщения и разрушения — с другой.

Обе названные выше противоречивые тенденции имеют достаточно глубокие основания в жизнедеятельности и функционировании любой общности. Тенденция интеграции и консолидации общности неразрывно связана с процессом ее становления. Доминируя на этой стадии жизнедеятельности общности, она проявляется в развитии чувства и сознания принадлежности к данной общности ее членов.

Естественными для этой стадии условиями и следствиями интеграции оказываются: полное подчинение отдельного индивида требованиям, нормам и ценностям общности, его психологическая податливость воздействию группы и ее лидеров, готовность принести в жертву интересам общности свои личные интересы.

Именно на этой стадии чувство и сознание принадлежности к общности, резюмируемые понятием "мы", получает наивысшее развитие. Это ощущение сплоченности членов общности является для них источником уверенности в себе, в своем настоящем и будущем, в своей психологической защищенности от жизненных невзгод самим фактом принадлежности к данной общности, которая является гарантом надежности бытия каждого ее члена. Этому соответствуют и доминирующее в общности в этот период настроение оптимизма, подъема и целеустремленности.

Проблема психологической дезинтеграции общности. Однако состояние сплоченности и подъема не может быть беспредельным. На пути психологической самореализации любой общности возникают препятствия и трудности. Главной среди них оказывается психологическая противоречивость самого эффекта интеграции. Поощряя у своих членов ощущение силы и уверенности, связанное с чувством принадлежности к большому интегрированному целому, общность стимулирует и такое развертывание притязаний и социальных ожи-

даний, которое рано или поздно способно вылиться в иллюзорное, мистифицированное самосознание, не адекватное реальному потенциалу и действительной психологической готовности общности к его практической реализации.

Психологический лейтмотив такого состояния, могущий быть резюмированным фразой "Нам нет преград" или "Любой член нашей общности на голову выше любого члена другой общности", при всей силе его стимулирующего воздействия рано или поздно способен обернуться глубоким разочарованием, паникой или апатией при столкновении с такими проблемами, к решению которых общность оказывается психологически не готовой.

Уже здесь заложена возможность психологической дезинтеграции общности. Свое начало она берет с формирования у отдельных индивидов настроений, рассогласованных с общей доминантой настроения социума. Официальная идеология общности сурово осуждает эту рассогласованность как проявление "инакомыслия". Если на стадии подъема она могла позволить некоторые расхождения во взглядах своих членов и провозгласить "пусть расцветают все цветы", то теперь она вынуждена внести существенное уточнение, сказав о том, что расцветать могут все цветы, кроме "ядовитых".

Из идеологической рассогласованности берет начало и политическая, обращающаяся психологией оппозиционного движения. По мере роста противоречий и трудностей на пути общности получают все большее развитие и процессы ее психологической дезинтеграции.

Способы социально-психологической интеграции общности. Тенденциям и угрозе дезинтеграции общности противостоят силы и средства ее социально-психологической интеграции. Все способы социально-психологической интеграции могут быть сведены, с одной стороны, к активным и динамичным, с другой — к консервативным социально-психологическим факторам.

В свою очередь, к активным социально-психологическим факторам, которые нацелены на устранение помех на пути интеграции, осуществления целей развития общности, следует отнести такие явления, как:

1. Сила стихийного движения масс, обусловленная эмоциональной направленностью их энергии против всего того, что воспринимается в качестве носителя социального зла и противоречит их устремлениям, т. е., например, идеалам свободы, равенства и братства.

2. Лидерство как интегральная характеристика высокого энергетического потенциала личности и ее способности организовать, объединить и направить в то или иное русло активность других людей в соответствии с их ожиданиями и с учетом характера складывающейся ситуации.

В основе первого фактора лежит действие безличных, непсонифицированных социально-психологических механизмов общения (заражения, подражания, внушения и др.), которые придают динамизм и энергетическую мощь массовому движению, оказывают огромное влияние на состояние общности. Именно они способны выступать в качестве факторов, психологически цементирующих общность. Под влиянием внушения или заражения единым настроением люди способны острее переживать чувство сплочения и сопричастности, солидарности и принадлежности к единому чувству "Мы". Но эти механизмы не могут нести ответственность за целевую направленность развития общности и способны гарантировать лишь траекторию волнообразного движения по типу прилива и отлива общественного настроения.

В основе второго фактора лежит сила персонифицированной и наделенной более высоким уровнем осознания цели и средств ее достижения, энергетика лидера.

Лидер — аккумулятор настроения и регулятор состояния общности. Основными функциями лидера применительно к общности являются: аккумуляция ее настроений, регуляция ее состояния и деятельности.

Реализация этой функции сопряжена с рядом существенных противоречий в самом состоянии и жизнедеятельности лидера. Лидер накапливает настроение общности, инновационный и энергетический заряд массового движения и направляет его в то или иное русло в соответствии с уровнем своего и общественного самосознания.

Диалектика взаимодействия массовой энергии и лидера таковы, что лидер получает безграничный заряд силы и уверенности в себе от массы. Масса же, в свою очередь, оказывает лидеру безграничное доверие и психологически готова следовать за ним в направлении ее ожиданий и чаяний.

В этом процессе взаимного усиления, взаимодоверия и комплиментарности кажется легким достаточно быстрое (этого ждут массы) достижение любых целей. При этом снижается уровень самокритичности и трезвости в оценке предстоящих трудностей, что вполне естественно в опьяняющей атмосфере энтузиазма и воспаленного воображения.

Необходимость быстроты достижения цели делает заманчивым обращение к любым, в том числе и силовым, методам действия. Так, вопреки первоначальным идеалам гуманизма, свободы, равенства и братства вступают в силу альтернативные этому средства насилия и подавления. Моральным оправданием такой подмены становится мотив — великая цель оправдывает любые средства. Эти противоречия феномена лидерства уже давно сделали его предметом пристального внимания и изучения.

К консервативным способам интеграции общности относятся те ее социально-психологические барьеры, которые охраняют и защищают последнюю от разрушения, сохраняя целостность, стабильность и уникальность духовно-психологического менталитета общности.

Социально-психологические барьеры общности. Социально-психологические барьеры общности имеют как внутреннюю, так и внешнюю направленность. Функция внутренней направленности этих барьеров состоит в предохранении общности, ее защите от центробежных тенденций развития, способных привести к распаду изнутри.

Функция внешних психологических барьеров — защита общности от разрушительных последствий размывания ее границ и целостности под воздействием внешних сил, чуждых традициям, культуре и самобытному менталитету данной общности.

Основным способом внутренней защиты общности от угрозы утраты ее целостности, ее консолидации и самобытности является направленность консервативных сил социально-психологического барьера против попыток разрушения традиционных устоев и ценностей, господствующих в общности.

Отсюда тенденция подавления и вытеснения любого инакомыслия, если оно не вписывается в рамки господствующей в общности официальной идеологии, которая воплощает в себе функцию направленного внутрь психологического барьера защиты общности.

Эта ситуация может быть резюмирована такой парой понятий, как "мы" и "чужие среди нас", и иметь много вариантов или модификаций своего проявления. В конечном счете этот барьер направлен против тех индивидов или групп в общности, которые не разделяют ее официальной идеологии, принятых в ее рамках целей, ценностей и идеалов жизнедеятельности и развития.

Эффект действия данного психологического барьера противоречив. С

одной стороны, он позволяет длительное время сохранять стабильность общности. Однако, с другой, это достигается за счет снижения уровня психологической раскрепощенности личности в данной общности.

Внешне направленные психологические барьеры общности резюмируются в паре понятий "мы и они", употребляемых в смысле "мы" и "не мы" [9]. Они направлены против чуждых данной общности идейных влияний других общностей, способных разрушить ее целостность и самобытность и квалифицируются в качестве акта идеологических диверсий.

Противоречивый эффект психологических барьеров общности. Независимо от своей направленности (внутри или вовне) социально-психологические барьеры общности имеют своим результатом два противоположных эффекта — положительный и отрицательный.

Один обеспечивает очевидную безопасность, целостность, самобытность и стабильность общности.

Другой порождает застой, утрату способности к общению с другими общностями, скованность мысли, свернутость инновационной активности внутри общности, а в конечном итоге ее самоизоляцию и отставание в развитии.

Самосознание общности. Стихийное развитие общности, таким образом, не гарантирует ее стабильности и целостности.

Не дает таких гарантий и практика обращения тех или иных социальных сил к различным способам социально-психологической интеграции общности (как активным, так и консервативным).

Уровень действительной психологической готовности любой общности от первичного коллектива до больших социальных объединений к сохранению стабильности и вместе с тем способности к динамичному развитию в конечном итоге зависит от уровня самосознания этой общности.

Это самосознание обнаруживает себя во всем многообразии жизнедеятельности общности: в уровне ее социально-психологической культуры повседневного бытия, управления, экономики, политики и права, в развитии гуманитарного образования и науки, в адекватной интересам общности деятельности средств массовой информации и т. д.

Особая роль при этом выпадает на долю гуманитарной интеллигенции, которая должна быть носителем и аккумулятором этого самосознания. Последнее, однако, реализуется при условии, что сама эта интеллигенция способна и имеет возможность опереться на достаточно высокий уровень развития гуманитарного и прежде всего социально-психологического знания.

10.5. Лидерство как инструмент интеграции общности.

Лидерство в качестве объекта социально-психологического исследования. Актуальность изучения лидерства как социально-психологического явления определяется прежде всего тем, что последнее представляет собой один из наиболее значимых факторов групповой интеграции, способствующих достижению групповых целей с наибольшим эффектом.

Проблема лидерства была поставлена и разрабатывалась в советской психологической литературе еще в период 20—30-х годов в исследованиях С. О. Лозинского, Е. А. Аркина, А. С. Залужного, П. Л. Загоровского и других применительно главным образом к детским (как организованным, так и стихийным) группам.

За последнее время наметилось значительное возрастание интереса к проблеме лидерства. Это объясняется логикой исследований микросреды, малых групп, которая с неизбежностью приводит к установлению факта групповой дифференциации, что, в свою очередь, позволяет увидеть значение и роль вожаков, организаторов и лидеров контактных групп.

Кроме того, ход исследований структуры и динамики психологии малых групп вплотную подводит и к вопросам прикладной социальной психологии, к вопросам эффективного руководства и управления групповой деятельностью, а тем самым и к определению места и роли лидерства в структуре факторов групповой интеграции.

Понятие и природа лидерства. Под лидерством принято понимать один из процессов организации и управления малой социальной группой, способствующий достижению групповых целей в оптимальные сроки и с оптимальным эффектом, детерминированный господствующими в обществе социальными отношениями. Наряду с самим явлением лидерства, предполагающим определенную связь и взаимодействие между инициатором и организатором групповой деятельности, с одной стороны, и членами группы — с другой, необходимо различать и понятие лидера.

Лидер — это член группы, который спонтанно выдвигается на роль неофициального руководителя в условиях определенной, специфической и, как правило, достаточно значимой ситуации, чтобы обеспечить организацию совместной, коллективной деятельности людей для наиболее быстрого и успешного достижения общей цели.

В характеристике самого понятия лидера групповой деятельности представляется существенным подчеркнуть несколько обстоятельств: во-первых, лидер не выдвигается группой на соответствующий пост, а спонтанно занимает лидерскую позицию с открытого или скрытого согласия группы; во-вторых, лидер выдвигается на роль неофициального руководителя, а следовательно, с его личностью идентифицируется специфическая и не исчерпываемая системой официально общепринятых значений система групповых норм и ценностей; в-третьих, лидер выдвигается на соответствующую роль в условиях не только специфической, но и всегда достаточно значимой для жизнедеятельности группы ситуации.

Естественно, что для выдвижения на роль лидера группы человек должен обладать определенной совокупностью личностных социально-психологических качеств, в частности достаточно высоким уровнем инициативы и активности, опытом и навыками организаторской деятельности, заинтересованностью в достижении групповых целей, информированностью о делах группы и, наконец, достаточной общительностью и личностной привлекательностью с соответствующим этим качествам высоким уровнем его престижа и авторитета в группе.

Из всего сказанного очевидно, что попытки объяснить природу лидерства либо только как продукт чисто индивидуальных особенностей лидера, либо только как функцию групповой деятельности, либо как функцию и результат ситуации не являются обоснованными.

Лидерство по своей природе является результатом одновременно как объективных (интересы, цели, потребности и задачи группы в конкретной ситуации), так и субъективных (индивидуально-типологические особенности лидера как инициатора и организатора групповой деятельности) факторов.

Соотношение понятий "руководство" и "лидерство". Различия этих понятий на наш взгляд, могут быть сведены в основном к следующему.

Во-первых, феномен лидерства по своей природе связан прежде всего с выражением, оформлением и регулированием внутри-групповых деловых и межличностных отношений, носящих неинституциональный характер, в то время как руководство является носителем функций и средством регулирования институциональных отношений в рамках социальной организации.

Во-вторых, в отличие от явления лидерства, рождающегося и функционирующего главным образом в условиях микросреды, институциональное руководство порождается и функционирует в соответствии с потребностями, задачами и особенностями господствующей в макросреде системы социальных отношений. Применение социально-психологических знаний, приемов и методов в системе руководства связано с потребностями развития социальных отношений макросреды.

В-третьих, если лидерство как феномен организации социально-психологического общения и групповой деятельности возникает и функционирует преимущественно стихийно, то институциональное руководство функционирует в результате целенаправленной и контролируемой деятельности целой системы социальных организаций и институтов.

В-четвертых, в отличие от лидерства руководство носит более стабильный характер, поскольку не зависит в такой мере, как лидерство, от всевозможных поворотов групповых настроений и изменений, происходящих в межличностных отношениях между членами группы.

Разумеется, отмеченные различия между понятиями руководства и лидерства не только не являются исчерпывающими, но к тому же и весьма относительны. Достаточно отметить хотя бы то обстоятельство, что лидерство может перерасти рамки микросреды и стать феноменом организации массовой деятельности людей.

В-пятых, отношения руководства и подчинения в условиях лидерства не обладают столь определенной системой санкций, как в условиях официального руководства.

Авторитет лидера основан лишь на его личном влиянии на членов группы, между тем как авторитет официального руководителя предполагает не только силу его личного влияния, но и силу санкционирующего воздействия тех указаний, которые вытекают из уровня его официального статуса в системе организации.

В-шестых, различен удельный вес и факторов, влияющих на процесс принятия ответственного решения стихийным лидером и официальным руководителем.

В системе официального руководства процесс принятия ответственного решения носит гораздо более сложный и многократно опосредованный характер, чем в условиях стихийного лидерства.

Руководитель какого-либо предприятия имеет дело с весьма разветвленной системой источников информации, часть из которых обладает достаточно высокой степенью санкционирующего воздействия, что позволяет ему нередко часть ответственности за принимаемое решение переносить на эти источники. Этим иногда объясняется пассивное отношение руководителя к акту выбора альтернатив поведения в процессе принятия решения, проявляющееся в нерешительности, затягивании.

И наконец, сфера деятельности стихийного лидера в основном замыкается на микросреде, на неофициальных отношениях симпатии или антипатии, признания или непризнания, поддержки или оппозиции в отношениях между

членами малой группы. Сфера же деятельности руководителя значительно шире, поскольку последний, с одной стороны, обязан следить за психологической атмосферой, системой межличностных отношений в первичных коллективах, с другой — должен поддерживать широкие социальные как официальные, так и неофициальные контакты, выходящие за рамки малых групп и обеспечивающие необходимые условия для успешного функционирования последних [10].

Статус лидера. Статус или положение, занимаемое личностью, в том числе и лидера общности, может рассматриваться с нескольких различных сторон:

- функционально-ролевой;
- профессиональной;
- морально-этической;
- самооценочной.

В первом смысловом значении подразумевается статус, завоевываемый тем или иным членом группы, коллектива в результате признания окружающими его роли и вклада в развитие коллектива, в организацию и обеспечение эффективности его жизнедеятельности. Чаще всего это лидерский статус в специальном значении данного термина. Определенный уровень признания в этом плане могут получать и те члены группы, которые не являются лидерами в общепринятом смысле этого слова.

Во втором смысловом значении понятия статуса подразумевается место, занимаемое любым членом коллектива, в том числе и лидером, на шкале уровня профессионализма в определенной предметной области.

И здесь статус лидера как организатора коллектива может оказаться выше его статуса в качестве профессионала предметной области, где он может значительно уступать какому-то Другому члену того же коллектива.

Третий смысл понятия статуса связан с характером оценки коллективом личностных, человеческих или, что почти равнозначно, морально-этических качеств члена коллектива, в том числе и лидера.

Оптимальный вариант, когда по этому показателю лидер занимает самое высокое место на шкале нравственных качеств по итогам его оценки окружающими. Однако это не является обязательным условием признания группой лидерской роли кого-либо из ее членов.

В роли нравственного эталона общности может выступать совсем не лидер-организатор, а, наоборот, не способный к какой-либо инициативе, но в высшей степени морально порядочный, ответственный и надежный член коллектива.

Наряду со статусом, приобретаемым в глазах окружающих, независимо от его характера, не менее, если не более значимым для индивида, в том числе и лидера, является тот статус, который он дает себе по всем трем названным выше направлениям, в итоге самооценки.

В значительной мере этот самооценочный статус складывается под влиянием и в унисон с тем, который приобретен индивидом в глазах окружающих. Однако это не значит, что здесь оценка окружающими и самооценка всегда совпадают. Скорее, наоборот: гораздо чаще они способны существенно расходиться друг с другом.

Такое расхождение глубоко переживается любым членом коллектива, в том числе и лидером, и сопровождается ощущением внутреннего, психологического дискомфорта.

Потребность преодоления последнего нередко порождает эффект психологической гиперкомпенсации, когда недостаток внешнего признания в том

или ином качестве с лихвой возмещается внутренней, неадекватной реальности и явно завышенной самооценкой.

Таким образом как бы восстанавливается, хотя и в явно иллюзорной форме, баланс равновесия внешнего и внутреннего признания личности в том или ином качестве.

Функции лидерства. В ситуации выдвижения личности на роль лидера существенное значение имеет способность последнего компенсировать те недочеты и пробелы, которые существуют в деятельности институционального руководителя. Из этого вытекает и то, что основные функции лидера носят компенсаторный характер. Такова функция интегратора, объединителя группы или общности в том случае, если эта задача не решена или решена недостаточно институциональным руководителем.

Не менее существенной является и функция персонификации функционально-ролевых отношений в организации. Ее реализация особенно существенна в тех случаях, когда в деятельности организации доминируют формальные, бюрократические отношения, лишенные тепла и внимания руководителя к личности подчиненных.

В том же случае, когда в коллективе подавляется возможность проявления лидерской инициативы, одной из важнейших функций главного лидера может и должна стать поддержка последней во всем многообразии ее проявлений.

Но это достижимо лишь при условии готовности лидера к эффективному взаимодействию с другими лидерами, что возможно, как правило, лишь в том случае, если сам он способен завоевать статус суперлидера, т. е. лидера с наибольшим потенциалом стратегической инициативы и самым высоким статусом личностной привлекательности.

Лидерский статус — знак уникальности или естественная потребность каждого индивида? Потребность во внимании, признании и самовыражении является универсальной потребностью каждого индивида. Она же лежит в основе процесса формирования лидерства как наиболее эффективного способа удовлетворения этих естественных потребностей человека.

Дальнейшие различия между индивидами в степени реализации этих потребностей лишь частично могут быть объяснены различием их способностей и уровнем их энергетической одаренности, что и позволяет нам говорить о разделении индивидов в группе на лидеров и не лидеров.

Другой причиной подобной дифференциации является доведенное до абсурда представление о лидерстве как знаке абсолютной уникальности данного индивида. Более того, такое представление, согласно которому в той или иной общности может быть лишь один настоящий лидер при полной нивелированности лидерских качеств у всех остальных ее членов.

Такое представление, в свою очередь, является результатом двух обстоятельств. Во-первых, преобладания жизненной практики, когда возвышение одного осуществляется за счет и в ущерб самореализации всех остальных. И, во-вторых, это есть результат нашей психологической неготовности к тому, чтобы увидеть, признать и стимулировать все те неброские формы не менее реального лидерства, которые не согласуются с традиционным представлением о нем.

Именно в этой связи в начале 70-х годов нами была предложена иная концепция лидерства, согласно которой оптимальное состояние любой общности — это такое состояние, когда почти каждый член коллектива имеет возможность стать лидером [11].

Кажущаяся нереалистичность подобного заявления снимается, если учесть два следующих обстоятельства. Во-первых, вполне реально видовое многообразие феномена лидерства, понимаемого даже в достаточно узком, традиционном смысле как продукт и проявление организаторской инициативы в группе. Тем большее многообразие этих лидерских проявлений мы имеем при некотором расширении этого понятия до способов (совсем не обязательно организаторских) участия (нередко бессознательного) в делах общности и влияния на них.

Не менее существенно, во-вторых, и то, что при всем многообразии и многоликости лидерской феноменологии в общности она нисколько не исключает важность существования суперлидерства, т. е. такого потенциала и уровня лидерской культуры в одном лице, без которого невозможна ни эта многоликость, ни ее гармонизация. Последнее особенно актуально, если учесть реальную опасность конфронтации лидеров, могущую привести к разрушению любой самой жизнеспособной общности.

Вот почему есть основание говорить о том, что лидеров в здоровом коллективе должно быть не меньше, чем число его членов. А если не меньше, то значит и больше? Да. Впервые эффект лидерского плюрализма (7 лидеров) в группе, состоящей из 5 членов был обнаружен нами (но, к сожалению, до сих пор не опубликован) в одной из студенческих работ, написанных под нашим руководством на факультете социальной психологии тогдашнего ЛГПИ им. А. И. Герцена в 1969—1970 годах. Возможно ли такое в принципе? Да, если учесть не только многообразие форм лидерской активности, но и возможность существования в одной группе нескольких подгрупп, а в одной личности — лидера, совмещающего в себе несколько лидерских ролей.

Понятие лидерства в широком и узком смысле. Понятие лидерства, таким образом, следует различать как в широком, так и узком смысле этого слова. В предельно широком смысле о лидерстве можно говорить как о способности влиять на других и на состояние совместной деятельности. Это влияние может обнаруживать себя в разнообразных и "нетрадиционных" формах воздействия на окружающих.

Такова роль звезды коллектива, не выполняющей традиционной роли лидера в том смысле, что она (или он) не обнаруживают никакой организаторской инициативы, не стремятся кого-либо вести за собой. Звезда держится на дистанции от всех остальных членов коллектива, несмотря на привлекательность и притягательность ее (или его) образа для окружающих.

Аналогичным образом не являются традиционными лидерами и такие виды личностных ролей и поведения в группе, которые можно назвать:

- доминирование;
- козел отпущения;
- скоморох;
- клей (амортизатор);
- выбивала;
- критик;
- эрудит и т. д.

Динамика лидерства. Под динамикой лидерства подразумеваются всевозможные изменения, связанные как с содержанием (статусом и типами), так и с масштабами лидерства, функционирующего как в социальной микро-, так и в макросреде.

Применительно к микросреде, к малым группам можно говорить о раз-

личной степени устойчивости или динамичности, сменяемости лидеров, о природе и механизмах этой смены одного лидера другим.

Причиной смены лидера обычно оказывается его несоответствие требованиям, нормам, целям и задачам группы. Оно может возникнуть как следствие чрезмерной авторитарности лидера, перестающего считаться с группой, так и в результате его неспособности справиться с новыми, более сложными задачами групповой деятельности.

Есть основание говорить и о других сторонах динамики лидерства как специфического социально-психологического явления, отличного от институционального руководства, в частности о степени распространенности и уровне активизации лидерства в различных конкретно-исторических условиях.

Однако сама тенденция возрастания удельного веса и значения неофициальных группировок и механизмов лидерства в сложившейся социальной структуре свидетельствует о наличии серьезных социальных противоречий.

Нельзя не учитывать, что сам механизм лидерства в этих условиях несет в себе определенный заряд противопоставления официальному руководству, системе официально культивируемых ценностей, норм и социальных значений. В некоторых случаях лидерство может рассматриваться до известных пределов и как средство восполнения определенных пробелов и пустот в сложившейся системе отношений руководства и подчинения.

Способы достижения лидерского статуса. По тому, каким образом выдвигающийся лидер компенсирует своей активностью недостатки в деятельности институционального руководителя, можно различать два основных способа достижения лидерского статуса.

Первый из них связан со способностью лидера избегать конфронтации с институциональным руководителем и состоит в мотивации своих усилий и инициатив стремлением помочь последнему в решении поставленных им задач.

Этот путь носит характер постепенного и не столь яркого процесса накопления и реализации потенциала нового лидера.

Второй предполагает открытую конфронтацию по отношению к институциональному руководителю или какому-либо другому неинституциональному лидеру, который до этого занимал аналогичное положение в общности.

Этот путь, проходящий через оппозицию и конфликт с прежним руководством, может оказаться как более стремительным и эффективным развертыванием потенциала нового лидера и его признания в этом качестве окружающими, так в такой же мере и менее надежным путем лидерской самореализации. Это может быть чревато осложнениями, неудачами, срывами и даже поражением претендента на достижение более высокого лидерского статуса. Конечный результат здесь в решающей степени зависит от уровня психологической готовности претендента на роль лидера к самоутверждению в этом качестве.

Типология лидерства. Весьма распространенным представлением о типах лидерства является различие лидеров по стилю руководства на авторитарный и демократический типы.

Однако многообразие ситуаций, в которых обнаруживается необходимость выдвижения лидера, ставит перед исследователем вопрос о необходимости дополнения общепринятой классификации типов лидерства какими-то новыми подходами.

В частности, исследование лидерства в студенческих группах, осуществ-

ленное под нашим руководством Н. С. Жеребовой, показало, что есть основания говорить о качественно специфических задачах, функциях и взаимоотношениях лидера с группой, которые возникают в специфических условиях лидерования (учеба, работа, досуг). Более того, удалось установить, что почти каждый раз специфическая сфера деятельности (учеба, работа или отдых) выдвигает своего ситуативного лидера.

Так, из 15 исследованных групп в 9 группах лидерами в трех названных выше сферах оказались совершенно различные люди.

Последующие экспериментальные исследования лидерства, осуществленные под нашим руководством В. Д. Гончаровым в спортивных коллективах, В. Ф. Ануфриевой в группах дошкольников, Г. И. Лысенко в производственных, Л. В. Корчевиной в научных и Л. Н. Петраш в инженерно-технических коллективах, окончательно убедили нас в том, что типология лидерства нуждается в значительном дополнении с учетом той многофункциональности задач и условий, с которыми приходится сталкиваться стихийно выдвигающимся организаторам групп в процессе межличностного общения с другими членами коллектива.

Модель типологии лидерства, на наш взгляд, должна быть построена на трех различных основаниях, связанных с определением: а) содержания; б) стиля; в) характера деятельности лидера. В таком случае можно говорить о следующих видах дифференциации лидерства:

1. По содержанию деятельности: а) лидер-вдохновитель, предлагающий программу поведения; б) лидер-исполнитель, организатор выполнения уже заданной программы; в) лидер, являющийся одновременно как вдохновителем, так и организатором.

2. По стилю руководства: а) авторитарный; б) демократический; в) совмещающий в себе элементы того и другого стиля.

3. По характеру деятельности: а) универсальный, то есть постоянно проявляющий свои качества лидера; б) ситуативный, то есть проявляющий качества лидера лишь в определенной, специализированной ситуации.

Это, в свою очередь, позволяет в гипотетическом порядке допустить существование следующих восьми типов лидеров:

1) лидер-вдохновитель (программист) — авторитарный — универсальный;

2) лидер-программист — авторитарный — ситуативный;

3) лидер-программист — демократический — универсальный;

4) лидер-программист — демократический — ситуативный;

5) лидер-организатор (исполнитель) — авторитарный — универсальный;

6) лидер-организатор — авторитарный — ситуативный;

7) лидер-организатор — демократический — универсальный;

8) лидер-организатор — демократический — ситуативный.

Если исследование Н. С. Жеребовой убедительно свидетельствовало в пользу реальности существования ситуативного лидера, то исследование В. Ф. Ануфриевой позволило уточнить рамки реально существующих индивидуально-типологических разновидностей лидерования уже на уровне дошкольного коллектива.

В частности, в ходе данного исследования были обнаружены и описаны типы детей-лидеров как способных задавать программу деятельности, так и предрасположенных лишь к организации детских игр путем реализации уже заданной кем-то программы. Среди последних, в свою очередь, были как авторитарные, так и демократические, но во всех названных выше случаях лишь

ситуативные лидеры [10]. Исследование Л. В. Корчевиной позволило увидеть иерархию распределения различных лидерских ролей в научных коллективах [12].

Критерий эффективности в типологии лидерства. В более узком и традиционном смысле лидерство связано с представлением о способности одного из членов группы вести за собой других, быть примером для подражания, обладать способностью сплочения людей вокруг себя и инициировать действие, дающее положительный эффект в деятельности группы. Однако жизнь показывает, что далеко не всякое лидерство способно дать положительный результат для совместной деятельности людей.

Поэтому к тому, что было нами сказано о типологии лидерства, построенного по трем основаниям — характеру, стилю и масштабу, — следовало бы добавить и критерий, связанный с оценкой эффективности лидера или, точнее, оценкой направленности его деятельности. По этому критерию можно было бы разделить лидерство на конструктивное (если оно способствует успеху и развитию группы) и деструктивное, если оно приводит к потере эффективности совместного действия и может завершиться даже разрушением общности.

Правомерно также дополнение к ранее предложенной типологии и критерия, связанного с различием лидеров по характеру предметной направленности их деятельности. Это позволило бы говорить о таких разновидностях лидерства, как политическое, религиозное, научное, духовное, экономическое и т. д.

И наконец, правомерна дифференциация лидеров по уровню их энергетической активности или, следуя концепции пассионарности Л. Н. Гумилева, по уровню и силе их эмоциональной "заразительности", одержимости в стремлении к осуществлению поставленной перед собой цели, а соответственно этому и по масштабу деятельности от лидера малой группы до роли выдающейся личности во всемирной истории [13, с. 258—282].

ГЛАВА 11. СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗЛИЧНЫХ ОБЩНОСТЕЙ

11.1. Классификация социально-психологических общностей.

Принципы и опыт классификации. Классификация социально-психологических общностей или групп может осуществляться на основе самых различных принципов. В качестве таковых могут употребляться критерии различия по характеру деятельности, месту в социальной структуре, по механизму функционирования, целям и задачам и т. д.

Так, в свое время в отечественной социальной психологии была популярна дифференциация групп, предложенная А. В. Петровским и К. К. Платоновым, по критерию характера образующихся в них отношений. В таком случае различались: 1) диффузные группы с отношениями, опосредованными только симпатиями—антипатиями; 2) ассоциации с отношениями, опосредованными личностными целями; 3) корпорации с отношениями, опосредованными личностно-значимыми, но асоциальными установками; 4) коллективы с отношениями, опосредованными личностно значимым и общественно ценным содержанием групповой деятельности.

При таком подходе вне поля зрения оказывались большие социальные группы. Заслуживает в этой связи внимания классификация, предложенная Г. М. Андреевой, в которой устранен этот недостаток. Она предлагает различать все группы в соответствии со смысловым значением этого слова на условные и реальные. В свою очередь, реальные — на лабораторные и естественные. Те, в свою очередь, — на большие и малые. Большие — на стихийные и устойчивые, а малые — на становящиеся и развитые [1]. При такой классификации понятие группы, как и в предыдущем случае, подменяет более широкое понятие общности и рассматривается преимущественно под углом практики эмпирического, даже экспериментального исследования.

В учебном пособии по социальной психологии под редакцией А. А. Бодалева и А. Н. Сухова (М. 1995) предпринята попытка введения в структуру аналогичной классификации социально-психологической характеристики общности и социальных институтов. Тем самым достигается значительное расширение феноменологии социально-психологических явлений, подлежащих классификации и не сводимых в строгом смысле слова к понятию "группа". Существенно при этом и то, что феноменология больших общностей получает достаточно развернутую и значительно обогащенную социально-психологическую характеристику [2].

Однако и при этом остается не совсем ясным характер того основного критерия, по которому дифференцируется все многообразие применяемых здесь понятий: общности, группы, института и движения. Тем не менее предложенную концепцию классификации можно считать заметным шагом вперед по пути обогащения общей картины всего многообразия социально-психологических проявлений общности.

Величина общностей как логическое основание для их дифференциации. Не претендуя на столь же дифференцированную социально-психологическую характеристику феноменологии общности, ограничимся лишь критерием масштаба или величины рассматриваемого явления. Тогда можно было бы говорить о различии всех общностей на глобальные или локальные макрообщности, на общности среднего уровня и микрообщности.

Реальность этих различий можно проследить и на ходе развития социально-психологической мысли и соответствующих эмпирических исследова-

ний.

Общая тенденция здесь такова: от изначального внимания к большим и предельно большим психологическим общностям к альтернативным им по масштабу микрообщностям, а затем несколько позже к общностям среднего масштаба.

Так, для этапа становления социальной психологии в качестве течения мысли во второй половине XIX века характерно обращение к изучению больших общностей, а соответственно этому к психологии эпохи или духа времени, к психологии народов и масс.

В первой четверти XX века начинаются эмпирические и экспериментальные исследования психологических особенностей состояния и поведения индивида в малой группе и психологии самой микрогрупповой динамики. Значительно позже приходит время исследований психологии общностей среднего масштаба — психологии организации.

В самом же широком смысле понятие общности вполне применимо уже к характеристике психологических особенностей человечества в целом. Здесь проходит качественный раздел между социальной психологией человека и инстинктивной психикой животных. Вместе с тем это предполагает и отличие человеческой общности как сообщества землян от всех других ассоциаций подобных человеку высокоорганизованных существ ("инопланетян"), которые вполне возможны в бескрайних просторах вселенной.

К макрообщностям есть основание отнести и такие большие группы людей, как классы и соответствующие им социальные, экономические и политические течения и движения.

К общностям среднего уровня относятся социальные институты и организации, а также общности, которые связаны с профессиональным разделением труда. И, наконец, психология микрообщности может быть начата с диады и триады, если оставить в стороне отдельного индивида как носителя свойств групповой психологии. Классическими представителями психологии микрообщности являются брак и семья, с одной стороны, и различные виды малых групп в тех или иных сферах деловой или игровой деятельности — с другой (см. схему 11).

Схема 11

11.2. Психология эпохи как историческая общность людей.

Понятие психологии эпохи как исторической общности людей. В числе глобальных проявлений человеческой общности наряду с феноменом человечества вторым по масштабу оказывается понятие психологии эпохи как исторической общности людей.

Это понятие служит для обозначения всего многообразия и специфики проявлений общественной психологии в тот или другой интервал всемирной истории, что позволяет говорить о своеобразии психики человека того времени, об исторических особенностях духа времени или о преобладавшем тогда общественном настроении.

Эпохальные исторические особенности общественной психологии позволяют говорить о такой общности психического состояния и поведения людей того или иного времени, которая объединяла их, несмотря на многообразие тех различий, которые их отличали друг от друга.

Гегель о психологических особенностях различных эпох. Гегель одним из первых в истории философской мысли представил ряд интересных зарисовок психологических особенностей, подмеченных им в характере и поведении людей различных исторических эпох.

Так, Гегель отмечал, например, психологические особенности народов различных исторических эпох. Несомненный интерес, в частности, представля-

ет его характеристика специфики духа времени, психологии античности в сравнении с эпохой средневековья и эпохой буржуазных революций.

Так, сравнивая исторически сложившиеся черты характера личности современного ему общества с временами античности, Гегель отмечал неразвитость чувства уверенности в себе, нерешительность древних в сравнении с людьми нового времени. Последнее обстоятельство, по мнению Гегеля, нашло свое выражение в ситуации принятия человеком разных эпох ответственного решения.

Характерной чертой поведения в такой ситуации древнего человека было стремление получить "подсказку" извне и снять тем самым с себя моральную ответственность за принятое решение, тем более если бы оно оказалось ошибочным. "...Древние, — писал Гегель, — не поднявшись еще до этой мощи субъективности, до этой силы уверенности в себе, в решении своих дел руководствовались оракулом и внешними явлениями, в которых они искали подтверждения и оправдания своих замыслов и намерений" [3, с. 69].

Уже в стремлении получить "подсказку" от природных явлений посредством наблюдения за животными, изменениями в погоде или за движением небесных светил сказалась важная историческая особенность психики древнего человека, состоящая в высокой степени зависимости этой психики от природы.

Эти же черты отличают, по мнению Гегеля, психику древнего человека от психологических особенностей эпохи средневековья с характерным для последней противопоставлением духовного и морального начала природному началу в человеке. В свою очередь, такое противопоставление друг другу плоти и духа вызывает психическую деформацию индивида, ведет к развитию нездорового, воспаленного воображения, отрицательно сказывается на общем психическом состоянии и психическом здоровье личности. Гегель это наглядно иллюстрирует на особенностях женской психологии различных исторических эпох. "Необузданная сила воображения женщин средневековья, — отмечал он, — нашла выражение своему неистовству в мерзостях колдовства, в стремлении выместить на других свою ненависть и мелкую зависть. Это и приводило их на костер. Женщины Греции могли выразить свою ярость в вакхических празднествах. Изнемогши телом и воображением, они спокойно возвращались в круг обычных восприятий и будничной жизни. Дикая менада в остальное время была разумной женщиной" [4, с. 224].

Продолжая сопоставление психических особенностей в поведении и состоянии женщин средневековья и древности, Гегель писал: "Там ведьмы, здесь менады, там фантазия представляет себе дьявольские рожи, здесь прекрасного, увенчанного виноградными лозами бога. Там с этим связано удовлетворение чувств зависти, ненависти и стремления отомстить, здесь — ничего, кроме бесцельного, доходящего до неистовства наслаждения; там переход от отдельных припадков безумия к полному и окончательному разрушению духа, здесь — возвращение к обычной жизни" [4, с. 224—225].

В. О. Ключевский о специфических чертах общественной психологии в разные периоды российской истории. Глубокий анализ психологических особенностей различных эпох в истории России дает и замечательный русский историк В. О. Ключевский, отмечавший при этом влияние на психологию своего времени той или иной выдающейся личности и преобладающего общественного настроения.

Так, характеризуя XIV век, он обращается к роли и образу Сергия Радонежского, который увидел основу жизни народа в его вере в себя, приобретаю-

щей особое значение в самые критические и трагические моменты его истории.

Историческое значение Сергия В. О. Ключевский видел в том, что он сумел вдохновить нравственно надломленный иноземным игом народ на борьбу за свое освобождение и духовное возрождение, которое затем стало верованием последующих поколений [5, с. 17—18].

XVII век, начиная с воцарения Бориса Годунова, Ключевский характеризовал как время, окрашенное хроническим настроением недовольства народных масс, и объяснял это главным образом неустойчивостью политической обстановки в стране, особенно отчетливо проявившейся в период, известный под названием Смутного времени.

В продолжении всего XVII века все "общественные состояния" жалуются на бедствия, на свое обеднение, разорение, на злоупотребление властей, жалуются на то, отчего страдали и прежде, но терпеливо молчали. Недовольство становится и до конца века остается господствующей нотой в настроении народных масс.

Совсем по-другому предстает перед нами психология XVIII века со времени воцарения Екатерины II. В. О. Ключевский не скрывает темных сторон тогдашней правительственной деятельности и общественной жизни: небрежность и злоупотребление администрации, недобросовестность судей, праздность и грубость дворянства и т. д.

Однако общее впечатление о настроении того времени, по его твердому убеждению, почти у всех сословий ассоциировалось с представлением о всесветной славе Екатерины, о мировой роли России, о национальном достоинстве и народной гордости, об общем подъеме народного духа.

Объясняя природу такого ощущения людьми психологии и настроения своего времени, В. О. Ключевский отмечал, что здесь мы имеем дело не с исторической критикой, а с "общественною психологией, не с размышлением, а с настроением". Люди судили о своем времени не по фактам окружавшей их действительности, а по своим чувствам, навеянными какими-то влияниями, шедшими поверх этой действительности.

"Они, — писал В. О. Ключевский, — как будто испытали или узнали что-то такое новое, что мало подняло уровень их быта, но высоко приподняло их самосознание и самодовольство, и, довольные этим знанием и самими собой, они смотрели на свой низменный быт свысока, со снисходительным равнодушием. Их чувства и понятия стали выше их нравов и привычек, они просто выросли из своего быта, как дети вырастают из давно сшитого платья" [5, с. 290].

Понятие духа времени и настроения эпохи. Наряду с существованием преобладающего в течение известного времени или всегда характерного для данного народа настроения правомерно признавать и наличие настроений, которые выражают направленность чувств, мыслей и внимания многих народов. Эти настроения могут быть достаточно стабильными на протяжении целого исторического периода. В таких случаях говорят о духе времени, духовной атмосфере, настроениях эпохи и т. д.

Вероятно, дух времени и духовная атмосфера времени — это понятия однопорядковые. Другое дело, какой смысл вкладывать в эти социально-психологические категории. Здесь мнения историков, философов, психологов и социологов очень часто не совпадают. Русский историк конца прошлого столетия Н. А. Астафьев, выступавший с позиций христианской идеологии, определял, например, дух времени как совокупность идей данного времени. Основные приметы и проявления духа своего времени он видел, в частности, в "погоне за наживой", в "тирании плоти", распространении "порнографической литерату-

ры", скептицизме, позитивизме, утилитаризме, материализме, реализме, пессимизме, анархизме и т. д., предлагая единственно возможным, по его мнению, выход из духовного кризиса, который состоял в приобщении к "слову Божьему" [6].

Американский психолог Дж. Болдуин сводил дух времени к преобладающему настроению какого-либо народа. Под духом времени он понимал духовную атмосферу жизни, а в более мелких вещах — стиль, характеризующий психологию данного народа. Здесь имелась в виду система ценностей, заключающаяся в общественных обычаях, условностях, учреждениях, формулах и т. д. [7, с. 108].

Конечно, дух времени включает в себя совокупность всех этих элементов и отражается определенным образом на атмосфере жизни отдельных народов. Однако дух времени, как уже отмечалось, не есть психологическая особенность того или иного народа. Он характеризует общие духовные ценности и тот настрой не только ума, идей, но и чувств, которые объединяют, связывают не один, а несколько народов.

Естественно, что дух времени характеризует сравнительно небольшой диапазон психических проявлений, которые могли бы совпадать в одно и то же время у разных народов, каждый из которых имеет своеобразный психический склад и душевный настрой.

Так, характерной чертой духа времени конца XVIII — первой четверти XIX века была атмосфера творческого поиска, смелого дерзания в науке, отрицания догматики и метафизики, доставшихся в наследство от традиций средневековой схоластики и церковной идеологии. Это дает основание говорить об этом времени как о революционной эпохе.

В. Г. Белинский так же характеризует черты духа времени того периода. "Дух анализа и исследования — дух нашего времени. Теперь все подлежит критике, даже сама критика", — писал он [8, с. 417].

На фоне преобладающих настроений эпохи, или духа времени, могут наблюдаться в отдельные периоды и ноты, звучащие иначе, диссонансом и захватывающие определенные слои общества самых различных стран.

Так, Е. В. Тарле пишет, что "старший современник и друг Пушкина, князь П. А. Вяземский, переживший дни Наполеона, говорил, что постоянный гнет, тревога и неуверенность в завтрашнем дне царили во всей Европе в течение всей Первой империи. Никто не мог знать, что с ним и с его страной будет завтра, не готовит ли Наполеон неожиданного удара" [9, с. 7].

Однако распространенное и даже преобладающее в широких слоях в тот период настроение все же не было единственным и тем более доминирующим устроением, а следовательно, и главным признаком духа времени.

Нельзя не согласиться в этой связи с Г. В. Плехановым, который под духом времени, духом эпохи понимал не всякие, а именно преобладающие настроения и притом даже не всяких социальных групп и слоев, а лишь тех, которые задавали тон общественной жизни.

"Когда мы говорим, что данное произведение вполне верно духу, например, эпохи Возрождения, — писал Г. В. Плеханов, — то это значит, что оно совершенно соответствует преобладавшему в то время настроению тех классов, которые задавали тон общественной жизни" [10, с. 248].

Однако наряду с таким определением духа времени (преобладающее настроение тех классов, которые задавали тон общественной жизни), на наш взгляд, правомерно и более широкое смысловое употребление этой социально-психологической категории.

В предельно широком смысле под духом времени, или атмосферой эпохи,

следует подразумевать всю совокупность основных умонастроений и эмоциональных отношений к материальным и духовным ценностям, характерных не только для классов, задающих тон, но и для всех социальных групп и народов того или иного исторического периода.

Правомерность такого, на наш взгляд, более емкого определения духа времени диктуется как сложностью духовной жизни общества, которая не сводится к совокупности настроений, так и сложностью и многообразием самих социальных настроений, в которых возможны сильные противоборствующие тенденции.

Настаивая на более широком определении духа времени, мы не снимаем тем самым вопроса о тех настроениях, которые задавали тон, доминировали в общей духовной атмосфере эпохи.

Проблема динамики и формирования преобладающего настроения эпохи заслуживает всяческого внимания историков, философов, социологов и социальных психологов, поскольку данное явление накладывает значительный отпечаток на всю духовную и материальную жизнь общества.

Несомненный интерес в этой связи представляет характеристика форм развития личности, в частности ее доминанты, т. е. тех черт личности, которые в данный исторический период выдвигаются на первый план.

Применительно к личности понятие доминанты (очевидно, по аналогии с соответствующим учением А. А. Ухтомского) удачно схватывает не только ее ведущее настроение, но и преобладающее настроение целой исторической эпохи: «Так, в эпоху классического Рима, — писал В. П. Тугаринов, — такой доминантой была гражданственность. Эта же доминанта, хотя, конечно, с другим конкретным содержанием (ответственность перед народом — крестьянством, борьба за его освобождение от крепостного права), характерна для русских передовых деятелей прошлого века. Н. А. Некрасов хорошо это выразил:

Поэтом можешь ты не быть,
Но гражданином быть обязан.

В период подготовки Великой французской буржуазной революции конца XVIII в. такой доминантой личности была свобода. Деятельность Руссо, Вольтера, энциклопедистов проходила под знаком борьбы за свободу. В период "Бури и натиска" в Германии такой доминантой была индивидуальность» [11, с. 96].

Социальная обусловленность преобладающего настроения эпохи. Закономерность развития и смены общественно-экономических формаций позволяет понять причины и условия возникновения и существования в течение определенного времени общих для ряда народов духовных ценностей и умонастроений. Соответствие производственных отношений характеру и уровню производительных сил в условиях становления той или иной общественно-экономической формации создает атмосферу духовного подъема, способствует утверждению, распространению и сохранению жизнеутверждающих, оптимистических настроений, захватывающих многие народы и характеризующих дух эпохи.

Наоборот, развитие той или иной формации по нисходящей линии, последние завершающие этапы, когда особенно ярко проявляются ее противоречия и антагонизмы, обычно окрашены атмосферой сомнения, неверия, скептицизма и пессимизма, переходящего в отчаяние и захватывающего самые широкие слои общества. Так, настроения тревожного ожидания, пессимизма и отчаяния характеризовали последнее столетие существования рабовладельческой формации и послужили одним из факторов (психологической почвой) возник-

новения христианской идеологии. Феодалная общественно-экономическая формация, в свою очередь, имела свое восходящее и нисходящее развитие. Первая половина ее истории окрашена стремительным и победоносным распространением христианской идеологии, утверждением религиозных догматов и веры, сопровождавшихся духовным подъемом, перераставшим нередко в массовый экстаз.

Однако по мере углубления социально-экономических, политических и идеологических противоречий феодальной формации, а также по мере откладывания обещанного христианским учением рая на земле (связываемого сначала с первым, а затем со вторым пришествием Христа) своеобразный средневековый религиозный оптимизм постепенно иссякал, подтачивался зарождавшимися настроениями сомнения, а затем и откровенного неверия. Скептическое отношение к религиозным ценностям становится ведущим, господствующим настроением позднего феодализма и является логическим и психологическим мостом к духовному генезису капитализма.

Буржуазный оптимизм. Для эпохи поднимающегося капитализма характерно оптимистическое умонастроение. Оно находит свое закономерное выражение в искусстве и литературе эпохи Возрождения (вспомним хотя бы жизнерадостные новеллы Боккаччо и другие произведения итальянской литературы), в философии, во взглядах буржуазных идеологов. Оптимизм при этом выражается как прямо, в доказательстве превосходства жизнеутверждающего мировосприятия перед скептическим и пессимистическим, так и косвенно, в развитии материалистической философии, распространении убеждения в познаваемости мира, в признании общественного прогресса.

Одним из первых выразителей оптимистического умонастроения эпохи поднимающегося капитализма был прогрессивный нидерландский философ-материалист Бенедикт Спиноза. Он подчеркивал преимущества и ценность жизнеутверждающего мировоззрения в сравнении с пессимистическим и отдавал, естественно, предпочтение светлым, радостным чувствам, переживаниям и настроениям в сравнении с отрицательными. "Веселость не может быть чрезмерной, — писал он, — но всегда хороша, и наоборот — меланхолия всегда дурна" [12, с. 557].

Выразителем крайнего оптимизма был немецкий философ-идеалист Лейбниц, считавший существующим мир наилучшим.

Оптимистическим было представление о тенденциях исторического процесса, развитое во взглядах французского философа-просветителя XVIII века Жана Антуана Кондорсе, который считал историю продуктом разума, буржуазный строй вершиной разумности и "естественности", а перспективу прогресса этого строя и возможности совершенствования человечества безграничными.

От рационализма к иррационализму. За оптимизмом XVIII века во многом стоял рационализм с его верой в разумность человека и общественных отношений. Однако по мере осознания противоречий буржуазного социума на смену ему стало приходить другое общественное настроение, связанное с доминированием пессимизма и иррационализма во второй половине XIX — начале XX веков. Это нашло отражение в философских и психологических воззрениях мыслителей того времени.

Иррационализм явился непосредственной реакцией на кризис рационалистического объяснения сознания в философии Канта, Гегеля и психологии Гербарта.

А это, в свою очередь, отражало определенную переоценку установок, связанную с пересмотром представлений о природе буржуазного общества. Если рационализм в объяснении общественных отношений выражал уверенность идеологов буржуазии XVIII века в торжестве разума, возможности "разумного" общества, "разумного государства", общественного мнения и т. д., то по мере спада революционной волны вместе с противоречиями буржуазного общества обнажалась и его "неразумность", а вместе с ней и несостоятельность рационализма. "...Подготавлившие революцию философы XVIII века, — писал Ф. Энгельс, — апеллировали к разуму как к единственному судье над всем существующим. Они требовали установления разумного государства, разумного общества, требовали безжалостного устранения всего того, что противоречит вечному разуму... Этот вечный разум был в действительности лишь идеализированным рассудком среднего бюргера, как раз в то время развившегося в буржуа. И вот, когда французская революция воплотила в действительность это разумное общество и это разумное государство, то новые учреждения оказались... отнюдь не абсолютно разумными. Государство разума потерпело полное крушение" [13, с. 110].

11.3. Психология народа.

Психология народа как предмет исследования. Из всего многообразия явлений и социально-психологических проблем общности предметом наибольшего внимания исследователей-философов, психологов и социологов всегда была этнопсихология.

Еще Гегель обратил внимание на парадоксальный эффект феномена психологии народа как большой общности или целого, в рамках коего отдельный индивид ощущает себя тем более ничтожно малой величиной, чем крупнее общность, частью которой он является.

В Германии же именно в изучении психологии народов и языкознания берет начало и социальная психология (М. Лацарус и Г. Штейнталь), получая затем развитие в трудах В. Вундта, и прежде всего в его десяти томной «Психологии народов».

В дальнейшем обращение к психологии народа как предмету исследования становится одной из важнейших и традиционных тенденций в развитии социально-психологической мысли не только в Германии, но и в Европе в целом.

Можно с полным основанием утверждать, что в центре внимания европейской социальной психологии, начиная с середины XIX века, были вопросы психологии народов и масс.

Этой теме посвящены труды немецких (В. Вундт, М. Лацарус, Г. Штейнталь), французских (Г. Тард, Г. Лебон), русских (Н. К. Михайловский, Н. А. Бердяев, Д. Н. Овсянко-Куликовский, В. М. Бехтерев, И. И. Янжул) и других социологов и социальных психологов.

Усматривая в психологии народов главный объект социальной психологии, исследователи стремились найти те основные элементы, из которых она складывается и которые определяют ее специфику.

В. Вундт одним из первых поставил вопрос о структуре больших социально-психологических образований. Однако он по существу сводил общественную психологию к психологии народов, а структуру последней ограничивал преимущественно такими компонентами, как мифы, обычаи и язык.

Интеллект и характер в психологии народа. Несколько иначе подходил к определению специфики психологии народа русский психолог конца XIX — начала XX века Д. Н. Овсяннико-Куликовский, полагавший, что «в составе национальной психики на первый план выступают особенности интеллектуального порядка, что национальные отличия суть по преимуществу отличия в психологии мышления и умственного творчества» [14, с. 5].

Подразумевая под национальным характером прежде всего особенности интеллекта и уклад воли, Овсяннико-Куликовский исключал возможность существования других черт национального характера, в частности уклада чувств.

Эмоциональность в психологии народа и многогранность его психического склада. Русские революционные демократы: Герцен, Белинский, Чернышевский и Добролюбов — указывали на значение эмоционального фактора в психологии народа. Белинский, например, в "Литературных мечтаниях" говорил о влиянии национальных особенностей народов на литературу и искусство, подразумевая под этим самые разнообразные как интеллектуальные, так и эмоциональные и волевые черты общественной психологии.

Специфика психологии народов, однако, заключается не в отсутствии у одних и наличии у других каких-то компонентов психики, а в различной степени и характере развития тех или иных сторон человеческой души у разных народов. ".. Немцы завладели беспредельною областью умозрения и анализа, англичане отличаются практической деятельностью, итальянцы художественным направлением", — писал В. Г. Белинский [15, с. 65].

На многогранность психического склада народа, его несводимость к какой-либо одной стороне психической деятельности указывал и В. М. Бехтерев, отмечавший особую значимость эмоциональной составляющей в психологии народа, связанной с "определением общественных настроений и аффектов".

Большое значение характеристике настроений и эмоциональной составляющей в структуре национальной психологии придавал Антонио Грамши, который говорил, например, об эмоциональной подвижности итальянцев как об их наиболее ярко выраженной национальной особенности. Он отмечал, в частности, что итальянскому характеру и темпераменту соответствуют быстрые переходы от одних настроений к другим. Эта особенность итальянского темперамента очевидна и для неискушенного в психологии наблюдателя: быстрые и часто резкие движения, громкая, торопливая и энергичная речь, богатая мимика и пантомимика, эмоциональная отзывчивость и восприимчивость — все это свидетельства большой душевной динамичности и многогранности.

Особенности национального умонастроения и мировосприятия. Несомненный интерес представляют и особенности национальных умонастроений, связанные со спецификой точки зрения, взгляда на мир и человека, свойственные тому или иному народу.

Интересные детали, свидетельствующие о таких особенностях национальных умонастроений и мировосприятия, подметила известная писательница Мариэтта Шагинян во время своего пребывания в Голландии. В городе Заандаме в домике, где жил Петр I, лежит о нем справка для туристов, переведенная на три языка. М. Шагинян провела сравнительный анализ отрывков из этой справки на французском, немецком и английском языках.

Французский перевод начинается так: "Царь Петр, желая образовать подданных своей империи..." Немецкий: "Петр Великий, чья основная мысль была — внутреннее строительство своего могучего государства...". И, наконец, английский: "Царь Петр, чье большое желание было сделать свою империю ве-

ликой...".

Любопытно, конечно, что переводы, сделанные с одного текста, оказались существенно отличными друг от друга. В этом, безусловно, сказались особенности умонастроения представителя Франции тех времен с отчетливо выраженной ориентацией на образование, Германии с большой проблемой внутреннего благоустройства и Англии с близкой для нее идеей борьбы за величие империи.

«Еще интереснее то место, — отмечает далее М. Шагинян, — где говорится о непосредственной работе Петра. Француз — о том, что делал Петр, поступивши на верфь к предпринимателю Рогге: "Он работал инструментами и изучал чертежи". Немец: "Царь не только живо интересовался чертежами, но и работал своими руками на производстве". И, наконец, англичанин: "Он возился с инструментами"... "но его главным интересом были чертежи".

Ну разве не встает перед нами в этих простых примерах направление мыслей если не трех народов, то трех представителей языка этих народов — французского, немецкого и английского? Вежливое и слегка равнодушно-формальное французское объяснение замысла и деятельности Петра. Немецкое (при основной склонности немцев к теории, к абстрактности) удивленное подчеркивание практических свойств Петра — не брезговал работать даже собственными руками! Английское, где здравый смысл практичного англичанина, привыкшего смотреть на соседей "в оба", сразу подозревает в Петре и замысел увеличить империю, и главный интерес не к работе с инструментами, а вот именно к чертежам» [16].

Но характеристика психологических особенностей того или иного народа не может быть исчерпана определением только одного достаточно устойчивого, преобладающего настроения.

На фоне одного преобладающего умонастроения возможна да, как правило, и неизбежна целая гамма других, тесно связанных с основным умонастроением. Так, характеризуя настроения американской нации, специфические особенности настроая ее психики, видный американский философ, профессор Чикагского университета Моррис Коэн отмечал, в частности, в их числе культ бизнеса как "не простое поклонение доллару, а культ деловой жизни" (или, что то же самое, культ предпринимательства), беспокойство и настоящую погоню за удовольствиями (которые задают тон и определяют характер американского отдыха), культ техники, технократизм, антиинтеллектуализм, готовность подчиниться требованиям моды и общепринятого стандарта поведения — "делать так, как все" и т. д.

Противоречия в психологии народа. Национальные черты психики проявляются в особенностях склада характера, темперамента, традициях, обычаях и вкусах людей. Структуру психического склада можно рассматривать и в плане определения различной роли и различных уровней тех или иных компонентов общественного сознания народа.

Тогда наряду с играющими большую положительную роль элементами специфического жизненного опыта, народной мудрости, закрепляемой нередко в приметах, наблюдениях, преданиях, обычаях, сказаниях, былинах и других формах народного творчества, следует говорить и о консервативных, иллюзорных, отрицательно-мифологических элементах общественного сознания. К таковым можно отнести социальные иллюзии, предубеждения, суеверия и предрассудки.

Исследование противоречий в психологии своего народа является одной из традиционных позиций, характерных для отечественных мыслителей-

философов, писателей и ученых.

На противоречивость российского характера в свое время обращали внимание В. С. Соловьев, Ф. М. Достоевский, Н. О. Лосский, Д. Н. Овсянников-Куликовский, Н. А. Бердяев, И. А. Ильин, И. П. Павлов и др.

В числе этих противоречий "стремление к полному совершенству и обостренная чуткость к недостаткам, мешающим завершить начатое дело" (Н. О. Лосский), "любовь к жизни в тепле коллектива и недостаточное развитие личного начала" "устремленность к абсолютному и податливость власти внешних сил", "смирение и самомнение", "смиренное терпение и анархизм", "бесконечные духовные искания и инертный консерватизм" (Н. А. Бердяев), "колебание между слабохарактерностью и высшим героизмом" (И. А. Ильин), между огромной творческой одаренностью, пытливостью ума и "не привязанностью к фактам" (И. П. Павлов) и др.

Исходя из этих противоречий Н. А. Бердяев делал вывод о необходимости такого изменения характера русского народа, которое бы позволило возродить Россию.

Нравственной опорой в таком преобразовании могла бы стать нацеленность национального самосознания не только и даже не столько на борьбу с пороками и изъянами как на некую самоцель, а на развитие позитивных черт характера и психологии народа.

Нельзя не согласиться с И. А. Ильиным, который говорил о том, что «...человеку нужна способность сосредоточивать свое внимание, свою любовь, свою волю и свое воображение не на том, чего не хватает, чего он "лишен", но на том, что ему дано. Кто постоянно думает о недостающем, тот будет всегда голоден, завистлив, заражен ненавистью. Вечная мысль об убытках может свести человека с ума или уложить в гроб. Вечный трепет перед возможными лишениями унижает его и готовит его к рабству. И наоборот: тот, кто умеет с любовью вчувствоваться и вживаться в дарованное ему, тот будет находить в каждой жизненной мелочи новую глубину и красоту жизни, как бы некую дверь, ведущую в духовные просторы...» [17, с. 263].

Иными словами, речь идет о развитии позитивных черт и свойств российского народа, о той его самобытности, которая нашла выражение в его высоких духовно-нравственных качествах [18, с. 105].

Очевидно, однако, что перспективы такого перевоспитания характера потребуют немало сил и времени. Обязательными условиями успешного решения этой задачи должны стать позитивные сдвиги в более подвижных, чем характер, структурах социальной психологии народа, к каковым следует отнести различные состояния социального сознания и психики: преобладающее общественное настроение, уровень гражданского и национального самосознания, в том числе чувство достоинства, веру в себя и свои силы, а также различные виды социально-психологической культуры (нравственной и политической, экономической и правовой, производственной, управленческой и бытовой).

11.4. Массовая психология.

Массовая психология как продукт специфической общности людей. В отличие от такого социально-психологического явления, как дух времени или психология эпохи, отражающего лишь общность психического состояния очень разных групп людей, которые могут и не состоять друг с другом в непосредственном контакте и от которых не требуется проявление общности в их реальном поведении, массовая психология людей характеризуется столь высокой динамичностью их психического состояния, которое склонно обязательно про-

являться в их совместном действии.

Психология масс имеет свой характер, как его имеет и психология народа. Однако в отличие от последнего характер массового поведения не несет на себе никакой печати индивидуальности в отличие от специфики в характере того или иного народа. Характер массовой психологии и поведения людей в высшей степени стандартизирован.

Массовая психология сохраняет свою способность проявления и подчиненность своим универсальным механизмам поведения и общения (заражения, подражания, внушения, моды и т. д.) вне зависимости от ее принадлежности к той или иной территории, государству или народу. В этом одна из причин особой живучести массовой психологии

Вместе с тем, несмотря на все возможное многообразие проявлений массовой психологии, есть нечто общее во всем том, что принято относить к этому феномену.

Это общее связано как с характером массового психического состояния и поведения людей, со спецификой социально-психологических механизмов их массового действия и общения, так и с той ролью, которую совместная активность больших социальных общностей способна оказывать и оказывает на отдельного индивида.

Очевидна, например, достаточно выраженная в явлениях массовой психологии тенденция к взаимному уподоблению, унификации поведения людей, их деперсонализации, а соответственно и к снижению уровня индивидуального самосознания и ответственности

Так, в отличие от психологии народа, имеющего свое лицо и обладающего той или иной степенью индивидуальности, уникальности и неповторимости, массовая психология как специфическое явление представляет собой, как правило, некое персонифицированное образование

Массовая психология как психическое состояние и поведение многих людей под влиянием тех или иных обстоятельств несет на себе печать не столько субъективности, сколько ситуативности.

Специфика массовой психологии как продукта и проявления аморфной общности людей состоит в способности последней растворять в себе всякое индивидуальное, личностное начало, если это не лидер массового политического или религиозного движения, не идеолог и не символ или кумир массового поветрия, увлечения или моды

К числу уникальных особенностей массовой психологии следует отнести и ее безусловную податливость таким закономерностям и механизмам (заражение, подражание, мода), которые ориентированы в своем воздействии скорее на чувства, эмоции и бессознательные реакции человека, чем на его разум, рассудок и сознание

Из этого же следует и свойственная массам предрасположенность к немедленному действию, которая связана как с их повышенной эмоциональностью, так и с неотделенностью их психического состояния от активных форм его проявления.

На эту особенность массовой психологии обращал внимание А. И. Герцен "Массы, — писал он, — полны тайных влечений, полны страстных порывов, у них мысль не разъединилась с фантазией, у них она не остается по нашему теории, она у них тотчас переходит в действие" [19, с 60]

Названные выше общие особенности массовой психологии очень сближают ее с одним из ее наиболее ярких проявлений — толпой.

Формы массовой психологии. Массовая психология имеет многообразные формы своего проявления. Это могут быть массовые социокультурные, политические, религиозные, национальные или спортивные движения, массовые выступления тех или иных классов или профессиональных групп людей. Массовый характер могут носить и перемещения людей в пространстве, вызванные как природными (землетрясение, извержение вулкана, потоп, ураган и т. д.), так и социальными катаклизмами (война, голод, авария на атомной станции и т. д.) Массовыми могут быть и движения людей, побуждаемых теми или иными интересами материально-экономического характера (например, золотая лихорадка начала XX века в Америке) или вызванные целым комплексом социальных факторов: экономических, политических и духовных. С этим связана, например, психология миграции. Печать массовой психологии всегда несет на себе и поведение людей в толпе. Наконец, все более массовый характер приобретает психология как материального, так и духовного потребления, связанная с индустриализацией, стандартизацией, научно-техническим прогрессом и распространением влияния средств массовой информации.

Массовыми могут быть и различные формы досуга: спортивные состязания и их созерцание, праздники и гуляния.

Разумеется, во всем многообразии проявлений массового состояния и поведения людей сказываются психологические особенности, связанные с характером и условиями их активности.

Психология эмиграции, например, не тождественна психологии политического или религиозного движения даже в тех случаях, когда она (т. е. эмиграция) вызвана политическими или религиозными мотивами и сопровождается соответствующими движениями.

Психология паники, порожденной стихийными, природными катаклизмами, не тождественна психологии массового психоза, вызванного реакцией зрителей и слушателей на выступления, например, рок-музыкантов и т. д.

Иными словами, в тех или иных проявлениях массовой психологии всегда присутствуют в какой-то степени элементы их специфики, вызванные своеобразием предмета совместной деятельности, общения или поведения больших групп людей.

Так, если за психологией политического или религиозного движения стоит определенное умонастроение, связанное с готовностью к борьбе и конфронтацией с другими политическими или религиозными предпочтениями людей, то за психологией эмиграции стоит ориентация на изменение образа жизни и адаптацию к условиям иной, непривычной и чуждой социальной среды.

Если психология паники является продуктом психологической неготовности людей к резкому изменению их жизненной ситуации, то массовая же психология движения на поиски золота ("золотая лихорадка") — продукт внутренней готовности к поиску удачи ценой любых испытаний.

Массовая психология многолика по своим проявлениям и не сводится к психологическому состоянию и поведению толпы.

Толпа — всего лишь наиболее яркое и концентрированное проявление того, что свойственно большой массе людей: экзальтация, эмоциональный максимализм, внушаемость, готовность к немедленному действию, завышенные ожидания, преклонение перед героем или кумиром и т. д.

В числе проявлений массовой психологии немало и таких движений, которые четко и однозначно идеологически и политически ориентированы, а значит и поддаются контролю лидеров и соответствующих социальных институтов. Это религиозные и политические движения, связанные как с мировоз-

зренческими установками, так и с особенностями социально-экономического положения больших групп людей (классов) в системе общественного производства Это и различные молодежные движения, если они приобретают массовый характер.

Массовая психология как предмет исследования. Предметом пристального и растущего внимания исследователей (социологов и социальных психологов) массовая психология становится во второй половине XIX — начале XX века, что было вызвано целой волной социально-психологических конфликтов, Движений и революций в Европе Вначале отдельные, а затем и многие социологи именно в этот период вынуждены были отойти от прежнего толкования общественной жизни, они все более склонялись к сознанию необходимости изучать исторические события, учитывая психологию массовых движений.

Одним из первых, кто раньше других обратил внимание на возрастающую мощь и силу массовых выступлений, был французский социолог и публицист Гюстав Лебон. Он говорил о крушении прежних устоев общества и о приходе новой "эры масс".

Г. Лебон склонен был даже несколько преувеличивать возможности влияния политической активности масс на власть. "Массы диктуют правительству его поведение, и именно к их желаниям — то оно и старается прислушаться. Не на совещаниях государей, а в душе толпы подготавливаются теперь судьбы наций" [20, с. 154].

Наиболее популярной у многих социологов того времени была трактовка любого массового движения как результата взаимодействия героя и толпы.

Если герой был носителем сознания, то масса или толпа способна была лишь не бессознательное, слепое и разрушительное действие.

Несколько различались лишь представления о природе лидерского влияния на массы.

Г. Тард и Н. К. Михайловский считали, что важную роль во взаимодействии героя и толпы играет массовое подражание и магнетическая власть лидера над массой.

Г. Лебон же объяснял иррациональность массового поведения спецификой самого состояния и в целом психологии масс, огромной стихийной силой их влияния на отдельного индивида.

Психология толпы. Характерно отождествление массового поведения с поведением толпы как наиболее ярким проявлением психического состояния масс.

Г. Лебон предложил концепцию психологии толпы, согласно которой последняя представляется собой продукт и проявление некой коллективной души.

В соответствии с законом "духовного единства толпы", сформулированным Г. Лебоном, индивид независимо от его образа жизни и рода занятий, если он оказался в толпе, вынужден думать, чувствовать и действовать совершенно иначе, чем если бы он думал и действовал сам по себе. Он теперь думает и действует так, как ему велит состояние "коллективной души" толпы.

Толпе, по мнению Г. Лебона, свойственны такие черты как: импульсивность, изменчивость, заразительность и раздражительность, легковерие и податливость внушению, даже гипнозу, преувеличенность и односторонность чувств, нетерпимость, авторитарность и консерватизм.

Психология индивида в толпе. В толпе, таким образом, сознательная личность исчезает, при этом чувства и мысли всех участвующих в толпе приобретают одно и то же направление.

Чувство ответственности, сдерживающее отдельного индивида, совершенно исчезает в толпе. Индивид в толпе приобретает, благодаря только ее численности, сознание непреодолимой силы и это сознание позволяет ему поддаваться таким инстинктам, которым он никогда бы не дал волю, будь он один. В толпе же он не склонен к обузданию этих инстинктов, потому что толпа анонимна.

Аналогичные наблюдения и описания психологических особенностей поведения толпы и самочувствия отдельного индивида в толпе можно было встретить и у многих отечественных социальных психологов конца XIX — начала XX века.

Это нашло отражение, как уже указывалось ранее, прежде всего в концепции героев и толпы Н. К. Михайловского и в исследованиях В. М. Бехтеревым явлений массового внушения и общественного настроения.

О силе психологического влияния массы на отдельного индивида немало сказано было и русскими писателями (А. Толстым, М. Горьким, И. Буниным, В. Гаршиным и др.).

Ощущение вовлеченности в массовое действие, сопричастности и принадлежности к нему отдельного индивида, оказавшегося его участником, очень живо передано, например, В. М. Гаршиным.

"Люди шли быстрее и быстрее, шаг становился больше, походка свободнее и тверже. Мне не нужно было приноравливаться к общему такту: усталость прошла, точно крылья выросли и несли вперед, где гремела уже музыка и раздавалось громкое "ура". Не помню улиц, по которым мы шли, не помню, был ли народ на этих улицах, смотрел ли на нас, помню только волнение, охватившее душу вместе с сознанием страшной силы массы, к которой принадлежал и которая увлекала меня. Чувствовалось, что для этой массы нет ничего невозможного, что поток, с которым вместе я стремился и которого часть я составлял, не мог знать препятствий, что он все сломит, все исковеркает и уничтожит" [21, с. 170—171].

Феномен толпы не только на рубеже веков, но и во второй половине XX века продолжал и продолжает привлекать к себе внимание исследователей — психологов, социологов и историков [22].

Толпа, по мнению Б. Ф. Поршнева, это иногда совершенно случайное множество людей. Между ними может не быть никаких внутренних связей, и они становятся общностью лишь в той мере, в какой охвачены одинаковой негативной, разрушительной эмоцией по отношению к каким-либо лицам, установлениям, событиям. Словом толпу подчас делает общностью только то, что она "против", что она против "них". Несомненно, что это самая печальная и самая низшая, можно сказать, всего лишь исходная форма социально-психической общности [23, с. 93—94].

Однако в качестве объекта, захватившего воображение многих исследователей с наибольшей силой, она, т. е. массовая психология как толпа, была лишь в конце XIX — начале XX века главным предметом внимания.

Природа интереса исследователей к массовой психологии и различия в ее оценке. Интерес социологов, психологов и политологов к массовой психологии как и их оценка данного явления не были однозначными.

Для многих буржуазных социологов конца XIX — начала XX века массовые, особенно революционные, движения несли в себе угрозу сложившейся си-

стеме социальных и политических отношений. Напуганные ростом массовых политических движений в Англии, Франции, Германии, а несколько позже и в России буржуазные социологи этих стран выступили с теориями о примитивном и даже патологическом уровне всякой толпы и массы. Нельзя отрицать и того факта, что не только толпа, но нередко и организованное массовое (политическое или религиозное) движение не исключало деструктивных по отношению к личности и разрушительных по отношению к ранее сложившимся социальным традициям и устоям последствий.

Но нельзя также забывать и того, что идеологи и лидеры этих массовых движений давали прямо диаметрально противоположную оценку этим явлениям как источникам прогресса и обновления.

Более того, комплиментарная позиция оценки массовой психологии уходит своими корнями даже в античную философию.

Марксистский подход к массовой психологии. Естественно и то, что для представителей марксистской линии в социологии и политологии массовые движения, особенно если это касалось выступлений "низов", расценивались как показатель зрелого политического сознания и прогресса. Именно такую трактовку массовых движений, связанных с классовой борьбой, давали Маркс, Энгельс, Плеханов, Ленин, А. Грамши, А. Лабриола и др.

Особенно очевиден интерес В. И. Ленина к психологии массовых политических движений. В его работах дан разносторонний анализ психологии революционного движения масс России начала XX века.

В. И. Ленин внимательно следил за приливами и отливами политического настроения масс в период первой русской революции и после ее поражения, наблюдал за развитием революционных настроений в Европе и России, вызванных войной и революционной ситуацией.

Интерес В. И. Ленина к политическому сознанию "низов" не был случайным. Он обуславливался не только теоретическим признанием народных масс движущей силой исторического развития, но и той эпохой, которая показала действительную политическую энергию массовых движений.

Внимание В. И. Ленина к массовой психологии объяснялось, наконец, и его политической установкой на подготовку к свершению социалистической революции, которая могла быть осуществлена только при условии формирования соответствующего политического настроения масс. В. И. Ленин не ошибся в том, что увидел в массах огромную и решающую политическую силу, которая обеспечила победу в октябре 1917 года и последующие успехи в строительстве социализма.

Противоречивый эффект массовой психологии. Известно вместе с тем и то, что как первые же годы после октября 1917 так и последующие годы тоталитарного режима и массовых репрессий показали изнанку массовой психологии, способной проявлять себя не только как сила социального обновления, но и подавления личности, если последняя оказывалась яркой и самостоятельной индивидуальностью, не желавшей идти на поводу любого мнения большинства.

На эту опасность обратили внимание уже в 1917 году русские писатели Горький и Бунин. Горький говорил о том, что "любимым героем русской жизни и литературы является несчастный и жалкий неудачник, герои — не удаются у нас: народ любит арестантов, когда их гонят на каторгу, и очень охотно помогает сильному человеку своей среды надеть халат и кандалы преступника" [24, с. 116]. И там же: "Сильного не любят на Руси, и отчасти поэтому сильный чело-

век не живуч у нас".

Аномальные черты массовой психологии, особенно выпукло проявляются, по мнению И. Бунина, в периоды революционных перемен и потрясений. "Одна из самых отличительных черт революций, — писал он, — бешеная жажда игры, лицедейства, позы, балагана. В человеке просыпается обезьяна" [25, с. 270].

Об опасности использования лишь разрушительной силы массовой психологии, не возвышенной до необходимого уровня культуры и готовности к осуществлению идеалов демократии и социализма, предупреждали в свое время Г. В. Плеханов и Н. А. Бердяев.

11.5. Психология эмиграции.

Эмиграция как социально-психологическая общность и предмет исследования. Наряду с такими явлениями социальной психологии общности, которые представлены психологией народов или массовой психологией, психологией исторического времени (дух времени, настроение эпохи), значительный интерес вызывают сегодня психологические особенности эмиграции.

Последняя есть психологическая общность людей, которые, по собственной воле или в силу обстоятельств, оказались за рубежом страны своего изначального проживания.

С изучением этого явления связано развитие целого направления в социальной психологии — психологии эмиграции [26].

"Психология эмиграции, как ее определяет Н. С. Хрусталева в качестве научной дисциплины, — это раздел психологической науки, изучающий механизмы интеграции и социально-психологической адаптации, а также индивидуальную типологию и личностные особенности человека в чужой языковой и социокультурной среде" [26, с. 12].

Психология эмиграции и миграции (исторический аспект). Эмиграция является частным случаем более широкого явления миграции, т. е. вынужденного или добровольного перемещения больших масс людей в пространстве. В этом смысле можно сказать, что предпосылки психологии эмиграции корнями уходят в историю далекого прошлого человека.

Б. Ф. Поршнев, например, связывал в свое время явление многоязычия, которое произошло из изначально единого "праязыка" (равно как и разбегание человечества по планете из первоначального ареала обитания) с психологией миграционных процессов на заре человеческой истории [27].

В основе психологического механизма как образования многоязычия, так и разбегания человека по земному шару лежит, по его мнению, социально-психологический механизм контрсуггестии, т. е. сопротивления индивида психологическому, суггестивному давлению, которое на него оказывала своими стандартами и авторитетами первобытная община.

Близка к этому и психология эмиграции. В исследовании Н. С. Хрусталевой, которая в течение ряда лет изучала динамику эмиграционных потоков из России, бывшего Советского Союза и Российской Федерации, отчетливо прослеживается социально-психологический механизм эмиграционного процесса применительно к четырем различным по времени потокам или волнам — в 20-е, 40-е, 70-е и конец 80 — начало 90-х годов.

Ею исследованы пространственные зоны локализации эмигрантских потоков, их мотивация и причины. На основе многолетнего анализа большого и уникального эмпирического материала Н. С. Хрусталева указывает на две ос-

новые особенности 4-й волны российской эмиграции — ее расположение в локальных зонах (Германия, Израиль, США) и пестроту этнического состава (евреи, немцы, русские, украинцы, народы Кавказа, Прибалтики, Средней Азии) в отличие от ее первых волн, представленных главным образом русской эмиграцией.

Психологические особенности адаптации российских эмигрантов 4-й волны. Концепция психологической адаптации эмигрантов включает в себя характеристику особенностей психологической адаптации эмигрантов 4-й волны, фаз психологической адаптации, факторов и форм психологической защиты и преодоления стрессов.

Так, характеризуя психологические особенности адаптации эмигрантов 4-й волны, прежде всего ее большую успешность в сравнении с предшествующими тремя волнами, Н. С. Хрусталева вполне обоснованно указывает на ее добровольный характер, более широкие правовые возможности выбора страны проживания, возможность сохранения и поддержания более тесных связей и контактов со своей бывшей Родиной и др.

Процесс и проблемы психологической адаптации эмигрантов. Психологическая адаптация эмигрантов как процесс включает в себя такие фазы психологической адаптации, как эйфорическая, туристическая, ориентационная (в свою очередь, предполагающие четыре адаптационных типа), депрессивная и деятельная [26, с. 26—27].

Адаптация порождает процесс и проблемы деформации личности в условиях эмиграции: маргинальности, общения, алкоголизма, разводов, суицидальных форм поведения эмигрантов. Вместе с тем это не исключает и возможности эффективного использования агрессии эмигрантов для ускорения их адаптации.

Рассматривая социально-психологические и личностные проблемы эмигрантов в зависимости от их половых и нейродинамических различий, Н. С. Хрусталева дает яркую и во многом драматическую картину тех психологических проблем, с которыми впервые сталкивается женщина, проживающая, например, в Германии. Еще более противоречиво и трудно идет процесс адаптации лиц пожилого и старческого возраста. Однако особенно острой и во многом неожиданной для родителей оказывается психологическая ситуация их конфликта с детьми в условиях их адаптации к новой среде.

Мотивация эмиграции. Многие для понимания природы эмиграции дают результаты исследования мотивации выезда из бывшего СССР. В качестве мотивов эмиграции, по данным Н. С. Хрусталевой, являются следующие:

- отсутствие будущего для детей — 71%;
- кризис власти — 61%;
- возросшая преступность — 57%;
- "все поехали", и мы поехали — 57%;
- отсутствие информации о реальной жизни эмигрантов на Западе — 51%;
- неблагоприятные материальные условия — 4% [26, с. 21—22].

За мотивом "отсутствие будущего для детей", при статистической незначимости фактора материального неблагополучия, нетрудно увидеть доминирование и негативные следствия духовно-нравственного вакуума или нездоровой социально-психологической атмосферы в обществе. С этим же четко коррелирует и социально-психологическая и правовая нестабильность ("кризис

власти" и "возросшая преступность").

Социально-психологические проблемы "адаптированного эмигранта". Вместе с тем и сама эмиграция не снимает этих проблем, не гарантирует оптимизма и радостных перспектив для большинства эмигрантов. Одной из особенностей 4-й волны эмиграции является противоречие между относительным благополучием самого процесса адаптации, с одной стороны, и пессимистическим восприятием и прогнозами эмигрантов на будущее — с другой. Это противоречие между субъективной удовлетворенностью своей эмиграцией и низким уровнем интеграции в новой среде. Это особенно ощутимо для эмигрантов в немецком обществе с очень высоким уровнем его внутренней, психологической герметичности.

11.6. Психология малой группы.

Понятие малой группы. Под малой группой следует понимать немногочисленную общность людей, которые находятся друг с другом в самом непосредственном (лицом к лицу) психологическом контакте.

Попытки содержательно уточнить сам характер отношений, складывающихся в рамках малой группы в качестве ее фундаментального признака, представляются нам достаточно спорными. Вряд ли, например, можно целиком согласиться с тем, что "основополагающим качеством" малой группы является то, что общественные отношения в ней выступают в "форме непосредственных личных контактов" [28, с. 190].

Во-первых, малая группа может быть носителем сугубо межличностных отношений по содержанию, а не формой проявления каких-либо общественных отношений. Таковы, например, отношения подлинной любви и дружбы.

Во-вторых, малая группа может быть носителем и сугубо безличных — деловых, функционально-ролевых отношений, не имеющих ничего общего не только с любовью и дружбой, но даже и с феноменологией личностного отношения друг к другу.

Не признавать этот факт можно, лишь романтизируя все возможные формы непосредственного психологического контакта между людьми, которые оказались в ситуации вынужденного взаимодействия друг с другом в силу тех или иных обстоятельств места и времени.

Иными словами, непосредственный контакт между людьми, даже если он носит и длительный характер, еще не дает оснований для его рассмотрения в терминах личных, личностных или межличностных отношений.

Межличностные отношения могут иметь место и без непосредственного контакта лицом к лицу. Равно как и непосредственный контакт еще не равнозначен межличностному или, что то же самое, лично-опосредованному отношению одного человека к другому. Последнее предполагает отношение к другому прежде всего как к личности, а не только или хотя бы не столько как средству решения своих проблем.

Из этого, конечно, не следует и то, что межличностные отношения в малой группе не могут быть проявлением деловых, партнерских, функционально-ролевых общественных отношений (экономических, политических, правовых и др.).

Иначе говоря, определение феноменологии малой группы не должно содержать в себе ничего другого, кроме указания на факт ее малочисленности и наличие непосредственного (лицом к лицу) психологического контакта между взаимодействующими в ее рамках индивидами. Все попытки указания на до-

полнительные качественные или структурные особенности такой группы будут с неизбежностью уводить нас в сторону уже другого вопроса, а именно о структуре, типологии, видовых особенностях проявления малой группы.

Структура и проявления малой группы. Традиционным является вопрос о количественных границах членства в малой группе. Спорным оказывается уже определение нижней границы численности членов малой группы. На наш взгляд, такой границей является уже диада. Предложение в качестве такой границы триады [28, с. 190—191] не представляется убедительным. Обычное выражение: "в диаде не опосредована совместная деятельность" не выдерживает критики по уже приведенным выше соображениям. Отношения и в диаде могут нести на себе печать опосредованности как личностными отношениями, если они носят деловой характер, так и, наоборот, деловыми интересами, если они по характеру межличностны.

Верхняя граница малой группы обычно фиксируется численностью — 12 или 14 ее членов.

Структурная характеристика малой группы, как правило, предполагает статусную дифференциацию тех или иных видов членства. Это обычно различие, проводимое между ведущими и ведомыми, активом и пассивом, лидерством и оппозицией по отношению к нему. Поддается классификации и типология лидерства в группе, наряду с которым принято различать статус звезды и позицию доминирующего членства. Пассив группы и ведомые также разделяются на изолированных, не включенных и отверженных. К структурной характеристике малой группы относятся и схемы распределения: деловых и межличностных коммуникаций, лидеров и ведомых, статусов, ролей и дистанций между членами и др.

В настоящее время насчитывается более 50 оснований для классификации малых групп по таким критериям, как: время существования, степень тесноты контактов, специфики целей, особенности демографических признаков, возраст, пол, профессия и т. д. [28, с. 191].

Малая группа как предмет социально-психологического исследования. Феномен малой группы, введенный в научный оборот американскими социологами Ч. Кули и Дж. Мидом, стал и предметом социальной психологии (Хоманс, Мертон, Бейлс, Хэйр и др.).

Установка на исследование малой группы, ее структуры, взаимоотношений между лидером и другими членами группы, на изучение социальной дистанции между членами, социальных стереотипов восприятия, предрассудков и ценностей, стандартов и норм группового поведения, функций и ролей личности в группе и многих других вопросов оказала, несомненно, большое положительное влияние на развитие не только социологической, но и социально-психологической мысли, привела к накоплению большого и интересного фактического материала и заслуживающим внимания выводам.

Малая группа как в зарубежной, так со временем и отечественной социологии и социальной психологии стала одной из отправных методологических посылок и универсальных моделей исследования ее качественно многообразных проявлений (в том числе и первичного коллектива).

Вместе с тем в силу специфики профессионального подхода социологическое видение малой группы несколько отличается от социально-психологического. В социологии нередко абсолютизируется влияние малой группы на индивида при одновременной недооценке других воздействий. Так, например, по мнению американского социального психолога А. Хэйра, все влияния социальной среды на человека обязательно опосредованы через психоло-

гическую структуру малой группы, которая выступает в таком случае в качестве фильтра и аккумулятора всех воздействий социальной среды на индивида [29, с. 8—9].

При таком подходе упускается из виду возможность прямого, не опосредованного влиянием малой группы, воздействия на индивида традиций, настроений, ценностей и норм поведения как больших социальных групп, так и средств массовых коммуникаций.

Вообще специфика социально-психологического подхода к феномену малой группы в отличие от социологического состоит во внимании исследователей прежде всего к социально-психологическим элементам и механизмам ее жизнедеятельности в отличие от того случая, когда последняя (т. е. группа) рассматривается в контексте социальных макроусловий своего существования.

Вместе с тем необходимо учитывать универсальный характер феномена малой группы, возможность ее рассмотрения в поле не только социологического или социально-психологического, но и других подходов (экономического или правового, педагогического, политического или культурологического). А из этого следует известная трудность вычленения абсолютно специфического и отличного от всех других подходов видения феноменологии данной группы.

В конечном итоге эта специфика может быть сведена лишь к различию тех контекстов, применительно к которым исследуется феномен малой группы.

Однако именно социальной психологии важнее всего не внешний по отношению к группе контекст, а ее внутренняя структура и социально-психологические механизмы функционирования последней. А это делает наиболее актуальными проблемы типологии лидерства в их связи с руководством и менеджментом, вопросы внутренней информационно-психологической коммуникации и психологического взаимовлияния ее членов друг на друга, соотношения институциональных и неинституциональных, деловых и межличностных, безлично-функциональных и лично-опосредованных механизмов и способов внутригруппового взаимодействия.

Исследования особенностей различных малых групп — семьи или трудового коллектива, студенческой группы или микросреды научного сообщества убедительно показывают возрастающую значимость прежде всего социально-психологических факторов. Именно они определяют во многом эффективность жизнедеятельности, таких, например, коллективов, как научный, где особенно актуальна социально-психологическая культура его членов и лидеров, их готовность к адекватному восприятию и пониманию друг друга, глубина и полнота из профессионального общения и как интегральный показатель всего этого благоприятный морально-психологический климат всей микросреды жизнедеятельности ученых [30].

Вместе с тем в рамках тех или иных микрогрупп или коллективов наряду с общими могут проявляться и достаточно специфические тенденции и закономерности, обусловленные самим характером таких микрообщностей людей, в которых наряду с социальными могут быть высокозначимыми и биосоциальные, видовые и родовые условия.

11.7. Психология брака и семьи.

Любовь, брак и семья как социально-психологическое явление. В качестве предмета изучения социальной психологии брак и семья выступают в той мере, в какой они представляют собой специфическое явление как человеческой микрообщности, так и результат и проявление непосредственного межличностного общения лицом к лицу.

Любовь как предпосылка брака является продуктом взаимного интереса и эмоционального влечения индивидов друг к другу. В ее основе лежит сексуальное влечение. Но как глубокое чувство и продукт избирательного, индивидуального отношения друг к другу она возникла не сразу. Ей предшествовала целая эпоха безличного, эротического, а на известной стадии первобытной общины и ничем не ограниченного массового сексуального "беспредела". Любовь при этом как таковая, безотносительно брачного общения, понятие, которое охватывает более широкий спектр отношений, чем только сексуальное влечение.

В этом широком смысле слова о любви как внимании и добром отношении к другому говорит еще одна из христианских заповедей: "Возлюби ближнего своего, как самого себя". Позднее немецкий философ Людвиг Фейербах предпринял попытку возвести это широкое смысловое значение любви в ранг религии. Он призывал людей возлюбите друг друга "без различия чина, пола и звания".

Однако как предпосылка брака любовь предстает перед нами в той мере, в какой она проявляется в отношениях между различными полами — мужчиной и женщиной. Природа этих отношений уходит в глубины подсознания и связана, как уже отмечалось, с феноменом сексуального влечения.

Но если З. Фрейд исходил из утверждения о доминанте бессознательного сексуального влечения как основе любви, то его последователь и реформатор фрейдизма Эрих Фромм уже не отождествлял любовь с сексуальным влечением. Он настаивал на том, что главное в любви — это прежде всего "ответственность" за жизнь, здоровье и судьбу того, кого ты любишь.

Любовь между полами в конечном итоге — это достаточно многогранное явление, которое предполагает одновременно как силу сексуального страстного влечения одного индивида к другому, так и ту или иную степень осознания ответственности за характер складывающихся отношений и взаимную заботу друг о друге.

В результате развития именно таких отношений чаще всего и формируются брак и семья.

Социально-психологические особенности брака и семьи как микрообщности. Брак и семью, в отличие от других институциональных образований на уровне микросреды, психологически отличает прежде всего самый высокий уровень ожиданий — тепла взаимного внимания, глубины взаимопонимания, полноты эмоционального контакта и радости взаимной любви, т. е. всего того, что ассоциируется с представлением о счастье в личной жизни. Такой полноты ожиданий, как правило, нет у членов трудового, учебного или даже досугового коллектива. Конечно, радость ожиданий профессиональной и творческой самореализации, а тем более ее практическое достижение, может и не уступать психологическому ореолу семейного счастья.

Однако для подавляющего большинства людей сфера так называемых личных отношений способна открывать не меньший, а даже несопоставимо больший простор для их всесторонней самореализации в качестве личности.

Вместе с тем, в отличие от микросреды трудового или учебного коллектива с достаточно высоким уровнем регламентации тех ролевых отношений, которые складываются между его членами, институт брака не предполагает столь же жесткого распределения ответственности, ролей и обязанностей.

Единственной сферой документально закрепленных и регламентированных взаимных обязательств является область имущественных отношений. Но и она в традициях нашего института брака пока не получила

сколько-нибудь заметного применения. Брачный контракт у нас пока скорее исключение, чем правило.

Психологический же эффект разрыва или рассогласованности между взаимными завышенными ожиданиями, с одной стороны, и отсутствием четкой системы распределения ролей и обязательств по их подкреплению — с другой, с неизбежностью может привести к конфликту и чаще всего оборачивается взаимной неудовлетворенностью и разочарованием.

Углублению этого противоречия способствует и другая социально-психологическая особенность брака. В отличие от других микрообщностей (работа или учеба), где ситуация "экспонированности личности", т. е. пребывания на виду у людей, оборачивается необходимостью повышенного контроля за своим поведением и оформлением внешности, домашняя обстановка предрасполагает к уходу от этого напряжения, отдыху, снятию стресса, расслаблению.

Но эта естественная, казалось бы, сниженность требований к себе в домашней обстановке может оказаться в противоречии как с повышенными ожиданиями супругов взаимной привлекательности, так и с возможностью и без того более полно, чем в официальной среде, видеть не только достоинства, но и недостатки друг друга.

Социально-психологические факторы формирования и стабильности брака. Основными факторами формирования и стабильности брака являются: психологическое богатство, полнота и гармония тех отношений, которые складываются между супругами.

Однако как сила взаимного влечения, так и богатство и гармония межличностных отношений в браке не являются неизменными величинами. На них оказывают влияние многие социально-психологические же факторы как микро-, так и макросреды.

На степень стабильности брака влияет атмосфера общества в целом, которая может быть спокойной, радостной или, наоборот, напряженной, угнетающей или даже беспросветной. Эта атмосфера, в свою очередь, результат взаимодействия всех систем общественных отношений: экономических и политических, правовых, этнических, духовных, религиозных и бытовых.

Но в семье складывается своя социально-психологическая атмосфера, или климат, который не является продуктом простого переноса на нее атмосферы, господствующей в обществе.

Климат семейных отношений во многом определяется способностью супругов преодолевать те противоречия, которые заложены в названных выше психологических особенностях брака.

Психологическая готовность к браку. В свою очередь, эта способность находится в прямой зависимости от уровня психологической готовности будущих супругов к совместной жизни. Это предполагает готовность к адекватному представлению и действию в реальной, а не воображаемой среде семьи, к адекватному отношению друг к другу, к самому выбору спутника жизни, к совместному преодолению трудностей, кризисов и конфликтов, неизбежно возникающих на жизненном пути.

На первый взгляд такая постановка вопроса может показаться странной. С одной стороны, о какой готовности еще может идти речь, если есть все необходимые предпосылки для продолжения рода у физически зрелых людей. С другой, есть ли смысл говорить о психологической готовности к тому, что носит столь неопределенный характер — облик будущего супруга, неизвестные трудности и жизненные ситуации в совместной жизни и т. д.

По поводу первого сомнения в значимости психологической готовности к браку можно отметить лишь то, что брак далеко не исчерпывается физической близостью супругов. Да и она, кстати, предполагает определенный уровень внутренней культуры, знаний, а нередко и жизненного опыта (не обязательно сексуального).

По поводу второго отметим лишь то обстоятельство, что многие, если не большинство, жизненных ситуаций и проблем как добрачного, так и брачного опыта общения уже давно являются предметом научного осмысления и обобщения. А значит, они могут стать и предметом психологической профилактики и подготовки к браку.

В качестве одной из составляющих психологической готовности к браку можно рассматривать психологическую готовность к адекватному реальному восприятию и пониманию брака. В свою очередь, индикатором этой адекватности или неадекватности может служить характер психологической установки на ценности брака.

Психологическая установка на ценности супружества. В середине 60-х годов были проведены опросы среди различных возрастных групп молодежи, которые позволили судить о характере ориентации на ценности брака у тех, кто уже состоит в браке.

Опросы, проведенные в тот период, позволили установить наличие в качестве доминирующих таких ценностей супружества у молодых людей, еще не состоящих в браке, как физическая близость и общность духовных интересов. По сравнению с ними другие ценности, такие как дети и забота о детях, общее хозяйство, материальное благополучие, психологическая совместимость, супружеский долг, взаимная забота и др., отошли на второй план. Иными, однако, были представления о распределении приоритета тех же ценностей у тех, кто состоял в браке. Здесь, наоборот, на первое место вышли: дети и забота о них, общее хозяйство, взаимная забота, супружеский долг и т. д.

Уже тогда это дало основания говорить о неадекватности представлений о браке, а значит, психологической неготовности к нему у той группы опрошенных, которая еще в браке не состояла.

Аналогичные опросы, проведенные нами примерно по той же схеме значительно позже, уже с 1992 по 1996 годы, среди студенческой молодежи Санкт-Петербурга, показали несколько иное распределение приоритетов в структуре семейных ценностей¹².

Так, в 1992 году на первое место в иерархии ценностей супружества вышли физическая близость и материальное благополучие. В то время как доминировавшая в 60-х годах ценность духовной общности, наряду с физической близостью, теперь заняла лишь третье место.

По результатам опроса студентов, проведенного в 1993 году, был получен во многом сходный результат. На первое место вышла ценность физической близости, на второе — материальное благополучие и на третье — взаимная забота друг о друге.

Однако уже в 1994 году значение фактора материального благополучия как ценности возросло. Этот фактор вышел на первое место (на второе — физическая близость и на третье — духовная общность), а у будущих юристов также на первом месте оказались — материальное благополучие, на втором — духовная общность и на третьем — психологическая совместимость. Физиче-

¹² Данные приводятся по годам с учетом только трех наиболее приоритетных ценностей по результатам опросов студентов различных вузов и специальностей.

ская же близость заняла при этом лишь пятое место после общности интересов.

Опрос студентов-журналистов в апреле 1995 года обнаружил устойчивость тенденции к снижению самооценности в браке материального благополучия и физической близости. Первое место заняла ценность взаимной заботы супругов друг о друге, а близость и благополучие — второе. Вместе с тем большинство студентов подтвердило устойчивость характерной для их представлений о благополучном браке картины распределения ценностей: на первом месте — физическая близость, на втором — материальное благополучие, на третьем — взаимная забота.

Результаты данных опросов студентов с 1992 по 1996 годы на заданную выше тему говорят об очевидной тенденции смещения представлений у молодых людей о ценностях супружества в сторону известного удаления от тех духовно-нравственных ориентиров, которые доминировали в представлениях молодежи о любви и браке четверть века тому назад. Вместе с тем отказ от известной доли романтизации супружества и склонность к альтернативной ей прагматизации еще не равнозначны снижению духовно-нравственной культуры супружеских отношений. Скорее это означает внесение элемента большей практичности, трезвости и зрелости, а значит, и большей психологической готовности к реалиям брачных отношений.

Социально-психологическая мотивация брачного выбора. Обозначенная здесь тенденция сказывается несомненно и на характере мотивации поиска и выбора брачного партнера. Так, проведенные нами в те же годы опросы среди студентов на предмет выявления приоритетов в мотивации их предпочтения при выборе спутника или спутницы жизни показали следующую картину. Опрашиваемым (молодым людям и девушкам) было предложено распределить по степени значимости для них такие качества или объективные характеристики их потенциальных спутников жизни, как нравственность, внешняя привлекательность, социальный статус (прежде всего уровень материального благосостояния) и характер.

Была получена следующая картина распределения приоритетов:

мужчины в женщине ценят прежде всего:	женщины ценят в мужчине прежде всего:
1. Хороший характер	1. Высокий социальный статус
2. Внешнюю привлекательность	2. Хороший характер
3. Высокий социальный статус	3. Внешнюю привлекательность
4. Нравственные качества	4. Нравственные качества

Таблица 2

Как очевидно из опроса, здесь налицо расхождение в представлении различных полов о приоритетных ценностях качеств и характеристик будущего супруга или супруги. Здесь подтвердилась свойственная мужчинам ориентированность на внешнюю привлекательность женщины, равно как и значимость для женщины фактора социальной состоятельности мужчины, его способности взять на себя ответственность за создание необходимых условий для благоустройства совместной жизни.

Интересны, однако, и вытекающие из результатов этого опроса детали. Во-первых, большая значимость, чем можно было ожидать, для мужчины чем внешняя женская привлекательность ее характера. И второе, последнее по зна-

чению место, которое здесь было единодушно отведено нравственным качествам представителями обоих полов. О чем это говорит? О снижении ценности духовно-нравственных качеств при выборе спутника или спутницы жизни? Или, быть может, о повышении уровня взаимной терпимости к незначительным изъяснам, недостаткам и огрехам в сфере нравственной "выправки" друг у друга? Как бы то ни было, но и эти результаты говорят о наличии серьезных социально-психологических проблем, связанных с выбором брачного партнерства. Таков далеко не полный и весьма беглый обзор некоторых социально-психологических аспектов брака и семьи как микрообщности.

РАЗДЕЛ ПЯТЫЙ

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ОБЩЕНИЯ

ГЛАВА 12. ОБЩЕНИЕ КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

12.1. Понятие общения.

Определение понятия общения. Общение представляет собой многогранный процесс взаимодействия и взаимовлияния людей друг на друга. Оно может рассматриваться не только как акт осознанного, рационально оформленного речевого обмена информацией, но и в качестве непосредственного эмоционального контакта между людьми.

Это человеческое взаимодействие весьма многообразно как по содержанию, так и по форме проявления. Оно может варьировать от высоких уровней духовного взаимопроникновения и взаимопонимания партнеров до самых свернутых и фрагментарных контактов, причем последние могут носить характер процессов, не осознаваемых в полной мере.

Реальный феномен и этический идеал общения. Поэтому трудно согласиться с теми авторами, которые рассматривают общение лишь как такое субъект-субъектное взаимодействие людей, каждый участник которого не только сознает свое место и роль в этом процессе, но и встречается здесь с соответствующей формой поведения другого.

"...Акт общения, — пишет, например, М. С. Каган, — имеет место тогда, когда человек, вступающий в контакт с другим человеком, видит в нем себе подобного и себе равного, т. е. субъекта же, и рассчитывает поэтому на активную обратную связь, на обмен информацией, а не на одностороннее ее отправление или снятие ее с объекта" [1, с. 82].

Даже если рассматривать предложенный выше вариант общения в качестве эталона этического идеала человеческих взаимоотношений, то и тогда из этой сферы будут исключены не только менее совершенные модели контакта, но и те глубокие контакты, когда общающиеся способны понимать не тождественность себе своего партнера по тем или иным признакам (подобия, равенства или уровню активности).

Любая аналогичная попытка нормативного определения феномена общения будет наталкиваться на реальное многообразие действительного взаимодействия людей, могущего оказаться как хуже, так и лучше предложенной модели.

Понятна вместе с тем нацеленность этически нормативной формулировки понятия общения против вариантов мани-пуляторского контакта, когда один из партнеров является для другого лишь объектом удовлетворения тех или иных ситуативных потребностей, а не индивидуальностью, заслуживающей достойного внимания и более глубокого отношения.

Естественны поэтому и такие подходы к определению общения, когда последнее характеризуется как "процесс проявления личностного отношения".

Многогранность и многокачественность общения. Однако общение, как это уже отмечалось нами ранее [2], достаточно многогранное явление. Оно представляет собой и отношение людей друг к другу, и их взаимодействие, и обмен информацией между ними, их духовное взаимопроникновение. Аспект личностного отношения (а точнее, взаимоотношения) — лишь один из компо-

нентов, одна из граней этого явления.

Даже если свести общение к взаимоотношениям людей, то и тогда окажется, что они не исчерпываются их личностным аспектом. Здесь определенную роль играют функционально-ролевой, а также ряд других моментов. Одной из форм человеческого общения, получающей широкое распространение под влиянием научно-технической революции, является многоканальная и многократно опосредованная духовная коммуникация. Как показывают исследования массовых коммуникаций, в их структуре наряду с личностными велика доля и безличных, стереотипных компонентов информации и способов установления контакта с аудиторией.

Вместе с тем было бы тоже крайностью утверждать, что общение вообще не может носить межличностного характера. Так, А. А. Леонтьев в одной из своих работ писал: "Общение следует понимать не как интериндивидуальный, а как социальный феномен; как его субъект следует рассматривать не изолированного индивида, а социальную группу или общество в целом" [3, с. 123].

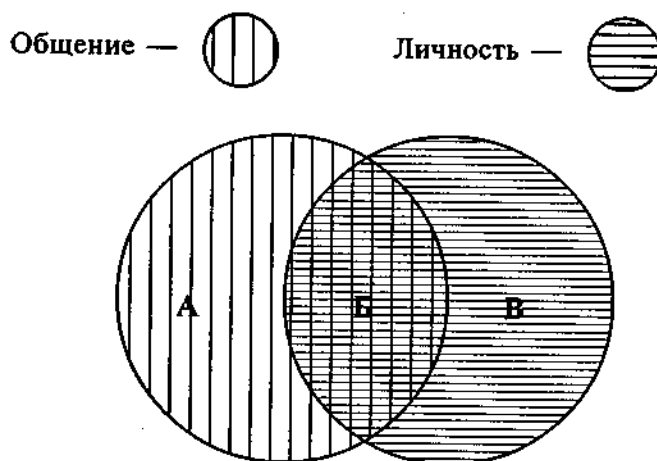
Анализируя эту точку зрения, Б. Ф. Ломов отмечал: "По нашему мнению, противопоставление социального и интериндивидуального неправомерно, отношение между ними — это отношение явления и сущности, единичного и общего. Социальная сущность общения как всеобщей формы взаимосвязей между людьми проявляется (наряду с другими формами) в отдельных единичных межличностных взаимодействиях. Более того, психологию (в отличие, например, от социологии) именно эта форма проявления общения интересует прежде всего. Она рассматривает общение на уровне индивидуального бытия человека" [4, с. 77—78].

Общение, включая в себя межличностное, межличностное взаимодействие и взаимоотношение, вместе с тем, как мы знаем, не исчерпывается этим. Однако данное обстоятельство в свою очередь не снимает правомерности рассмотрения межличностного, межличностного взаимодействия как относительно самостоятельного вида общения в его общей структуре.

12.2. Общение и личность.

Соотношение понятий "общение" и "личность". По своему содержанию эти понятия можно рассматривать в качестве двух взаимоперекрывающихся кругов (см. схему 12).

Схема 12

Зоны:

А — Безличное функционально-ролевое общение; массовое общение.

Б — Межличностное общение. Коммуникативное состояние и коммуникативная деятельность личности.

В — Психические свойства, процессы и состояния личности.

В таком случае очевидно наличие трех различных зон, в которых имеет место как совпадение, так и несовпадение специфики этих понятий.

Начнем с зоны А. Здесь очевидна специфика объема понятия общения, которая не входит в содержание феномена личности. Она связана с такими формами общения, которые носят преимущественно безличный или надличный характер. В частности, например, безличный характер может носить деловое, функционально-ролевое взаимодействие людей, даже если оно и происходит в виде межличностного общения. Это тот случай, когда общающиеся воспринимают друг друга не в качестве личности, а лишь в роли носителей определенных функций. Пассажиру автобуса, например, значима надежность водителя как профессионала и безразличны, как правило, его личные качества.

Столь же безличным оказывается и общение людей в массе, например, в толпе, равно как и ситуации публичного контакта зрителей в театре, болельщиков на стадионе, слушателей на концерте или лекции.

Основной механизм, объединяющий людей в массу независимо от характера совместной деятельности, — психологическое заражение. А оно не нуждается в персонификации, хотя и создает ощущение сопричастности и контакта у окружающих.

В зоне Б очевидно совпадение содержания общения с жизнедеятельностью личности. Здесь, с одной стороны, общение носит не массовый или групповой и в то же время безличный характер, а, наоборот, проявляется в форме межличностного, межперсонального контакта и взаимодействия.

С другой стороны, это та область, где проявляется все многообразие форм коммуникативной активности личности: коммуникативное поведение, коммуникативная деятельность, психическое состояние в ситуации общения, различные варианты ее лидерских ролей.

Здесь правомерно говорить о различных личностных особенностях психического состояния и поведения человека в ситуации как межперсонального так и группового общения. Не менее актуальна и роль личности в ситуации самоценного, досугового общения и применительно к собственно коммуникативной деятельности как предметно-целенаправленной, стабильной, а нередко и профессиональной форме коммуникативной активности. Примером может служить коммуникативная деятельность репортера, вступающего в контакт с собеседником, или телеведущего, обращающегося к многомиллионной аудитории.

В зоне В очевидна та часть содержания понятия личности, которая выходит за рамки общения (если это не непосредственно коммуникативные по характеру виды деятельности), психического состояния, сознания и переживания своей сопричастности с той или иной общностью.

Общение как фактор жизнедеятельности личности. Общение и личность могут рассматриваться по отношению друг к другу и как факторы взаимовлияния. В таком случае общение следует рассматривать как фактор жизнедеятельности личности и, наоборот, личность, в качестве фактора общения.

Функции общения в качестве фактора личности чрезвычайно многооб-

разны. Прежде всего общение является глубочайшей потребностью личности, а следовательно, условием и средством ее удовлетворения.

Вне общения не могут быть удовлетворены и все сугубо личностные потребности человека, которые связаны с его стремлением к самореализации, самовыражению и самоутверждению. Здесь нужны внимание других людей, их понимание тех или иных проявлений личностной инициативы и активности.

Конечно, степень значимости общения с другими для личности различна. Это зависит от уровня интро- или экстравертированности индивида. Этим же определяется и степень психологической герметичности (т. е. закрытости) личности, а вместе с тем нередко и сопряженная с этим трудность для нее установления контакта с другими (аутизм).

Однако и в этом случае общение не утрачивает своей роли фактора жизнедеятельности личности. Во-первых, оно может выступать, в случае его недостатка, в качестве фактора со знаком минус. Во-вторых, оно как общение с другими может компенсироваться более мощным развитием внутреннего или внутриличностного диалога как формы общения.

Здесь мы уже вступаем в область, связанную с ролью личности в качестве субъекта общения, а соответственно и с вопросом об обратном влиянии личности на процесс общения.

Личность как субъект и фактор общения. Рассмотрение личности в качестве субъекта общения уже предполагает определение ее роли и значимости в этом процессе. В режиме внутриличностного общения эта значимость вполне очевидна. Здесь продуктивность внутриличностного диалога целиком определяется богатством духовно-психического потенциала личности.

Но и в ситуации межличностного общения бесспорна актуальность и ценность именно такого взаимодействия и взаимоотношения людей друг с другом, когда каждый из них воспринимает своего партнера в качестве уникальной и неповторимой индивидуальности.

Поэтому есть все основания рассматривать такой вариант взаимоотношений в качестве высшего уровня человеческого общения. В его основе лежит наиболее полная опосредованность межперсонального общения восприятием и пониманием личности и индивидуальности партнера.

По существу именно этот вариант общения может рассматриваться в качестве этического идеала человеческих отношений, поскольку в нем наиболее полно реализуются личностные потребности и ожидания людей, связанные с их общением. Здесь же наиболее полно реализуется и духовно-психический потенциал личности, ее потребность во внимании и самоутверждении, сила ее психологического воздействия на партнера. Только на уровне глубоко личностного общения возникает подлинная любовь и дружба между людьми. В отличие от безличного функционально-ролевого взаимодействия здесь партнер — не средство, а главная ценность и источник радости.

Личностная значимость лидера в общении. Однако фактор личностной значимости способен оказывать большое влияние не только на сферу межличностного, но и группового микрообщения.

В ситуации группового контакта роль личности обнаруживается в деятельности лидера, который в силу своего авторитета способен оказывать решающее влияние на характер, стиль, а нередко и смысл складывающихся отношений.

По мере роста численности общающихся в группе сила личностного влияния лидера на других членов значительно возрастает. Особенно очевидно

влияние лидера на ситуацию массового общения людей. Возрастающая в массах потребность в лидере, их экзальтированность и податливость влиянию авторитета, сама заразительность массового психического контакта предрасполагают к полному повиновению воли лидера, выступающему здесь уже нередко в качестве героя.

Эта закономерность сохраняет в какой-то мере свой эффект и в ситуации когда перед многомиллионной аудиторией предстает уже не лидер, а просто телеведущий. На него, его личность также переносится огромный заряд доверия и эмоционального расположения. Он тем самым (при систематическом появлении на телеэкране) способен занять в известном смысле место духовного лидера огромной аудитории. Регулярное же появление в эфире одних и тех же актеров, занятых чаще всего в телесериалах, заметно поднимает уровень их популярности в массовой аудитории.

Таким образом, несмотря на все многообразие представленных выше ситуаций, просматривается одна тенденция — значение личностного потенциала, его влияние на общение велико и способно возрастать вместе с численностью лиц, участвующих в акте взаимодействия.

12.3. Общение и деятельность.

Общение и деятельность как предмет дискуссии. Вопрос о соотношении явлений, а соответственно и понятий общения и деятельности уже давно является предметом активного обсуждения в нашей философской и психологической литературе [5], [6].

В ходе его осмысления выявились две альтернативных точки зрения. Согласно одной из них общение есть часть деятельности или один из ее видов (А. А. Леонтьев, М. С. Каган, В. Н. Сагатовский и др.).

По мнению же Б. Ф. Ломова, общение нельзя определять как вид человеческой деятельности, поскольку оно есть нечто принципиально отличное от деятельности, ибо связывает субъект не с объектом, а с другим субъектом [7, с. 127]. Аналогичным образом и Л. П. Бужева трактует общение как нечто принципиально иное, чем деятельность [8].

Были попытки предложить и компромиссный подход (Г. М. Андреева, М. И. Лисина), когда общение рассматривалось и как сторона совместной деятельности, и как самостоятельный феномен, отличный от деятельности.

Общение и деятельность как взаимоперекрещивающиеся, но не совпадающие явления. Ранее в докладе, посвященном этой проблеме и зачитанном на V Международном конгрессе психологов придунайских стран (Ростов Великий, 1981 г.), нами была предложена такая точка зрения: общение не тождественно деятельности и как таковое не является его частью. Оно соотносится с ним как два взаимоперекрещивающихся круга (см. схему 13).

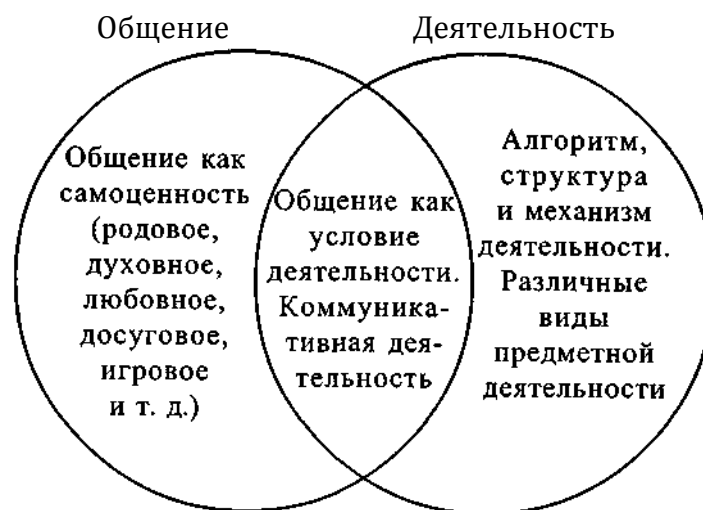

Схема 13

С одной стороны, общение может выступать как в качестве условия или составляющей любой деятельности, так и в виде специфической коммуникативной деятельности.

С другой — оно может и должно рассматриваться в качестве совершенно самостоятельного и отличного от деятельности социально-психологического явления.

Самоценность общения. Это неизбежно в том случае, когда общение носит самоценный характер и не преследует каких-либо иных целей кроме тех, которые связаны со взаимным интересом друг к другу как к личности партнеров по общению. В таком случае имеют место межсубъектные взаимоотношения, т. е. отношения одного субъекта к другому как субъекту же, а не как к объекту. И в этом, по мнению Б. Ф. Ломова, и есть главное отличие характера общения от деятельности, где имеют место не субъект-субъектные, а субъект-объектные отношения [6, с. 37—38, 45].

Но если для Б. Ф. Ломова этого критерия достаточно для разведения явлений деятельности и общения, то для М. С. Кагана это не аргумент, поскольку "деятельность человека, по его мнению, не следует сводить к его предметной деятельности, и тогда общение естественно впишется в это целокупное и разностороннее проявление человеческой активности" [9, с. 124].

Уточняя свою позицию, М. С. Каган далее характеризует два варианта межсубъектной деятельности (см. схему 14), один из которых не опосредован, а другой опосредован отношением к объекту [9, с. 131—132].

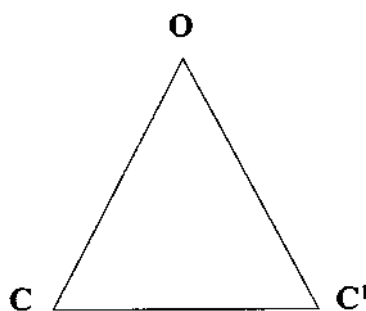

Схема 14

Где: С — субъект С' — субъект О — объект.

В конечном итоге ход мысли М. С. Кагана представляется таким: межсубъектное взаимодействие — это единственно возможный вариант отношений общения, но это не выводит данный феномен за рамки деятельности. Следовательно, общение представляет собой частный случай деятельности.

По нашему мнению, во всей цепи этих рассуждений допущены по крайней мере две ошибки. Одна состоит в сведении всего структурного многообразие общения к одному из его вариантов. С этим же связана и другая. Она заключается в уже отмеченном выше отождествлении данного варианта общения, т. е. субъект-субъектных отношений с деятельностью на том основании, что "деятельность человека не следует сводить к его предметной деятельности" ... [9, с. 124].

Но в таком случае понятие деятельности, если оно лишено направленности на какой-либо предмет, теряет свой главный смысл. Вряд ли есть необходимость всерьез говорить о правомочности этого термина применительно к беспредметной активности человека. Здесь вполне достаточно понятия просто активности.

12.4. Общение и общность.

Соотношение понятий общения и общности. Многогранность феномена общности и многообразие его функций применительно к самому процессу человеческого общения не дает вместе с тем оснований для отождествления категорий общности и общения.

Прежде всего, различно смысловое значение данных понятий. Категория общения служит для обозначения процесса, в то время как категория общности обозначает определенное свойство, которое может быть присуще или не присуще как процессу, так и любому другому элементу деятельности, из которого складывается процесс. Иными словами, категория общности относится к числу атрибутивных понятий, производных от групповой деятельности, выступающей в качестве совокупного субъекта.

Отсюда же вытекают определенные различия между рассматриваемыми понятиями и по содержанию. Данные категории лишь частично покрывают содержание друг друга и могут быть отнесены к числу взаимно перекрещивающихся понятий (см. схему 15).

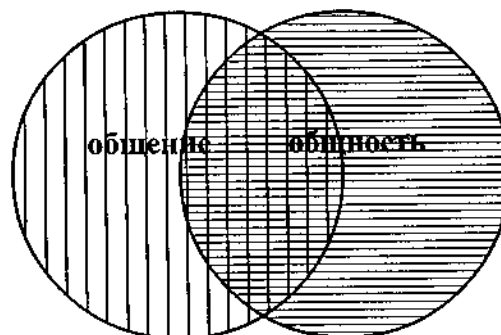

Схема 15

Общение включает в себя и момент общности, проявляющейся в уподоблении, идентификации, согласованности, взаимопонимании, симпатии, кооперации, координации действий и психического состояния общающихся между

собой людей.

В свою очередь, общность является предпосылкой общения и продуктом его развития. Кроме того, процессы общения характеризуют внутреннее состояние данной общности и ее отношение с другими общностями.

Однако характеристика общности не сводится к определению степени ее внутренней и внешней коммунибельности, но предполагает также исследование психического состояния общности, социального настроения, а также психологии ее деятельности (экономической, политической, эстетической, научной и т. д.).

Точно так же и процесс общения не сводится к моменту общности, уподобления, согласованности и взаимопонимания ни в смысле идентичности социальных черт тех или иных устойчивых групп людей, ни в смысле идентичности в процессе осознания этих черт.

Уподобление и обособление в процессе общения. Процесс общения предполагает не только элемент уподобления и общности, но и обособления, внутригрупповую дифференциацию; не только общность интересов и деятельности общающихся, но и стремление к сопоставлению их различий (различных вкусов, взглядов, навыков и опыта), а также, при определенных условиях, не исключает их взаимную оппозицию и борьбу. Последняя может носить как явный (открытый), так и неявный (скрытый) характер, выражаясь в психической напряженности и конфликтности отношений внутри или между общностями.

Общение богаче момента общности еще и потому, что включает в себя момент обособления. Нельзя поэтому рассматривать акт обособления как нечто находящееся за пределами человеческого общения и говорить об общении и обособлении личности как об альтернативных категориях. Этим допускаются сразу две существенные неточности. Во-первых, общение фактически противопоставляется обособлению и приравнивается тем самым к уподоблению, к процессу установления общности, что, как это было показано выше, крайне обедняет само существо и понятие общения. Во-вторых, обособление тем самым выносится за рамки общения, а это также неверно.

Как уподобление человека человеку, так и процесс обособления одного индивида от другого или от общности в целом находит свое выражение в процессе человеческого общения, в смене форм и способов, круга и диапазона этого общения и т. д. Если же под обособлением иметь в виду не ограничение круга индивидуального общения и свертывание глубоких контактов с окружающими, а абсолютную психофизическую изоляцию индивида от внешнего социального мира, то тем самым правомерно уже говорить не просто об обособлении, а о нарушении нормальных условий существования индивида, которое может иметь самые тяжелые психические последствия.

Как уподобление, так и обособление являются различными сторонами единого процесса общения и существуют в органической взаимосвязи, дополняя и обогащая друг друга.

Однако если в акте уподобления выражается процесс солидаризации, идентификации индивида с той общностью, к которой он принадлежит, то в акте обособления проявляется индивидуальная неповторимость и особенность личности, за которой стоит ее принадлежность ко многим другим социальным общностям, многообразии социальных отношений и социальных ролей личности.

Обособление личности как смена формы общения. Наряду с обособлением как способом свертывания общения или даже ухода из общения в одной общности ради развития коммуникативной активности в другой, правомерно говорить и о такой форме обособления, какой является уход индивида в свой собственный внутренний мир общения с самим собой. В таком случае можно говорить о смене форм общения. Склонность к внутрличностному общению может при этом рассматриваться как ситуативная потребность личности или как стабильная черта ее характера. В последнем случае принято говорить об интровертированном типе личности в отличие от экстравертированного, т. е. направленного преимущественно на общение с другими.

В зависимости от степени развития склонности личности к уходу во внутренний мир общения с собой можно говорить об этом как о признаке богатства ее духовного мира, так и симптоме коммуникативной или даже в целом психической аномалии, которую принято называть аутизмом, т. е. затрудненностью установления психического контакта с другими людьми. Эти два различных признака могут как соединяться в одной личности, так и быть свойствами разных людей.

12.5. Общение и социальные отношения.

Соотношение понятий "общение" и "социальные отношения". Понятие социальных отношений представляет собой одну из важнейших характеристик социально-психологического общения в рамках социальной макросреды. В отличие от тех аспектов общения, которые связаны с межиндивидуальными контактами, понятие социальных отношений фиксирует факт связи и взаимодействия не между отдельными индивидами, а между представителями различных социальных групп и общностей, между различными социальными типами, являющимися представителями этих общностей и классов.

Однако трудность расчленения межиндивидуальных, личностных и социально-типологических, общностных связей привела к тому, что одно стало рассматриваться вне и независимо от другого. Общение трактовалось как нечто выходящее за рамки социальной структуры, не имеющее прямого отношения к системе социальных отношений и макроструктуре.

Система же социальных отношений, в свою очередь, характеризовалась как нечто функционирующее по существу вне и независимо от человека, от его психики, воли и сознания. Как известно, такой была упрощенная трактовка объективности социальных отношений и закономерностей.

Согласно этой точке зрения, принципиальное отличие микросреды от социальной макросреды состоит в том, что первая функционирует в форме межличностного, персонифицированного общения лицом к лицу, в то время как вторая носит совершенно обезличенный, отчужденный характер. Отсюда же специфический для микросоциологии вывод о гуманистическом характере и определяющей роли микросреды как сути человеческих отношений и стержне всей социальной психологии.

Естественно, что в связи с этим возникает ряд вопросов. Во-первых, как в действительности соотносятся между собой понятия общения и социального отношения, есть ли между ними какая-нибудь связь или ее нет вообще? Во-вторых, если общение имеет место и в системе социальных отношений макросреды, то есть ли принципиальные качественные отличия между общением на уровне микро- и на уровне макросреды и в чем они состоят?

Общение как единство отношения и обращения. Содержание и форма в процессе общения находятся в органической взаимозависимости. С одной стороны, реальные человеческие отношения (согласия или несогласия, симпатии или антипатии, понимания или непонимания и т. д.) определяют и способ их выражения и существуют независимо от того, каков этот способ.

С другой стороны, содержание человеческих отношений немислимо вне способов их выражения, а восприятие и понимание этого содержания людьми во многом зависит от того, каковы способы и средства выражения данного содержания.

Нередки случаи, когда реальные человеческие отношения взаимной симпатии и согласия не находят адекватного выражения в процессе общения людей. Это бывает в тех случаях, когда возникает рассогласование, диссонанс между содержанием и средствами общения. Люди в таких случаях вполне обоснованно жалуются на неспособность выразить и передать другим те чувства и мысли, которыми они обуреваемы.

За этим может стоять как бедность языковых и мимических средств конкретных индивидов, так и сравнительно ограниченные возможности языкового общения в целом, связанные с тем, что язык как форма выражения психического состояния людей, во-первых, как правило, не способен передать всех тончайших оттенков этих состояний и, во-вторых, всегда несколько отстает от темпов изменений, происходящих в социальной психике.

Но бывает и наоборот, когда скудный по содержанию акт коммуникации оснащается излишне богатыми средствами и способами выражения. Несовпадение содержательной и формальной сторон в коммуникативном процессе закрепило определенным образом и в повседневном, обиходном языке, в котором различаются устойчивые и глубокие отношения людей друг к другу от способа их выражения, от способа обращения человека с человеком.

Это обстоятельство справедливо отмечал выдающийся отечественный психолог В. Н. Мясищев, который считал необходимым различать такие понятия, как общение, отношение и обращение в качестве ведущих и наиболее важных категорий для понимания структуры социально-психологического общения. С содержательной стороны, по мнению В. Н. Мясищева, общение представлено отношением, а со стороны своей формы — обращением. "В общении, — пишет он, — выражаются отношения человека с их различной активностью, избирательностью, положительным или отрицательным характером.

Способом или формой общения и отношения является обращение человека с человеком" [10, с. 169].

Нельзя не согласиться с В. Н. Мясищевым и в том, что общение и отношения имеют различную природу и могут быть дифференцированы по своим функциональным характеристикам. Действительно, общение является источником и условием жизнедеятельности людей и обусловлено жизненной необходимостью. Это порой вынуждает одного человека прибегать к общению с другим лицом даже вопреки сложившемуся у него отрицательному отношению к данному индивиду.

Вместе с тем общение во многом зависит от уровня и характера взаимного отношения между людьми. Характер, активность, наконец рамки и масштабы общения как раз и определяются прежде всего сложившимися уже межличностными отношениями. Но на характер и диапазон общения влияет не только содержание отношений между людьми, но и способы их общения друг с другом, т. е. их взаимное обращение.

Обращение, будучи весьма многообразным по форме своего выражения (мягкое или жесткое, даже жестокое, подавляющее или ободряющее, грубое

или мягкое, сухое или ласковое), формирует потребность или боязнь общения (В. Н. Мясищев).

Социальные отношения как продукт общения. Отношения между людьми в процессе общения друг с другом являются не только содержанием их взаимоотношений, но и их социальными отношениями. Социальные отношения людей есть продукт их действительных отношений друг к другу. Именно личное, индивидуальное отношение индивидов друг к другу, их взаимное отношение в качестве индивидов создало — и повседневно воссоздает — существующие социальные отношения.

Но каков масштаб тех социальных отношений, которые порождаются самим процессом межличностного общения и взаимодействия индивидов? Если это общение лицом к лицу, то не порождает ли оно лишь отношения симпатии и антипатии в масштабах микросреды, которые, в свою очередь, надо качественно отличать от социальных отношений макросреды?

Общение, на наш взгляд, включает в себя элемент не только отношений симпатии или антипатии в масштабах малой группы, но и тот или иной компонент социальных отношений — экономических, политических или идеологических, поскольку они имеют свою социально-психологическую сторону и проявляются в более или менее опосредованном контакте между людьми.

Конечно, между понятиями общения и социального отношения есть некоторые различия. Они могут быть сведены к следующему. Прежде всего эти различия можно рассматривать как различия очень близких, но тем не менее не совпадающих между собой аспектов структуры социальной психологии. С этой точки зрения общение включает в себя отношение, которое выступает в форме взаимоотношения людей. Однако взаимоотношения могут выходить за рамки их межличностных отношений, поскольку за этим стоят не личные симпатии или антипатии, а различные и нередко даже противоположные социальные функции или роли, представителями которых являются люди.

В свою очередь и человеческое общение можно рассматривать как частный случай отношения, поскольку свое отношение человек может выражать не только к другому человеку, но и к природе, и к различным неперсонифицированным социальным институтам и учреждениям.

Наконец, различия между социальным отношением и общением можно рассматривать и как различия между формой и содержанием, если допустить, что первое, то есть социальное, отношение характеризует содержание, а второе, то есть общение, — форму или способ связи между людьми.

Действительно, по своему содержанию связи между индивидами можно рассматривать, например, как определенную и специфическую для данной социальной структуры совокупность экономических, правовых, политических и идеологических отношений, между тем как по своей форме или способу выражения эти связи могут носить вербальный или невербальный, осознанный или неосознанный, рациональный или эмоциональный характер и т. д.

Как эмоциональная окрашенность социальных отношений, так и тот факт, что эти отношения могут носить бессознательный характер, то есть не осознаваться людьми как определенный тип общественных отношений, — все это несколько не выводит данные отношения за рамки человеческого общения.

В процессе общения люди, как правило, не осознают тех сложных социально-экономических отношений, которые складываются между классами, между различными экономическими и политическими группировками, не смотря на то, что люди наделяны сознанием.

Из всего сказанного, видимо, достаточно очевидна правомерность употребления понятия общения не только в узком (непосредственное, лицом к лицу общение в малой группе, в микросреде), но и в широком смысле слова, когда вся совокупность социальных отношений общества независимо от их масштабности (микро- или макросреда) может рассматриваться как одно из проявлений и результатов общения между людьми.

Иными словами, нет психологических отношений между людьми, которые бы вместе с тем нельзя было рассматривать с экономической, политической или правовой точек зрения, равно как и нет таких экономических, политических или правовых отношений, которые бы не выражали, не фиксировали и не регулировали определенных отношений, складывающихся в процессе общения между людьми.

12.6. Общение и взаимопонимание людьми друг друга.

Взаимопонимание как внутренняя основа и цель общения.

Одним из важнейших аспектов социально-психологического общения является взаимное понимание людьми друг друга. Последнее может рассматриваться как внутренняя основа процесса общения, достигшего достаточно высокого уровня развития.

Развитая способность человека к пониманию других людей выступает в качестве рациональной основы процесса межличностного общения, которому подчинены средства выражения и передачи психического состояния взаимодействующих индивидов. Нельзя не согласиться в этой связи с Л. С. Выготским, который характеризует общение как "процесс, основанный на разумном понимании и намеренной передаче мыслей и переживаний, требующий известной системы средств" [11, с. 51].

Важнейшим средством установления взаимопонимания между людьми является речь, которая позволяет осуществлять обмен мыслями для взаимопонимания. Поскольку установление взаимопонимания не является единственной функцией речи, которая служит также средством передачи информации, экспрессии и психологического воздействия, постольку встает вопрос о соотносительной связи и взаимозависимости названных выше функций в структуре общения.

Есть основание полагать, что процесс установления взаимопонимания между индивидами является важнейшим параметром социально-психологического общения, которому могут быть подчинены все остальные функции речи. Действительно, коммуникативная функция речи, заключающаяся в передаче сообщения и обмене мыслями, прямо и непосредственно подчинена задачам и целям взаимопонимания.

В такой же мере можно говорить и об экспрессивной функции речи, о ее модальности, поскольку последняя служит средством усиления, дополнения или корректировки вербального сообщения. Тон, тембр, ритм, интонация речи нередко говорят общающимся больше, чем содержание тех фраз, которыми они обмениваются.

Воздейственная, или побудительная, функция речи также может рассматриваться как дополнительное средство усиления взаимопонимания между общающимися людьми или достижения его там, где оно пока отсутствует.

Из сказанного, разумеется, не следует, что экспрессивные и побудительные, равно как и коммуникативные, функции речи не обладают относительной самостоятельностью. Речь, конечно, может служить средством и передачи сообщения, и воздействия, и в тех случаях, когда взаимопонимание между обща-

ющимися отсутствует и вряд ли может быть достигнуто.

Понятие взаимопонимания. О взаимопонимании людьми друг друга можно говорить в различных смыслах, имея в виду совпадение, сходство или просто созвучие их взглядов на мир, их ценностных ориентации, понимание индивидуальных особенностей друг друга, понимание или даже угадывание мотивов поведения и возможности вести себя так или иначе в какой-то конкретной ситуации, взаимопонимание как принятие исполняемых по отношению друг к другу ролей, взаимопонимание как взаимное принятие самооценки своих возможностей и способностей и т. д.

Есть основания предполагать, что и этим не исчерпывается все многообразие смысловых значений, характеризующих сам термин взаимопонимания. Если исходить из этимологического значения самого понятия взаимопонимания, то можно утверждать, что взаимопонимание — это такой случай понимания одного человека другим, когда оно носит взаимный, обоюдный характер.

Условием же такого взаимопонимания, видимо, является не только понимание другого человека, но и понимание его отношения к себе или к другим людям как к партнерам по общению и, наконец, понимание самих отношений, складывающихся и развивающихся между общающимися людьми.

Не менее важным условием взаимопонимания является, наконец, принятие способов понимания партнерами друг друга, их согласие во взглядах на их отношение друг к другу. Без выполнения названных условий вряд ли взаимопонимание будет достаточно глубоким и устойчивым.

Восприятие и понимание друг друга партнерами по общению. Высокий уровень требований, которые предъявляет к общающимся процесс постижения друг друга на основе рационального анализа их взаимоотношений, не каждому по плечу. Не говоря уже о том, что такой анализ требует и немало времени.

В условиях же дефицита времени и интенсивного роста информации от общения с другими людьми довольно заманчивым и более привлекательным, чем углубленный интеллектуальный анализ, может показаться руководство личными впечатлениями от встреч с другим человеком.

Это непосредственное восприятие другого вполне отвечает все более актуальному в условиях дефицита времени требованию быстроты приобретения информации о партнере по общению.

Иные способы получения соответствующей информации, обладающие несравнимо более высокой эффективностью и надежностью, как, например, длительное наблюдение за поведением человека или всесторонний социально-психологический анализ его жизненного пути, проигрывают восприятию в одном существенном показателе — оперативности.

В условиях дефицита времени люди вынуждены во все большей мере восполнять недостаток сведений и знаний о другом человеке той информацией, которую дает им о нем первое впечатление. Действительно, жизненный опыт позволяет человеку во многом без серьезных ошибок, а нередко и достаточно точно судить о другом человеке даже при первом знакомстве. За этим стоит способность на основе опыта общения — видеть за внешними проявлениями, манерой поведения более глубокие, социально-типологические и личностные особенности.

Сила и слабость первого впечатления. Однако при всех своих достоинствах первое впечатление о другом лице далеко не всегда гарантирует надежный результат. Зачастую даже наоборот, результат первого впечатления может полностью разойтись с последующим представлением о человеке.

Дело в том, что восприятие человека человеком строится на основе фиксирования чисто внешних характеристик воспринимаемого (его лицо, одежда, манера вести себя и т. д.), вместе с тем оно выходит за рамки оценки только внешнего облика человека. Полученный на основе впечатления о внешнем облике воспринимаемого материал призван послужить почвой для того, чтобы воображение и жизненный опыт воспринимающего осуществили реконструкцию и внутреннего мира впервые увиденного человека, предполагающую оценку его характера, духовного потенциала, его отношения к миру и т. д. На это обстоятельство обращает внимание А. А. Бодалев: "Построив образ познаваемого человека на основе фиксирования характеристик его внешности, взаимодействующий с этим человеком субъект обычно не ограничивается таким знанием, он немедленно создает систему заключений об этом человеке, содержанием которых является констатация качеств, свидетельствующих о способностях человека или выражающих его отношение к различным сторонам действительности, а также говорящих об его определенной социально-групповой принадлежности и т. п." [12, с. 5].

Оценка и реконструкция внутреннего мира воспринимаемого по его внешности, возможно, не была бы такой уязвимой, если бы она не осуществлялась на весьма субъективной почве жизненного опыта самого воспринимающего.

Идентификация как основа и инструмент взаимопонимания. Своеобразие этого опыта не изменяет общей закономерности, которой подчинен процесс перехода от него к реконструкции внутреннего мира другого человека. Свое восприятие и понимание другого человек, как правило, строит на базе своего собственного жизненного опыта, в основе которого лежит механизм идентификации (от латинского слова *identificare* — отождествлять), или приравнивания, уподобления людей друг другу.

Человек испытывает симпатии к другому, сочувствует ему, если он способен почувствовать или представить себя на его месте, если для него понятна, близка и приемлема точка зрения и позиция того человека, с которым он общается.

Иными словами, внутренней основой и предпосылкой взаимного понимания людьми друг друга оказывается механизм их психологической идентификации, или взаимного уподобления.

Здесь же заложена предпосылка и формирования самосознания индивида. "В некоторых отношениях, — писал К. Маркс, — человек напоминает товар. Так как он рождается без зеркала в руках и не фихтеанским философом: "Я себя", — то человек сначала смотрится, как в зеркало, в другого человека. Лишь отнесясь к человеку Павлу, как к себе подобному, человек Петр начинает относиться к самому себе как к человеку" [13, с. 62]. Из приведенного высказывания видно, что идентификация включает в себя два различных элемента. Прежде всего она предполагает уподобление другого себе ("лишь отнесясь к человеку Павлу как к себе подобному"). Вместе с тем она осуществляется и через уподобление себя другому ("человек Петр начинает относиться к самому себе как к человеку").

Здесь идентификация начинается с уподобления объекта субъекту (другого себе) и завершается уподоблением субъекта объекту (себя другому). Это

не исключает и возможности другой модели идентификации: от первоначального уподобления субъекта объекту (себя другому) к последующему сведению объекта к субъекту (другого к себе).

Однако, независимо от порядка и последовательности своего осуществления, идентификация позволяет людям добиваться относительного понимания других людей, несмотря на недостаток предварительной информации о них, когда первое впечатление является чуть ли не единственным источником знания. Она оказывается тем зеркалом, которое позволяет людям лучше понять как себя, так и других.

На значение идентификации как психологической основы взаимопонимания обращают внимание и зарубежные социальные психологи. Т. Шибутани, например, связывает процесс установления взаимопонимания с механизмом идентификации, ибо, как он отмечает "только вообразив себя на месте другого, человек может догадаться о его внутреннем состоянии" [14, с. 123].

Взаимопонимание при этом рассматривается как состояние внутреннего согласия, которое достигается путем установления общей картины мира у тех, кто объединен в совместные действия и путем взаимного принятия ролей.

Ограниченность идентификации. Но механизму идентификации свойственна и определенная ограниченность. Его действие ограничено уровнем действительного соответствия или несоответствия людей друг другу. Он эффективен лишь при условии относительного соответствия общающихся. За пределами этого соответствия он превращается в инструмент искажения реальности. Полное же уподобление одной неповторимой индивидуальности другой невозможно.

Кроме того, идентификация осуществляется, как правило, на уровне обыденного сознания и должна неизбежно облекаться в форму стереотипа или определенным образом шаблонизированного представления о другом лице. Ведь жизненный опыт каждого человека достаточно ограничен по сравнению со всем многообразием встречаемых им людей с их разнообразным внутренним миром и характером.

Известный стереотип восприятия выполняет функцию способа защиты психики человека от перегрузки информацией, впечатлениями в процессе общения. Только подгоняя поток новых впечатлений под уже сложившийся на основе старых впечатлений стереотип (в данном случае под сложившееся у человека представление о типах личности), можно справиться с процессом интенсификации человеческого общения даже в условиях дефицита времени. Но стереотип восприятия человека человеком функционирует на не вполне надежной основе обыденного сознания, на базе внешнего и часто первого (при этом поверхностного) впечатления о другом лице.

Основанием для построения образа и оценки человека при этом служит восприятие его внешности и манеры держаться. Те или иные черты лица (нос, рот, глаза, уши, лоб и т. д.) дают пищу для воображения воспринимающего, подсказывая образ интеллектуала (тонкие черты лица, большой лоб), аскета (тонкие сжатые губы), скептика (кривая усмешка), гурмана (полные чувственные губы) и т. д. Между тем, как показывают эксперименты, те или иные конституционные признаки индивидуальности далеко не всегда дают сколь-нибудь достоверную информацию о внутреннем мире и характере человека.

Стереотип восприятия как барьер на пути понимания другого. Очевидно, что в таком случае стереотип или определенная установка восприятия человека человеком выступает уже в качестве психологического барьера на пу-

ти к пониманию духовного мира личности.

Уподобление людей друг другу может оказаться тормозом на пути проникновения в их внутренний личностный мир еще по одной причине. Сам факт установления хотя бы внешнего сходства, подобия людей очень предрасполагает наблюдателя к выводу об их внутреннем, психологическом тождестве друг другу. Предрасполагает потому, что избавляет от достаточно сложных, иногда мучительных поисков ключа к человеческой индивидуальности. Уподобление же в таком случае оказывается чем-то вроде шпаргалки, готового ответа, освобождающего от самостоятельных, напряженных и ответственных решений.

О реальности именно такого применения механизма уподобления свидетельствует жизненный опыт. Люди, как правило, только тогда всерьез задумываются об особенностях характера и индивидуальности другого человека, когда он начинает выходить за рамки стереотипного восприятия, т. е. когда его поступки не согласуются с той схемой, которой он был уже заранее уподоблен по аналогии с восприятием и понимаем других людей, сходных с ним по внешним признакам поведения.

На это обстоятельство обратил в свое время внимание С. Л. Рубинштейн: "В обычных более или менее тривиальных жизненных ситуациях, когда к тому же мы не заинтересованы в особо глубоком проникновении в истинный смысл поведения окружающих нас людей, в понимании подлинных их мотивов и целей, процесс интерпретации их поведения, раскрывающий его психологическое содержание, не выделяется особо. Но стоит нам столкнуться со сколько-нибудь для нас неожиданным поступком небезразличного для нас человека, как невольно мы задаем себе вопрос, что бы это могло означать, что этот человек так поступил: не явился в условленный час, когда мы его ждали, пошел куда-то, где, казалось бы, ему не надлежало быть, и т. п. Вопрос о психологической квалификации поступка в таком случае отчетливо выделяется из простой регистрации его внешней стороны" [15, с. 180].

Эту же мысль подчеркивает и А. А. Бодалев: "Пока манера общения с другими, род занятий, качество труда, внешний облик, характер препровождения свободного времени, отклик на происходящие события, преследуемые цели, весь уклад жизни, присущие другому человеку, соответствуют образцам, которым привык следовать общающийся с ним субъект, последний обычно проявляет своеобразное "равнодушие" к психологии другого. Он, так сказать, без сомнений и доказательств полагает, что у другого человека "психология" такая же, как и у него. И только когда другой в образе жизни, в манере себя вести, в реагировании на происходящие события, в своем внешнем облике отходит от тех "образцов", которые в глазах общающегося с ним являются выражением "нормы", последний от регистрации внешней стороны поведения этого человека переходит к психологической классификации его поступков, пытается дать им ту или иную оценку и понять этого человека как личность" [12, с. 8—9].

И наконец, о последнем чисто практическом признаке ограниченности механизма идентификации как способа взаимопонимания людьми друг друга. Идентификация, или уподобление, предполагает способность общающихся людей представить себя на месте другого, войти в его положение: испытать его внутреннее состояние, посмотреть на самого себя его глазами. На первый взгляд это может показаться весьма простой задачей, решаемой стихийно и каждодневно в практике человеческого общения. На самом деле это не так.

В самом механизме уподобления людей друг другу заложены некоторые трудности и противоречия. Прежде всего нельзя представить себя на месте другого человека, не побывав в "его шкуре". Самым эффективным способом снятия этого противоречия было бы, очевидно, поочередное вхождение в роли

друг друга на практике.

Частично такой обмен ролями вполне достигим. Возьмем для примера семью. Муж может на какое-то время взять на себя бремя домашних забот, связанных с ведением хозяйства и уходом за детьми. Аналогичным образом и жена может легко, даже с еще большей легкостью, войти в роль или положение мужа и почувствовать приятное состояние освобожденности от бремени повседневных мелких домашних забот, что более знакомо мужчине, чем женщине.

Однако гарантирует ли такая перемена ролей во всех случаях возможность полного понимания супругами друг друга? Думается, что еще нет. Такая смена ролей является весьма неполной попыткой практического уподобления, исключающей сферу деятельности, которая выходит за рамки семейного очага. Между тем трудности такого уподобления связаны подчас с различием производственной сферы деятельности мужчины и женщины. Игрет здесь роль и состояние сферы обслуживания, функционирование различного рода служб, влияющих на быт людей.

Наряду с практическим возможно и игровое уподобление. Оно также способно давать некоторый, хотя и меньший, психологический эффект большего понимания друг друга. Полезно это и как фактор развития здорового чувства юмора, и как фактор создания более благоприятного психологического климата в семье. Исполняя роль хозяйки дома, муж оказывается способным лучше увидеть, с одной стороны, трудности и сложность этой роли, с другой — с новой стороны, более критически посмотреть на самого себя. Интересные качества, необычайную наблюдательность обнаруживают при этом и дети, которые оказываются почти с одинаковым успехом способными с большим чувством юмора входить в роль как папы, так и мамы.

Конечно, подобное взаимоуподобление в рамках семьи не гарантирует абсолютного взаимопонимания, поскольку последнее предполагает учет всей совокупности не только ролевых, но и многих других психологических особенностей личности, связанных, например, с различиями полов, возраста, с индивидуально-неповторимыми чертами человека.

Возможности и границы взаимопонимания. В представлении о возможностях и границах взаимопонимания можно различать несколько подходов. В одних случаях социологи и психологи исходят из представления о неограниченных возможностях взаимопонимания между людьми, нередко даже отождествляя его с процессом информационного общения.

Так, Т. Шибутани склонен к отождествлению взаимопонимания с коммуникацией. Последнюю он характеризует как обмен информацией, благодаря которому согласие развивается или разрушается. При этом уровень взаимопонимания рассматривается как важнейший критерий коммунибельности общающихся индивидов.

В какой-то мере близка к этому и точка зрения профессора Мичиганского университета Т. Ньюкома, который, хотя и различает понятия коммуникации и согласия, однако вместе с тем рассматривает коммуникацию как связь, имеющую своим следствием возрастание степени согласия общающихся между собой индивидов.

Но если, с точки зрения Т. Шибутани и Т. Ньюкома, согласие и взаимопонимание заложены уже в самом акте информационного общения людей, то с точки зрения экзистенциализма как философского течения, взаимопонимание или коммунибельность в процессе общения скорее редкое исключение, чем правило в человеческом общении.

Экзистенциализм исходит из романтического идеала "тотальной" или

"непосредственной" коммуникации, которая может быть истолкована как абсолютное взаимопонимание или родство душ. Всякое же предметно-функциональное общение, связанное с ролевым взаимодействием людей, а не интимным межличностным контактом, расценивается как заведомо "неподлинное".

Утверждая принципиальную герметичность и некоммуникабельность человека, экзистенциалисты абсолютизируют такие реальные явления, как: а) уникальность, неповторимость индивидуальных переживаний; б) внутреннюю расчлененность жизненного опыта и множественность образов рефлексивного "Я" субъекта; в) рефлексивно-игровой характер общения, при котором поведение лица зависит от особенностей партнеров и ситуации, а в его самосознании разграничиваются "фасад" и "кулисы", различные "представляемые" и "ложные" "Я" и т. п. (И. С. Кон).

Конечно, уникальность и неповторимость индивидуальных переживаний человека, равно как и сложность, структурная многогранность его самосознания являются весьма существенными, но отнюдь не непреодолимыми барьерами на пути взаимного понимания людьми друг друга.

Уровни взаимопонимания. Есть основание различать не только условия, но и уровни взаимопонимания людьми друг друга. К числу важнейших условий и предпосылок взаимопонимания относится, как уже отмечалось, способность к внутренней идентификации общающихся, которая, в свою очередь, предполагает прежде всего совпадение или во всяком случае близкое сходство системы значений, регулирующих поведение человека. Другим, не менее существенным условием взаимопонимания является адекватность уровня самооценки общающимися индивидами. Ни одно из этих условий в отдельности не может гарантировать глубокого и устойчивого взаимопонимания.

Высокий уровень идентификации общающихся на основе совпадения системы социальных и индивидуальных значений при отсутствии адекватности самооценки, то есть такой оценки общающимися личных, человеческих качеств друг друга, которая бы совпадала с собственной самооценкой каждого, может лишь на какое-то время создать впечатление взаимопонимания. Но такое взаимопонимание не будет достаточно прочным, поскольку оно будет размываться отсутствием личной симпатии общающихся друг к другу.

Адекватность самооценки самооценке может стать при определенных условиях достаточно полной основой для взаимопонимания даже вопреки отсутствию полного совпадения системы социальных и индивидуальных значений между общающимися.

Таким образом, можно различать три уровня взаимопонимания в зависимости от того:

1) совпадает ли только система социальных и индивидуальных значений у общающихся, с одной стороны, и нет совпадений в уровне самооценки личностных качеств — с другой;

2) когда совпадает не только система значений (социальных и индивидуальных), но и уровень взаимной оценки личностных качеств; это тот случай, когда наблюдается взаимная удовлетворенность людей их эмоциональным отношением друг к другу, когда они "уважают друг друга", что исключает необходимость прибегать к суррогатным средствам достижения согласия и взаимопонимания;

3) когда имеет место высокая степень взаимного доверия и открытости общающихся; это предполагает, в свою очередь, отсутствие каких-либо тайн друг от друга, которые бы существенно затрагивали интересы партнеров.

Индивидуальная тайна — это постоянно действующий или потенциальный источник напряженности в отношениях между общающимися, способный оказать на психологический контакт и даже достигнутый уровень взаимопонимания разрушительное воздействие. По мнению Ф. Е. Василюка, индивидуальная тайна — "...это язва, изнутри разлагающая общение. Полнокровное человеческое общение предполагает стремление к максимальной открытости сознания. В нем — постоянная борьба за предельное самовыражение, включение в общение всего человека, всей полноты его души" [16, с. 167].

12.7. Значение и функции общения.

Общение как способ проявления человеческой сущности.

Общение представляет собой не только необходимый, но и наиболее существенный социально-психологический аспект всякой деятельности. Именно в процессе общения и только через общение может проявиться сущность человека. На это обстоятельство указывал в свое время еще Л. Фейербах. "Отдельный человек, — писал он, — как нечто обособленное, не включает человеческой сущности в себе ни как в существе моральном, ни как в мыслящем. Человеческая сущность налицо только в общении, в единстве человека с человеком, в единстве, опирающемся лишь на реальность различия между Я и Ты" [17, с. 203].

Правильно указывая на акт межличного общения как на сферу проявления человеческой сущности, Л. Фейербах, однако, сводил всю многообразную структуру человеческих отношений к отношениям "Я" и "Ты", а вместе с тем и сущность человека к его родовой принадлежности.

Именно за это К. Маркс критиковал Л. Фейербаха, поскольку человеческая сущность у последнего «может рассматриваться только как "род", как внутренняя, немая всеобщность, связующая множество индивидов только природными узами» [18, с. 3].

Между тем человеческая сущность далеко не исчерпывается фактом принадлежности человека к роду человеческому, равно как и сферой межличностного общения лицом к лицу в рамках интимного отношения между "Я" и "Ты".

Более того, как факт родового обособления человека, так и возможность развития персонифицированных межличностных связей обязаны своим происхождением более общему и многогранному процессу социализации на основе развития всего многообразия специфически человеческих форм деятельности и вытекающих из них социальных отношений.

Общение как фактор становления человека. Основная закономерность, определяющая природу и место индивида в обществе, состоит в том, что он является продуктом специфически человеческих форм деятельности, прежде всего труда и социального общения.

Общение является решающей предпосылкой возникновения и развития специфически человеческих форм и средств психической деятельности — сознания и языка. Естественно поэтому, что исходной функцией человеческого сознания была функция ориентации в ближайшей среде его существования, и прежде всего в окружении других людей.

Продуктом общения наряду с сознанием является и язык человека, который возникает в ответ на потребность людей во взаимном обмене информацией с целью согласования своих усилий и наиболее эффективного взаимодействия.

Общение как условие существования и органическая потребность человека. Значение общения в социальной психологии связано не только с тем, что оно явилось важнейшим условием становления человечества. С тех пор общение стало необходимейшим условием социализации и формирования каждого человека, его существования и его органической потребностью.

Потребность в общении относится к числу самых ранних и специфически человеческих потребностей, наблюдающихся в равной мере как в фило-, так и в онтогенетическом развитии человека. Потребность в общении с абсолютной очевидностью обнаруживается уже в раннем детстве.

Социальная природа человеческой потребности в общении коренится в необходимости совместной трудовой, познавательной, общественной и всякой иной деятельности. Без общения невозможны были бы даже элементарные акты совместной человеческой деятельности.

Не только совместная, групповая деятельность человека с человеком характеризует его общественную природу, являясь вместе с тем и фактором существования людей. Общественная натура человека проявляется и в условиях его относительной изоляции от других людей, в ситуации выключенное из постоянной сферы общения.

Вынужденное выключение человека из сферы обычного общения с другими людьми убедительнее всего показывает огромную значимость человеческого контакта как фактора социальности и органической потребности индивида.

Прямыми опытами доказано, что человек может нормально мыслить длительное время только при условии непрекращающегося информационного общения с внешним миром.

Полная информационная изоляция от внешнего мира — это начало безумия. Информационная, стимулирующая мышление связь с внешним миром так же необходима, как пища и тепло, мало того — как наличие тех энергетических полей, в которых происходит вся жизнедеятельность людей на нашей планете (А. И. Берг).

Осознание значимости для человека нормального удовлетворения его органической потребности в общении с другими людьми, с одной стороны, и необходимость подготовки людей к условиям пребывания в относительной изоляции от социальной среды — с другой, заставили ученых, и прежде всего психологов, занимающихся исследованием специфических условий космического полета, поставить серию необычных экспериментов.

Вот, например, суть одного из них: человека, скажем, на 6 часов, а иногда и на больший срок, наглухо изолируют от внешнего мира, помещая его в термосурдобарокамеру. Человек не видит, не слышит, не получает никакой информации извне. Казалось бы, чего проще? И тем не менее значительная часть испытуемых, а это обычно здоровые, физически крепкие люди, до срока нажимают кнопку с требованием прекратить опыт.

Чем это объяснить? Как показывают другие психологические эксперименты, в числе трудностей, с которыми сталкивается человек в условиях изоляции от внешнего мира, оказывается не только неудовлетворенная потребность в общении, но и невозможность ориентировки во времени.

Последняя может не только тяжело переживаться человеком, но и приводит к различным психическим деформациям, к псевдопсихопатологическим сдвигам (галлюцинациям, бредовым идеям и т. д.), которые, однако, сравнительно легко устраняются после восстановления нормального общения исследуемого субъекта с окружающими людьми.

Особенно интересны с точки зрения психических сдвигов эксперименты

на длительную информационную изоляцию человека от социальной среды.

Один из таких экспериментов провел над собой 35-летний мебельщик и любитель-спелеолог из Ниццы, Антуан Сенни, который побил рекорд продолжительности подземного одиночества. Спустившись в ноябре 1964 г. в пещеру "Оливье" в Приморских Альпах, он вышел оттуда лишь 5 апреля, проведя на глубине 100 метров 125 суток в полном одиночестве.

Целью эксперимента, проходившего под руководством, известного французского спелеолога М. Сиффра, было изучение приспособляемости человеческого организма к жизни в полном отрыве от внешнего мира.

Подобно своим предшественникам в аналогичных экспериментах, Сенни совершенно потерял всякое понятие о времени. По условиям опыта он был лишен часов и всяких других приборов, позволяющих определить время. Когда 2 апреля его предупредили о скором выходе на поверхность, он чрезвычайно удивился. По его подсчетам, было лишь 6 февраля.

Значимость для человека фактора общения подтверждается и экспериментами, предполагающими длительную изоляцию от внешней социальной среды уже не отдельного индивида, а небольших групп людей.

Здесь обычно обнаруживается та сила, которую придает коллективу, отрезанному от внешнего мира, его внутренняя связь, фактор взаимного общения. Это же обстоятельство позволяет и значительно увеличить сроки изоляции, возложив одновременно на коллектив определенные обязанности, связанные с решением научно-технических задач.

Такой эксперимент, рассчитанный на длительную групповую изоляцию, был впервые в мире осуществлен в нашей стране в 1967—1968 гг. Это был уникальный годовой медико-технический эксперимент с участием трех испытуемых, изолированных от внешнего мира и апробировавших наземный комплекс систем жизнедеятельности.

Потребность человека в общении с другими людьми является не только очень значимым фактором (о чем свидетельствуют приведенные выше примеры), но и фактором весьма динамичным.

Есть основания утверждать, что потребность человека в общении не остается неизменной величиной, но развивается в течение всей его жизни. Об этом свидетельствует прежде всего как факт нравственного прогресса личности, так и факт все возрастающей социальной активности и коммуникабельности (то есть в данном случае общительности человека).

Общение как фактор существования общности. Общение — важнейшая предпосылка и условие существования не только отдельного индивида или небольшой группы людей, но и больших социальных общностей вплоть до целых народов, наций и государств.

В известной зависимости от уровня сообщаемости на протяжении всей истории общества постоянно находились, да и сейчас находятся возможности и масштабы, прочность и перспективы развития самых различных социальных общностей людей.

У примитивных групп размер общества, необходимый для действенной коллективной жизни, ограничен трудностью передачи непосредственной языковой информации на большие расстояния и в короткий срок. В течение многих тысячелетий этой трудности было достаточно, чтобы свести оптимальное число населения государства приблизительно к нескольким миллионам человек, а обычно к еще меньшему размеру. Следует отметить, что великие империи, выходявшие за эти рамки, существовали благодаря улучшенным средствам связи (Н. Винер).

Однако критерием сообщаемости различных частей или подразделений общности является не только степень оперативности и скорости передачи той или иной информации из одного подразделения в другое.

Еще более высоким критерием прочности, монолитности той или иной социальной общности является степень коммуникабельности или некомуникабельности между собой ее членов и различных составляющих ее социальных, политических, этнических, национальных и идеологических групп.

В свою очередь, оптимальная коммуникабельность предполагает определенный уровень интенсивности общения индивидов или групп, определенную степень их взаимопонимания друг друга и взаиморасположения друг к другу, без которых не может быть эффективных и просто согласованных действий.

Общение как источник информации. Секрет огромной значимости человеческого общения как фактора существования и нормального развития общества объясняется прежде всего функцией информативности, которая присуща процессу взаимодействия людей.

Отношения людей обладают свойством исключительной динамичности. В процессе же тех изменений, которые постоянно происходят в отношениях как между отдельными индивидами, так и между большими социальными группами, в том числе и между нациями и народами, складываются новые социальные условия, открываются новые перспективы социальных изменений.

Естественно поэтому, что большая значимость знания поведения людей в процессе общения как отдельных индивидов, так и больших групп, способствует развитию специфически социальной потребности в информации о скрытых от поверхностного взгляда мотивах и побуждениях человеческого поведения, о состоянии взаимоотношений между людьми в той или иной сфере социальной практики на сегодня и на ближайшее будущее.

Потребность в новой информации о наличной практике человеческого общения важна, в свою очередь, как инструмент корректировки человеком своего поведения в социальной среде по принципу прямой и обратной связи.

Без учета информации, идущей по каналу обратной связи, человек был бы полностью лишен возможности правильно ориентироваться в системе социальных отношений, равно как и во всех проявлениях своего поведения в целом. Обратная же связь позволяет человеку вносить своевременные и необходимые поправки в свою ориентацию и структуру поступков.

Но на человека оказывает огромное воздействие не только наличие или отсутствие непрерывной информационной связи с окружающей его социальной средой, но и сам уровень, количество поступающей и перерабатываемой информации. Как показали экспериментальные исследования Б. Ф. Ломова, эффективность деятельности человека, например оператора, находящегося у пульта Дистанционного управления, снижается не только при перегрузке, но также и при недостаточности информации.

Объясняется это, по-видимому, тем, что человеку свойствен определенный оптимальный уровень информационной активности, тонизирующий его деятельность и предполагающий удовлетворение потребности как в получении определенного количества новой информации, так и потребности в том, чтобы передавать часть информации другим.

Общение и особенности человеческого поведения. Все основные черты и особенности как группового, коллективного и массового психического состояния и поведения людей, так и те черты и особенности, которые характеризуют

ют поведение индивида в группе, так или иначе вытекают из факта общения людей.

Уже давно замечено, что степень проявления тех или иных свойств человека в значительной мере зависит от того, действует ли он в условиях относительной изоляции от окружающих или в атмосфере прямого контакта с другими людьми.

Находясь в большой массе или даже небольшой группе людей, человек чувствует, воспринимает, переживает и ведет себя несколько иначе, чем наедине с самим собой.

Не подлежит никакому сомнению, писал В. М. Бехтерев, что в проявлениях нервно-психической деятельности социальных или общественных групп имеются известные особенности, проистекающие из того, что эта деятельность проявляется не в индивидах, взятых отдельно друг от друга, а в группах и собраниях лиц, спаянных определенными интересами и действующих и работающих поэтому сообща, как одно собирательное целое.

Можно определенно сказать, что даже личности, входящие в состав того или другого собрания, нередко обнаруживают такие стороны своей нервно-психической деятельности, которые обычно не проявляются в индивидуальной жизни [19, с. 7].

Диапазон отклонений, характеризующий поведение индивида в группе в отличие от его поведения наедине с самим собой, достаточно велик и колеблется в зависимости от конкретных особенностей той ситуации и тех групповых отношений, в контекст которых вписывается персональное поведение и ориентация. Иными словами, можно заметить различия в том, как меняются степень и характер реакции человека на происходящее в зависимости от того, находится ли он, например, среди других слушателей на лекции или на митинге, на концерте или в театре или наблюдает спортивное состязание на стадионе.

Известно, что для поведения слушателя, например, публичной лекции, как это уже отмечалось ранее, обычно характерна сдержанная, корректная реакция, независимо от того, нравится или не нравится ему лекция по существу.

Конечно, возможны колючие записки, равнодушные или даже вызывающие позы слушателей, отдельные реплики, но все это тем не менее вполне в рамках достаточно сдержанного поведения.

В театре во время спектакля или концерта, как по ходу, так и особенно сразу после выступлений артистов, зрители проявляют себя куда более активно, чем слушатели лекций.

Здесь сказывается как более высокий уровень эмоциональности общения, характерный для эстетического контакта между людьми, так и общепринятые нормы поведения в подобной ситуации.

Еще больший простор для эмоциональной разрядки открывает перед человеком роль спортивного болельщика на стадионе, находящегося под влиянием общей накаленной до предела психологической атмосферы, в которой бурно проявляются напряженность ожиданий, чередующаяся со взрывами радости и огорчения, захватывающих и проявляющихся одновременно у многих тысяч людей.

Но независимо от тех тонких различий, которые позволяют говорить об особенностях поведения в различных группах, существуют и какие-то общие закономерности этого поведения в обстановке коллективной деятельности. Среди единомышленников или даже просто в кругу знакомых людей, объединенных в какой-то момент обстоятельствами или общей деятельностью, человек чувствует себя, как правило, более уверенно, испытывает ощущение духов-

ного подъема и собственной значимости.

Социально-психологические эксперименты, проведенные в 20—30-е годы немецким психологом Меде, российскими учеными В. М. Бехтеревым и М. В. Ланге и другими исследователями, показали, сколь многообразным по своему значению может быть влияние коллектива на личность.

Эти исследования позволили установить прежде всего положительно-tonизирующее влияние совместной групповой деятельности на психические свойства и способности индивида. Эксперименты на коллективное восприятие наглядно показали, что процессы мышления и воли активизируются, ощущения и восприятия индивидов в группе обостряются.

Однако все сказанное относительно положительного влияния коллектива на психику индивида не снимает вопроса о месте и роли в структуре внутригрупповых отношений и тех социально-психологических механизмов, которые способны оказывать негативное влияние на личность.

Известно, что коллектив может быть не только усилителем активности и способностей личности. В тех случаях, когда ценностная ориентация личности и той группы, в которой последняя функционирует, не совпадают, существенно различаются, то коллектив, как правило, не принимает установок и настроений личности, тем самым подавляя, а нередко и парализуя ее инициативу и волю.

Но и в тех случаях, когда общение в группе и массе людей происходит на фоне совпадения ценностных ориентации, а следовательно, поднимает уровень активности индивида, могут сказываться такие механизмы социально-психологического взаимодействия, которые по существу своему направлены против индивидуальности и самостоятельности личности.

Так, ложное ощущение коллективной ответственности, атмосфера взаимного взвинчивания, например в компании легкомысленно настроенных подростков, может создать обстановку моральной безответственности и привести к серьезным проступкам.

Во всех названных выше обстоятельствах сказывается так или иначе социально-психологический механизм конформистского поведения, то есть такого поведения, которое продиктовано стремлением индивида приспособиться к требованиям, нормам и ценностям группы, с тем, чтобы избежать негативного, отрицательного отношения к себе со стороны других членов.

Следовательно, по своей природе механизм конформистского поведения связан с эффектом группового давления на психику индивида, в том числе и через санкции отрицательного эмоционального отношения. Подобный эффект обладает достаточно большой силой воздействия, если учесть, что любой человек склонен так или иначе переживать нерасположение или отрицательное отношение к себе со стороны других людей.

Нельзя в этой связи не согласиться с английским философом Дж. Локком, который отмечал в свое время, что никто "не может жить в обществе под гнетом постоянного нерасположения и дурного мнения своих близких и тех, с кем он общается. Это бремя слишком тяжело для человеческого терпения" [20, с. 358].

Эффект конформности, т. е. податливости индивида, его приспособления к групповому давлению, к нормам, требованиям, оценкам, суждениям и ролевым ожиданиям группы, был, как уже отмечалось, установлен и описан в экспериментах американского социального психолога С. Аша¹³.

¹³ В отличие от конформизма, который является вполне осознанной жизненной позицией или даже чертой характера индивида, конформность представляет собой лишь ситуативное и не преднамеренное (не вполне осознаваемое) поведение или свойство человека поддаваться влиянию других людей.

Следует различать конформизм как стратегическую (в отличие от тактической) линию поведения личности, когда последняя является доминантой в структуре ценностных ориентаций индивида и функционирует с неотвратимой силой жестко запрограммированного рычага поведения. В таких случаях конформизм выступает в качестве типа социальной ориентации личности и чаще всего носит некритический характер.

Но конформизм может функционировать и в менее глобальной форме, определяя лишь отдельные и не столь существенные для индивида моменты в его поведении, ради которых стоило бы идти на обострение отношений с референтной группой, то есть той группой, ценностная ориентация которой является для индивида оптимальным или даже идеальным вариантом ценностной ориентации вообще. В подобных случаях поведение, носящее конформистский характер, чаще всего сопровождается критическим отношением личности к той ситуации, в условиях которой индивид сознательно идет на уступки требованиям и ожиданиям своей референтной группы.

12.8. Анатомия общения.

Понятие анатомии общения. После того как общение было рассмотрено в качестве некоей целостности и были определены те границы, которые отделяют его от других близких, но иных по качеству социально-психологических явлений (личность, деятельность, общность, социальные отношения), достаточно актуальным становится более тщательное исследование данного явления изнутри. А это предполагает расчленение или, что по существу то же самое, анатомию общения.

Понятие "анатомия" здесь употребляется для того, чтобы объяснить смысл и характер расчленения того живого и цельного явления, каким оказывается феномен человеческого общения.

Анатомия позволяет вычленять самые различные пласты в многоаспектной структуре общения. Это понятие открывает исследователю относительно самостоятельные и имеющие свою внутреннюю организацию, субординацию или структуру коммуникативные образования. При этом логические основания для вычленения таких образований могут быть самыми различными и позволяющими увидеть и понять многогранность и многокачественность человеческого общения.

Иными словами, все более очевидно то, что представление как о структуре общения, так и о его различных гранях нуждается в уточнении и углублении.

Логические основания для определения различных сторон и пластов общения. Анатомия общения позволяет увидеть следующие основные грани общения, рассматриваемого со стороны:

- структурного анализа исходных элементов общения как процесса;
- способов взаимодействия, взаимовлияния и отражения влияний людей друг на друга в процессе общения, рассматриваемых в качестве соответствующих социально-психологических механизмов;
- характера или типологии общения;
- предметной направленности коммуникативной активности субъектов общения;
- уровней полноты и глубины человеческого общения;
- качественно различных состояний и свойств общения. В ходе дальнейшего изложения материала предметом относительно самостоятельного ис-

следования станут:

- структурный анализ основных элементов процесса общения;
- содержательный анализ основных социально-психологических механизмов общения;
- классификационная характеристика всего многообразия проявлений общения.

В конечном итоге три последних больших класса, выявленных в процессе и результате анатомии общения, опираются на три соответствующих логических основания:

- структура;
- природа;
- проявления феномена человеческого общения.

13.1. Понятие и способы структурирования общения.

Понятие структуры общения. Видное место при оценке результатов операции по анатомии общения занимает пласт коммуникативных образований, существенных для понимания структуры рассматриваемого явления в целом. Под структурой общения следует понимать совокупность основных элементов, из которых складывается этот процесс. При этом структурная характеристика общения может быть дана применительно как к его основным элементам, так, в свою очередь, и относительно внутренней структуры каждого из них.

Логические основания для структурирования общения как процесса. В качестве логического основания для моделирования структуры общения как процесса в целом может быть взята характеристика его относительно автономных элементов, которые различаются друг от друга набором своих специфических качеств и выполняемых функций. Таковы, на наш взгляд, следующие компоненты общения, отвечающие этим требованиям:

- субъекты общения;
- средства общения;
- потребности, мотивация и цели общения;
- способы взаимодействия, взаимовлияние и отражение влияний в процессе общения;
- результаты общения.

Каждый из названных компонентов, в свою очередь, может быть предметом структурного и функционального анализа.

Наряду с вычленением и дифференциацией отдельных элементов общения возможен и предельно обобщенный, интегральный подход к его структурированию. Тогда правомерно говорить не об отдельных элементах, а о различных сторонах или пластах процесса общения в целом.

Различные подходы к обобщенной характеристике структуры общения. В одних случаях общение рассматривают как коммуникативный процесс, характеризующийся обменом информации между общающимися индивидами. Тогда в центре внимания оказываются процессы вербальной или невербальной коммуникации, механизмы лингвистической и семиотической связи, процессы восприятия и понимания человека человеком и др.

В других случаях внимание исследователей сосредоточивается не на психическом контакте между общающимися, а на способах и механизмах их совместного поведения в процессе взаимодействия. В таком случае рассматриваются вопросы структуры групповой деятельности, различные аспекты дифференциации и интеграции совместной деятельности людей в процессе их межличностного общения.

Итак, непосредственное общение лицом к лицу невозможно без взаимного восприятия друг друга и обмена информацией. Точно так же, как обмен информацией, и взаимное восприятие друг друга не исключает определенного взаимовлияния и взаимодействия между людьми.

Еще более обобщенно можно говорить о двух сторонах общения: внутренней, перцептуально-коммуникативной, связанной с психическим состоянием общающихся, с уровнем адекватности или неадекватности их восприятия и взаимопонимания друг друга, и внешней, интеракционной, связанной с пове-

дением и взаимодействием общающихся индивидов.

Аналогичным образом представляется правомерным рассматривать и поведение взаимодействующих индивидов, находящихся между собой в состоянии определенной связи, как внешнюю очевидную сторону общения.

Основания для расчленения различных структурных пластов общения. До настоящего времени было принято различать феноменологию общения со стороны определения ее внутренней структуры как процесса, соединяющего в себе две составляющие — коммуникацию и интеракцию. Нередко указывается и на перцепцию как равновеликий пласт в структурной характеристике общения наряду с коммуникацией и интеракцией¹⁴.

Но при данном подходе не меньшие основания для вычленения в структуре общения имеют и такие явления, как понимание и взаимопонимание партнеров, их эмоциональное отношение друг к другу, сопереживание, интуитивное ощущение друг друга и др. Безусловно велика здесь и роль процессов, связанных с формированием впечатления субъектов друг о друге.

А последнее, т. е. впечатление, является результатом не только непосредственного восприятия, но и понимания субъектами общения друг друга на основе как своего жизненного опыта, интуиции, так и под влиянием эффекта имиджа партнера, который может оказаться обманчивым продуктом искусной манипуляции.

Существенное влияние на восприятие и взаимное понимание партнерами друг друга способна оказать и та атмосфера, в которой происходит это общение, уровень эмоциональной предрасположенности или, наоборот, эмоциональной предвзятости при осуществлении контакта, даже просто ситуативное психическое состояние каждого из них в данный момент.

Восприятие и соответственно этому "перцептивная сторона" общения не может, таким образом, рассматриваться как рядоположенная с ее коммуникативной и интерактивной сторонами, поскольку она в действительности не сторона всего процесса общения, а лишь одна из его составляющих наряду с другими, хотя и весьма существенная.

Если же говорить о перспективе дополнения современного видения и исследования многогранного процесса человеческого общения, то в числе этих сторон, на наш взгляд, заслуживают особого внимания в первую очередь те, которые связаны с характеристикой как рефлексии, так и тех отношений, которые складываются в ходе взаимодействия и взаимовлияния людей друг на друга. Показательно, например, то внимание именно к этим сторонам общения, которое мы находим в фундаментальном труде современного американского социального психолога Дэвида Майерса [3]. Можно, конечно, спорить с последним о том, насколько социальную психологию уже сейчас было бы правомерно сводить преимущественно к изучению общения. Бесспорно, однако, то, что его видение и исследование общения с точки зрения того, "как люди думают друг о друге, как они влияют друг на друга и как относятся друг к другу", представляет большой шаг вперед по пути углубления и развития концепции общения [3, с. 29].

¹⁴ Этот подход, предложенный нами и предполагающий вычленение трех аспектов общения — перцептуального, коммуникативного и интеракционного [1, с. 221], — был воспринят и получил развитие у Г. М. Андреевой [2]. Однако сегодня, на наш взгляд, он нуждается в дополнении новыми компонентами при характеристике структуры общения.

Интегральная модель социально-психологического общения. Каждый из рассмотренных выше подходов по-своему правомерен в той степени, в какой он схватывает и описывает какие-то частные параметры структуры социально-психологического общения. Однако в качестве серьезной методологической предпосылки исследования общения наряду с частным подходом крайне необходима интегральная, обобщенная модель структуры социально-психологического общения.

В качестве названной модели структуры общения представляется правомерным предложить такую характеристику общения, которая предусматривала бы дифференциацию последнего по одному основанию на содержание и форму.

В таком случае с содержательной, внутренней стороны общение могло бы рассматриваться как коммуникативный процесс взаимного выражения психического состояния и обмена информацией, между тем как со стороны формы можно было бы говорить о поведенческом аспекте общения, реализуемом в процессе интеракции, то есть взаимодействия людей, их поведения по отношению друг к другу.

Но в свою очередь как коммуникация, так и интеракция могут одновременно каждый в отдельности рассматриваться как со стороны формы, так и со стороны содержания (см. схему 16).

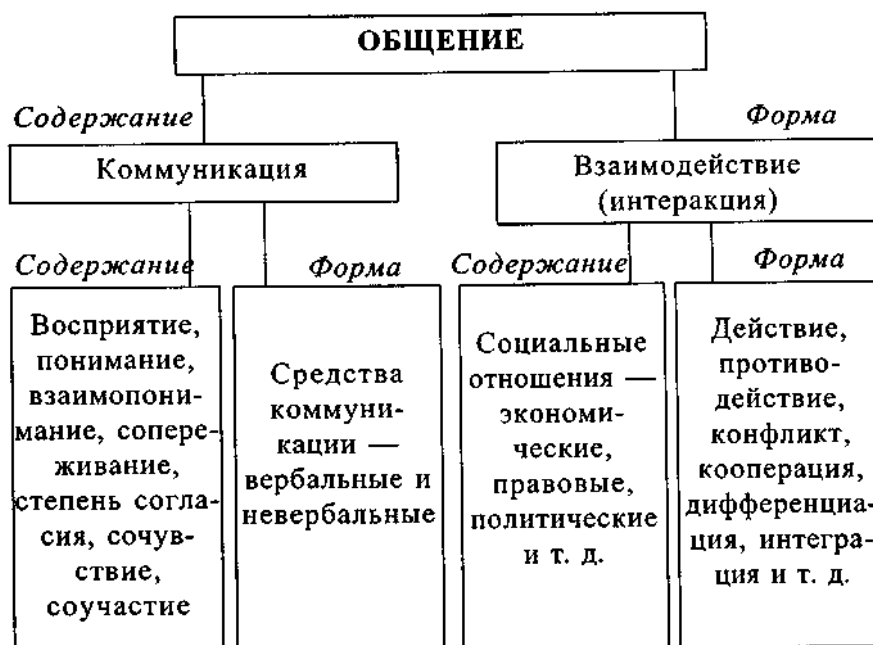

Схема 16

13.2. Субъект и объект общения.

Исходная предпосылка общения. Элементарным условием или исходной предпосылкой общения является прежде всего наличие индивидов, которые оказываются в состоянии наладить между собой какой-то контакт. Простейшей моделью межличностного общения является пара индивидов, которые связаны между собой. Каждый из членов этой пары, в свою очередь, может рассматриваться одновременно и как объект, и как субъект социально-психологического общения.

Наличие у участников общения этих двух различных ролевых функций — "быть субъектом" и "быть объектом" — несовместимо с понятием общения,

как полагает М. С. Каган, на том основании, что пребывание одного из партнеров в качестве объекта для другого лишает его качеств субъекта. Общение, по его мнению, "является таковым лишь до тех пор, пока субъект сохраняет свою субъективность (почему обязательно субъективность? — Б. П.) во взаимоотношениях с другим субъектом, а этот последний ориентируется на своего партнера именно как на партнера по совместной деятельности, т. е. как на субъекта же, а не как объект" [4, с. 133].

В этом рассуждении исключается как раз вариант возможности одновременного совмещения двух ролевых ипостасей "субъекта" и "объекта" общения в одном лице. Или ты субъект, но тогда не объект. Или наоборот.

Между тем субъект-объектная характеристика ролевого статуса индивида в общении призвана фиксировать не его личностные качества или характер отношения к партнеру (уважительное как к субъекту или неуважительное, манипуляторское как к объекту), а всего лишь различие срезом в общении с точки зрения наблюдателя и исследователя этого процесса.

И тогда один и тот же участник коммуникативного акта может рассматриваться либо как субъект (когда исследуются его мотивы, цели, впечатления по отношению к другому), либо как объект (когда изучается аналогичное отношение другого к нему). Значит, такая трактовка не ставит нас перед драматизацией по схеме: "Ты или он — кто из вас объект, а кто субъект?". Здесь главное другое — чье отношение к другому оказывается в поле зрения исследователя.

Аналогичное нашему пониманию этого вопроса мы находим у А. А. Бодалева. Взаимодействуя с другими людьми, как считает он, человек может одновременно выступать в роли и субъекта, и объекта общения. Как субъект он познает своего партнера, определяет к нему свое отношение (это может быть интерес, безразличие или неприязнь), воздействует на него с целью решения какой-либо конкретной задачи.

В свою очередь, он сам является объектом познания для того, с кем общается. Партнер адресует к нему свои чувства и старается на него повлиять. При этом следует подчеркнуть, что пребывание человека одновременно в двух "ипостасях" — объекта и субъекта — характерно для любого вида непосредственного общения людей, будь то общение одного учащегося с другим или учащегося и учителя [5, с. 14].

Но соотношение понятий "субъект" и "объект" общения может рассматриваться и в несколько иной плоскости, приближенной к той, о которой говорит М. С. Каган. И тогда в поле зрения оказывается не взгляд наблюдателя-аналитика на вектор направленности отношений общающихся индивидов, а их собственные отношения друг к другу.

Понятие субъекта общения и отношения. Если есть индивиды, которые готовы и способны вступить в психологический контакт друг с другом, то каждый из них может рассматриваться в качестве субъекта, складывающегося между ними межличностного взаимодействия и межличностных или функциональных отношений.

В широком смысле слова, под субъектом общения следует понимать того или тех индивидов, которые активно участвуют в ситуации общения. Кроме показателя степени активности можно говорить о смысловом значении понятия "субъект общения" применительно к характеру восприятия партнера по коммуникации другим участником этого процесса. В таком случае принято также различать понятия "субъект" и "объект общения".

Соотношение понятий субъект и объект общения-отношения. Активный участник или субъект общения может относиться к другому участнику как к субъекту же (и тогда он интересен прежде всего в качестве равноправного партнера, личности и индивидуальности) или только как к объекту или средству удовлетворения своих потребностей и интересов. В таком случае правомерно говорить не о партнерском, межличностном общении, а об общении функционально-ролевом и притом таком, которое не опосредовано личностно.

В качестве объекта общения по отношению к человеку могут выступать не только люди, но и животные. Последние, однако, нередко воспринимаются и как "равноправные" субъекты. Любимцы своих хозяев — собаки и кошки — получают от них не только имена и клички. Они обнаруживают индивидуальность в своем характере и манерах поведения с хозяином.

Несмотря на субъект-объектный характер, такое общение человека с животным, как правило, несет на себе печать избирательности в отношениях друг к другу, эмоциональной привязанности и бескорыстия.

Объектом общения для человека является и природа в целом, лес, море, небо, поля и луга — неиссякаемый источник радости, эмоционального отношения, впечатлений и символической значимости для человека. Не менее богат возможностями для общения человека и мир предметно-вещной среды, созданной его руками [4, с. 250].

В тех случаях, когда у субъекта нет реального партнера по общению он может восполнить его отсутствие своим воображением. Вспомним "Шахматную новеллу" Стефана Цвейга. В ней рассказывается о человеке, который не только выдержал суровое испытание одиночного заключения, благодаря воображаемой игре в шахматы, но и добился потом на шахматном поприще феноменальных успехов.

Итак, объектом общения для субъекта может быть другой реальный или воображаемый человек, природа, животный мир и предметно-вещная среда, т. е. все многообразие окружающего человека мира.

13.3. Средства общения.

Многообразие средств общения. Наряду с самим фактом наличия индивидов другим важным условием общения является существование средств, с помощью которых налаживается и поддерживается межиндивидуальная связь.

Средства социально-психологического общения достаточно многообразны. На это обстоятельство обращал внимание в свое время еще В. М. Бехтерев, который писал: "...Устное и печатное или писанное слово, мимика и жесты и, наконец, действие, возбуждающее подражание, — вот те способы или средства, благодаря которым устанавливается общение в массе лиц и которыми достигается установление известного взаимоотношения отдельных лиц в общественных группах" [6, с. 11].

Однако удельный вес названных выше элементов в системе знаковых средств межличностного общения далеко не равнозначен. Особое место в системе средств человеческого общения принадлежит речи, поскольку последняя является не только специфически человеческим, но и вместе с тем самым сильным раздражителем.

Речь как главный инструмент человеческого общения. Нельзя не согласиться в этой связи с Б. Ф. Поршневым, который отмечал, подчеркивая это обстоятельство, что речь является "суперраздражителем", отличающимся от других раздражителей не только количественно, не только силой своего воз-

действия на нервную систему. «Человеческие слова способны опрокинуть то, что выработала "первая сигнальная система", — созданные высшей нервной деятельностью услов-норефлекторные связи и даже врожденные, наследственные безусловные рефлексы. Она, как буря, может врываться в, казалось бы, надежные физиологические функции организма» [7, с. 142—143].

Конечно, эффективность речевого воздействия в значительной степени определяется его содержательностью и богатством языковых средств, культурой и выразительностью речи.

Не случайно функциональное значение человеческой речи как средства и фактора социального общения за последнее время все в большей мере становится предметом специального исследования.

В этой связи заслуживает внимания концепция "речевого общения", предложенная известным филологом, психолингвистом и социальным психологом А. А. Леонтьевым [8]. Общение рассматривается им прежде всего как речевая деятельность, которая анализируется во взаимосвязи с общением и с точки зрения ее психологической обусловленности.

Представляет несомненный научный интерес предложенная А. А. Леонтьевым психологическая структура процесса речевого общения и место в ней ориентировки и планирования как исходного этапа любого акта деятельности, за которым следуют этапы исполнения и контроля, функционально-целевые, групповые и ролевые факторы, характеризующие особенности ориентировки в ситуации и собеседнике.

В целом разрабатываемая А. А. Леонтьевым концепция речевого общения представляет собой, на наш взгляд, фундаментальное направление исследований, имеющее ключевое значение для понимания феномена психологии человеческого общения в целом.

Вместе с тем, как это уже отмечалось ранее, общение, в том числе и так называемое "речевое" не может сводиться к деятельности. Да и сама квалификация речи А. А. Леонтьевым как таковой в качестве вида общения (независимо от того, является она инструментом межличностного контакта или радио- или телевизионной речью) представляется нам некорректной.

Сама речь при всей ее огромной значимости — это всего лишь инструмент или средство человеческого общения, которое никак не перекрывает собой всей реальной полноты и многогранности этого процесса в целом. А с точки зрения и позиций гуманистической психологии язык и речь, равно как абстрактное мышление и ортодоксальная наука, ограничивают возможности реализации в общении потенциала глубинных резервов человеческой психики, связанных с подсознанием, здоровой иррациональностью и интуицией (А. Маслоу).

Между тем одной из ведущих тенденций развития современной психологии, педагогики и психотерапии, находящихся выражение прежде всего в концепции гуманистической психологии А. Маслоу, является использование и реализация в человеческом общении именно этих глубинных пластов социальной психики.

Это, разумеется, не дает оснований для недооценки значимости ни живой контактной устной речи, ни выразительности печатного слова. Известно, сколь велика сила слова как способа установления не только рационального, но и эмоционального контакта.

Так, чрезвычайно многообразна палитра слов, способных передать самые различные оттенки испытываемых человеком переживаний. В русском языке, например, около 5000—6000 слов, с помощью которых можно выразить все возможные эмоциональные состояния человека. Богата разнообразием при

этом не только стилистика, но и способ интонирования речи.

Невербальные средства общения. Весьма значимы и многообразны наряду с вербальными (речевыми) и невербальные средства общения, мимика и пантомимика, поза, жесты, движения, походка, манера держаться, вплоть до той дистанции, на которой находятся друг от друга общающиеся индивиды.

Особенно выразительна человеческая мимика. В произведениях такого тонкого психолога, каким является Лев Толстой, запечатлено множество самых различных оттенков чувств, отразившихся так или иначе на лице его героев. Так, например, в романе "Война и мир" исследователями найдено 85 оттенков выражения глаз и 97 оттенков человеческой улыбки, раскрывающих особенности состояния и эмоционального отношения человека к окружающему его миру (П. М. Якобсон).

Не только мимика, но и другие из этих средств являются предметом специального психологического изучения как, например, язык телодвижений в работах известного австралийского исследователя Аллана Пиза. Читателей его работ привлекает возможность научиться угадывать мысли и чувства других людей по их позам и жестам [9]. А кому не известна индивидуальность человеческой походки или этнические особенности дистанции человеческого общения: короткая дистанция контакта, характерная для темпераментных южан и, наоборот, гораздо большая дистанция, свойственная общению между собой "холодных" северян.

Велики и психотерапевтические возможности невербальных средств общения. На основе использования психологических эффектов телесного контакта между людьми и их выразительных телодвижений в ситуации совместного действия в американской социальной психологии получили развитие различные виды терапевтического, группового тренинга. Таковы, например, группы телесной и танцевальной терапии и др. [10].

С точки зрения информативности внешних характеристик человека как фактора эффективности общения необходимо наряду с собственно невербальными, выразительными средствами его коммуникативного поведения учитывать и такие элементы его внешности, как: а) физический облик; б) выразительное поведение; в) оформление внешности [11]. Однако, как показывают исследования, осуществленные А. А. Бодалевым и его школой, восприятие и понимание человеком человека является результатом комплексного воздействия всех названных выше факторов, связанных как со свойственными ему средствами вербального и невербального общения, так и с учетом характеристик его внешних данных [11].

При этом особая роль в качестве фактора понимания людьми друг друга в ситуации общения остается за таким главным инструментом их коммуникативного поведения, каким является речь. Об этом более всего свидетельствуют результаты исследования влияния речевой психологической установки на процесс взаимного восприятия человека человеком.

13.4. Общение как коммуникация.

Сводится ли общение к сообщению информации? Необходимость структурного анализа такого сложного социально-психологического явления, как общение, привела к расчленению последнего на ряд составляющих, в числе которых наибольшее внимание исследователей в начале 70-х годов оказалось сосредоточенным на коммуникативных аспектах человеческого взаимодействия.

В свою очередь, при изучении коммуникации получила преимущественное развитие трактовка последней как процесса передачи и обмена информацией¹⁵. При этом информационный подход к пониманию коммуникации был склонен к отождествлению последней не только с процессом обмена информацией, но и феноменом общения в целом. В определенной мере и автор этих строк признает свою долю недолгого участия в формировании такой тенденции [12, с. 140—141], от которой он вскоре отошел, предложив не сводить общение к обмену информацией [1, с. 178].

Позже (в 1988 году) с аналогичных позиций выступил и М. С. Каган [14, с. 148—149]. Он вполне обоснованно заявил о том, что общение никак не может быть приравнено ни к передаче сообщений, ни даже к обмену сообщениями (или информацией), как оно трактовалось тогда в нашей философской и психологической литературе, очевидно, не без влияния успехов информативно-кибернетических подходов ко многим другим научным проблемам того времени.

В качестве альтернативы такой трактовки общения М. С. Каган предложил формулу: "Общение — это процесс выработки новой информации, общей для общающихся людей и рождающей их общность (или повышающей степень этой общности)" [14, с. 149]. При этом он возражал и тем авторам, которые склонялись к отождествлению понятия общения с "обменом" (И. А. Джидарьян), приравнивая последнее к "диалогу".

Нам представляется не беспочвенной такая озабоченность М. С. Кагана процессом развития однобоких трактовок в действительности куда более сложного явления, каким является общение.

Вместе с тем в нашем понимании общения уже с 1971 года, как отмечалось выше, было заложено представление о его высокой степени многогранности, предполагающей рассмотрение этого процесса не только как обмена информацией, но и взаимодействия и взаимовлияния, равно как и процесса развертывания взаимоотношений, эмоционального сопереживания, соучастия и взаимопонимания [1, с. 178].

Что касается предложенной М. С. Каганом формулы "Общение — это процесс выработки новой информации для общающихся людей и рождения их общности", то она нам представляется развитием у этого автора уже отмеченной нами ранее позиции нормативно-этического подхода к проблемам общения. С этой точки зрения, по сути, экзистенциалистской по своему характеру, "подлинным" общением как раз и является именно такое, которое духовно обогащает и сближает людей в отличие от неподлинного, носящего сугубо утилитарно-заземленный характер.

Нельзя не согласиться с М. С. Каганом в оценке несомненных достоинств именно такого общения. Аналогичный взгляд и рассуждение о ценности и одновременно трудности, почти невозможности достижения таких эталонов межличностного контакта мы находим у Сомерсета Моэма.

«Каждый из нас, — писал он, — одинок в этом мире. Каждый заключен в медной башне и может общаться со своими братьями лишь через посредство знаков. Но знаки не одни для всех, а потому их смысл темен и неверен. Мы отчаянно стремимся поделиться с другими сокровищами нашего сердца, но они не знают, как принять их, и поэтому мы одиноко бредем по жизни, бок о бок со своими спутниками, но не заодно с ними, не понимая их и не понятые ими. Мы похожи на людей, что живут в чужой стране, почти не зная их языка, им хочется высказать много прекрасных, глубоких мыслей, но они обречены произносить

¹⁵ См работы А. Г. Спиркина, Г. М. Андреевой, А. А. Леонтьева и др.

лишь штампованные фразы из разговорника. В мозгу их бурлят идеи одна интересней другой, а сказать они могут разве что: "Тетушка нашего садовника за- была дома свой зонтик"» [13, с. 150].

Здесь мы опять возвращаемся к альтернативе: если "Общение — это только то, что так глубоко и почти недостижимо", в отличие от простой передачи информации, то вправе ли мы говорить о его возможности и реальности для подавляющего большинства участвующих во взаимодействии людей?

Или надо признать, что здесь мы имеем дело всего лишь с нравственно-этическим эталоном, целью и вершиной подлинно человеческого общения, которая не отменяет, однако, всего того, что относится к ее основанию, т. е. ко всему многообразию повседневных форм человеческого взаимодействия, несущего на себе печать утилитарности и суетности.

Иными словами, на наш взгляд, здесь вопрос о сути и структуре общения переносится в другую плоскость, касающуюся уже характеристики уровня и разновидностей последнего.

Однако все сказанное выше не снимает актуальности вопроса о соотношении понятия общения с его чисто информационной квалификацией.

Не только общение в целом не исчерпывается коммуникацией, но и она, в свою очередь, не может быть сведена только к информационному процессу.

При этом суть дела не меняется от включения двух предложенных М. С. Каганом дополнительных критериев:

- 1) выработки новой информации;
- 2) рождения общности.

Получение новой информации может оказаться результатом чисто машинной (компьютерной) обработки каких-то исходных данных и, следовательно, не иметь к живому человеческому общению вообще никакого отношения.

В свою очередь, и самый энергичный обмен информацией, рождающий в процессе взаимодействия между людьми новую информацию, далеко не всегда может квалифицироваться в качестве высшего уровня межличностного общения, если он никак не затрагивает интимных, глубоко внутренних сторон их душевной индивидуальности.

Точно так же и рождение новой общности не выводит нас за рамки обмена информацией. Эта общность может носить временный и весьма односторонний характер и вместе с тем возникнуть в результате трезвого учета взаимных интересов на основе имеющейся информации у взаимодействующих партнеров.

Многозначность смысловых значений понятия коммуникации. В качестве коммуникативного процесса общение может рассматриваться в той мере, в какой оно характеризует психологический контакт, связь, сообщение взаимодействующих индивидов. При этом смысл, вкладываемый в феномен психологического контакта и связи, устанавливающейся между индивидами в ситуации общения, может колебаться в широчайшем диапазоне, от констатации факта простого восприятия людьми друг друга или их взаимной передачи от одного к другому утилитарной информации до самых больших глубин взаимного расположения и взаимопонимания.

Для одних контакт может означать понимание смысла передаваемой друг другу деловой информации. Для других же это прежде всего способность почувствовать и понять скрытый от поверхностного восприятия духовный настрой и психическое состояние человека. И тогда здесь вполне применима та мотивация общения, которую имел в виду К. С. Станиславский обращаясь к актерам, когда говорил о том, что "при общении вы прежде всего ищите в человеке душу, его внутренний мир" [14, с. 271].

Коммуникация и информация в общении. Но при таком понимании коммуникации как многогранного и многокачественного процесса духовно-психологической связи, устанавливающейся между людьми в процессе общения, совершенно очевидна ограниченность ее трактовки как чисто информационного процесса.

Конечно, в рамках любой разновидности общения между людьми происходит обмен информацией, понимаемой в предельно широком смысле. В последнем значении в человеке информативно все — от содержания речи до позы, жестов, мимики его лица и звучания голоса. Но информацией для другого это становится только тогда, когда он психологически готов к ее восприятию и адекватной интерпретации.

При всем богатстве средств сообщения и взаимной дешифровки психического состояния друг друга у партнеров по общению адекватной переработке и осмыслению поддается, как правило, только какая-то доля передаваемой информации.

А из этого следует, что значительная и, как правило, большая часть содержания коммуникации остается за порогом сознания общающихся индивидов. В таком случае это содержание коммуникации не несет для партнеров осознанной информации. Но и выходя за рамки информационного обмена, это содержание способно сказаться на интуитивном уровне эмоционально-энергетического взаимовлияния партнеров.

Коммуникация как глубинная психологическая связь. Есть и другая, не укладывающаяся в рамки утилитарного обмена безличной (деловой) информации функция коммуникации как глубинной психологической связи субъектов общения. Она состоит в передаче элементов уникальности в психическом состоянии и структуре личностного потенциала общающихся. Как справедливо отмечал тот же К. С. Станиславский, "для того чтобы общаться, надо иметь то, чем можно общаться, т. е. прежде всего свои собственные переживания, чувства и мысли" [14, с. 277].

Из сказанного должно быть очевидно, что коммуникация, как мы ее понимаем, не может быть сведена к информационному процессу передачи и приема информации в ситуации общения.

Коммуникация как энерго-информационное поле. Показательно то, что узко утилитарный, даже технократический подход к феномену коммуникации, ставший модным для многих представителей гуманитарных наук, склонных к отождествлению коммуникации с чисто информационным процессом, сегодня уже нередко не разделяют даже специалисты, выступающие по праву профессиональной принадлежности к области физики и медицины с технократических позиций. Для части из них общение представляет собой не просто информационное, а энерго-информационное поле [15], [16].

Основным механизмом энерго-информационного или эмоционально-энергетического обмена в процессе коммуникации партнеров по общению является психическое заражение.

В некоторых видах творческого общения, таких, например, как взаимодействие дирижера с оркестром, оно приобретает особую значимость.

Дирижер воздействует на оркестр, заражая его своим эмоциональным настроением. При этом состояние дирижера не только заражает оркестр, но и передается его слушателям [17]. Тем самым под влиянием музыки и психологического контакта дирижера с оркестром и слушателями создается мощное и динамичное эмоционально-энергетическое поле их взаимного сопереживания

и общения.

Коммуникация как душевное взаимопроникновение в процессе межличностного общения. Высшим и наиболее трудно достижимым уровнем психологической коммуникации в процессе межличностного общения является эффект душевного взаимопроникновения.

В философских концепциях экзистенциализма и персонализма только такое общение, при помощи которого "Я" как уникальная и неповторимая индивидуальность обнаруживает себя в другом, и является подлинным, т. е. коммуникацией. Этот подход противопоставляется теории "общественного договора", в основе которой лежит восприятие людьми друг друга лишь в рамках взятых на себя обязательств. Коммуникация же рассматривается как альтернатива договору: "Контакт вместо контракта". Это позволяет говорить о такой ситуации, когда встреча между "Я" и "Ты" создает "Мы" как особый персональный опыт — коммуникации душ [18, с. 230].

Подчеркивая значимость достижения именно такого уровня общения как сугубо межличностной коммуникации, Н. А. Бердяев говорил о том, что в «подлинном общении нет объектов, личность для личности никогда не есть объект, всегда есть "Ты"» [19, с. 361].

Однако достижение такого уровня душевной коммуникации предполагает преодоление мощного барьера внутренней психологической защиты личности, оборачивающегося ее герметичностью, а значит, и препятствием на пути углубленного контакта с другими людьми.

Тот же Н. А. Бердяев, который "много общался с людьми", в своих исповедальных размышлениях о себе признавался в том, что он "носил маску для защиты своего мира", что ему была свойственна "крайняя скрытость и сдержанность", что он более всего "чувствовал одиночество именно в обществе, в общении с людьми" [19, с. 53—54].

"Я, — писал он, — слишком отстаивал свою судьбу. Я всегда обманывал все ожидания. Также обманывал и ожидания всех идейных направлений, которые рассчитывали, что я буду их человеком. Я всегда был ничьим человеком, был лишь своим собственным человеком, человеком своей идеи, своего призвания, своего искания истины" [19, с. 55].

Вместе с тем даже самый высокий уровень индивидуальной уникальности, неповторимости личности, равно как и мощь ее творческого потенциала, совсем не исключает потребности и способности к душевному соприкосновению с миром другой, такой же индивидуальности и даже самоотверженного проникновения в этот другой мир.

Нельзя не согласиться с другим выдающимся ученым, нашим современником Д. С. Лихачевым, который говорит об этом так: "Мы не часто задумываемся над тем, что сознание человека обладает удивительной способностью проникать в сознание другого человека, понимать других людей, сопереживать им, постигать самые интимные чувства и настроения человеческой души. Человек входит в мир другого человека, исполненный стихией собственного бытия, и тем не менее он способен любить, проникать в чужое бытие, облечься в него как в свое собственное, всецело "покинуть" себя ради другого и тем самым утвердить себя полностью и настоящим образом. В этом проникновении в чужое бытие, в другую душу есть момент встречи, совместного переживания и взаимодействия, и этот момент, как мне кажется, составляет самую суть, основной нерв общения" [20].

Таким образом, очевидно то, что коммуникация может рассматриваться в качестве такого межличностного общения, которое позволяет достигать

наиболее высокого уровня сочувствия, соучастия, сопереживания и взаимопонимания между партнерами. Этим же рубежом душевного взаимопроникновения в процессе межличностного общения может быть обозначен тот этический, равно как и духовно-нравственный идеал, к которому люди могут стремиться как к высшей и вполне самодостаточной ценности их коммуникативного поведения.

13.5. Общение как информационный процесс¹⁶.

Постановка вопроса. Как информационный процесс взаимодействие может рассматриваться со стороны условий, предпосылок и средств человеческого общения, а также со стороны структуры данного процесса.

Последняя, в свою очередь, может быть охарактеризована как со стороны форм и способов информационной связи вообще, так и со стороны пространственной конфигурации информационной связи в различных внутригрупповых структурах.

Важным параметром информационной связи наряду со статическим является и динамический аспект взаимодействия, связанный с характеристикой соотношения вербальных и невербальных средств в процессе общения.

Структура информационной связи. По своей структуре связь между общающимися индивидами может рассматриваться:

во-первых, как со стороны вербальных, так и невербальных средств;

во-вторых, как в общей, так и в специфической форме (различие между непосредственным общением "лицом к лицу" и многократно опосредованным общением через систему средств массовых коммуникаций или через предметы культуры, например книгу, произведения искусства и т. д.);

в-третьих, по масштабу связь может быть межперсональной — обращенной к небольшой группе лиц и массовой — обращенной к большим группам слушателей [21, с. 19—24];

в-четвертых, следует различать как статический, так и динамический аспект информационной связи.

С рассмотрением последнего связана характеристика как гармонии, так и диссонанса между формой и содержанием информационной связи, между вербальными и невербальными средствами коммуникации.

Можно также различать как одностороннюю, так и двустороннюю связь, когда общающиеся меняются ролями сообщаемого и принимающего сообщения.

Общие способы информационной связи. Под способами вербального общения понимаются высказывания различного вида, которые могут выполнять тройную функцию, позволяющую их рассматривать как:

- 1) способы связи (способы взаимного обмена);
- 2) способы передачи информации;
- 3) способы воздействия.

Вербальное общение как способ связи характеризуется рядом особенностей, которые позволяют говорить о нем прежде всего как средстве начала, поддержания и развития осмысленного информационного контакта между индивидами.

¹⁶ Этот параграф написан с участием Г. П. Макаровой.

Этим же определяется и сама специфика вербального контакта. Последний может характеризоваться: 1) наличием или отсутствием непосредственного контакта с партнером по общению; 2) ориентированностью высказывания; 3) средствами общения (звук, письмо, жест); 4) наличием одного или многих воспринимающих и общающихся [22].

Таким образом, вербальная связь между общающимися индивидами предполагает следующие компоненты: партнеры по общению, средства и способы установления связи, сеть и каналы связи, частота и направленность связи. Основываясь на таких элементах процесса взаимного общения, можно дать другие классификации способов вербальной связи.

Последние можно классифицировать на официальные, ролевые (роль с ролью) и неофициальные. Официальными способами общения являются те, которые создаются структурой официальной, институтированной организации.

Способы общения на различных уровнях руководства могут содержать информацию о новой задаче, о ходе или результате ее решения. В связи с этим информация делится на исходную, координирующую, направляющую, контролирующую и оценочную.

Способы общения передают осведомляющую, управляющую и координирующую информацию. Предполагается, что осведомляющая информация передается вышестоящим руководителям, управляющая информация направляется от вышестоящих руководителей к исполнителям, а координирующей информацией обмениваются люди, не находящиеся в отношениях подчинения друг к другу [23].

Способы общения могут передавать обобщенную и конкретную информацию. Субъект, участвующий в системе руководства и подчинения, при его связи с вышестоящим руководителем пользуется не всем объемом информации, используемой им при руководстве своим объектом, а уже меньшим количеством более обобщенной информации. В то же время способы общения нижестоящего уровня руководства передают, как правило, более содержательную, конкретную, детальную информацию (В. Г. Афанасьев).

Наряду с официальными следует различать и неофициальные способы информационной связи. Неофициальными способами общения являются те, которые устанавливаются путем межличного общения и личных контактов вне или в отличие от официально установленных.

Роль неофициальных способов общения велика. Если организация обладает лишь системой официальных способов общения, то она вряд ли сможет функционировать удовлетворительно. Разрешение многих вопросов происходит путем неофициального общения. При использовании неофициальных способов общения люди лучше узнают друг друга, вовремя и с меньшими искажениями получают информацию. Но неофициальные способы общения далеко не оптимальны с точки зрения их продуктивности. Где нет четко функционирующей официальной системы общения, там снижается уровень эффективности в деятельности организации.

Большая часть официальных способов общения осуществляется в письменной форме. Но они могут быть и устными. Их характер определяется тем обстоятельством, что они официально предусмотрены и осуществляются в соответствии с правилами, которым подчиняется функционирование данной организации.

Преимуществами письменных способов общения являются: определенность источника, постоянство информации и возможность ее адекватного донесения как до отдельных индивидов, так и до целых групп.

Преимущества устных способов общения заключаются в их непосред-

ственности, а следовательно, в подкреплённости и сопровождении вербального сообщения средствами невербального контакта, в возможности постоянного редактирования мысли на основе использования обратной связи.

Специфические способы внутригрупповой информационной связи.

Как уже отмечалось ранее, информационная связь в процессе общения может характеризоваться не только общими, но и специфическими условиями и формами. К числу последних относятся, в частности, формы и способы информационной связи между индивидами в условиях непосредственного контакта лицом к лицу.

В зарубежной литературе принято различать несколько видов или типов информационных связей, или сетей, в условиях внутригруппового общения. Все виды сетей делятся на два основных типа — централизованные и нецентрализованные.

Степень централизованности определяется наличием центральной позиции в сети коммуникации, определенным местом ее в сети, количеством каналов, связывающих одну позицию с другой. Член группы действует как "передающий" или как "интегрирующий". Как интегрирующий член группы он может утаивать, не передавать сообщения, которые он получает, пока сам не решит проблему. Он может также: а) послать решение другому члену; б) послать решение и всю необходимую информацию в одном сообщении другим членам; в) послать всю необходимую информацию, не посылая решения в одном сообщении другим членам.

Названные варианты, конечно, на наш взгляд, далеко не исчерпывают всего многообразия моделей информационной связи данного типа. Есть основание предполагать, что количество возможных вариантов информационной связи подобного вида будет возрастать по мере включения новых критериев, характеризующих сам механизм связи.

В нецентрализованных сетях коммуникации нет центрального члена. Все члены имеют одинаковое число каналов коммуникации. Были исследованы следующие сети коммуникации (см. схему 17).

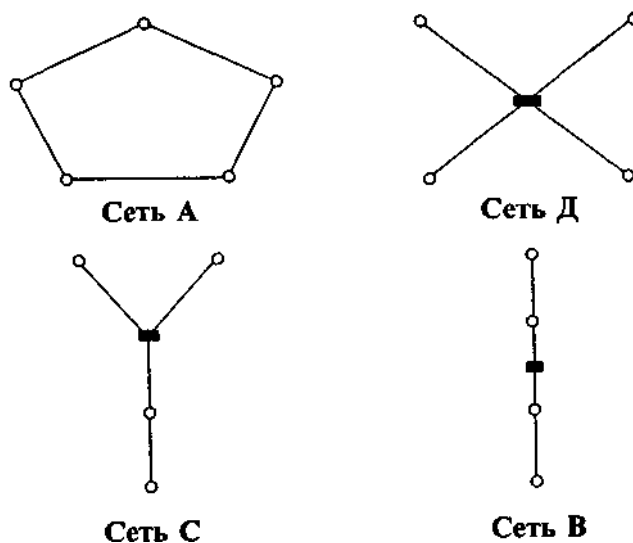

Схема 17

А — нецентрализованная сеть коммуникации, Б, В, Г — централизованные сети коммуникации.

В сети Д периферийный член посылает свою информацию в центр, откуда и получает ответ. В сети С член, занимающий центральную позицию, получает всю информацию, потом отсылает ответ каждому члену коммуникации. Как показали исследования, организации, группы, имеющие такие же сети коммуникации, развивались медленно, но потом стабилизировались и оставались неизменными. Группа с сетью В не такая устойчивая, как сети С и Д, функция центрального члена выполнялась то одним, то другим членом группы. Группа развивалась много медленнее, чем группы, имеющие сети коммуникации С и Д. Сеть А не имеет четких, одних и тех же каналов коммуникации, не имеет центральных позиций. Члены коммуникации обмениваются информацией, по желанию посылая сообщения любому члену сети, не всегда получают ответы на них, работают с помощью собственных решений.

Такие различия в сетях коммуникации определялись многими факторами: 1) расположением в сети лидера; 2) вероятностью ошибок при решении задач; 3) общей удовлетворенностью группы характером данной информационной сети.

Эффективность сети определяется по трем критериям: 1) количество сообщений, необходимое для выполнения задачи; 2) время, требуемое для решения задачи; 3) удовлетворенность данной сетью коммуникации.

Оказалось, что члены сети А (менее централизованной) делают больше ошибок, требуют больше времени и информации для решения задачи. Централизованные же сети облегчают выполнение установленных задач, усиливают позицию лидера и быстро стабилизируются в процессе взаимодействия членов группы.

Моральное состояние участников коммуникации во многом определяется степенью централизации. Те, кто находится в центре информационной сети, получают большее удовлетворение, чем те, кто находится на периферии. В сети А все располагаются одинаково по отношению к центру и, по-видимому, имеют равные шансы на то, чтобы быть руководителем, а в сети Д один член находится в центре и всегда рассматривается как руководитель.

Однако при сравнении централизованных и нецентрализованных сетей по степени эффективности решения задач, по удовлетворенности всех членов группы трудно установить наиболее оптимальные варианты. Так, централизованные сети коммуникации четко организованы, оставляют мало возможностей для ошибок в поисках оптимального решения задачи.

В нецентрализованных сетях каждый член имеет доступ к такому же числу каналов, что и другой, так как каждый снабжается по меньшей мере двумя каналами информации. Но все члены нецентрализованной сети коммуникации обнаруживают большую готовность к действию, легко реагируют на новшества, находят большее удовлетворение в процессе принятия решений и выполнения поставленных задач. Эффективность решения задач в группах с широкой сетью и уровнем циркуляции потока информации находятся в обратной зависимости от степени различий между членами группы по статусу. Однако в отдельных случаях эти различия могут быть нивелированы поведением лидера, если он не препятствует циркуляции информации в группе.

Исследование сети групповых коммуникаций предполагает и характеристику стимулов общения. Стремление к единообразию в группе и стремление к групповому передвижению определяется как стимул к установлению коммуникации (Л. Фестингер).

Стимулирование коммуникаций объясняется также необходимостью решать задачи и получать оценки. Стремление к общению при решении задачи обычно стимулируется ожиданием поощрения в случае ее успешного решения.

К числу факторов, влияющих на характер восприятия информации, относятся, по мнению ряда зарубежных авторов, следующие моменты: статус члена группы, степень правдоподобия информации, количество сообщений, иерархическая структура группы, степень организованности и характер психического состояния и т. д.

Соотношение вербальных и невербальных способов информационной связи. Вопрос о соотношении вербальных и невербальных средств информационной связи в процессе общения представляет несомненный интерес и имеет большое самостоятельное значение.

Во-первых, любая форма вербальной связи содержит в себе элемент эмоционального значения. Это находит выражение в подтексте, дополнительном смысловом значении вербального общения или в модальности речи.

Во-вторых, в условиях непосредственного информационного контакта огромное значение приобретает его невербальное сопровождение. Это несколько не ставит под сомнение ранее высказанный тезис о решающей роли речи в системе средств межличностного общения. Вместе с тем нельзя недооценивать или тем более игнорировать как выразительные психосоматические движения человека, так и имеющие большое смысловое значение отдельные акты человеческого поведения.

При этом язык, как правило, тесно связан со всеми остальными элементами системы межличностной коммуникации, находя в них соответствующий способ выражения и усиления.

Язык, по мнению Б. Г. Ананьева, "всегда взаимодействует с неязыковыми средствами общения, в том числе с экспрессивными реакциями поведения (мимико-соматическими, интонационными и жестикокулярно-тоническими и т. д.), семантикой поведения, то есть смыслом и значением поступков людей в определенных обстоятельствах, процессом совместной деятельности в сложных трудовых актах" [24, с. 320].

Вербальный диссонанс. Будучи подчиненными языку, экспрессивные средства невербального поведения человека вместе с тем обладают известной, хотя и относительной, самостоятельностью. Последняя особенно наглядно проявляется в случаях рассогласования между коммуникативными функциями речи и ее смысловым значением. Подобные явления могут наблюдаться как у коммуникатора, так и у реципиента в случаях различных психических расстройств. Так, одним из симптомов болезни Паркинсона является масковидное лицо, когда у больных отсутствует способность к голосовым модуляциям во время речи. Поскольку, однако, познавательные процессы не затронуты, то больные могут разговаривать и легко вступают в коммуникацию. Но госпитальный персонал при этом жалуется на чувство неуверенности в том, насколько адекватно им воспринята и понята информация, идущая от больных, лишенных способности сопровождения речи выразительными движениями (мимика, пантомимика и т. д.) [25, с. 138].

Другим примером рассогласования коммуникативной и семантической функций речи является болезненный симптом, свидетельствующий об истерии и других неврозах, а также наблюдаемый при местных нарушениях в лобных долях головного мозга и называемый эхоталией. Суть последнего состоит в том, что на команду или вопрос больной отвечает точным повторением, но не исполнением или осмысленным ответом. Как справедливо замечает в данной связи Б. Ф. Поршнев, "эти словесные реакции речеподражательного, эхоталического типа представляют картину отщепления речи как инструмента общения

от смысловой информации" [7, с. 142—143].

Уже в самом факте рассогласования функций речи или речевого диссонанса можно видеть два различных аспекта общения, один из которых связан с осуществлением и поддержанием межиндивидуального контакта, в то время как другой — с пониманием смысла и значения этого контакта.

Хотя в самой речи функции налаживания и регулирования человеческого взаимодействия, как правило, неотделимы от функций выражения и понимания смысла этих отношений и психического состояния общающихся индивидов, однако в научной психологической и социологической литературе принято различать эти два основных аспекта общения.

Модальность вербальной связи. В словесном высказывании необходимо различать предметную информацию и информацию, которая несет модальность высказывания. Модальность речи показывает, является ли то, о чем говорится, существующим или возможным, желательным или необходимым.

Предметная информация включает информацию о предмете, цели, задачах, условиях деятельности, сроках выполнения и т. д. Предметная информация может быть производственной, бытовой, научной, культурной, политической и т. п.

Это обстоятельство уже неоднократно отмечалось в научной литературе. При этом в одних случаях говорилось о том, что следует различать рациональную (о предмете деятельности) и эмоциональную информацию, то есть информацию о творческой энергии, настроении индивида или группы. В других случаях также подчеркивалось, что информация может быть о предмете деятельности и о партнере по общению, о себе самом и т. д. Высказывание может обозначать некоторый факт действительности, может выражать различные особенности и состояния говорящего, его мысли, чувства, эмоции, его интерес или отсутствие такового и т. д.

Вопрос о различии в высказываниях по их модальности впервые поставил В. Н. Волошинов, который пришел к выводу о том, что каждой отдельной группе свойственны своя форма речевого общения, свои формы высказываний. Разные формы общения, разные формы высказывания функционируют в городе и деревне, в коллективе рабочих, в очередях и т. д. Особый тип высказывания выработан в легкой и ни к чему не обязывающей болтовне. Здесь вырабатываются особые формы слова-намека, недосказанность в маленьких и заведомо несерьезных разговорах. Совершенно по-другому строится речевое общение между мужем и женой. Другая форма высказывания строится в очереди. Производственные процессы знают свои формы речевого общения [26, с. 115—116].

Кроме отношения к действительности модальность высказывания выражает отношение к партнеру по общению. Она показывает, побуждает ли говорящий кого-либо к действию, или предполагается только возможность этого действия. Модальность может также выражать повеление или убеждение, разную степень доброжелательности, искренности и т. п. Модальность высказывания несет информацию о говорящем.

13.6. Средства массовых коммуникаций в структуре общения¹⁷.

Средства массовых коммуникаций как специфический фактор общения. В структуре общения как информационного процесса видное и все возрастающее по своему удельному весу место занимают массовые коммуникации и их специфические средства.

Известные современному обществу средства массовых коммуникаций — газеты и журналы, радио, кино, телевидение и т. д. — явились логическим следствием развития человеческого стремления усилить свои естественные вербальные (устное общение и письмо) и невербальные (мимика и пантомима) средства сообщения и общения при помощи новейших технических достижений и усовершенствований.

Будучи порождены потребностью в расширении сферы общения, средства массовых коммуникаций сами теперь превратились в органическую потребность современного человека.

Дело не только в том, что человеку интересно знать то, что знают другие. Этим способом он и группа, к которой он принадлежит, участвуют в обмене информацией с другой частью общества. Если бы по каким-то причинам вдруг прекратился обмен информацией, это грозило бы распадом общности. Нельзя не согласиться с мнением известного французского социолога Б. Вуайена, который отмечал, что группа может в крайнем случае обойтись без обмена материальных богатств. Но если нет обмена идеями, эмоциями, сведениями, социальная связь совершенно исчезает, нет более ничего общего между членами группы, и, следовательно, нет больше общности. Значимость средств массовых коммуникаций определяется именно этой функцией, которую они выполняют в обществе: функцией организации и поддержания социальной информационной связи между индивидами в обществе и между различными элементами общественной структуры.

В настоящее время три больших вида техники распространения используются как средства массовых коммуникаций: письмо, слово и звуковое изображение. Основное различие визуальных и вербальных средств массовых коммуникаций определяется способом восприятия сообщения, а также средой, помещением, временем, в которое осуществляется восприятие. Такие средства, как газета, журнал, воспринимаются только индивидуально, театр, кино — в больших аудиториях, а радио и телевидение, как правило, в малых группах, семье, среди друзей. С тех пор, как промышленная жизнь сконцентрировала в городах очень большие людские массы, средства массовых коммуникаций стали играть все большую роль.

Природа средств массовых коммуникаций. В понимании природы средств массовых коммуникаций в зарубежной литературе очевидно наличие противоречивых концепций. Одна из них заключается в выведении природы этих средств только из технического прогресса, что ведет к подмене их содержательной, социально-психологической и идеологической сути чисто техническими функциями.

Такая точка зрения, развиваемая в трудах канадского профессора М. Маклюэна, дала название целому течению — маклюэнизму, суть которого заключается в сведении всех социальных проблем массовых коммуникаций к изучению технических средств и возможностей последних, в их влиянии лишь на

¹⁷ Этот параграф написан с участием Г. И. Тереховой

психофизиологию человека, на его органы чувств. Так, развитие визуальных и аудиовизуальных средств (радио, телевидение) дает, согласно данному подходу, большую нагрузку зрению и слуху, развивая эти органы для специфического восприятия информации, тем самым увеличивая ценность этих органов чувств.

Подчеркивая важность технических средств массовых коммуникаций, исследователи этого направления сознательно уходят от рассмотрения содержательных, социально-психологических проблем общения как информационного процесса. Главное в информации, с их точки зрения, — средства ее передачи, а не содержание. Логическим следствием такой ложной позиции является и вывод о нейтральности якобы этих средств, об их полной независимости от политических или социальных сил.

Часть зарубежных исследователей все же вынуждена признавать социальную природу массовых коммуникаций. Но при анализе этого явления они не затрагивают вопрос об интересах, в пользу которых осуществляется информация.

Социальные функции средств массовых коммуникаций. Функции средств массовых коммуникаций вытекают из их социальной природы. В предельно широком смысле они являются эффективным инструментом человеческого общения, информации и социально-психологического воздействия, рассчитанного на большую аудиторию. Своей масштабностью эти средства отличаются от обычных способов непосредственного общения лицом к лицу.

Реализация специфических функций массовых коммуникаций осуществляется не сама собой, автоматически, безотносительно к тому, как воспринимает человек — читатель, слушатель и зритель — воздействующую на него социальную информацию. В этой связи несомненный интерес представляют предпринимавшие за последнее время как в отечественной, так и в зарубежной литературе попытки осмыслить сам психологический механизм восприятия и переработки социальной информации индивидом.

Средства массовых коммуникаций и теория когнитивного диссонанса. Любое сообщение (в процессе передачи социальной информации средствами массовых коммуникаций) состоит из комплекта визуальных или звуковых символов. Тот, кто воспринимает это сообщение, расшифровывает эти сигналы в формулах, имеющих для него смысл, то есть подходящих для него. Восприятие знаков сообщения преломляется через воспроизведенный прошлый опыт, мышление, чувства, эмоции, умонастроение воспринимающего. Поэтому на одну и ту же совокупность символов различные люди формируют различную реакцию. Если имеется соответствие между знанием, которое воспринимающий получает о предмете, и его прежним представлением об этом предмете, то такое сообщение сопровождается, как правило, положительным настроением.

Но если от коммуникатора исходит сообщение, не соответствующее прежним представлениям о предмете, это вызывает отрицательные эмоции, которые нарушают внутреннюю уравновешенность. Появляется неуверенность, состояние недовольства собой, определяемое как состояние "психологического дискомфорта". А само несоответствие взглядов, понятийных структур, имевшихся и полученных, дает так называемое положение познавательного, или когнитивного, диссонанса, впервые специально рассмотренное в работе одного из американских исследователей массовых коммуникаций Л. Фестингера [27].

Согласно этой концепции, вполне возможно предположение, что часто испытываемое состояние "когнитивного диссонанса" приводит к неврозам, а постоянное несоответствие между двумя или тремя основными элементами понятийной структуры иногда кончается сильными психическими расстройствами.

Индивид старается забыть полученную им неприятную информацию и надолго запоминает приятную. Конечно, объективно он заинтересован в более точном и полном знании мира. Но в первую очередь все-таки он заинтересован в удовлетворении осознанных интересов и потребностей. Поэтому он часто защищает себя от внутреннего конфликта.

Однако, на наш взгляд, ни проблема психологических последствий массовых коммуникаций, ни тем более проблема внутреннего конфликта личности не могут быть объяснены с подобных позиций.

Конечно, в процессе восприятия и переработки информации, идущей по каналам массовых коммуникаций, человек может испытывать в ряде случаев известную психическую напряженность. Тем не менее из этого вовсе не следует фатальной неизбежности того драматического конфликта, который бы требовал поиска искусственных средств внутренней защиты.

Задача средств как раз и состоит в том, чтобы преодолеть диссонанс и способствовать формированию такой ценностной ориентации, которая бы обуславливала оптимальную активизацию личности, а это вело бы к изменению ее отношения к окружающему миру. Но это связано и с внутренним миром самого индивида, который ищет дополнительную информацию, чтобы сделать новые выводы и обобщения и привести в соответствие свою понятийную структуру. В этом ему и оказывают помощь средства массовых коммуникаций.

Средства массовых коммуникаций как фактор изменений в структуре общения. Средства массовых коммуникаций намного увеличивают возможности вербального общения людей. Они стали настоящей индустрией, осуществляющей сбор, обработку и выдачу социальной информации, а также ее комментарий.

Рассматривая средства массовых коммуникаций в качестве важного фактора активизации и развития личности и человеческого общения, нельзя вместе с тем недооценивать тех объективных противоречивых тенденций, которые могут быть заложены в самом процессе развертывания названных средств в современном обществе.

С одной стороны, средства массовых коммуникаций во много раз увеличили возможность человека приблизиться к обществу, к миру других людей, получить знание об этом мире, о мыслях и чувствах других людей, почувствовать себя частью общности. Но с другой — бурное развитие этих средств внесло изменения в структуру межличностных человеческих отношений. Первичные отношения (дружеские, соседские) стали с развитием массовых коммуникаций все больше дополняться вторичными связями между людьми, друг друга не знающими, но тем не менее составляющими одно целое общество. Все более забирая свободное время индивида, они уменьшают непосредственные людские контакты.

В начале XX в. горожанин тратил на общение 70% своего свободного времени. Сейчас резко сократилось число посещений друзей, приемов гостей, посещения ресторанов, кафе, в некоторых странах стала менее активной деятельность союзов и ассоциаций. Люди все больше и больше становятся домоседами.

Однако возникает вопрос: что больше дает для воспитания личности —

передача слухов, пустая беседа ни о чем или для человека полезнее израсходовать время на газету или телевидение, на книгу или просмотр фильма?

Сейчас человек больше времени тратит на накопление информации, чем на передачу ее. И средства массовых коммуникаций, произвели резкое смещение обмена информацией в сторону опосредованных контактов. Но сказывается ли это отрицательно на социальном воспитании личности, зависит от конечных целей, которыми определяется работа средств массовых коммуникаций.

Вообще же говоря, область восприятия индивидом массовой информации — это область, где поразительно переплетаются, смыкаются сферы непосредственного и опосредованного общения. Точка зрения индивида при восприятии сообщения тесно связана с нормами группы, в которой он живет, и не учитывать этого нельзя. Но сами эти вкусы группы определяются и формируются средствами массовых коммуникаций.

Социальное воспитание или манипуляция? Цифры статистики никогда не смогут заменить качественный анализ приема информации. Один и тот же приемник может служить для одного индивида лишь музыкальным фоном его жизни, а для другого он является настоящим "ухом, чтобы слышать мир". Объяснить такую разницу можно только с помощью социально-психологического анализа личностей, воспринимающих информацию.

Средства массовых коммуникаций несут возможности как блага — подключение к ценностям мира, так и зла — замыкание в себе, явное ослабление непосредственных контактов. Они несут человеку массу информации. Но оборотная сторона этого очередного "блага" связана с вопросом: какая это информация, как она может влиять на личность?

Разнообразные факты и знания, получаемые человеком, могут ему помочь углубить и расширить представления о мире, о других людях, а тем самым знание о себе, понимание им своего места в обществе. Но это происходит в том случае, если индивид обладает определенными взглядами, если у него есть прочные убеждения, с точки зрения которых он воспринимает идущую к нему информацию. Но если этого нет, то информация из орудия знания и воспитания может легко превратиться в орудие манипуляции.

Если средства массовых коммуникаций выдают факты и не приучают личность задумываться над причинно-следственной связью этих фактов, над пониманием их природы, то они легко могут создать малосведущую личность. Такой личностью можно легко манипулировать. Так, по словам французского критика А. Дилижана, всего за один вечер передача способна убедить миллионы граждан в том, что такое-то учреждение плохо, а такое-то хорошо. Несколько репортажей, к примеру, могут убедить подавляющее большинство в необходимости национализации, несколько других репортажей без труда убедят их в обратном.

Следует заметить, однако, что социально активную личность трудно так быстро заставить поверить в совершенно противоположные точки зрения. И тем не менее средства массовых коммуникаций способны с большой силой психологического пресса влиять на мнения, оценки аудитории, предлагая всем одну и ту же норму, меру и стереотип впечатлений. Не случайно поэтому сейчас ставится вопрос о ближайших и отдаленных психологических последствиях влияния средств массовых коммуникаций.

Действительно, нельзя не учитывать того обстоятельства, что воздействие таких средств обладает большой санкционирующей силой, способной активизировать механизмы социально-психологического подражания и зараже-

ния, моды и увлечения, что уже само по себе открывает известный простор для стандартизации мыслей и чувств, потребностей и вкусов массового потребителя информации.

Опираясь на эти социально-психологические механизмы, средства массовых коммуникаций могут возбуждать даже мнимые, ложные потребности (как это бывает при их исполнении для рекламы товаров, предлагаемых каждому и всем). На этом основано мнение, что средства массовых коммуникаций обедняют и нивелируют личность.

Однако окончательное решение данной проблемы лежит на путях не абстрактного соотнесения тенденций и возможностей современных средств массовых коммуникаций, а на путях конкретного анализа их места и роли в условиях изменяющегося мира.

В этих условиях открываются наиболее благоприятные перспективы для реализации все возрастающих возможностей средств массовых коммуникаций в качестве эффективного инструмента межличностного общения и развития человеческой индивидуальности.

13.7. Общение как взаимодействие.

Взаимодействие как предельно общая характеристика общения.

Указание на факт взаимодействия в процессе общения представляет собой наиболее общую характеристику последнего, равно как и любого другого природного или социального явления.

Рассмотрение общения как процесса взаимодействия вместе с тем крайне существенно и для понимания его природы, структуры, механизмов и законов функционирования.

Огромное значение взаимодействия людей и как фактора общественного развития, определяющего воспроизводство существующих социальных отношений.

Идея взаимодействия как принцип подхода к пониманию социально-психологического общения, его места и роли в социальной жизни общепринята и получила распространение среди социологов и психологов.

Проблема межиндивидуального взаимодействия ставится и по-разному освещается в работах ведущих американских социологов Т. Парсонса, К. Янга, Л. Фримена, П. Сорокина и др. По мнению Т. Парсонса, элементарное взаимодействие индивидов составляет содержание первичного уровня социальной структуры [28, с. 30]. Аналогичного мнения придерживаются и другие социологи. Взаимодействие между двумя и более человеческими индивидами сейчас признается в качестве основного объекта исследования и единицы, подлежащей социологическому анализу.

К. Янг и Л. Фримен отмечают, что концепция взаимодействия всегда рассматривалась как центральная и в социальной психологии, и в социологии, поскольку человек с самого момента рождения является неотъемлемой частью взаимосвязанных и взаимодействующих социальных единиц [29, с. 622].

Структура взаимодействия. Основными компонентами в процессе взаимодействия между людьми являются они сами, их взаимная связь и вытекающее отсюда взаимное воздействие друг на друга.

Не менее существенным компонентом в процессе взаимодействия общающихся индивидов является и факт их взаимных изменений как результат взаимовлияния друг на друга.

Даже в таком, казалось бы, чисто символическом акте ме-

жизни индивидуального взаимодействия, каким является восприятие человека человеком, присутствуют все необходимые компоненты рассматриваемого процесса. Восприятие человека человеком вместе с основывающимся на нем пониманием одним человеком другого, является совершенно обязательной стороной процесса любой совместной деятельности людей, необходимым условием целесообразной ориентировки и действий воспринимающего субъекта в общественной среде. Весь процесс, начиная с воздействия одного человека и кончая ответной реакцией на него воспринимающего, представляет собой единый рефлексивный акт взаимодействия человека с другим человеком в определенной ситуации (А. А. Бодалев).

Я. Щепанский предпринял попытку обобщенной и систематической характеристики структуры общения как процесса взаимодействия. Взаимодействие, по его мнению, представляет собой систематическое устойчивое выполнение действий, которые направлены на то, чтобы вызвать ответную реакцию со стороны партнера, при этом вызванная реакция, в свою очередь, порождает реакцию воздействующего.

Взаимодействие, таким образом, складывается из действий. Каждое же социальное действие представляет собой систему, включающую в себя ряд элементов: а) действующий индивид, б) объект действия или индивид, на которого действуют, в) средства или орудия действия, г) метод действия или способ использования средств, д) реакция индивида, на которого действуют, или результат действия [30, с. 84—86].

Взаимодействие как физический и как духовный контакт. Структурная характеристика общения как взаимодействия не исчерпывается указанием на основные элементы данного процесса. В целом взаимодействие в структурном отношении может рассматриваться как процесс, который складывается, с одной стороны, из физического контакта, совместного перемещения в пространстве, совместного группового или массового действия и, с другой стороны, из духовного вербального или невербального информационного контакта [31].

Исторически первыми формами человеческого общения были как раз такие взаимодействия между индивидами, которые предполагали главным образом упорядочение, интеграцию, кооперацию и дифференциацию их усилий и не затрагивали до поры до времени сферу духовного, интеллектуального контакта.

Первоначально язык, или, точнее сказать, речевые рефлексы, выступали только как средство социального взаимодействия, без всякой мыслительной функции. И лишь позже речь становится самым важным орудием нашей мысли (Б. Ф. Поршнев).

Естественно, что аспект совместной групповой пространственно-временной деятельности как один из моментов взаимодействия заслуживает внимания и самостоятельного изучения.

Нельзя не учитывать вместе с тем, что совместная групповая деятельность в процессе общения находится в прямой зависимости от уровня информационного, а в определенном смысле и духовного контакта между людьми и что, наконец, сами способы как групповой кооперации, так и информационной связи в процессе взаимодействия имеют относительно самостоятельное значение. А из этого следует, что в структуре общения можно различать следующие основные аспекты, характеризующие взаимодействие как процесс:

- а) совокупной, кооперативной деятельности;
- б) информационной связи;

- в) взаимовлияния;
- г) взаимоотношения;
- д) взаимопонимания.

Вся структура общения как процесса взаимодействия должна рассматриваться исторически и в динамике. Есть основание, в частности, предполагать, что такие пласты взаимодействия, как взаимоотношение и взаимопонимание, получали развитие постепенно, лишь по мере дифференциации межличностных и социальных отношений и по мере формирования человеческой личности.

13.8. Способы взаимодействия людей в процессе общения.

Основные аспекты социально-психологического взаимодействия.

Межличностное общение представляет собой единство двух противоположных тенденций: к сотрудничеству, к интеграции, с одной стороны, и к борьбе, к дифференциации — с другой.

Идея полярности всех способов человеческого взаимодействия и дифференциации их на формы борьбы и противодействия, с одной стороны, и способы сотрудничества, содействия — с другой, получила широкое распространение в зарубежной социологической литературе.

Так, Ф. Знанецкий делит все виды социальных действий на две общие категории: приспособление и оппозицию. К первой относятся все те действия, которые вызывают желательное поведение индивидов или групп без угрозы каким-либо ценностям или возможностям партнера по общению. Ко второй — все те, которые связаны с угрозами и репрессиями. К приспособлению как способу воздействия Ф. Знанецкий относит приглашение, вовлечение, руководство в совместном труде, подражание и т. д. Это общие типы действий, проявляющиеся во всех обществах, в которых чужое поведение подвергается желательному изменению без угрозы субъекту, на которого направлено действие. К видам оппозиции Ф. Знанецкий относит противопоставление себя другим, репрессии и бунт, агрессию, враждебность, сопротивление и т. д. [32].

Американский социальный психолог Бейлс разграничил всю совокупность социальных воздействий на двенадцать категорий — от эмоциональных положительных проявлений солидарности и одобрения до эмоциональных негативных образцов поведения — оппозиции и агрессии [33, с. 468]. Предложенное им разграничение выглядит следующим образом.

Разграничение социальных воздействий

Характер отношений	Форма проявления отношений
Эмоциональные положительные отношения	1. Солидарность 2. Ослабление напряжения 3. Одобрение
Деловые, относящиеся к определенной задаче	4. Предложение 5. Мнение 6. Информация 7. Просьба об информации 8. Просьба о мнении 9. Просьба об обращении

Эмоциональные отношения	негатив-	10. Отклонение 11. Напряженность 12. Антагонизм
----------------------------	----------	---

Таблица 3

Однако приведенные выше попытки зарубежных авторов дать характеристику способов взаимодействия и взаимовлияния людей друг на друга в процессе общения страдают не только неполнотой и ограниченностью, но и недостаточной строгостью и логической обоснованностью.

Так, не совсем ясно, почему все виды действий могут быть исчерпаны либо приспособлением, либо оппозицией. Вряд ли, например, сотрудничество может быть исчерпано приспособлением общающихся индивидов друг к другу, а их борьба — оппозицией. В рамках сотрудничества действуют самые различные механизмы групповой интеграции, которые не сводятся ни к одностороннему, ни к взаимному приспособлению. Таковы механизмы заражения, внушения, убеждения и переубеждения и т. д., которые вряд ли можно свести к простому приспособлению общающихся друг с другом.

Кроме того, как борьба, так и сотрудничество предполагают и в том и в другом случае единство двух тенденций — интеграции и дифференциации групповой деятельности.

В соответствии с этим можно выделить два основных аспекта рассмотрения способов общения как процесса интеракции: во-первых, со стороны исследования собственно форм и способов групповой дифференциации; во-вторых, со стороны определения способов и средств групповой интеграции.

Групповая дифференциация. Групповая дифференциация, или структура групповых взаимоотношений, может рассматриваться с различных сторон в зависимости от критериев, каковыми, на наш взгляд, могут быть: эмотивный, коммуникативный и функциональный. Так, с точки зрения эмотивного подхода в структуре групповых взаимоотношений принято различать отношения симпатии, безразличия и антипатии.

По уровню коммуникативности, то есть по степени сообщаемости и согласия членов группы друг с другом, можно различать несколько категорий членства. Если распределить эти категории в порядке возрастания статуса индивида в группе, то получим такую последовательность: 1) изолированные; 2) не изолированные, но пассивные; 3) активные; 4) "звезды". С точки зрения функционального подхода правомерно различать два плана в структуре групповых взаимоотношений — институциональный и неинституциональный. Под первым имеется в виду структура отношения, вытекающая из официального статуса, занимаемого каждым индивидом в той или иной социальной организации и в данной конкретной группе. Институциональные отношения предполагают обычно документально закрепленные правила поведения индивидов по отношению друг к другу и к общему предмету деятельности.

Под неинституциональными же отношениями имеются в виду те личные отношения, симпатии или антипатии, между людьми, которые документально не регламентированы и которые складываются между индивидами как в процессе непосредственной производственной деятельности, так и за ее пределами.

Установка на исследование малой группы, ее структуры, взаимоотношений между лидером и другими членами группы, на изучение социальной ди-

станции между ее членами, а также социальных стереотипов восприятия, пред-
рассудков и ценностей, стандартов и норм группового поведения, группового
давления, функций и ролей личности в группе и многих других вопросов ока-
зала, несомненно, большое положительное влияние на развитие зарубежной
социологической и социально-психологической мысли, привела к накоплению
большого и интересного фактического материала и заслуживающим внимания
выводам.

Однако наряду с ценным эмпирическим и экспериментальным материа-
лом работы микросоциологов содержат и ряд спорных положений, например,
представление о механизме социально-психологического общения, развивае-
мое в работах американского социального психолога А. Хэйра. Все влияния со-
циальной среды на человека, по мнению последнего, обязательно опосредова-
ны через психологическую структуру малой группы, которая выступает в та-
ком случае в качестве фильтра и аккумулятора всех воздействий социальной
среды на индивида.

При такой абсолютизации роли и значения малой группы в процессе со-
циально-психологического отражения человеком воздействий социальной
среды совершенно необоснованно упускается из виду возможность прямого
воздействия на индивида (помимо малой группы) традиций, настроений, цен-
ностей и норм поведения как больших социальных групп, так и непреходящих
социальных ценностей в целом.

За абсолютизацией роли малой группы как фильтра, через который про-
ходит вся идущая к личности информация, не трудно видеть и факт недооцен-
ки самой личности как фактора, опосредующего поток внешних влияний.

Между тем из признания факта значимости микросреды вовсе не выте-
кает вывод о том, что личность абсолютно слепо, автоматически отражает пси-
хологические воздействия других людей. Личность соотносит, во-первых, раз-
личные воздействия между собой и, во-вторых, соотносит эти влияния с соци-
альной практикой. Социальная практика служит основным критерием истин-
ности знаний, впечатлений, в том числе отражения личностью социально-
психологических влияний (А. Г. Ковалев).

Групповая интеграция. Одним из важнейших аспектов интеракции яв-
ляется интеграция групповой деятельности и отношений. Последняя пред-
ставляет как большой научный, так и бесспорный практический интерес, по-
скольку от уровня интеграции групповой деятельности, от степени согласо-
ванности актов индивидуального поведения в коллективе самым прямым об-
разом зависит эффективность усилий группы в целом.

Не случайно поэтому различные аспекты групповой интеграции являют-
ся предметом пристального внимания исследователей. Разрабатываются во-
просы интегративной оценки групповой активности, психологической совме-
стимости индивидов в группе, конформности (податливости групповому мне-
нию) и гомфотерности (сбитости, сплоченности) группы и др.

Большое значение для понимания факторов интеграции групповой дея-
тельности имеют исследования конформности, осуществленные в 20-е гг. (Ф. Г.
Оллпорт, В. М. Бехтерев, В. Меде, С. Аш и др.) и позднее, в 60—70-е гг. (М. Гоме-
лаури, А. П. Сопиков, Н. В. Голубева, М. И. Иванюк и др.).

Ценны результаты исследований (осуществленных в эти же годы) и сте-
пени организованности группы и социально-психологической природы по-
следней (Л. И. Уманский, А. С. Чернышев, А. Н. Лутошкин, И. С. Полонский и др.).

Эксперименты, проведенные в социально-психологической лаборатории
Курского педагогического института под руководством Л. И. Уманского (1960—

1970 гг.) позволили установить, в частности, что организованность группы определяется следующими основными факторами группового взаимодействия: а) общностью межличностных отношений; б) организационной зависимостью; в) психологическим настроением на деятельность; г) сенсомоторной согласованностью реакций.

Весьма существенный свет на механизмы групповой интеграции был пролит экспериментальными исследованиями Н. Ф. Масловой, (1968) объектом изучения у которой была не искусственно организованная извне группа, как это имело место в экспериментах В. Меде, С. Аша и др., а стихийно, спонтанно, самопроизвольно возникающие группы. Исследование Н. Ф. Масловой показало, что процесс образования группового мнения здесь качественно отличается от явления конформизма, сознательного желания приспособиться, внешне согласовать свои действия с суждениями и поступками других лиц.

В отличие от конформизма как результата одностороннего давления группы на отдельного индивида механизм образования мнения в самопроизвольно возникшей группе характеризуется процессом взаимодействия и взаимовлияния друг на друга мнений группы и отдельных индивидов, группы и лидера.

Наряду с эффектом групповой интеграции, проявляющимся в самых различных формах — от внутренней согласованности, спонтанной гомогенности коллективных действий до внешней подогнанности совокупного поведения под общий образец (эффект конформизма), — следует различать сами механизмы, посредством которых достигается эта согласованность групповой деятельности.

Последние, в свою очередь, нужно подразделять на механизмы влияния и отражения влияний в процессе группового взаимодействия. К ним следует отнести прежде всего заражение, внушение, убеждение. Соответственно к способам отражения влияний, или воздействий, относятся подражание, мода и др.

13.9. Типы и виды общения.

Типологические особенности общения. Наряду со способами следует различать и типы общения.

Если способы общения представлены теми или иными средствами группового коммуникативного поведения людей (интеграция или, наоборот, дифференциация, даже дезинтеграция и т. д.), то типы — это различия в общении по его характеру, т. е. по специфике психического состояния и настроения участников коммуникативного акта.

Типологические разновидности общения носят парный и одновременно альтернативный характер. Таковы пары общения:

- делового и игрового;
- безлично-ролевого и межличностного;
- духовного и утилитарного;
- традиционного и инновационного. Психологическая специфика делового и игрового общения

При всей относительности различий названных типов они качественно альтернативны по своему характеру.

Так, особенностью делового в отличие от игрового общения является высокая степень регламентированности и однозначности первого.

В деловом общении заранее задано почти все — от сценария отношений между взаимодействующими индивидами, сути выполняемых ими ролей, норм их активности, дистанции отношений до достаточно высокой степени опреде-

ленности ожидаемых результатов.

В игровом же общении нет такой жесткости в регламентации отношений, складывающихся в ходе взаимодействия субъектов. Участники игровой коммуникации могут меняться ролями, уровень их доминирования находится в зависимости от хода игры. Столь же неопределенным, т. е. непрогнозируемым оказывается часто и результат игрового общения.

Особенностью игрового общения является и многозначность ролевых отношений, складывающихся между его участниками. Если отступление от определенности и однозначности передаваемой в деловом общении информации может его осложнить, то в игровом общении, наоборот — чем выше уровень многозначности (неопределенности и подтекста), тем выше эффект его эмоционально-стимулирующего воздействия как на самих участников, так и на зрителей.

Неопределенность результата игрового общения — во многом продукт его незаданности и степени включенности участников игры в ее ход. Отсюда же и более высокий уровень психологической вовлеченности, состязательности и азарта в игровом в отличие от делового общения.

Психология ролевого и межличностного общения. Если в основе различий делового и игрового общения лежит прежде всего степень их регламентации или заданности, то специфика психологии функционально-ролевого и межличностного типов общения связана с их различием по характеру направленности внимания субъектов данного процесса.

В эпицентре внимания субъектов функционально-ролевого взаимодействия находятся выполняемые ими в рамках той или иной организации роли и обязанности, степень полноты их реализации, адекватность реагирования на те или иные условия, складывающиеся в организации, и требования, которые она предъявляет к роли или статусу индивида в ситуации делового общения. При этом личность, тем более индивидуальность участников делового общения может в полной мере и не приниматься в расчет. Особенно если это касается отношения старшего к младшему по должности субъекту.

Альтернативность межличностных отношений функционально-ролевым состоит в том, что здесь в центре внимания оказывается как раз прежде всего личность, даже индивидуальность участников взаимодействия.

В отличие от могущих быть совершенно безличными, т. е. не опосредованными вниманием друг к другу как к индивидуальности, функционально-ролевых отношений, отношения, складывающиеся в ситуации межличностного контакта сфокусированы прежде всего на личности партнера по общению.

Это предполагает поддержание и развитие взаимного интереса к мотивации и целям взаимодействия, степени взаимного понимания друг друга как уникальных индивидов и партнеров по общению.

При этом наиболее высокой формой межличностного общения является непосредственность, естественность, независимость ни от каких других факторов и интересов того внимания, которое общающиеся уделяют и проявляют в отношении друг друга.

Относительность различий ролевого и межличностного общения. Несмотря на обозначенные выше качественные различия рассматриваемых типов общения, они могут находиться в отношениях не оппозиции, а взаимодействия и усиления друг друга.

Так, наиболее высокой и продуктивной формой функционально-ролевых отношений в отличие от их безличной модификации являются личностно-

опосредованные деловые отношения.

Равно как и наоборот, межличностные по своей природе отношения могут только выиграть, когда они дополняются общностью и деловых интересов, и соответствующего этому общения.

Традиционное и инновационное общение. Традиционное общение, как и функционально-ролевое, регламентировано. Однако здесь степень регламентации является значительно более высокой. Если в деловом общении регламентированы только функции и рамки роли, то в традиционном общении, например при исполнении свадебного обряда, детально регламентирована вся процедура, весь ритуал коммуникативного поведения как молодых, так и членов их ближайшего окружения, т. е. сам способ исполнения роли, а не только она сама.

Естественной типологической альтернативой традиционному общению является общение инновационное. В этом жанре общения предусмотрено достижение наивысших ступеней внутреннего, психологического раскрепощения мысли и воображения его участников.

Варианты инновационного общения многообразны, но в основе своей они всегда имеют диалогическое взаимодействие партнеров.

Если цель традиционного общения состоит в сохранении и воспроизводстве раз и навсегда заданного стандарта коммуникативного поведения, то цель инновационного общения прямо противоположна — разрушение любых сложившихся представлений и стереотипов, если они препятствуют достижению нового знания.

Одной из наиболее популярных и эффективных форм организации инновационного общения является диспут, полемика, в частности ее игровой вариант, известный как мозговая атака. Этот вариант инновационного общения интересен прежде всего тем, что он исключает какое бы то ни было осуждение или даже критику выдвигаемых в процессе дискуссии идей. Тем самым дается мощный психологический импульс творческому воображению участников, создается благоприятная атмосфера для поиска и предложения новых, оригинальных решений обсуждаемых проблем.

С аналогичной точки зрения можно смотреть и на такие типологически различные пары общения, как духовное и утилитарное, праздничное и будничное и др.

Виды общения. Если типологические особенности общения обусловлены их характером, то видовые различия общения — их предметной направленностью. Так, правомерно говорить о психологической специфике политического или религиозного, научного или экономического общения и др.

Здесь психологические особенности коммуникативного поведения партнеров задаются их предметной принадлежностью. Так, психология политического общения характеризуется исключительным многообразием форм и масштабов, динамичностью, остротой, способностью перерастать из одного состояния в другое и ломать сложившиеся рамки отношений, традиций и институтов.

В отличие от него религиозное общение протекает, как правило, в рамках давно сложившихся традиционных ритуалов и канонов. Если в политическом общении чаще всего проявляется энергетика противоборства, мятежности и непримиримости, то в религиозном общении — скорее дух смирения и умиротворенности.

Аналогичным образом можно говорить об особенностях научного обще-

ния, где должен доминировать дух разума, и вечного стремления к постижению сущности окружающего мира, к истине, где критерий истинности — аргументы и доказательства, а не вера, как в религиозном общении.

В экономическом общении доминирует игра и расчет, риск и взвешенность, дальновидность и азарт, холодный рассудок и влечение к обладанию и богатству.

Необходимо, конечно, различать специфику общения и по критерию его масштабности от межличностного до группового, коллективного и массового.

Микрообщение, его возможности и границы. Одной из форм удовлетворения потребности людей в непосредственном эмоциональном контакте, во взаимном понимании и сопереживании друг другу является так называемое микрообщение или преимущественно межличностное общение "лицом к лицу" (face to face). Варианты микрообщения — диада, триада, небольшая группа, не превышающая численность участников более 10—12 человек.

Общение, происходящее в небольшой группе людей, если оно носит сравнительно устойчивый характер, основано на общности интересов, их моральной ценности, открывает большие возможности для эмоциональной наполненности складывающихся отношений.

Здесь возникают условия, как правило, благоприятные для более полного самовыражения личности, для психологической совместимости людей, для их полного взаимопонимания и взаиморасположения.

Этот вид общения существенно отличается от тех форм связей, которые несут на себе печать непродолжительности, безличности, стандарта, формальности, фрагментарности и спешки.

В отличие от многообразных форм массового общения в ситуации эмоционально-непосредственного межличностного контакта достигается его высокая степень персонифицированности, стабильности, психологической раскрепощенности и комфорта.

Потребность в глубоком, духовном, личностном контакте особенно остро переживается в юношеском возрасте, когда стремление подростка к осознанию своей индивидуальности, к самовыражению требует как зеркала (другого Я), так и проявления соучастия.

Но и общение в микросреде не всегда может гарантировать удовлетворение потребности личности в полном понимании, в глубоком эмоциональном отклике, в сочувствии, соучастии и сопереживании. Даже при самом тесном дружеском общении люди далеко не всегда адекватно понимают и оценивают друг друга.

Как показывают исследования и повседневный опыт, на пути взаимопонимания людей лежит немало препятствий, преодоление которых требует и знаний (в частности учета возрастных и характерологических особенностей личности), и умения (в частности умения говорить с человеком и слушать его, умения адекватно воспринимать и оценивать его состояние и поступки, умения адекватно реагировать на действия людей и т. д.).

При отсутствии же необходимых знаний и подготовки требуется по крайней мере хотя бы время, для того чтобы методом проб и ошибок достичь более полного контакта и взаимопонимания с другим человеком. Однако ныне ставка на фактор времени в условиях его дефицита становится ненадежной.

ГЛАВА 14. СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ОБЩЕНИЯ

14.1. Понятие и специфика социально-психологического механизма общения.

Определение понятия. Под механизмами общения здесь подразумеваются те социально-психологические явления и процессы, возникающие в результате взаимовлияния людей друг на друга, которые оказывают самое непосредственное воздействие на уровень их коммуникативной активности, глубину и полноту их психологического контакта и взаимопонимания, на характер и эффективность их коммуникативного поведения.

Данное определение в какой-то мере аналогично по существу и общепринятой трактовке самого понятия механизма безотносительно к его применению в той или иной области природных или социальных явлений. Оно предполагает характеристику устройства для передачи или преобразования движения, которое вызывает движение других тел.

Этому смысловому значению понятия механизма вполне отвечает и его применение к феноменологии таких явлений, как психическое заражение или подражание, внушение, убеждение или мода.

Последние способны выступать в роли именно такого пускового механизма коммуникативного поведения людей в группе, в массе и коллективе, который влияет на ход, стадии и результаты всего процесса человеческого общения.

Соответствует этому же смыслу и другое значение термина "механизм", означающее совокупность промежуточных состояний, которые претерпевает какое-либо явление. С этой точки зрения названные выше социально-психологические механизмы могут и сами рассматриваться как элементы или промежуточные состояния в процессе развития человеческого общения, рассматриваемого в масштабе всемирной истории.

Наконец, заражение, подражание, внушение и т. д. могут быть предметом исследования и в качестве таких социально-психологических явлений, которые подчиняются своим собственным внутренним специфическим механизмам развития и взаимодействия друг с другом.

Специфика механизмов общения. Наряду с общей характеристикой смыслового значения понятия и феноменологии механизма коммуникативного поведения правомерно говорить и о его специфике в отличие от других психологических механизмов — жизнедеятельности личности или общности, психического отражения или деятельности и др. Так, в отличие от психологических механизмов жизнедеятельности личности, связанных с реализацией ее внутреннего потенциала или внешней по отношению к нему социальной детерминации, механизмы общения реализуют прежде всего силу и потенциал внутригруппового и массового взаимодействия и взаимовлияния людей друг на друга.

В отличие от психологических механизмов функционирования общности, где доминируют интегративные процессы как условия ее нормальной жизнедеятельности, механизмы общения включают в себя не в меньшей мере и способы дезинтеграции — групповой дифференциации, негативизма, деструктивного заражения и др.

В отличие от механизмов деятельности, в основе которой лежит осознанная и целенаправленная активность субъекта, механизмы общения носят преимущественно неосознаваемый, спонтанный и неподдающийся, как прави-

ло, сколько-нибудь полному социальному контролю характер.

Различия в сфере и месте доминирования механизмов общения. Вместе с тем механизмы общения могут дифференцироваться по месту их доминирования в историческом процессе развития человеческого взаимодействия. Специфика заражения и подражания состоит в том, что они носят печать более древнего происхождения, нежели механизмы убеждения и моды.

Правомерно говорить и о специфических сферах доминирования механизмов общения применительно к структуре социальной психики человека. Заражение, внушение, подражание, гипноз и мода доминируют в сфере психического бессознательного или поведения, мало контролируемого сознанием. Другое дело — механизм убеждения. Он предполагает достаточно высокий уровень интеллектуального и в целом духовного развития взаимодействующих индивидов.

И наконец, специфика механизмов лично-опосредованного общения в отличие от массового деперсонифицированного, безличного контакта и взаимодействия состоит в тенденции их развития по мере роста сознания и социально-психологической культуры как личности, так и общества.

Особенности взаимодействия между собой различных механизмов общения. Не меньший интерес представляет исследование специфики взаимоотношений и взаимодействия друг с другом всех названных выше механизмов общения. Самая общая тенденция, позволяющая сгруппировать варианты этой специфики, сводится в основном к трем случаям:

1. Когда эти механизмы создают эффект взаимоусиления. Таково, например, соотношение механизмов заражения, подражания и внушения, которые по этой причине нередко отождествляются друг с другом многими исследователями.

2. Когда данные механизмы действуют в режиме противоречия друг другу. Такова, например, взаимосвязь механизмов заражения, подражания и внушения, с одной стороны, и механизма убеждения — с другой.

3. Когда в одном механизме могут совмещаться совершенно противоположные механизмы, доминирующие на различных стадиях его развития. Таков, например, психологический механизм моды, на разных этапах развития которой могут поочередно доминировать — то механизм противопоставления и негативизма, то механизм подражания и уподобления.

14.2. Психическое заражение.

Механизм психического заражения. Одним из древнейших способов интеграции групповой деятельности является механизм социально-психологического заражения.

Его истоки уходят в глубины человеческой истории, а проявления заражения бесконечно многообразны, это и заразительные ритуальные танцы, и пляски членов первобытной общины, и массовые психозы, захватывающие в различные исторические отрезки времени большие социальные группы людей.

Иногда даже целые народы могут быть подвержены массовым психозам, которые способны проявляться в разнообразных вспышках душевных состояний: от массового спортивного азарта или религиозного экстаза до массового политически окрашенного психоза (национализм или фашизм).

Проблема заражения в различное время затрагивалась в отечественной научной и публицистической литературе. Однако до настоящего времени остаются во многом неясными сам механизм и функции социально-

психологического заражения.

Есть основание говорить о нескольких особенностях, отличающих заражение от других, близких к нему способов социально-психологического общения.

Определение понятия психического заражения. В отличие от подражания, конформности и других форм адаптации индивида к нормам, шаблонам и эталонам, навязываемого по отношению к нему извне поведения, заражение выступает как форма спонтанно проявляющегося внутреннего механизма поведения человека.

Заражение характеризует во многом бессознательную, невольную подверженность индивида определенным психическим состояниям.

Оно осуществляется не через пассивное созерцание и более или менее осознанное принятие внешне очевидных образцов поведения (как при подражании), а через передачу психического настроения, обладающего большим эмоциональным зарядом, через накал чувств и страстей.

Указывая именно на эту важную особенность заражения, Н. К. Михайловский справедливо отмечал в свое время то обстоятельство, что эффект заразительности внешнего воздействия определяется не только силой его эмоционального заряда, но и самим фактом непосредственного психического контакта между общающимися людьми.

"Задача изящного искусства, — писал он, — состоит, между прочим, в том воздействии на воображение зрителя, читателя, слушателя, чтобы он до известной степени лично пережил изображаемое положение или психический момент. Великому художнику это удастся, а великому оратору или проповеднику из тех, которые действуют главным образом на чувство, а не на разум, удастся нечто большее. Ему удастся воочию увидеть, что сотни, тысячи слушателей заражаются его личным настроением или же относятся к его образам и картинам, как к чему-то живому, здесь, сию минуту присутствующему с плотью и кровью" [1, с. 143].

Секрет эмоционального воздействия в условиях непосредственного контакта заключается в самом механизме социально-психологического заражения. Последний в основном сводится к эффекту многократного взаимного усиления эмоциональных воздействий общающихся между собой людей.

При этом сила нарастания накала страстей, создающая психический фон заражения, находится в прямой пропорциональной зависимости от величины аудитории и степени эмоционального накала индуктора.

Данный механизм очень хорошо сумел охарактеризовать Н. К. Михайловский в одной из своих работ, где анализируется выступление оратора перед аудиторией, насчитывающей несколько сот человек. При этом волнение, ощущаемое оратором, может быть выражено условно цифрой 10. При первых взрывах своего красноречия оратор передает каждому из слушателей половину этого своего волнения. Каждый из слушателей выразит это рукоплесканиями или усиленным вниманием. И будет, следовательно, видеть не только взволнованного оратора, а еще и множество напряженно внимательных или взволнованных своих товарищей по аудитории.

"Это зрелище, — пишет Михайловский, — будет, в свою очередь, усиливаться, что называется в парламентах "движением" (sensation). Положим, что каждый из слушателей получает только половину этого всеобщего возбуждения. И тогда его волнение выразится не цифрой 5, а цифрой 750 (2,5 помноженное на 300).

Что же касается самого оратора, этого центра, к которому со всех сторон

возвращается поток возбужденного им волнения с преувеличенной силой, то он может быть даже совершенно подавлен этим потоком, как оно часто бывает с неопытными, неприспособившимися ораторами. Понятно, что в действительности лавинообразный рост волнения не может быть так быстр, потому что не каждый же из трехсот слушателей видит со своего места 299 взволнованных товарищей. Но общий закон процесса именно таков" [1, с. 145].

Функции заражения. Наряду с рассмотрением механизма самого заражения нужно различать и другой вопрос — о назначении, применении и функциях заражения как способов группового воздействия. Если подойти к вопросу с этой стороны, то будет очевидно, что в качестве средства психологического воздействия на группу заражение может использоваться в нескольких различных случаях.

Во-первых, с целью еще большего усиления групповой сплоченности, когда такая сплоченность уже имеет место; во-вторых, как средство компенсации недостаточной организационной сплоченности группы. Последнее осуществляется при условии недостатка средств и информации относительно путей достижения необходимой сплоченности на какой-то рациональной основе.

Именно с этим обстоятельством было связано, например, сознательное использование механизма заражения и внушения во времена господства фашизма в Германии. Специальным приказом членам гитлерюгенда предписывалось в свою время коллективное прослушивание речей фюрера по радио. А именно в толпе (психологи знают об этом издавна) человек легче всего поддается заражению и внушению.

14.3. Внушение.

Внушение как объект исследования. Как объект социально-психологического исследования внушение стало рассматриваться сравнительно недавно. В. М. Бехтерев одним из первых предпринял попытку специального исследования данного явления применительно к общественной жизни, хотя описание данного феномена и определение его механизмов мы находим и у других авторов того времени (К. Н. Михайловский, Г. Тард, Г. Лебон и др.).

Поскольку внушение относится к числу почти столь же древних механизмов социально-психологического общения, как и заражение, постольку, естественно, особый интерес сейчас представляют именно те попытки изучения данного феномена, в которых реализуется стремление к историческому подходу.

Такой подход позволяет лучше понять природу и генезис этих механизмов, берущих начало у истоков человеческой истории.

Внушение и контрвнушение. В свете сказанного интерес представляет попытка Б. Ф. Поршнева объяснить через призму механизмов внушения (суггестии) и контрвнушения (контрсуггестии) по-новому ряд важнейших страниц древнейшей истории человечества.

Так, если с суггестией, по мнению Б. Ф. Поршнева, связана зависимость человека от принудительной силы коллективных действий и представлений, уходящая в глубокие недра социальной психологии, то с контрсуггестией связано рождение "внутреннего мира", психической независимости личности [2, с. 17].

Взаимодействием механизмов суггестии и контрсуггестии объясняется и исторический процесс социальной (демографической и лингвистической)

дифференциации человечества, который нашел выражение, с одной стороны, в быстром расселении *Homo sapiens* по материкам и архипелагам земного шара в течение первых 15—20 тыс. лет нашей истории и, во-вторых, в факте возникновения множественности языков из некогда единого праязыка [2, с. 18—19].

И тот и другой процессы, имевшие место на заре человеческой истории, могут быть рационально поняты, по мнению Б. Ф. Поршнева, как результаты контрсуггестии, то есть сопротивления человека, находящегося под бременем межиндивидуального давления, внушающей силе слова в рамках первой исторической общности "мы".

"Людей, — пишет Б. Ф. Поршнев, — раскидало по планете нечто специфически человеческое. Невозможно этот факт свести к тому, что людям неоставало кормовой базы на прежних местах: ведь другие виды животных остались и питаются на своих древних ареалах нередко и до наших дней — корма хватает. Нельзя сказать, что люди расселялись из худших географических условий в лучшие, факты показывают, что имело место и противоположное. Им не стало тесно в хозяйственном смысле, ибо общая численность человечества в ту пору (в каменном веке) была невелика. Им, скорее, стало тесно в смысле проявления и развития бремени межиндивидуального давления" [2, с. 18—19].

Но если древнейшее расселение позволило человеку избежать бремени психологического давления, как бы прикрывшись от этого давления пространством, разделяющим людей, то многоязычие явилось дополнительным щитом — щитом непонимания чужого слова, который также прикрывал человека от силы влияния суггестии.

Внушение и заражение. Признавая правомерность, значимость и ценность предлагаемой Б. Ф. Поршневым гипотезы относительно генезиса исторического процесса с точки зрения концепции взаимодействия суггестии и контрсуггестии, нельзя вместе с тем не оставить за собой права полемики с ним по вопросу о природе и сущности самого феномена внушения в отличие от других близких или сходных с ним социально-психологических механизмов психического воздействия на человека.

Само внушение (суггестия) рассматривается Б. Ф. Поршневым как разновидность или один из типов заражения наряду с подражанием. С этим нельзя целиком согласиться.

Конечно, между заражением и внушением есть много общего. Последнее состоит в том, что заражение и внушение являются способами групповой интеграции, способами сколачивания общности в одно целое путем создания общего психического состояния, перерастающего затем в совместную групповую и массовую деятельность.

Далее, есть основание говорить о большой степени взаимовлияния заражения и внушения друг на друга. Посредством внушения может осуществляться заражение группы или большой массы людей единым настроением.

Но если заражение единым социальным настроением оказывается результатом внушения, то в свою очередь заражение, психическое состояние общего настроения может выступать и выступает уже в качестве важной предпосылки и существенного условия дальнейшего повышения эффективности внушающего воздействия.

Однако из всего сказанного не следует делать вывод о том, что внушение представляет собой лишь разновидность того же заражения.

На наш взгляд, внушение качественно отличается от заражения. Эти различия могут быть сведены к следующему.

Прежде всего в отличие от заражения, представляющего собой способ

сопереживания людьми одновременно общего психического состояния (почему и говорится о "заражении"), внушение не только не предполагает, но даже, более того, совершенно исключает или по крайней мере, как правило, исключает психическое состояние равновеликого сопереживания идентичных эмоций и представлений объектом и субъектом внушения, индуктором и реципиентом.

С очень большой натяжкой можно было бы сказать о том, что внушение — это одностороннее заражение, когда источник заражения оказывает влияние, "заражает" других, сам при этом не поддаваясь силе и эффекту общего заражения.

Но и такое представление о внушении весьма неточно. Трудно себе представить человека, способного что-либо внушить другим, если он сам оказался во власти общего стихийно возникшего настроения, если он сам явился жертвой психической "заразы", поразившей всех.

И наоборот, вызвать то или иное психическое состояние, заразить людей тем или иным настроением — это не значит полностью идентифицироваться с создаваемым образом.

В противном случае даже блестяще исполняющий свою роль актер, покоряющий, "заражающий" своим настроением зрителя, должен был бы в буквальном смысле, а не условно убивать или избивать, войдя в роль, своего партнера.

Но искусство внушения в отличие от процесса заражения как раз и состоит в том, что оно носит несколько односторонний характер.

Внушающий должен заразить других, в какой-то мере, конечно, заражая и себя, но при этом все время оставаться на достаточно высоком уровне самоконтроля, чтобы не заразиться полностью и самому.

В отличие от заражения, внушение представляет собой более сложную форму социально-психологического воздействия, исторически более молодую, чем заражение, и связанную с развитием вербальной активности человека и его индивидуальности.

Если заражение как процесс взаимодействия может носить неперсонифицированный характер, являясь результатом спонтанной, стихийной тонизации психического состояния группы или массы людей в результате простого психического контакта общающихся, то внушение является процессом одностороннего активного и персонифицированного воздействия одного индивида на другого или группу людей.

В отличие от заражения, которое носит, как правило невербальный характер, то есть может осуществляться помимо речевого воздействия (танцы, игры, музыка, отдельные звуки, ритм и темп совместных движений и т. д.), внушение носит, наоборот, за исключением отдельных случаев гипноза и телепатической связи, вербальный характер, то есть осуществляется посредством речевого сообщения.

Степень осознанности внушающего воздействия. Сам акт внушающего воздействия одного человека на другого может носить в различной степени осознанный характер.

В процессе общения люди постоянно воздействуют друг на друга, внушая или навязывая друг другу свое мнение, оценки и настроение, но далеко не всегда осознают и расценивают это как факт внушения и взаимовнушения.

В. М. Бехтерев отмечал в этой связи, что "внушение есть один из способов влияния одних лиц на других, которое может происходить как намеренно, так и не намеренно со стороны влияющего лица и которое может осуществляться иногда совершенно незаметно для человека, воспринимающего внуше-

ние, иногда же оно происходит с ведома и при более или менее ясном его сознании" [3, с. 2].

Особенностью внушения в отличие от убеждения является его адресованность не к логике и разуму личности, не к ее готовности мыслить и рассуждать, а к ее готовности получить распоряжение, инструкцию к действию.

Естественно поэтому, что внушение не нуждается в системе логических доказательств и глубоком осознании смысла сообщаемой информации.

"Внушение, — писал В. М. Бехтерев, — действует путем непосредственного прививания психических состояний, т. е. идей, чувствований и ощущений, не требуя вообще никаких доказательств и не нуждаясь в логике" [3, с. 3].

Условия эффективности внушения. С особой силой внушение действует на лиц впечатлительных и вместе с тем не обладающих достаточно развитой способностью к самостоятельному логическому мышлению, не имеющих твердых жизненных принципов и убеждений.

Это относится прежде всего к категории детей и подростков. Высокая степень податливости внушению вообще свойственна людям, для которых характерны доминирование ситуативного психического настроения, а также состояние неуверенности в себе.

В число других важных условий эффективности внушения как способа воздействия следует назвать также авторитетность источника информации, которая, в свою очередь, располагает к доверию и снимает сколько-нибудь значительное сопротивление внушающему воздействию.

При соблюдении этих условий мнение и требования внушающего могут стать активными элементами сознания реципиента (его мотивами, побуждениями и т. д.) и оказывать значительное влияние на его поведение, восприятие и понимание окружающих людей.

Психологическая установка в процессе внушения. О том, сколь значительно воздействие внушенной установки на оценки и характеристики, которые дает человек другим людям, исходя, например, лишь из их внешних признаков, свидетельствует эксперимент, проведенный психологом А. А. Бодалевым.

Группе взрослых испытуемых были поочередно показаны фотографии молодого человека и пожилого мужчины. Испытуемые, видевшие каждую из фотографий в течение пяти секунд, должны были словесно воссоздать облик человека, которого они только что видели.

Показ фотографий сопровождался установкой — характеристикой изображенных на них лиц. Установками, предшествовавшими показу фотографии, были: "преступник", "герой", "писатель", "ученый".

Вот различные словесные портреты одних и тех же лиц, свидетельствующие о значительном влиянии установки на восприятие испытуемых: "Этот зверюга понять что-то хочет. Умно смотрит и без отрыва. Стандартный бандитский подбородок, мешки под глазами, фигура массивная, стареющая, брошенная вперед" (автор "портрета" — И; установка — преступник).

"Человек опустившийся, очень озлобленный. Неопрятно одетый, непричесанный. Можно думать, что до того, как стать преступником, он был служащим или интеллигентом. Очень злой взгляд" (автор "портрета" — К; установка — преступник).

"Молодой человек лет 25—30. Лицо волевое, мужественное, с правильными чертами. Взгляд очень выразительный. Волосы всклокочены, не брит; ворот рубашки растегнут. Видимо, это герой какой-то схватки, хотя у него и не

военная форма (одет в клетчатую рубашку)" (автор "портрета" — Г; установка — герой).

"Очень волевое лицо. Ничего не боящиеся глаза смотрят исподлобья. Губы сжаты, чувствуется душевная сила и стойкость. Выражение лица гордое" (автор "портрета" — М; установка — герой).

"Портрет мужчины примерно 50—53 лет. Открытое лицо, крупные черты, седые, вернее, седеющие волосы; лоб выпуклый, с горизонтальными складками морщин. Очень выразительные глаза, какие обычно бывают у умных, проницательных людей. Вокруг глаз множество морщинок, придающих лицу немного лукавое выражение.

Так и кажется, что этот человек при встрече обязательно начнет с шутки. Нижнюю часть лица не помню. Запомнились руки — небольшие, нерабочие, покрытые волосами. Портрет писателя... Мне кажется, что это лицо человека, любящего детей и пишущего для них. Судя по непринужденному виду, он привык позировать, наверное, это известный писатель. Еще раз хочется подчеркнуть, что наиболее запоминаются в портрете глаза. Человек с такими глазами, должно быть, хорошо знает и любит жизнь, людей..." (автор "портрета" — В; установка — писатель).

"Человек лет шестидесяти, лысый, с папиросой в руке. Черты лица крупные, правильные. Голова большая, лоб высокий и широкий, настоящий лоб ученого. Взгляд и выражение лица ученого говорят о том, что он напряженно и мучительно решает какую-то проблему" (автор "портрета" — Д; установка — ученый) [4, с. 39—40].

Внушение является важным фактором общественной жизни и находит применение во всех сферах социальных отношений.

Внушение применяется как метод активизации групповой деятельности — производственной, учебной или спортивной. Широки возможности применения внушения, в частности гипноза, в медицинских целях как фактора групповой психотерапии.

14.4. Убеждение.

Убеждение как объект исследования. За последнее время в отечественной философской и психологической литературе возрос интерес к проблеме убеждения.

Нетрудно заметить, однако, что основное внимание исследователей сосредоточено не столько на изучении убеждения как способа социально-психологического воздействия на поведение и процесс формирования мировоззрения личности, сколько на рассмотрении убеждения в качестве продукта идеологического воздействия, в качестве специфического компонента психической структуры и мировоззрения воспитуемой личности.

Конечно, недооценка названного аспекта понятия убеждения не является случайной. Она объясняется тем, что проблема убеждения не была объектом достаточно тщательного логического, структурно-функционального и социально-психологического анализа.

Как социально-психологическое явление, убеждение представляет собой весьма специфический компонент как структуры воспитуемой личности, так и способа организованного воздействия на психику человека.

Последнее связано с рядом обстоятельств, в числе которых следует назвать:

— во-первых, все возрастающее значение методов убеждения в сравнении с методами принуждения как основными методами регулирования прак-

тики человеческих отношений;

— во-вторых, возрастающий уровень активности личности, также предполагающий главным образом применение метода убеждения в большей мере, чем других способов социально-психологического воздействия (например, внушения).

Понятие убеждения. Понятие убеждения имеет ряд различных смысловых значений, из которых, на наш взгляд, три являются основными.

Во-первых, есть основание говорить об убеждении как специфическом элементе системы представлений и взглядов человека, неотделимых от всего его жизненного опыта и побуждений к деятельности.

Во-вторых, как о процессе освоения человеком внешнего мира, предполагающем качественное изменение исходных установок под влиянием жизненного опыта и идейного воздействия извне.

И, наконец, в-третьих, как о способе сознательного и организованного воздействия на психику индивида извне.

В данном случае речь пойдет именно о последнем смысловом значении понятия убеждения.

Специфика убеждения. Как и внушение, убеждение в качестве способа социально-психологического воздействия используется для того, чтобы превратить сообщаемую индивиду или группе лиц информацию в систему установок и принципов личности.

В отличие от внушения убеждение основывается на системе логических доказательств и предполагает осознанное отношение того, кто ее воспринимает.

Естественно, что исторически убеждение как способ социально-психологического воздействия стало применяться в социальной практике значительно позже, чем начали действовать механизмы социально-психологического внушения и заражения.

Это естественно, поскольку необходимость критического освоения, сознательного принятия или непринятия поступающей извне информации предполагает достаточно высокий уровень интеллектуального развития человека.

Из этого вовсе не следует, что в процессе формирования убеждений человека или в самом акте убеждающего воздействия отсутствует элемент неосознанного.

В свое время еще Платон отмечал, что убеждение людей может осуществляться не только путем логических доказательств истинности нового знания, но и путем внушения.

Ораторы и судьи, по мнению Платона, часто убеждают "не путем просвещения знанием, а путем внушения слушателям желательного для себя мнения" [5, с. 145].

Степень эффективности убеждающего воздействия в определенной мере зависит от степени заинтересованности в этом человека, на которого направлено данное воздействие.

Иными словами, не только в случае внушения, но и в случае убеждения необходим известный минимум предрасположения слушателя к восприятию и принятию сообщаемой информации.

"Внешняя власть, — писал в этой связи Л. Фейербах, — предполагает, стало быть, внутреннюю психическую власть, эгоистический мотив и интерес, без которого она для меня ничто, не проявляет надо мною власти, не внушает мне чувства зависимости. Зависимость от другого существа есть в действи-

тельности только зависимость от моего собственного существа, от моих собственных влечений, желаний и интересов" [6, с. 578].

Одним из важнейших признаков предрасположенности индивида к убеждающему воздействию является наличие заинтересованности в получении соответствующей информации, потребность в осмыслении волнующей проблемы.

Относительность границы между убеждением и внушением, между высокой и низкой степенями активности индивида в процессе переработки поступающей извне информации обнаруживается и в самом результате этих воздействий.

Одним из них является убеждение как элемент высокой степени активности взглядов и представлений человека, неразрывно связанных с его эмоциональной сферой и побуждениями к действию.

Убеждение и внушение. Если результатом внушения является преимущественно автоматическое, не всегда сознательное поведение как непосредственная реакция на внешнее воздействие, то результатом убеждения со временем также может стать даже бессознательное поведение.

Однако этим и исчерпывается сходство результатов внушения и убеждения, поскольку в отличие от внушения убеждение как способ воздействия не имеет своим прямым и непосредственным результатом бессознательное, привычное поведение.

Привычность и бессознательность поведения под влиянием убеждения могут стать лишь результатом полного слияния взглядов и представлений человека, выступающих в качестве убеждений, с его чувствами и волей.

А это достигается постепенно, по мере слияния убеждений со всеми другими важнейшими компонентами структуры личности.

Переход убеждений в побуждения. Процесс слияния или перерастания убеждений в побуждения личности является одновременно и высшим критерием прочности и действенности сформировавшихся убеждений.

"...Убеждение и знание только тогда и можно считать истинным, — писал Н. А. Добролюбов, — когда оно проникло внутрь человека, слилось с его чувством и волею, присутствует в нем постоянно, даже бессознательно, когда он вовсе о том и не думает" [7, с. 250].

В этом же смысле о закономерности перехода от стадии сознательного убеждения к убеждению-побуждению, переходящему в бессознательную привычку, говорил и А. С. Макаренко: "Наше поведение должно быть сознательным поведением человека бесклассового общества, но это вовсе не значит, что в вопросах поведения мы всегда должны апеллировать к сознанию. Это было бы слишком убыточной нагрузкой на сознание. Настоящая широкая этическая норма становится действительной только тогда, когда ее "сознательный" период переходит в период общего опыта, традиции, привычки, когда эта норма начинает действовать быстро и точно, поддержанная сложившимся общественным мнением и общественным вкусом" [8, с. 111—112].

Из специфики убеждения как структурного компонента личности, сочетающего в себе элементы сознательного и бессознательного, вытекает и необходимость учета природы убеждения при совершенствовании убеждения уже как метода педагогического воздействия.

Условия эффективности убеждающего воздействия. Сложность и многогранность процесса убеждающего воздействия предполагает воздей-

ствие как на рациональную, так и на эмоциональную сферы личности, активное взаимодействие убеждающего и убеждаемого, нередко перерастающее в явную или скрытую дискуссию.

Для того чтобы убеждение как метод воздействия было наиболее эффективным, оно должно отвечать целому ряду основных требований:

1. Содержание и форма убеждения должны отвечать уровню возрастного развития личности.

2. Убеждение должно строиться с учетом индивидуальных особенностей воспитуемого.

3. При всех условиях убеждение должно быть последовательным, логичным, максимально доказательным.

4. Убеждения должны содержать как обобщенные положения (принципы и правила), так и конкретные факты, примеры.

5. При убеждении часто бывает необходимым анализировать факты поведения, которые одинаково известны собеседникам. Это дает возможность избежать сомнений как в истинности самого факта, так и в характере общего вывода.

6. Убеждая других, воспитатель должен сам глубоко верить в то, что он сообщает (А. Г. Ковалев).

Включая в себя, с одной стороны, систему рассуждений и доказательств, а с другой — средства эмоциональной выразительности, действующие заразительно на собеседника, убеждение не сводится ни к одной из названных сторон.

Поэтому убеждение как способ социально-психологического воздействия нужно отличать, с одной стороны, от системы формально-логических доказательств и морализирования, а с другой — от способов простого заражения или возбуждения психического состояния окружающих.

14.5. Подражание.

Заражение и подражание. Одним из наиболее массовидных явлений социально-психологического общения является подражание, самым тесным образом связанное с заражением и внушением.

Вопрос о соотношении подражания, внушения и заражения является спорным. Часть исследователей рассматривает заражение как проявление подражания. Так, французские социологи А. Вигуру и П. Жукелье говорили о психическом заражении как разновидности подражания, квалифицируя, в частности, психическую заразу как случай непроизвольного подражания. "Психическая зараза является одной из форм подражания, но это подражание непроизвольное" [9, с. 190].

По мнению же французского социолога Г. Лебона, подражание, наоборот, представляет собой лишь частный случай заражения. "Подражание, — писал он, — которому приписывается такая крупная роль в социальных явлениях, в сущности составляет лишь одно из проявлений заразы" [10, с. 255].

Тард считал, что подражание связано с природой гипнотизма, является разновидностью последнего [11, с. 89].

В попытках сближения понятий заражения, подражания и внушения есть известная доля оснований, поскольку все эти механизмы социально-психологического общения не поддаются полному контролю сознания человека.

Этим, видимо, объясняется и то обстоятельство, что Б. Ф. Поршнев рассматривал подражание и внушение как различные формы психического зара-

жения людьми друг друга, ведущими к известной стандартизации поведения, а при определенных условиях и к нивелировке личности.

При этом уровень, степень интенсивности функционирования различных форм психического заражения в пределах той или иной социальной общности находятся в прямой зависимости от степени ее однородности, от уровня присущего этой общности сознания и чувства "мы", от степени внутренней солидарности, взаимного доверия, а следовательно, и степени взаимной внушаемости.

Чем сильнее чувство противопоставления "мы" и "они", тем выше коэффициент взаимной доверчивости и тем больше шансов для функционирования внушения и взаимной мистификации.

Вот почему, в частности, возможности для иллюзорных форм сознания столь велики (конечно, наряду с другими причинами) в условиях такой классически замкнутой формы общности людей, какой являлась, например, первобытная община.

Ясно, что опасность мистификации общественного сознания не в меньшей степени может угрожать и тем социальным общностям, которые доводят механизм противопоставления себя другим общностям до уровня сознательной изоляции от других наций и народов. Примером этого может служить история нацизма в Германии.

Стремясь подчеркнуть тесный характер взаимодействия заражения, подражания и других механизмов общения, некоторые исследователи иногда недооценивают те различия, которые существуют между этими механизмами.

Так, социальные психологи Г. Гибш и М. Форверг из факта тесного переплетения различных механизмов общения делают вывод о тождественности идентификации с сознательным подражанием: "Сознательное подражание... мы называем идентификацией. Если мы сознательно подражаем какому-либо живому существу, то мы идентифицируем себя с ним" [12, с. 128].

Конечно, сознательное подражание может в определенных случаях быть проявлением идентификации. Однако это не дает оснований для отождествления данных понятий.

Анализ наблюдений и экспериментальных данных, полученных целым рядом отечественных и зарубежных психологов, приводит к заключению, что процесс идентификации личности может осуществляться не только через подражание, но и через другие механизмы социально-психологического общения: заражение, убеждение, негативизм, конформизм и т. д.

Как правило, эти механизмы тесно переплетаются и взаимодействуют друг с другом. Так, по данным Т. В. Драгуно-вой, образцы поведения взрослых усваиваются подростками как путем прямого подражания (моде, курению, лексикону и т. д.), так и путем самовоспитания интеллектуальных и физических качеств.

Венгерские психологи В. Геллес и М. Дьердь, исследуя условия и мотивацию татуировки в среде 9—15-летних мальчиков — воспитанников детских домов, обнаружили различные механизмы идентификации, в том числе как подражание взрослым, так и негативизм по отношению к ним.

Таким образом, на основе всего сказанного выше есть основание различать понятия подражания и заражения, равно как и другие близкие к ним термины: внушение, идентификация, мода и т. д.

Различия между заражением и подражанием, на наш взгляд, сводятся к следующему: заражение характеризует подверженность индивида определенным психическим состояниям и осуществляется через сопереживание им этих внутренних психических состояний, настроений, переживаний других людей.

Подражание направлено на воспроизведение индивидом определенных внешних черт и образцов поведения, манер, действий, поступков, которые характеризуются и сопровождаются при этом определенной эмоциональной и рациональной направленностью.

Роль, виды и функции подражания. Явление социально-психологического подражания, подмеченное еще А. Смитом и исследованное Н. К. Михайловским, нашло отражение в работах Г. Тарда, Д. М. Болдуина, У. Мак-Дауголла, Г. Зиммеля и др.

Особенно большое значение этому феномену было придано в работах Г. Тарда. Последний разделял подражание на несколько видов: 1) логическое и внелогическое; 2) по последовательности и механизму движения — на внутреннее и внешнее; 3) по степени устойчивости — подражание-мода и подражание-обычай, 4) по социальной природе — подражание внутри класса и подражание одного класса другому и т. д. [11, с. 145, 200—251].

Рассматривая подражание как универсальное социальное явление, аналогичное наследственности в биологии и молекулярному движению в физике, Г. Тард пытался объяснить при помощи подражания всю общественную жизнь.

"В общественном отношении, — писал он, — все оказывается изобретениями и подражаниями; подражания — это реки, вытекающие из тех гор, что представляют собой изобретения" [11, с. 3].

Подражание, по Г. Тарду, выполняет функции воспроизведения, распространения и унификации изобретений и открытий, обеспечивая тем самым как прогресс, так и одновременно определенную стабильность социальных отношений и учреждений.

Благодаря подражанию и моде происходит "распространение нововведений", и одновременно благодаря этому же механизму население Европы, как отмечал Г. Тард, превратилось в "издание, набранное одним и тем же шрифтом и выпущенное в нескольких сотнях миллионов экземпляров" [11, с. 15].

Подражание как способ снятия психической напряженности выбора. Характеризуя природу и функции подражания, немецкий социолог прошлого века Г. Зиммель рассматривал последнее как "психологическое наследование".

Вместе с тем он видел в подражании средство приобщения индивида к системе групповых ценностей, позволяющее избавиться от тяжести персональной ответственности и мук выбора за счет предпочтения той или иной модели поведения. "Подражая, мы не только перекладываем с себя на других требование производительной энергии, но одновременно и ответственность за совершенное деяние; так оно освобождает индивидуума от муки выбора и позволяет ему выступать как сознание группы..." [13, с. 33].

Кроме того, в подражании Г. Зиммель видел одно из существенных средств взаимного понимания. "Подражание другому, — писал Г. Зиммель, — дает нам возможность посидеть в его шкуре..." [14, с. 125].

Большое значение подражанию как механизму массового поведения придавал Н. К. Михайловский.

"Непреодолимая сила бессознательного подражания, — писал он, — выдается иногда так резко из общих условий жизни, что относительно ее наличности не может быть никаких сомнений. Понятное дело, что в явлениях патологических интенсивность подражания должна выступать резче" [1, с. 135].

Критика концепции подражания Г. Тарда. Вместе с тем Н. К. Михайловский критиковал Г. Тарда за попытку абсолютизации им роли и значения подражания как фактора массового поведения.

Случаи психической заразы, отмечал он, при отсутствии определенных единоличных центров движения, несмотря на всю яркость, с которой в них выражается зараза, доходя до коллективных галлюцинаций, ясно свидетельствуют, что к одной заразе, к одному подражанию дело не может быть сведено.

Тарду, говорил он, даже в голову не приходит сделать соответствующие ограничения в области подражания. Психологическую сторону массовых движений Тард понимает грубо, односторонне, а стороны социологической, можно сказать, совсем не касается.

Обстоятельная критика концепции подражания Г. Тарда с марксистских позиций была дана в работах Г. В. Плеханова. В отличие от Г. Тарда, который поставил исследование законов подражания на ложную основу, абсолютизовав подражание, приписав ему неограниченную силу, превращавшую массы в слепых последователей героев, Г. В. Плеханов говорил об относительности той роли и того значения, которое имеет явление подражания в историческом процессе.

Он отмечал, что наряду с подражанием имеет место и определенное противодействие как отдельных лиц, так и целых социальных групп друг другу.

Кроме того, различая два вида подражания в пределах одного и того же класса и между классами, Г. В. Плеханов рассматривал подражание низшего класса высшему как признак неразвитости классового самосознания первого.

"Известно, — писал он, — что низшие классы подражают высшим. Но когда они делают это? Тогда, когда они еще не достигли самосознания. Подражание низшего класса высшему есть верный признак того, что низший класс еще не созрел для борьбы за свою эмансипацию..." [15, с. 117].

Но из сказанного не следует отрицание значения подражания как фактора социальной жизни.

Свойственное человеку подражание играет весьма существенную роль в человеческом поведении, накладывая отпечаток на психику людей и на их взаимные отношения друг с другом.

Под влиянием подражания формируются не только простейшие навыки деятельности, но и духовные ценности — идеи, вкусы, наклонности и манеры поведения.

"Что подражание играло очень большую роль в истории наших идей, вкусов, моды и обычаев, — писал Г. В. Плеханов, — это не подлежит ни малейшему сомнению. На его огромное значение указывали еще материалисты прошлого века: человек весь состоит из подражания, говорил Гельвеций" [16, с. 295].

Особенно велико положительное значение подражания на ранних ступенях становления и развития человеческой личности.

Но не только в онтогенезе, но и в филогенезе человечества подражание играло и сейчас продолжает играть несомненно прогрессивную роль.

Как справедливо отмечает в этой связи известный польский логик Т. Котарбиньский: "Нет обучения без подражания; достаточно представить себе это, чтобы понять огромное значение подражания для прогресса... Благодаря очередному и изменчивому прибавлению актов изобретения и актов подражания накапливаются и сливаются в законченное единое целое завоевания предков, прапредков и их современных потомков" [17, с. 874].

Природа и сущность подражания. Одной из наиболее распространенных в прошлом была попытка трактовки природы подражания с позиций инстинктивной теории (В. Вундт, В. Джемс, Г. Тард, У. Мак-Дауголл, Б. Болдуин, З. Фрейд и др.).

Подражание, по мнению В. Джемса, присуще человеку "наравне с другими стадными животными и представляет собой инстинкт в полном смысле этого слова".

Эта точка зрения, ведущая к отрицанию качественного различия между человеческими и животными формами общения, а тем самым и к биологическому редукционизму, уже была подвергнута обстоятельной критике в нашей социально-психологической литературе.

Условия и факторы подражания. Гораздо более оригинальной представляется трактовка природы подражания, предпринятая Н. К. Михайловским.

Последний различал внешние условия и внутренние факторы, предрасполагающие к подражанию.

Внешним по отношению к индивиду побудительным фактором подражания является, по его мнению, пример поведения человека, находящегося в каких-либо необычных обстоятельствах.

"Всякому случалось, — пишет он, — испытывать странное и почти неудержимое стремление повторять жесты человека, находящегося в каком-нибудь чрезвычайном положении" [21, с. 106].

Развивая свою мысль, Н. К. Михайловский конкретизирует ее на примере большой заразной силы актов преступления и наказания, если они становятся объектом публичного созерцания.

Эту же мысль Н. К. Михайловский поясняет на примере "радения" у сектантов, где подражательный элемент играет существенную роль, поскольку вид бешено крутящегося человека увлекает и других.

Наряду с внешними Н. К. Михайловский различал и внутренние, предрасполагающие к подражанию механизмы психической деятельности людей. К таким предпосылкам он относил скудность, бедность внутреннего мира индивида.

"Разнообразие общественной жизни, взятой в целом, может, как я много раз это доказывал, находиться в прямом противоречии с богатством личной жизни и даже обуславливать собою ее однообразие, скудность, односторонность. И в таком случае мы найдем, может быть, чрезвычайную склонность к подражанию" [1, с. 163].

Однако однообразие и скудность внутренней жизни приводят к подражанию при условии предрасположенности к внешнему воздействию, внушаемости, слабости воли и недостаточно развитой способности сознательного контроля своих действий.

Подражательность, по мнению Н. К. Михайловского, "даже в наивысших своих болезненных формах есть лишь специальный случай омрачения сознания и слабости воли, обусловленный какими-то специальными обстоятельствами" [1, с. 154].

Вот почему люди терпеливые и волевые, способные на большое и длительное напряжение сознания и воли, не склонны, как правило, к подражанию.

"Эти люди, так полно владеющие собой, так сильно задерживающие самые, по-видимому, неизбежные двигательные реакции на внешние впечатления, очевидно, не могут быть склонны к подражанию" [1, с. 160].

Признавая правомерность указания на роль элементов бессознательного и фактор предрасположенности к подражанию, нельзя вместе с тем абсолют-

зировать значение и этих моментов в самом механизме подражания.

А. М. Агальцев, на наш взгляд, совершенно справедливо и достаточно аргументированно критикует точку зрения тех психологов, которые рассматривают подражание как проявление врожденных способностей, исключающих момент научения и освоения нового жизненного опыта.

Возражая против одностороннего сведения подражания к акту автоматического и бессознательного повторения заданного образца, он вполне резонно настаивает на необходимости рассмотрения подражания как достаточно сложного социально-психологического явления, предполагающего не только слепое копирование, абсолютное повторение, но и творческое воспроизведение того или иного примера.

Но как простое копирование, так и творческое воссоздание того или иного образца поведения всегда является в более широком смысле процессом воспроизведения какого-то акта.

Отсюда уже делается и совершенно обоснованный вывод относительно формулировки самого понятия подражания, которое бы позволило наиболее полно охарактеризовать его с самых существенных сторон. Подражание есть воспроизведение образца или примера с учетом имеющегося опыта и обстоятельств воспроизведения.

Разумеется, все сказанное относительно природы, социальной роли и функций подражания как социально-психологического явления далеко не исчерпывает всех сторон рассматриваемой проблемы. В настоящее время особенно актуальной становится разработка вопроса о механизмах и структуре самого процесса подражания, об индивидуально-типологических особенностях подражания и др.

14.6. Мода как самый динамичный феномен и механизм человеческого общения.

Понятие моды. Мода относится к числу наиболее распространенных и динамичных явлений социально-психологического общения.

Мода — это специфическая и весьма динамичная форма стандартизированного массового поведения, возникающая преимущественно стихийно под влиянием доминирующих в обществе настроений и быстро изменяющихся вкусов и увлечений.

Мода — не только одна из специфических форм массового поведения людей, но и своеобразный социально-психологический механизм человеческого общения, придающий ему высокую подвижность, заряд разнообразия и перемен.

Природа непостоянства моды достаточно многогранна. Она связана как с переменами условий человеческой жизнедеятельности, особенно ростом предметно-производительной активности людей, так и с ростом их внутренних, социально-психологических потребностей.

Социальные факторы динамизма как специфического свойства моды.

Все, кто писал о моде, отмечают ее способность к изменениям, динамизм, постоянное стремление к новизне и мимолетность. Динамизм, ветреный характер моды был отмечен в свое время Вольтером, но касался мод высшего, аристократического общества. У крестьян были свои обычаи, свой традиционный наряд, а буржуазия еще мало подчинялась моде и только изредка подражала аристократии.

С ускорением изменений в социально-экономических условиях жизни, под влиянием социального и научно-технического прогресса происходит ускорение темпов изменения в самой моде. На это в свое время обратил внимание один из родоначальников немецкой социологии — Г. Зиммель.

С возникновением "нетерпеливого" темпа современной жизни, отмечал он, мода становится одновременно и началом, и концом, и новизной, и мимолетностью, "бытием и небытием", постоянно находясь на водоразделе прошлого и будущего. "Нечто одинаково новое и быстро распространившееся в жизненной практике не называют модой, если верят в его прочность и рациональную обоснованность; только тот назовет это модой, кто убежден, что данное явление так же исчезнет, как и пришло" [13, с. 42—43].

Исходя из положения о том, что мода оказывает влияние на экономическую жизнь и определяет потребление, В. Зомбарт показал воздействие моды на изменение формы потребления. "По отношению к экономической жизни, — писал он, — нужно принять во внимание главным образом два явления, неизбежно сопутствующие моде: 1) создаваемую ею изменчивость и вместе с тем 2) единообразие форм потребления, вызываемое, несомненно, всякой модой" [18, с. 336]. Исходя из этого, Зомбарт дает определение моды: всякое изменение вкусов, ведущее к преобразованию потребления в течение жизни одного поколения, есть "мода".

Эпохальные особенности моды. По Зомбарту, мода в буржуазном обществе в отличие от мод прежних эпох характеризуется тремя особенностями:

1) необозримое множество предметов потребления, подлежащее влиянию моды (это многообразие создается благодаря громадному обогащению мира товаров);

2) проявляющаяся лишь в наше время абсолютная всеобщность моды (сущность современной моды — охват всего культурного мира, не ограничиваемого никакими территориальными или сословными рамками);

3) бешеный темп изменчивости моды, вызванный конкуренцией предпринимателей, которые вынуждены ради своего успеха производить товары не лучше и дешевле, а в ином, измененном виде.

Современная мода, говорил Зомбарт, "любимейшее дитя капитализма" [18, с. 350] — она возникла из самой его сущности и выражает его самые характерные особенности. К характерным особенностям развитого капитализма Зомбарт относил: а) частую смену предметов спроса; б) ускорение, а вследствие этого и сокращение каждого отдельного акта пользования, когда происходит интенсификация удовлетворения потребностей; в) коллективизацию в удовлетворении спроса [19, с. 91—103].

По мнению Зомбарта, причина изменения привычек потребления кроется не столько в новой технике производства товаров и удешевлении их, сколько в изменении условий жизни. Вместе с видоизменением техники и внешних условий жизни выросло новое поколение людей, стремящихся даже в обстановке своей жизни выразить "неутомимость и беспокойство своего внутреннего "я". "Мы, — писал Зомбарт, — желаем перемен в предметах нашего потребления. Наши нервы раздражает, если мы принуждены видеть на себе и на окружающих нас все одно и то же платье. Людями овладела потребность к переменам, которая нередко даже вырождается в грубость при обращении со своими старыми вещами" [18, с. 334].

Таким образом, ускорение хода экономических изменений, а вместе с ним и изменений в образе жизни людей сказывается, по Зомбарту, на психическом состоянии человека, создает потребность в постоянном обновлении

предметной и духовной среды. А это, в свою очередь, опять ведет к ускорению и сокращению циклов производства и потребления материальной и духовной продукции.

Социально-психологические механизмы моды. Будучи универсальным механизмом массового общения мода вместе с тем сама подчиняется действию ряда социально-психологических механизмов коммуникативного поведения людей. Таких основных механизмов два — это уподобление и обособление.

Прежде всего, различие и даже противоположность названных выше двух типов влияния и отражения влияний в процессе общения — негативистского и конформистского — вовсе не означает, что в жизни они существуют в обособленном друг от друга виде. В ряде социально-психологических явлений, например в таких, как мода, они могут вполне уживаться. Действительно, что такое мода и каков ее социально-психологический механизм?

В моде реализуется механизм уподобления, идентификации людей, придерживающихся одной какой-либо моды. Стоит ли за этим только конформистский тип поведения личности, ее неспособность устоять перед диктатом и впечатляющей силой какого-то повального увлечения — это уже другой вопрос.

По-видимому, конформность личности — развитое в ней чувство не выделяться из других, быть такой же, как и все, и т. д. — объясняет лишь те случаи подчинения моде, когда последняя уже успела захватить значительные массы людей. А как быть в тех случаях, когда новая мода еще только зарождается? В таких случаях, вероятно, сильнее действует уже не столько механизм уподобления (быть таким же, как те немногие, которые отличаются от других), сколько механизм обособления, выделения себя из основной массы людей. Последний может проявляться как в совершенно стихийной, малоосознаваемой, так и более или менее отчетливо идейно-очерченной форме.

Примером первого могло служить битничество за рубежом. Манера неопрятно одеваться, не бриться, не причесываться, вести себя шумно, вызывающе являлась своеобразной формой стихийного и во многом бессознательного протеста части молодых людей капиталистических стран против социальной несправедливости, социальной неустроенности, отупляющего однообразия жизни и ее бесперспективности.

Но в моде есть не так уже мало места и для сознательного выбора форм поведения. Заразительность и подражание могут объяснить однообразие в манере одеваться, вести себя определенным образом. Однако этим не объяснишь, почему одни люди ориентируются только на моду в одежде, в то время как другие — на моду в духовной сфере (модная постановка, модный роман, даже модное направление в науке). Здесь, видимо, как раз и проявляется сознательный выбор человеком той или иной материальной или духовной ценности, на которую и стоило бы ориентироваться в первую очередь.

Противоречивость моды. Уже в действии отмеченных выше социально-психологических механизмов общения (уподобления и обособления) заложена противоречивая природа моды.

С одной стороны, мода, подобно привычке, обычаю и нравам, представляет собой определенный образец поведения, который обладает высокой степенью устойчивости и сопротивляемости в пределах своего существования. Мода обладает большой силой санкционирующего воздействия на поведение, вкусы и систему ценностей различных социальных групп. Мода, как и обычай, представляет собой определенный образец поведения в рамках социальной группы, нарушение которого вызывает негативные оценки.

Вместе с тем мода — достаточно динамичный феномен, который в отличие от более устойчивых образцов поведения, какими являются нравы и обычаи, не оформляется и не закрепляется сколько-нибудь надолго в качестве необходимого атрибута официальной структуры социальной организации.

Мода как форма нетрадиционного поведения. Мода является формой нетрадиционного поведения и первоначально всегда содержит в себе момент отрицания определенных эстетических и нравственных представлений, вкусов и обязанностей. Этот момент ассоциируется нередко со скрытым протестом против сложившихся социальных норм, господствующего образа мышления и институтов.

Однако, выступая в качестве способа выражения новых настроений, вкусов, веяний, потребностей человека в обновлении, мода никогда не бывает и не может быть по своей природе надежным и радикальным способом социального обновления в силу своей же природной консервативности.

Консерватизм моды. Мода консервативна прежде всего потому, что, возникнув и отрицая что-то в старом, она сама претендует на то, чтобы обрести авторитет непререкаемого стандарта, поощряющего лишь к воспроизведению заданного образца. И в этом суть "деспотизма" моды.

Другой источник природного консерватизма моды заключается в крайней ограниченности, локальности социальных масштабов всех модных нововведений. Мода потому и обретает широкий характер, что, удовлетворяя потребность в обновлении в разных областях, вместе с тем не требует от своих последователей сколько-нибудь серьезного изменения их образа жизни.

Иное дело революционные преобразования и действительные перевороты, глубоко обновляющие целые сферы духовной культуры человечества или всю систему социальных отношений.

Мода представляет собой лишь частичную смену внешних культурных форм. Между тем как действительно новые достижения культуры, которым принадлежит долгое будущее, не являются модой.

Следует, однако, отметить, что новые и бесспорные достижения человеческой мысли, науки и культуры могут на известных этапах своего внедрения в культурную сокровищницу человечества быть предметом моды. Такова судьба многих новейших направлений в науке: математического направления в физике, ядерной физики, кибернетики, социальной психологии и др., каждое из которых либо уже пережило, либо еще переживает это состояние.

Мода как способ социально-психологической защиты. Несмотря на свою внутреннюю противоречивость, мода несет в себе вполне целесообразную и несомненно полезную для человека роль средства или способа социально-психологической защиты от различных стрессогенных факторов социальной жизнедеятельности людей.

Будучи формой стандартизированного массового поведения, мода не противоречит потребностям индивида в психической стабилизации и средствах психической защиты от динамичности жизни, психической перегрузки впечатлениями и информацией.

Здесь она, подобно механизмам эмоционального торможения, стереотипизации и инерции психической деятельности, выступает в роли своеобразного фактора стабилизации человеческого образа жизни в бурном потоке разнообразия и изменений, порождаемых научно-технической революцией.

Защищая человека от психической нагрузки, мода сводит к стереотипу человеческое поведение, эмоции, вкусы. Беря готовый модный стандарт, мы не

тратим время и энергию на "плавание" в океане новых вещей. Этим мода несет в себе и внушительный заряд деперсонализации.

Мода как стимулятор психической активности. Однако та же мода способна выступать и в противоположном качестве — стимулятора психической активности, инициативы, перемен и разнообразия в образе жизни человека. Для тех, кто может и хочет включиться в эту гонку за разнообразием, мода предоставляет целый набор различных вкусовых символов и характеристик.

Мода как универсальный социально-психологический механизм компенсации неудовлетворенных потребностей. Способность моды быть средством психической защиты личности лишь частный случай или одна из составляющих ее роли в качестве универсального социально-психологического механизма компенсации всего многообразия неудовлетворенных потребностей человека.

На эту роль моды указывали Ж.-Ж. Руссо, Г. Зиммель, В. Зомбарт, Э. Богардус и др. Мода компенсирует неудовлетворенные или недостаточно удовлетворенные потребности личности или социальной группы, выступая тем самым в качестве регулятора социальных потребностей. Г. Зиммель связывал, в частности, с этой функцией различное отношение мужчин и женщин к моде: нонконформизм первых и конформизм вторых. Особая приверженность к моде женщин и сравнительно безразличное отношение к моде мужчин обусловлены их различным социальным положением. "Исторические факты... — пишет Г. Зиммель, — позволяют видеть в моде как бы клапан, высвобождающий потребность женщины в некотором отличии и в личном возвышении, когда в других областях удовлетворение этой потребности им недоступно" [13, с. 49].

Мода как способ обновления жизненных впечатлений. Не менее значима и способность моды выступать в качестве фактора стимуляции психической жизнедеятельности человека.

В отличие от других механизмов психической стабилизации, мода выступает прежде всего как механизм компенсации неудовлетворенной или недостаточно удовлетворенной потребности индивида в психической разрядке и обновлении жизненных впечатлений.

Действие системы психологических барьеров с их фильтрами торможения эмоций, стереотипами восприятия и инерцией переживаний обрекает часто человека на однообразие и монотонность жизненных впечатлений.

А повторяющееся воздействие одних и тех же раздражителей приводит к торможению соответствующих участков головного мозга. И мозг начинает требовать новых раздражителей, без чего невозможна его активная деятельность. Вводя в обиход массу новых раздражителей — в одежде, предметах быта, стиле поведения и др., — мода как бы прерывает поток однообразных жизненных впечатлений.

И тут уже зависит от самого человека, какая именно функция моды его больше всего устраивает: мода как способ защиты от стресса или мода как способ сделать свою жизнь "разнообразной".

Однако как стремление к разнообразию, так и внешне противоположное ему тяготение к стабильности в конечном итоге могут иметь одну общую основу, связанную с потребностью человека в защите, утверждении и проявлении своего Я. И если в одном случае способом сохранения самоидентичности личности оказывается гонка за разнообразием, то в другом — средством психологической саморегуляции индивида в условиях неадекватных его натуре

перемен оказывается приверженность к готовому стереотипу и шаблону.

Иными словами, как в первом, так и во втором случае речь идет о моде как способе самовыражения личности с учетом ее индивидуально-типологических особенностей.

Мода как способ самовыражения. Известно, что при огромном потенциале мозга к концу жизни человека реализуется лишь незначительная часть его творческих возможностей. Человек пока не научился в полной мере проявлять себя, и этот разрыв между тем, что ему дано природой, и тем, что он использовал из этого дара, становится нередко для него настоящей драмой. Последняя усугубляется научно-технической революцией, которая несет с собой унификацию, и стандартизацию производства, а как следствие, и некоторых сторон человеческого поведения, бытия.

Мода же позволяет человеку легко и просто выделиться. Достаточно необычно одеться — и вот на тебя уже обратили внимание. Тем самым мода компенсирует потребность индивида во внимании окружающих, в самовыражении, не требуя особых творческих усилий, и в этом смысле она весьма "демократична" как способ персонификации. Конечно, такой способ самовыражений — дешевый заменитель, суррогат.

Но почему же все-таки при всей своей суррогатности мода остается на вооружении индивида как способ самовыражения? А потому, что мода еще и престижна. Она нередко выступает чуть ли не как синоним "современности" человека.

Именно эти престижные соображения во многом объясняют тот факт, что в прошлом мода была в основном "женской" заботой. Ущемление гражданских прав, принижение социальной роли женщин требовали хотя бы частичной компенсации и находили ее в моде. Вычурная, капризная, яркая женская мода как бы содействовала повышению престижа женщины, по крайней мере в собственных глазах.

Теперь положение изменилось. Мужская мода ожила, "забеспокоилась", даже перекинулась на чужую территорию. И вот мы видим у мужчин длинные волосы, рубашки и галстуки столь ярких тонов, которые еще полвека назад считались исключительной прерогативой женщин.

Разумеется, мода — достаточно примитивный, суррогатный, хотя и весьма распространенный способ завоевания престижа, способ самовыражения.

Границы потенциала и возможностей моды. Несмотря на многообразие функций моды ее социально-психологический потенциал и возможности позитивного влияния на человека далеко не безграничны. Моде скорее сближает, чем выделяет человека из мира животных.

Установлено, что некоторым видам высокоорганизованных животных свойственно поведение, которое в какой-то степени напоминает "моду". Такая разновидность дельфинов, как афалины, отличается большим пристрастием к ношению на себе различных предметов. Вот как описывают поведение афалины по имени Игрунья ведущие научные наблюдения сотрудники батумского дельфинария: как то в шутку Игрунье повесили на хвост ярко-красный бант. Несколько часов она гордо носила украшение. Когда же узелок развязался, она перехватила ленточку плавником и двое суток носила ее, бережно прижимая к себе [20, с. 104]. Обезьянам тоже свойственно играть с предметами на зависть соплеменникам. Однако у них в этом проявляется действие механизма подражания, поскольку на длительное и серьезное увлечение новым предметом они не способны. Дельфины же в состоянии не только "нарядиться", но и длитель-

ное время дорожить своим украшением. "Модное" поведение дельфинов — проявление своеобразного стремления животных к игре. Игры и другие развлечения любых животных этологи рассматривают как своеобразную тренировку движений, которые они применяют при поиске и ловле добычи, защите от врагов и т. д. Трудно представить себе, какое практическое применение могли бы найти дельфины умению плыть, балансируя мячом на кончике носа, или увешиванию себя разноцветными тряпочками. Скорее всего, это делалось просто ради наслаждения самим процессом игры, ради удовольствия, получаемого от сознания собственной ловкости [20].

У человека мода выступает как своеобразный способ повышения самооценки и оценки в глазах окружающих, однако связь ее с факторами престижа становится все менее прочной. В наше время (и чем дальше, тем в большей степени) главным престижным фактором оказываются способности человека, его полезная деятельность. Не случайно по-настоящему талантливые люди были всегда равнодушны к причудам моды. Их потребности в обновлении, в самовыражении, в общественном престиже удовлетворялись в творчестве.

Сегодня уже в массе своей люди начинают понимать, что главный престижный фактор — общественно полезная деятельность, что ее невозможно имитировать, тем более иллюзорными символами моды.

Мода и образ жизни. Вместе с тем было бы ошибочно и недооценивать роль и значение моды как реального социально-психологического механизма замещения целого ряда существенных потребностей человека, возникающих в связи с развертыванием научно-технической революции. Эту функцию и роль моды как социально-психологического явления нельзя игнорировать и при решении практических задач, связанных с совершенствованием тех или иных сторон образа жизни человека.

Необходимость развития системы бытового обслуживания и массового потребления в нашем обществе потребовала и учета феномена моды.

Оперативное удовлетворение массового спроса с учетом моды и ее изменений является существенным фактором активизации человеческой жизнедеятельности, стимуляции эмоциональной энергии, а психическое состояние, настрой и душевный комфорт человека служат важным качественным показателем уровня жизни.

Но нельзя и преувеличивать позитивное значение и возможности моды как фактора оптимизации образа жизни.

Мода — суррогатный механизм замещения подлинных ценностей. В известном смысле мода альтернативна действительно творческой активности человека, направленной не на внешнее, а на более глубокое, внутреннее обновление условий его жизнедеятельности.

А то обстоятельство, что она может получить большое распространение как механизм обновления, вполне объяснимо тем, что мода не противоречит системе психологической защиты индивида с ее эмоциональным торможением, стереотипами и силой психической инерции.

Мода сама оказывается динамичной формой стереотипного поведения. Она позволяет человеку снять противоречие между инерцией переживаний прошлого опыта и необходимостью постоянного психологического включения в новый цикл жизненных ситуаций. Мода освобождает индивида от доминанты прошлого опыта и тем самым помогает ему овладеть механизмом оперативно-переключения своего внимания и активности с одной ситуации на другую. Однако мода остается при этом всего лишь одним из механизмов компенсации потребности в действительном обновлении.

Хорошо согласуясь с механизмами разрядки, торможения, стереотипизации и инерции психических процессов, мода не является да и не может быть ни сколько-нибудь существенным способом самовыражения, самоутверждения человеческой индивидуальности, ни способом удовлетворения потребности в обновлении социальной среды. Она всего лишь суррогатный способ замещения этих потребностей индивида. Способ же, которым мода разрешает противоречие между доминантой прошлого опыта и требованиями сиюминутной ситуации, таит в себе опасность духовного оскудения и нивелирования личности.

Это делает необходимым поиск таких механизмов удовлетворения потребностей человека, связанных с научно-техническим прогрессом, которые лежат на путях реализации его духовного потенциала, совершенствования его способностей.

Возможен ли социальный контроль моды? Границы эффективности моды, ее в конечном итоге суррогатный характер в качестве средства замещения более полноценных человеческих потребностей, да и ее прямые, а иногда и опасные издержки — все это ставит социально-психологическую науку и практику перед серьезной проблемой контроля процесса модообразования.

Но если механизм моды столь сложен и многообразен, то может ли общество контролировать и регулировать как-либо приливы и отливы социальных увлечений, да и есть ли в этом какая-нибудь необходимость?

Такая необходимость, конечно, существует, если учесть то обстоятельство, что мода обладает большой силой санкционирующего, внушающего и впечатляющего воздействия и может проявляться к тому же во всех сферах жизни общества — в экономической, политической, бытовой и духовной. В связи с модой, например, на дамские сумочки из крокодильей, а затем и тюленьей кожи возникла серьезная опасность поголовного истребления ценных пород животных в определенных районах земного шара. Или другой, аналогичный пример. Несколько лет назад западноевропейская печать писала о серьезной опасности истребления леопардов: вследствие моды на шубы из шкуры этого зверя, возникшей из подражания известной киноактрисе Брижитт Бардо.

Под влиянием моды может расти или, наоборот, катастрофически падать спрос на те или иные виды легкой промышленности. Модой могут стать и политические устремления, увлечения и настроения людей. Свою печать мода может наложить и на отношение людей к науке. В 60-х годах, например, у нас было модно считаться социологом. В силу этого широкий круг людей, начиная от ученых различных специальностей (экономисты, юристы, историки и т. д.) и до работников транспорта, торговли, милиции и т. д., сплошь и рядом были склонны зачислять себя в разряд социологов только потому, что в своей деятельности так или иначе имеют дело с различным фактическим материалом, получаемым путем наблюдения, опроса или изучения статистических данных.

Поголовное увлечение социологией, превращение ее в моду, конечно, не представляло серьезной угрозы для науки. В этой моде была даже определенная польза, состоящая в том, что в атмосфере повышенного интереса к данной области знания более активно происходил процесс отбора и подготовки людей, действительно серьезно относящихся к данной науке. Кроме того, атмосфера всеобщей заинтересованности создавала благоприятные условия для роста авторитета науки и способствовала популяризации ее методов и их применению в практической деятельности общества.

Нельзя не учитывать полезности и той тяги к знаниям, того интереса к общественным дисциплинам и человеку, которыми сопровождалась данная мода. А создание такого умонастроения, когда критерием эффективности

практической деятельности становился научный подход, соразмерение ответственных решений и всей социальной практики не со спекулятивными и субъективными соображениями того или иного администратора, а с конкретным эмпирическим материалом, — создание и распространение такого умонастроения как среди исполнителей, так и среди руководителей являлось важнейшим условием повышения эффективности всей практической деятельности общества.

Но данная мода могла создать и нередко создавала опасность легковесного отношения к самой науке.

Из всего сказанного вытекает необходимость контроля и по возможности влияния, а в какой-то мере и формирования моды как социально-психологического явления независимо от того, к каким бы сферам социальной практики она ни относилась.

Но можно ли управлять модой? Можно. Для этого нужно серьезно изучить ее механизм и найти эффективные средства социального контроля за процессом возникновения, изменения и развития моды. Это делается в области быта в той мере, в какой различные центры, дома и салоны мод улавливают определенную направленность изменения вкусов людей в тот или иной отрезок времени и, творчески осмыслив и переработав критически эти веяния, находят свои, новые, модели одежды, обуви, мебели, вплоть до оформления интерьера жилищных и служебных помещений и т. д.

РАЗДЕЛ ШЕСТОЙ

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ СОСТОЯНИЯ

ГЛАВА 15. СОСТОЯНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХИКИ В КАЧЕСТВЕ ПРЕДМЕТА ИССЛЕДОВАНИЯ

15.1. Понятие, природа и функции состояний социально-психологических явлений.

Феномен состояния в социальной психологии. Особенности психического состояния человека и его проявлений в групповом, коллективном и массовом сознании и поведении людей издавна привлекали внимание социальных психологов. Уже в последней четверти XIX века в эпицентре внимания Тарда и Лебона во Франции, Н. К. Михайловского в России оказалось специфическое состояние такого феномена группового объединения и поведения людей, каким является толпа.

В отличие от других форм совместной психической деятельности людей именно в толпе были обнаружены такие сдвиги в ее психическом состоянии, которые характеризовались повышенной возбудимостью, впечатлительностью и внушаемостью, реактивностью, снижением чувства личной ответственности, ощущением своей силы и анонимности у ее представителей.

Другим, не менее популярным и привлекавшим внимание исследователей психическим состоянием массы людей являлась паника. Как специфический феномен динамики группового и массового психического состояния людей, паника была интересна своей спонтанностью и той силой дезорганизации и утраты способности к осмысленному действию, которые она придавала групповому поведению.

Несколько позже, уже в начале XX века, в поле зрения социальных психологов попал такой феномен группового и массового психического состояния, каким являлось общественное настроение, побуждавшее людей к тем или иным действиям и движениям (В. М. Бехтерев). В дальнейшем сфера видения различных состояний социально-психологических явлений все более расширялась по мере развития данной отрасли научного знания.

Статус категории состояния в социальной психологии. Несмотря на то, что становление социальной психологии оказалось изначально связанным прежде всего с изучением феноменологии состояния группового и массового сознания и поведения людей, это явление до настоящего времени не нашло должного отражения в соответствующих ему понятиях и категориях. Не только в учебниках, но и в монографической литературе по проблемам социальной психологии пока так и не стало предметом специальной разработки ни это явление во всем его многообразии, ни соответствующая ему научная категория, которая позволила бы судить о его сути и специфике.

Это не означает отсутствия интереса исследователей к социально-психической феноменологии состояния как таковой. Сегодня данный интерес к различным проявлениям психического состояния человека находит многообразные формы выражения как у социальных психологов, так и у представителей общей психологии и социологии. Об этом свидетельствует, например, рост публикаций по проблемам социально-психологического климата коллектива и

общественного настроения¹⁸.

Однако это принципиально никак не меняет обозначенную выше ситуацию. Отсутствие даже попыток обобщенной постановки проблемы состояния в социальной психологии объясняется, на наш взгляд, рядом обстоятельств. Во-первых, сложностью, структурной многозначностью и многокачественностью проявлений состояния социальной психики. Во-вторых, трудностью перехода от специальных исследований тех или иных частных проявлений, видов и форм психических состояний к их обобщенному осмыслению.

Об этом свидетельствует и тот разрыв во времени между первыми исследованиями психических состояний (чувств, эмоций, переживаний, аффектов, страстей, настроений) и последующей за ними обобщенной постановкой проблемы состояния, которая имела место в общей психологии. Обращение к исследованию явлений этой сферы имело место уже в последней четверти XIX — начале XX века, а первая постановка проблемы психического состояния с позиций общей психологии относится лишь к 50-м годам. Впервые вопрос о психических состояниях как самостоятельный был поставлен Н. Д. Левитовым в 1955 году [1, с. 14].

Понятие состояния социальной психики. Если в рамках традиций общей психологии понятие психического состояния адресуется индивиду, реже личности, то в социальной психологии круг его носителей значительно расширяется. Он включает в себя не только отдельного индивида как субъекта психического состояния, но и группы людей. В соответствии с этим принято говорить о состояниях больших и малых групп, о состоянии коллектива, например, его климате или о состоянии массового сознания и поведения людей.

Но поставим вопрос иначе: меняется ли понимание самой сути феномена психического состояния в зависимости от подхода к нему представителя общей или социальной психологии?

Для более развернутого суждения по этому поводу сравним то определение психического состояния, которое было в свое время предложено психологом Н. Д. Левитовым, с толкованием этого явления как социально-психологического другими авторами.

По мнению Н. Д. Левитова, психическое состояние "это — целостная характеристика психической деятельности за определенный период времени, показывающая своеобразие протекания психических процессов в зависимости от отражаемых явлений действительности, предшествующего состояния и психических свойств личности" [1, с. 20]. В этом определении существенны следующие свойства состояния: целостность, временный характер (динамизм), производность от ситуативных факторов, предшествующих состояний и свойств личности. Л. В. Куликов акцентирует внимание на интегрирующей функции состояния и его актуальных фазах, отражающих различные линии изменения психики [2, с. 15].

Нам представляется, что для определения понятия психического состояния применительно к его социально-психологической феноменологии вполне достаточно ограничиться указанием на динамизм, интегральность и целостность данного явления в его соотносительности с двойной субъектной принадлежностью — личности и общности. Существенно при этом учесть и сформулированное в свое время, еще в конце XIX — начале XX века, психологом Вильямом Джемсом представление о состоянии психики как о "неповторимом потоке сознания" в противовес "атомистическому" взгляду на это явление, характер-

¹⁸ См. литературу к главам 17 и 20.

ному для вундтовской школы [3, с. 434]. В. Джемс же впервые предложил в качестве синонима термина состояние термин настроение [1, с. 8].

На наш взгляд, это предложение В. Джемса имеет глубокий смысл, который так и не получил должного понимания ни у его последователей, ни у комментаторов его концепции. Между тем есть основание полагать, что по своей сути любое психическое состояние человека представляет собой определенный настрой всех проявлений его психики. Разумеется, при этом следует учитывать те смысловые оттенки, которые имеют место при сопоставлении терминов настрой и настроение, о чем речь пойдет несколько позже.

Пока же с учетом всего только что сказанного можно было бы предложить такое определение: состояние социальной психики — это динамическая структура всех ее психических проявлений в каждый данный момент жизнедеятельности как отдельного индивида, так и той или иной общности людей.

Состояние психики человека представляет собой психический настрой, который характеризуется как предметной направленностью его внимания, так и уровнем эмоционально-энергетической активности.

Феномен состояния психики может рассматриваться с различных сторон в качестве психического состояния: личности, общности, общения, деятельности, сознания, отношений и др.

Природа состояния социально-психологических явлений.

Состояние социальной психики человека в конечном итоге — результат интегральной оценки всей совокупности информации, получаемой субъектом в тот или иной промежуток времени относительно степени соответствия его потенциала, возможностей и статуса в данный момент уровню его же притязаний, ожиданий, планов и надежд.

В числе переменных, влияющих на психическое состояние индивида в тот или иной отрезок времени, как его физическое самочувствие, так и ситуативные факторы среды, так или иначе согласующиеся или, наоборот, не согласующиеся с его ближайшими или более удаленными планами, намерениями и ожиданиями.

При оценке психического состояния личности в ситуации группового взаимодействия особую актуальность приобретает ее статус, престиж и рейтинг популярности среди других. Аналогично влияние на психическое состояние успехов или неудач, порицания или поощрения и в ситуации совместной деятельности любых групп (как малых, так и больших).

В конечном итоге одним из важнейших факторов, влияющих на психическое состояние как личности, так и общности, оказывается степень эффективности деятельности субъекта, стабильность его статуса и перспективы роста.

Интегральная оценка всех плюсов и минусов жизнедеятельности личности и общности, оказывающих влияние на их психическое состояние, есть, в свою очередь, продукт сложного взаимодействия различных механизмов и функций этого состояния, занятых обработкой поступающей информации.

Последняя носит во многом скрытый характер, не поддающийся в полной мере контролю сознания. Из этого вытекает в ряде случаев безотчетность, многозначность или неопределенность самого психического состояния.

Применительно к феномену состояния массового настроения, например, эта фаза характеризуется как стадия "брожения" [4, с. 222].

Функции состояний. Функциональная характеристика состояния социально-психологических явлений связана как с определением влияния их внутренних механизмов на данное состояние, так и с оценкой роли самого состоя-

ния в жизнедеятельности его субъекта. В связи с этим правомерно говорить о таких функциях психического состояния, которые направлены преимущественно на его собственное формирование как: интегративная, регулятивная, оценочная, защитная, или компенсаторная, рефлексивная, или эвристическая.

Интегративная функция психического состояния субъекта связана с формированием его цельности из большого многообразия психических процессов, протекающих в единицу времени.

Регулятивная функция нацелена на преодоление рассогласованности как между изменениями психических процессов и инерцией прошлого состояния, так и между ними и установками субъекта.

Оценочная функция направлена на определение уровня оптимальности, характера психического состояния и диагностику степени его соответствия текущим обстоятельствам жизнедеятельности субъекта.

Защитная, или компенсаторная, функция предполагает поиск субъектом мер противодействия тенденциям снижения качества психического состояния и использования механизмов психической саморегуляции.

Рефлексивная, или эвристическая, функция состоит в развитии потенциала осознания субъектом природы изменения его психического состояния, факторов, оказывающих на него влияние, и путей его уравнивания, контроля и регуляции. Эта функция предполагает формирование осознанного отношения ко всем другим функциям — интегративной, регулятивной, оценочной и защитной.

Наряду с этими можно различать и функции, направленные вовне, т. е. на внешнюю среду субъекта психического состояния. К ним мы относим:

— коммуникативную функцию, предполагающую самокоррекцию психического состояния субъекта с учетом реальной ситуации и достижения интересов эффективного как делового, так и межличностного общения;

— воспитательную функцию, связанную с осуществлением контролируемого субъектом влияния его психического состояния (за счет его возбуждения или, наоборот, торможения) на других субъектов, участвующих во взаимодействии с ним.

На этом, например, основаны эффекты психического заражения, убеждения, внушения, подавления или расположения и др.

15.2. Разновидности состояния социально-психологических явлений.

Первый опыт классификации психических состояний человека.

Прежде чем говорить о специфике состояния социально-психологических явлений, необходимо рассмотреть тот опыт дифференциации состояний психики, который накопился в рамках общей, инженерной, медицинской и других отраслях психологии.

Первые попытки классификации психических состояний были предприняты Н. Д. Левитовым. Не претендуя на исчерпывающую классификацию состояний и отмечая высокую степень сложности решения этой задачи, Н. Д. Левитов, тем не менее, предложил в качестве основного критерия подразделять состояния на относящиеся к познавательной деятельности, эмоциям и воле по аналогии с группировкой психических процессов.

При этом им отмечалась также возможность дифференцировать психические состояния по аналогии с типами и чертами характера, равно как и на основании различий по характеру деятельности (игровой, учебной, трудовой, спортивной). В дополнение к этому Н. Д. Левитов предлагал учитывать:

1. Состояния личностные и ситуативные. В первых прежде всего выражаются индивидуальные свойства человека, во вторых — особенности ситуации, которые способны вызвать у человека нехарактерные для него реакции.

2. Состояния более глубокие и более поверхностные, в зависимости от силы их влияния на переживания и поведение человека. Страсть в таком случае квалифицировалась Н. Д. Левитовым как состояние более глубокое, чем настроение.

3. Состояния, положительно и отрицательно действующие на человека.

4. Состояния продолжительные и краткие.

5. Состояния более или менее осознанные и т. д.

И, наконец, предусматривалось выделение патологических состояний, предполагающих их изучение психопатологами и психиатрами [1, с. 25—26].

Дополнительные признаки для классификации психических состояний. За четыре десятилетия, прошедшие со времени первой попытки классификации психических состояний, предложенной Н. Д. Левитовым, накопился новый материал исследований, осуществляемых психологами, психофизиологами, психиатрами, представителями инженерной психологии и психологии труда, который позволяет несколько расширить представление о реальном многообразии психических состояний человека.

Так, Л. В. Куликов отмечает, что иногда для систематизации выделяют доминирующий в структуре состояний психический феномен: это состояния напряжения, утомления, эйфории, созерцания, озарения, фрустрации, тревоги, удовлетворенности или, напротив, неудовлетворенности и т. д. [2, с. 20].

Состояния могут различаться по уровню их активации или интенсивности на состояния аффекта, стресса, произвольного или непроизвольного внимания, гипноза, быстрого сна, медленного сна, коматозного состояния [5] или по характеру и уровню их психической и нервно-психической напряженности (Н. И. Наенко, Т. А. Немчин и др.).

Значительный интерес представляет предложенное В. Н. Мясищевым еще в 60-е годы различие эмоциональных состояний на три разнородные группы явлений: эмоциональные реакции, эмоциональные состояния и эмоциональные отношения. Состояния личности в целом обусловлены отношениями личности, актуальным межличностным и социальным статусом, целями активности и адаптации к среде и ситуации К их основным характеристикам, по мнению Л. В. Куликова, относятся тонические, временные, модальностные и позволяющие описывать знак полярного состояния [2, с. 22].

Классификационные признаки различия состояний социально-психологических явлений. В качестве классификационных признаков, позволяющих определять разновидности состояния социально-психологических явлений, на наш взгляд, можно предложить следующие основания или критерии их дифференциации:

по субъектам — на состояния личности и различных общностей (групп, коллективов, классов, народов, масс, общества и т. д.);

по направленности психических функций субъекта состояния — на отношения с другими, общение, деятельность, сознание или состояние других;

по характеру — на игровое и деловое, традиционное и инновационное, познавательное и коммуникативное;

по уровню нормативности — на состояния нормативные, пограничные и отклоняющиеся от нормы (аномальные, патологические);

по временным параметрам — на кратковременные, длительные и пост-

янные;

по приуроченности к источнику — на ситуативные, актуальные и субъектные;

по энергетическому уровню — на повышенные (подъем, энтузиазм), взрывные или, наоборот, пониженные, вялотекущие;

по тональной окраске — на мажорные, нейтральные и минорные;

по предметной направленности — на те или иные сферы социальной жизни: состояния экономической, политической, правовой, эстетической, религиозной и т. д. психологии;

по уровню осознанности — на осознаваемые, мало осознаваемые и бессознательные;

по уровню контролируемости — на спонтанные, неконтролируемые (например паника) и контролируемые;

по уровню напряженности — на состояния напряженности, стрессовые и состояния раскрепощенности, релаксации, разрядки,

по уровню сбалансированности — на состояния гармоничные, внутренне согласованные и рассогласованные;

по уровню адекватности предстоящей деятельности — на состояния психологической готовности и неготовности, психологической включенности и невключенности,

по уровню стабильности — на стабильные и нестабильные;

по критерию дифференциальной психологии — на состояния, связанные с различиями по полу и возрасту.

Вариативность, многомерность и многозначность психических состояний. С учетом всех названных выше 16 вариантов возможных способов дифференциации состояний социально-психологических явлений (ряд которых может быть еще продолжен), становится очевидным их реальное многообразие

Последнее со временем, вероятно, станет предметом многих специальных исследований, которые, безусловно, нужны для того, чтобы полнее учитывать фактор психического состояния человека во всех проявлениях его бесконечно многомерной социальной жизнедеятельности.

Не преследуя решения этой задачи, мы считаем возможным ограничиться пока предельно краткой характеристикой лишь некоторых разновидностей состояния таких социально-психологических явлений, которые имеют самое прямое отношение к ключевым категориям данной отрасли научного знания.

Психические состояния личности. Психическое состояние личности может рассматриваться с точки зрения ее здоровья как нормальное и нездоровое, на грани между нормой и патологией и, наконец, как патологическое. Исследование этих аспектов психического состояния является предметом медицинской психологии, и прежде всего психиатрии

Но и в рамках здоровья психическое состояние может разделяться на обычное и необычное, состояние занятости, включенности в деятельность и состояние невключенности, отрешенности, состояние сосредоточенности и рассеянности и т. д. [1, с. 79—87], [6].

Одной из особенностей социально-психологического подхода к состоянию личности является изучение изменений этого состояния и поведения личности в группе, общности и массе людей. Особенно значимы для состояния личности ее отношения с другими людьми, ее статус в группе и коллективе, климат этого коллектива, степень самореализации и самоутверждения лично-

сти, ее понимание и признание другими.

Психические состояния общности. Аналогичным образом многообразны и психические состояния различных групп людей, общностей от диады до человечества. Однако здесь индикатором состояния является прежде всего характер внутриобщностных отношений, уровень их согласованности или рассогласованности, мера реализации психического потенциала общности в деятельности.

Здесь, как и в случае с личностью, состояние общности может варьировать от обычного до состояний необычных (буйство толпы, массовый экстаз, паника, ажиотаж и т. д.), которые способны легко переходить в патологические проявления и различные формы "отклоняющегося" (от правовых или моральных норм) или даже преступного поведения. О том, сколь деструктивным может оказаться влияние неожиданных изменений ситуации при психологической неготовности к ним людей, свидетельствуют исследования болгарского психолога Г. Йолова, посвященные состоянию массовой психологии в экстремальных условиях [7].

Независимо от своих проявлений психические состояния любой общности — от предельно малой группы (триада или диада) до самых больших (массы людей или народы и др.) — в своей основе имеют преобладающий в данный конкретный момент времени психический настрой [8, с. 137—154].

А это делает необходимым изучение как преобладающего настроения или социально-психологического климата коллектива в качестве индикатора и проявления его социально-психологического состояния.

Точно так же актуально изучение состояний и еще более крупных общностей, таких как народ. Общественное настроение при этом опять же оказывается показателем психического состояния как данного сообщества, народа, этноса или суперэтноса, так и климата его жизнедеятельности. Стабильные пласты в психическом состоянии того или иного народа приобретают статус его характера, или архетипа.

Состояния общения. Как и состояние личности или общности, общение может быть обычным, повседневным, будничным и не совсем обычным, даже совсем необычным. Не совсем обычно праздничное общение. Оно несет в себе заряд приподнятости душевного настроения в отличие от будничного, более ровного настроения.

Нельзя считать обычной и ситуацию общения политического лидера или артиста с массовой аудиторией. Выступления последних перед массой собравшихся людей придают особый накал и напряженность самому состоянию как оратора, так и слушателей.

К. С. Станиславский считал даже такое состояние общения отдельного человека, например актера, с огромной аудиторией не вполне нормальным, способным оказать отрицательное воздействие на творческий процесс. "Самочувствие актера на сцене, — писал он, — и тот момент, когда он стоит перед тысячной толпой и перед ярко освещенной рампой — противоестественно и является главной помехой при публичном творчестве" [9, с. 305].

Не менее значимым испытанием готовности к стрессу оказывается состояние психологического контакта спортсмена с многотысячным стадионом, особенно в ситуации его сольного выступления в публичных соревнованиях. Необычность состояния массового общения на стадионе выражается не только в психологической экзальтации болельщиков, но и в силе того влияния, которое они оказывают на выступающих спортсменов, заражая их своим настро-

нием.

При этом эффект такого воздействия может быть в высокой степени стимулирующим успех выступающего, особенно когда публика на стадионе в едином порыве поощряет своего фаворита выкрикиванием его имени. В таком случае действуют сразу несколько психологических факторов, взаимно усиливая друг друга. С одной стороны, эффект психического заражения, передающегося от массы к индивиду, с другой — особая значимость для человека стимулирующего влияния его имени.

Б. Ф. Поршнев замечал в свое время по этому поводу: "Каким сильным, например, раздражителем служит собственное имя человека! Подчас спящий человек не реагирует на другие слова, но при произнесении его имени сразу просыпается" [10, с. 176]. Сказывается при этом и эффект публичного признания и поощрения фаворита, выражающийся в выкриках его имени многотысячной толпой.

Иными словами, состояние человеческого общения, приподнятое или приземленное, возбужденное или подавленное, стимулирующее или дезориентирующее (например паника), является не только его существенной качественной характеристикой, но и фактором его изменения, функционирования и развития.

Состояние деятельности. Психологическая характеристика состояния человеческой деятельности может рассматриваться с разных сторон: как состояние психологической готовности или неготовности личности или общности к эффективной деятельности, как состояние психологической включенности или невключенности в эту деятельность и, наконец, как состояние ее психологической эффективности или неэффективности.

Самостоятельное значение имеет вопрос о той или иной степени психологического обеспечения различных состояний деятельности, равно как и более широкий вопрос о социально-психологических факторах состояния готовности или неготовности к эффективной деятельности.

До настоящего времени этот вопрос остается менее всего освещенным в социальной психологии, если не считать лишь отдельных исследований, посвященных как проблемам психологической готовности к деятельности [11], так и специальных, связанных, например, с проблемой психологической готовности к формированию системы территориального, местного и регионального самоуправления [12]. Несомненный интерес представляет и исследование Г. Л. Ержемским психологического механизма формирования дирижером состояния готовности к предстоящей работе с оркестром как процесса "психологической преднастройки" [13].

Заслуживают специального исследования и другие аспекты состояний социально-психологических явлений, связанные с изучением многообразия состояний общественного сознания, человеческих отношений и специфики состояний социальной психики человека в различные периоды истории человечества.

ГЛАВА 16. НАСТРОЕНИЕ КАК ЭКВИВАЛЕНТ ПСИХИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ ИНДИВИДА

16.1. Из истории вопроса.

"Золушка" психологии. В первой половине XIX века, когда, по замечанию английского психолога Джемса, "вся работа по изучению эмоций сводилась к почтительному составлению каталогов", настроение еще не нашло своего законного места в создаваемых психологами классификациях эмоциональных явлений.

В лучшем случае представители органической школы в психологии (Спенсер, Маудсли, Бэн, Джемс, Ланге, Рибо) высказывали смутные догадки о происхождении "неустойчивых и безотчетных" настроений из биологических недр организма.

Но дело не только в этом. Сами явления эмоциональной сферы психики не получили тогда всестороннего научного объяснения.

От биологизма и органицизма к изучению физиологических основ эмоций. Одной из первых попыток решения вопроса о природе эмоциональных движений явилась натуралистическая концепция Дарвина.

Развитая Спенсером и Рибо, эта концепция рассматривала эмоции лишь в ретроспективном плане как признаки животного происхождения человека, как рудиментарные, заторможенные инстинктивные реакции.

Такая трактовка давала повод считать эмоциональную сферу вырождающейся областью психики. Это явно противоречило действительному многообразию человеческих эмоций и их постоянному обогащению.

Необходимость объяснить живучесть эмоциональных явлений привела к психологическим опытам Ланге и Джемса, которые пытались раскрыть природу эмоций в органических реакциях, сопровождающих их движение.

Однако, как показали в дальнейшем эксперименты Кен-нона, гуморальные изменения лишь сопровождают движение эмоций, но не являются специфическими для них, не объясняют их многообразия [1].

Кризис концепций органической школы в психологии дал толчок дальнейшим поискам. Наметились новые аспекты исследования природы эмоций (физиологический, "глубинно-психологический" и социальный).

Русскими физиологами И. М. Сеченовым и И. П. Павловым были определены физиологические основы эмоциональных явлений.

По мнению И. П. Павлова, физиологической основой элементарных эмоций является прирожденная, безусловно-рефлекторная подкорковая деятельность. Более же сложные переживания связаны с условно-рефлекторной деятельностью коры и имеют своей основой изменения динамического стереотипа.

Рационализм и иррационализм в понимании природы эмоций. Кризис концепций органической школы еще более усилил позиции и тех психологов, которые стремились объяснить одни психические явления другими компонентами психики.

В противовес органическому направлению в психологической науке еще больше развились представления об относительно самостоятельной роли психических факторов.

Широкое распространение получила в философии и психологии конца XVIII и первой половины XIX в. рационалистическая, гербартианская трактовка

эмоций, рассматривающая их как смутные состояния сознания (представления) в отличие от определенных состояний сознания (воли).

Однако рационализм был не в состоянии объяснить природу и механизм формирования эмоциональных явлений. Как реакция на него возникла иррационалистическая трактовка эмоциональной сферы психики.

Наиболее выпукло иррационализм в подходе к проблеме эмоций был выражен в концепции австрийского психиатра З. Фрейда.

В сравнении с предшествующей атомистической психологией, расчленяющей личность на отдельные свойства, и органической школой, игнорировавшей относительную самостоятельность психологических закономерностей, подход Фрейда и его учение о механизме формирования переживаний были более содержательны. Но Фрейд абсолютизировал значение бессознательного компонента, и прежде всего полового влечения, в формировании настроений личности.

Для психосоциологов конца XIX века (Гартман, Тард, Лебон, Михайловский и др.) характерна попытка истолковать природу настроения не столько как свойство личности, сколько как явление массовой психологии.

Первый опыт экспериментального исследования настроений и их динамики. В последней четверти XIX и первой четверти XX века были предприняты первые теоретические и экспериментальные попытки исследования настроений. Они шли сразу по двум направлениям: во-первых, в плане определения физиологической и, во-вторых, психологической природы настроений.

Русский психолог-клиницист П. П. Викторов предпринял попытку раскрыть физиологическую природу настроений как результат деятельности мозга.

Он рассматривал, например, суточные колебания настроений личности как результат активизации корковой деятельности мозга днем, а подкорковой — ночью.

Этим, по мнению П. П. Викторова, объясняется преобладание подсознательных настроений подкоркового происхождения ночью и ясных, осознанных настроений коркового происхождения днем [2, с. 60].

Подход выдающегося невропатолога, психиатра и психолога В. М. Бехтерева и его учениц (Карамзиной, Суховой и Осиповой) был первоначально несколько отличен от чисто физиологического направления в психологии, поскольку задачей их исследования было определение преимущественно психологических законов функционирования и динамики настроения.

В близком к этому направлении работали одновременно правовед Л. И. Петражицкий и врач и литературный критик Л. Н. Войтоловский.

Однако, несмотря на известную общность подхода к изучению настроения как явления психического порядка, само понимание природы и сущности настроения у В. М. Бехтерева, Л. И. Петражицкого и Л. Н. Войтоловского было различным.

Л. И. Петражицкий определял настроение как "длительное переживание некоторых не особенно сильных эмоций" [3, с. 259].

Л. Н. Войтоловский же считал, что настроение является не самим переживанием, а эмоциональной окраской переживаний, при этом окраской душевных переживаний вообще, а не только переживаний некоторых эмоций, как считал Л. И. Петражицкий. "Настроение, — писал Л. Н. Войтоловский, — это показатель душевного самочувствия. Некий эмоциональный колорит, в который окрашены в каждый данный момент наши душевные переживания" [4, с. 6].

Определение Л. Н. Войтоловского было шире, поскольку оно не ограничивало сферы настроений только длительным переживанием эмоции. Но и оно

было неполно, поскольку сводило роль настроения лишь к окраске переживаний.

Более обобщенное определение предлагал В. М. Бехтерев, который рассматривал настроение как "нервно-психический тон", т. е. общий тон самочувствия в каждый данный момент, вызываемый совокупностью органических ощущений и душевных движений [5].

Исследуя влияние настроений на скорость зрительных реакций, В. Н. Осипова сопоставляла настроение с некоторыми эмоциональными явлениями и указывала на место настроения в их структуре. Ценной представляется высказанная ею мысль о том, что настроение может выступать в двух видах: как в качестве локализованного, так и в виде разлитого эмоционального состояния. "Иногда, — пишет В. Н. Осипова, — настроение при внимательном самонаблюдении разлагается на целый ряд едва уловимых ощущений и чувствований, а иногда оно может вызываться и одним сильным душевным движением — эмоцией или аффектом, которое оттесняет, заслоняет собой все остальные ощущения и эмоции..." [6, с. 4].

16.2. Определение настроения.

Является ли настроение лишь слабо выраженным чувством? Приведенные выше различные характеристики настроения закрепились в психологической литературе со всем многообразием их смысловых значений.

Наиболее широкое распространение первоначально получило толкование настроения как слабо выраженного чувства.

Однако, догадываясь, вероятно, об узости данного определения, некоторые ученые, например В. А. Артемов, несколько расширяли рамки названной формулировки и говорили о таком чувстве, которое носит разлитой характер и способно не только окрашивать поведение, но и захватывать всю личность человека. "Настроением, — писал В. А. Артемов, — мы называем относительно слабо выраженное чувство, захватывающее в течение некоторого времени всю личность человека.

Чувства обладают свойством как бы растекаться и окрашивать всю деятельность и поведение человека" [7, с. 140].

Противоречивость данного определения. В результате получалось противоречивое определение. С одной стороны, настроение — это слабо выраженное чувство, а с другой — оно способно не только окрашивать поведение, но и захватывать всю личность человека.

Противоречивость приведенного определения мы видим в соединении двух частных, и притом противоположных по значению, признаков.

Настроение, конечно, может быть и слабо выраженным чувством, но в таком случае оно будет способно в лучшем случае лишь окрасить поведение человека, но не захватить всю личность целиком.

Если же настроение захватывает всю личность человека, то тогда оно оказывается не слабо выраженным чувством, а, напротив, самым сильным переживанием личности.

Противоречивость подобной трактовки настроения привела к тому, что в психологической и другой литературе устоялось понимание настроения лишь как слабо выраженного, едва уловимого и многогранного чувства без указания на его разлитой и захватывающий характер.

К более широкому пониманию настроения. Несколько шире понимание настроения как степени возбуждения или выражения чувств, как их тонуса. Так определяет настроение психолог П. М. Якобсон, говорящий о нем как об "эмоциональном самочувствии" [8, с. 24—25].

Более обобщенным и, пожалуй, наиболее распространенным в психологической и философской литературе является толкование настроения как состояния чувств вообще, независимо от того, по какому признаку одно состояние чувств отличать от другого — по степени и силе выражения или по направленности. Такое определение настроения можно встретить в вышедшем в 1957 г. в Штутгарте (ФРГ) философском словаре. Настроение определяется там как "состояние чувств человека, которое весьма изменчиво и в значительной степени зависит от состояния здоровья" [9, с. 385].

Однако и рассмотренные определения не вполне завершены. Еще более обобщающей является характеристика настроения, данная известным советским психологом С. Л. Рубинштейном, который рассматривал настроение как разлитое эмоциональное состояние личности.

«Под настроением, — писал С. Л. Рубинштейн, — разумеют общее эмоциональное состояние личности, выражающееся в "строе" всех ее проявлений» [10, с. 498].

Настроение как эмоциональное состояние личности. Учитывая все сказанное выше, можно дать следующую обобщающую характеристику настроения.

Являясь эмоциональным состоянием личности, настроение может выступать в двух видах: как устойчивое эмоциональное состояние, характерное вообще для данной личности, и как изменчивое, преходящее настроение, целиком обусловленное данным стечением обстоятельств.

Кроме того, настроение может быть по своему характеру либо разлитым эмоциональным состоянием, окрашивающим, а нередко даже и определяющим все переживания личности в данный момент, либо локализованным, затрагивающим только какую-то одну группу психических компонентов. В последнем случае говорят или о настроении чувств, или об умонастроении, или о мироощущении.

Настроение качественно отличается от других компонентов эмоциональной сферы психики [11, с. 106—124].

В отличие от эмоций, быстро протекающих, импульсивных психических процессов настроение обладает сравнительно большей устойчивостью, оно сложнее эмоций.

Настроение можно рассматривать как известный итог всех психических переживаний личности, как результат борьбы разнородных и разнозначных чувств.

В отличие же от чувств настроение более подвижно.

Чувства представляют собой сравнительно устойчивые образования, которые, как правило, формируются в результате накопления, систематизирования и обобщения различных конкретных переживаний. Для изменения же настроения это совсем не обязательно.

Своей подвижностью настроение в еще большей мере, чем от чувства, отличается от привычек.

Исходя из сказанного, настроение вообще можно определить как многогранное, локализованное или разлитое эмоциональное состояние личности, окрашивающее или даже определяющее в данный момент все другие проявления ее психики.

16.3. Индивидуальное и социальное в настроениях личности.

Социальная обусловленность и социальная значимость настроения личности. Всякое настроение, будь это настроение группы или индивида, социально, если употреблять это понятие в самом широком смысле, имея в виду, что и сугубо личное настроение отражает через призму переживания отдельного индивида его взаимоотношения с окружающей социальной средой.

Однако степень социальной обусловленности и социальной значимости настроений различна. Одно дело — интимное переживание отдельного индивида, другое — настроение, захватывающее, объединяющее и побуждающее к действию определенные социальные слои и группы общества, классы, нации и даже народы. Поэтому вполне правомерно говорить об общественном настроении не только в широком, но и в более узком смысле как о явлении социальной психологии в отличие от психологии индивидуальной.

Как явление социальной психологии, настроение может рассматриваться в двух основных смыслах. Во-первых, как социальное настроение или социальный аспект настроения личности в отличие от ее же сугубо индивидуального, интимного настроения; во-вторых, как групповое, коллективное, массовое настроение в отличие от настроения отдельной личности.

Если настроение группы людей всегда является социальным хотя бы уже потому, что это настроение не отдельного человека, то настроение личности содержит в себе два аспекта — социальный и индивидуальный.

Взаимосвязь индивидуального и социального в настроениях личности. Настроение личности индивидуально, поскольку является эмоциональным состоянием, переживанием именно данной личности и имеет только для нее характерную форму проявления. Но оно вместе с тем и социально, поскольку может быть индивидуальной формой проявления настроения того или иного класса, слоя общества или даже целой нации.

Настроение личности индивидуально, поскольку выражает отношение человека к условиям его индивидуального бытия. Но оно в то же время и социально, поскольку выражает его отношение и ко всей системе не зависящих от отдельного человека общественных, экономических, политических и идеологических отношений.

Например, скептическое умонастроение так называемых лишних людей, выведенных А. С. Пушкиным в "Евгении Онегине", М. Ю. Лермонтовым в "Герое нашего времени", И. С. Тургеневым в "Рудине" и другими, выступает не только как индивидуальное настроение Онегина, Печорина, Рудина, но и как социальное настроение, как эмоциональное, смутно осознаваемое отношение определенной категории людей ко всей социальной действительности, как проявление преобладавшего в тот период умонастроения молодого поколения.

Однако, несмотря на тесную взаимосвязь индивидуального и социального, в настроениях личности в тот или иной момент могут выступать на первый план либо индивидуальные, либо социальные мотивы.

В тех случаях, когда социальный мотив звучит сильнее, чем индивидуальный, правомерно говорить о социальном настроении, несмотря на то, что оно проявляется через сугубо индивидуальные переживания личности. Так, в музыке Бетховена, например в "Героической симфонии", тесно переплелись революционные настроения его эпохи и сугубо личные переживания, но мотивы социальной борьбы звучат гораздо сильнее.

Социальным по своему существу было и то политическое настроение ве-

ликого русского революционера-демократа В. Г. Белинского, которое отразилось в его знаменитом письме к Гоголю. В этом письме В. Г. Белинский стремился выразить не столько личные симпатии и антипатии, сколько политическое настроение широких народных масс, их отношение к крепостному праву, самодержавию и религии.

У Шопена и Огинского социальное по своей природе чувство любви к родине, стремление к ее национальной независимости вылились в тонкое, сугубо индивидуальное настроение грусти, получившее самую различную эмоциональную окраску в их замечательных музыкальных произведениях.

16.4. Структура психического настроения личности.

Основные параметры психического настроения личности. Определением основных компонентов тональности не исчерпывается характеристика структуры эмоционального настроения личности.

Кроме тональности, которая может варьировать в широком диапазоне от энтузиазма до пессимизма, в эмоциональном настроении может иметь место еще и определенная предметная направленность. В таком случае в зависимости от того объекта, на который направлено внимание личности, можно различать настроения: политические и религиозные, праздничные и будничные, поэтические и обывательские и т. д.

Два названных выше параметра настроения — тональность и предметную направленность — можно обозначить в системе координат, где на оси абсцисс откладывается предметная направленность настроения, а на оси ординат — тональность психического настроения личности.

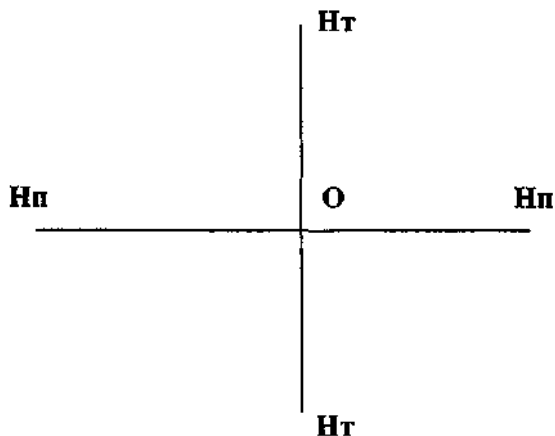

Схема 18

Нулевая точка в системе координат может рассматриваться как точка локализации психических качеств с нулевым значением по двум параметрам одновременно — тональному и предметному. Применительно к уровню тональности это место локализации таких психических состояний, как апатия, атаксия, безразличие, пассивность и т. д. (см. схему 18).

Применительно же к предметной направленности нулевая точка в системе координат является символом беспредметности психического настроения личности или отсутствия предметной направленности настроения. Именно такой беспредметностью и обладает настроение полной апатии, безразличия, которое в равной мере распространяется на весь предметный мир. Беспредметным может быть и настроение приподнятости духа, равно как и,

наоборот, настроение меланхолии и скуки.

Различные отклонения от нулевой точки вверх или вниз по оси ординат характеризуют степень тональности того или иного настроения. Так, оптимистическое, жизнерадостное настроение перерастает в энтузиазм по мере продвижения от нулевой точки вверх по оси ординат. И, наоборот, при движении по этой оси вниз от нулевой точки соответственно обозначается переход от апатии к скепсису и от него к депрессии, негативизму и пессимизму.

Названные выше колебания тональности психического настроения личности могут рассматриваться применительно к любому предметному настроению. Так, настроение, характеризующее отношение человека к религии в нулевой точке системы координат, может рассматриваться как равнозначное индифферентному, т. е. безразличному отношению. Тогда тональный настрой со знаком плюс, откладываемый на оси ординат при движении вверх, при условии, что этим мы обозначаем отрицательное отношение к религии, будет означать движение настроения от смутной антирелигиозной настроенности до настроения твердой атеистической убежденности и воинствующего атеизма.

При движении же по оси ординат вниз настроение будет изменяться в направлении: безразличное отношение к религии — смутное религиозное настроение — настроение религиозной веры — настроение религиозного фанатизма. Аналогичным образом обстоит дело и с характеристикой революционного настроения. Вверх по оси ординат — от революционного брожения к настроению революционного энтузиазма; вниз — от политической неустойчивости, колебаний политического настроения к контрреволюционному настроению и т. д.

Наряду с различием тональности и степени предметной направленности настроения другим важным аспектом структурной характеристики психического настроения личности является его дифференциация по степени устойчивости.

Есть основания различать три основных пласта в структуре психического настроения индивида: ситуативный, актуальный и константный.

Ситуативный настрой. Ситуативное настроение является наиболее подвижным образованием в динамической структуре личности. Ситуативные настроения человека чаще всего бывают связаны с какими-то конкретными условиями его повседневной деятельности, с потоком самых последних впечатлений.

При этом значимость информации для человека зависит от того, в какой степени эта информация может повлиять на его самооценку или оценку данного человека окружающими людьми. С этой точки зрения отсутствие приветливой улыбки, обычно свойственной руководителю при встрече с подчиненным, может быть расценено последним как результат изменения отношения к нему в худшую сторону и может стать источником тяжелых раздумий и мрачного настроения даже в том случае, если за выражением лица начальника не стоит ровным счетом ничего, кроме собственной озабоченности какими-то неотложными делами.

Актуальный настрой. Неустойчивость настроения может быть связана не только непосредственно с конкретной ситуацией, но и с целым комплексом самых разнородных впечатлений, раздумий и переживаний человека.

В субъективном мире человека важное место занимают те или иные заботы, беспокойство, может быть, недовольство собой, досада, ущемленное самолюбие, угрызение совести и др. Все это — субъективные переживания каких-

то противоречий, которые в данный момент оказываются особенно актуальными для человека.

Переживания, таким образом, относятся хотя и к неустойчивым, но более или менее длительно сохраняющимся настроениям, связанным с осознанием человеком значимых для него перемен жизненных обстоятельств (начало совершеннолетия и другие переломные этапы возраста, окончание школы и поступление на работу или в вуз, начало супружеской жизни, рождение ребенка, острый конфликт, тяжелая болезнь, потеря близкого человека и др.).

Эти состояния, которые чаще всего выступают в форме переживания, то есть более или менее ярко эмоционально окрашенного умонастроения личности, доминирующего на протяжении определенного периода жизни человека, мы условно называем актуальным настроением.

Нередко актуальное настроение, связанное с переживанием отрицательных впечатлений и эмоций, создает фон психической напряженности, неуравновешенности и неустойчивости личности, способствующий податливости внешнему давлению и ситуативным настроениям.

Такая ситуативность психического настроения, за которой стоит отсутствие внутренней психической устойчивости, часто бывает свойственна подросткам.

Внутренняя же неустойчивость настроений подростка, связанная с неопределенностью его жизненного статуса (уже не ребенок, но еще не взрослый), часто способствует его податливости нездоровым ситуативным настроениям, развивающимся в компании сверстников и выливающимся в различного рода антиобщественные действия.

Константный настрой. Характерной чертой константного настроения является его приуроченность не к ходу внешних событий, а к жизненной позиции личности, к системе ее взглядов и убеждений в целом.

Применительно именно к данному типу настроения С. Л. Рубинштейн говорил о том, что здесь существенным оказывается не сам по себе ход событий, а прежде всего оценка их человеком, его отношение к тому, что происходит. "Поэтому настроение человека, — писал С. Л. Рубинштейн, — очень существенно зависит от его индивидуальных характерологических особенностей, в частности от того, как он относится к трудностям — склонен ли он их переоценивать и падать духом, легко поддаваясь демобилизационным настроениям, либо перед лицом трудностей он, не склоняясь к их недооценке, питающей беспечное настроение, умеет сохранить бодрую уверенность в том, что он с ними справится" [10, с. 499].

Настроение действительно очень часто выступает как свойство или результат индивидуальных особенностей человека. Более того, можно даже сказать, что каждому человеку присуще или какое-то одно относительно устойчивое настроение, или целая гамма определенных настроений. По этому признаку принято различать оптимистов и пессимистов; людей во всем сомневающих и, наоборот, излишне доверчивых; энергично настроенных, остро воспринимающих и бурно реагирующих или вялых, апатичных, настроенных созерцательно.

В социологической литературе этому соответствует понятие типа личности. Опыт классификации социальных типов характера с соответствующими им индивидуальными, а вместе с тем и социальными настроениями широко практикуется в современной социологии и социальной психологии.

16.5. Психический настрой и установка.

Черты функциональной общности настроения и установки.

Понятие психического настроения личности очень близко по своему содержанию понятию установки. Поэтому характеристика природы, структуры и функций настроения предполагает соотнесение его с соответствующими параметрами установки.

В психологической и социологической литературе пока не было принято попыток сколько-нибудь развернутого соотнесения между собой категорий настроения и установки.

Видимо, этим частично, а также в еще большей мере недостаточной исследованностью самого феномена психического настроения объясняется то обстоятельство, что в научной литературе очень часто настроение и установка рассматриваются как совершенно однопорядковые и даже тождественные явления.

А это в свою очередь приводит к тому, что одни авторы склонны к замене понятия установки понятием чувства или эмоционального настроения личности в отношении того или иного объекта или ценности, в то время как другие скорее растворяют категорию настроения в понятии установки. Последнее характерно для многих представителей грузинской психологической школы Д. Н. Узнадзе.

В определенной мере для сближения настроения и установки есть известные основания, поскольку психофизиологическая природа как установки, так и настроения связана с функционированием механизма динамического стереотипа и доминирующим очагом повышенной возбудимости нервных центров. Однако установка и настроение не одно и то же.

Различие понятий психического настроения и установки. Различие между установкой и психическим настроением личности состоит в том, что первое является элементом второго как более сложного и интегрального образования.

Это выражается прежде всего в том, что настроение не сводится к какой-то одной установке, хотя установка и может выступать как частный случай психического настроения личности, имеющего предметный характер. В таком случае настроение может рассматриваться в определенной мере как ансамбль всех установок личности, которые проявляют себя более или менее одновременно в психическом состоянии и деятельности индивида.

Однако настроение и в данном случае (когда оно выступает как ансамбль установок) не сводится к простой сумме или итогу взаимодействия установок. Настроение оказывается в целом многограннее и богаче по содержанию, чем входящие в его структуру установки.

Действительно, что может дать, например, для понимания столь различных и богатых по многогранной гамме умонастроения произведений искусства, как Шестая симфония П. И. Чайковского и картина И. И. Левитана "Над вечным покоем", указание на то, что и в том и в другом случае имеет место, допустим, установка на ожидание смерти, или мотив смерти. Скорее всего это ничего не дает.

Между тем анализ сложной палитры тонкого философского и эмоционально насыщенного умонастроения в одном случае великого композитора, а в другом — выдающегося мастера русской живописи может дать гораздо больше для понимания их творчества.

Не случайно В. Г. Белинский, Г. В. Плеханов, В. В. Стасов, К. С. Станиславский, А. В. Луначарский и другие пользовались анализом умонастроения как

инструментом исследования социально-психологических основ художественного творчества.

Настроение не только многограннее, богаче по содержанию, но и подвижнее системы установок.

Логично предположить, что степень подвижности индивидуального настроения находится в обратной зависимости от степени устойчивости и разветвленности системы установок личности, приобретенных в ходе жизненного опыта.

Этим, на наш взгляд, можно в известной мере объяснить неустойчивость настроения ребенка и подростка, жизненный опыт которых еще не успел привести к образованию достаточно многообразной и жесткой системы установок, которая бы строго регламентировала поток их переживаний и динамики эмоционального состояния.

Но чем тогда объяснить капризы настроения глубоких стариков? Возможно, тем, что сложившаяся у них в прошлом система стереотипов и установок, придя в негодность в новых условиях времени, оказывается неспособной функционировать и фильтровать поток информации, отходит на второй план в сравнении с подвижным настроением, которое в свою очередь оказывается в полной зависимости от конкретного впечатления.

Иными словами, понятие психического настроения личности шире понятия установки еще и потому, что первое может иметь место и в случае беспредметного психического состояния индивида, то есть при отсутствии второго. Это, в частности, бывает, когда психические состояния индивида предшествуют акту образования и функционирования той или иной установки или оказываются результатом ломки системы ранее сложившихся установок.

Такова, например, природа панического состояния людей, которое характеризуется не только утратой былой готовности к определенным действиям, но и полной дезориентированностью и нецелесообразностью массового поведения.

Нам могут возразить, что состояние паники, равно как и такие могущие быть беспредметными психические состояния, как скука, апатия, меланхолия или, наоборот, безотчетная приподнятость духа и т. д., проявляются сравнительно редко, между тем как во всех других случаях жизни поведение человека четко направляется системой сложившихся установок.

В самом деле, поскольку действия человека осознанны и выступают в качестве способа реализации заранее намеченной цели, то почему бы не рассматривать их как результат установки? Тогда вся повседневная, ежечасная и ежеминутная деятельность человека окажется реализацией какой-то конкретной установки. Вы вышли на трибуну, потому что сработала соответствующая установка; вы возвращаетесь на свое место после выступления — опять установка; вы садитесь на стул — установка и т. д.

Конечно, во всех актах стереотипной, привычной деятельности человека срабатывает механизм надолго или даже навсегда сложившейся установки. И это прежде всего характеризует механизмы и стереотипы внешне очевидного и довольно однообразного поведения человека, который действует согласно принятому образцу или шаблону поведения.

Но если установка — это набор обезличенных шаблонов поведения, тогда она не имеет права претендовать на роль эквивалента или модуса личности, поскольку последняя не сводится к внешним актам, тем более стереотипной деятельности.

Главное же заключается в том, что система готовых установок не в состоянии объяснить какое бы то ни было обновление, изменение и развитие ду-

ховного состояния и поведения человека, выходящего за рамки общепринятых или предписанных самому себе норм и рамок.

Человек вообще не мог бы жить и творить, если бы он был лишен способности ориентироваться в новых, необычных условиях, которым не соответствует стереотип ранее выработанных установок.

Вот почему наряду с механизмом стереотипного поведения, за которым стоит сила инерции и системы консервативных установок, необходимо различать и когнитивный механизм психической активности личности, связанный с решением ею новых задач.

Когнитивная функция психического настроения личности. Когнитивный механизм психической активности индивида отчетливо обнаруживает себя в ситуации выбора альтернатив поведения, когда человеку приходится задумываться над принятием того или иного решения.

По своему существу акт принятия ответственного решения является довольно сложным и мучительным процессом раздумий, сомнений и колебаний между различным числом альтернатив или моделей возможного поведения, каждая из которых может рассматриваться как установка для последующего действия.

Отсюда понятно, что психическое состояние раздумья, взвешивания "за" и "против" того или иного плана поведения и есть состояние сложного и напряженного умонастроения, которое предшествует акту выработки очередной установки.

Названное умонастроение колебания и сомнения между различными вариантами установок оказывается тем длительнее и мучительнее, чем более равновеликими являются шансы и аргументы за выбор той или иной модели поведения.

Это психическое состояние напряженного раздумья, протекающего какое-то время параллельно с внешне привычной и хорошо отработанной системой профессиональной деятельности, хорошо передано в книге профессора Амосова "Мысли и сердце", повествующей о многотрудной, напряженной и ответственной работе хирурга.

Операция подходит к кульминационному пункту, когда живое сердце начинает биться уже в руках хирурга. Движения врача привычны. Но это тот случай, когда при оперативном вмешательстве из 100 только один шанс на благополучный исход. Решиться на рискованную операцию — значит наверняка убить человека. Не решиться — значит лишиться его и этого последнего шанса на спасение, а заодно и всех тех, перед недугом которых медицина пока бессильна.

Казалось бы, что проще: из двух возможных установок — оперировать до конца или прекратить операцию — выбрать одну.

Но за этим выбором — колоссальное эмоциональное и интеллектуальное напряжение человека, мучительное раздумье о смысле и высших критериях профессиональной этики и, наконец, тяжесть огромной личной ответственности за все последствия принятого.

Из сказанного следует, что, во-первых, акт принятия решения — это особая форма умонастроения и одновременно поведения. Причем последнее коренным образом отличается от поведения, продиктованного действием готовой установки, поскольку психический настрой личности, предшествующий принятию и определяющий акт принятия решения, не будучи обусловлен готовой установкой, сам должен привести к выработке определенной установки.

Во-вторых, акт принятия ответственного решения всегда имеет первен-

ствующее, даже кульминационное значение в жизнедеятельности человека по сравнению с повседневным стереотипным поведением, продиктованным сложившейся уже системой установок. Именно в акте принятия решения в максимальной степени проявляются активность, самостоятельность, характер и индивидуальность человека, то есть его наиболее фундаментальные индивидуально-типологические черты и особенности. Нельзя не согласиться в связи с этим с Б. Ф. Поршневым, который справедливо расценивает функцию выбора, проявляющуюся в процессе принятия человеком ответственного решения, как основу личности [12, с. 344].

Таким образом, все сказанное выше является дополнительным аргументом в пользу высказанного ранее положения о правомерности рассмотрения понятия психического настроя в качестве более широкой категории, чем понятие установки.

ГЛАВА 17. СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КЛИМАТ КОЛЛЕКТИВА — ПОКАЗАТЕЛЬ ЕГО СОСТОЯНИЯ

17.1. Понятие социально-психологического климата коллектива.

Соотношение понятий "климат" и "атмосфера". Этот термин, ныне широко употребляемый, часто принято ставить в один ряд с понятием духовной атмосферы, духа коллектива и преобладающего настроения. В какой-то мере для сближения названных выше определений есть некоторые основания: социально-психологический климат (СПК) коллектива всегда характеризуется специфической для совместной деятельности людей атмосферой психического и эмоционального состояния каждого его участника, индивида и, несомненно, зависит от общего состояния окружающих людей.

В свою очередь, атмосфера той или иной общности или группы проявляется через характер психической настроенности людей, которая может быть деятельной или созерцательной, жизнерадостной или пессимистичной, целеустремленной или анархичной, будничной или праздничной и т. д.

Психический настрой или настроение общности представляет собой эквивалент динамической структуры психического состояния общности, проявляющегося в характере направленности группового внимания и уровне его эмоциональной тональности.

Указывая на близость понятий социально-психологического климата и атмосферы, психического настроения коллектива, необходимо вместе с тем отметить, что они не тождественны.

Духовная атмосфера — это специфическое психическое состояние той или иной группы людей, проявляющееся в общении их друг с другом и стиле совместного поведения. Сама атмосфера может быть достаточно изменчивой и характеризуется, как правило, высокой степенью подвижности. Атмосфера — это неустойчивая, постоянно изменяющаяся и подчас неуловимая сторона коллективного сознания. К. Маркс отмечал: "...Хотя атмосфера, в которой мы живем, и давит на каждого из нас с силой в 20000 фунтов, разве вы чувствуете это? Так же мало, как мало европейское общество до 1848 года чувствовало революционную атмосферу, которая его окружала и давила на него со всех сторон" [1, с. 3].

В отличие от понятия психологическая атмосфера понятие социально-психологический климат обозначает не те или иные ситуативные перемены в преобладающем настроении людей, а лишь его устойчивые черты. Собственно, этим понятие климата, употребляемое в экологическом смысле, отличается от понятия атмосферы. Воздушная атмосфера, например, постоянно меняется, климат же той или иной географической зоны характеризуется известным постоянством показателей.

Определение понятия социально-психологического климата коллектива. Таким образом, под социально-психологическим климатом подразумевается преобладающая и относительно устойчивая духовная атмосфера, или психический настрой коллектива, проявляющийся как в отношениях людей друг к другу, так и в их отношении к общему делу [2, с. 10].

Признание значимости настроения, или психического настроения, коллектива как эквивалента понятия климата не случайно. Оно отражает прежде всего растущее значение категории психического настроения в структуре социально-психологических явлений [3], [4, с. 144—154], рассматриваемого с двух сторон.

А именно — как со стороны предметной направленности психического

состояния коллектива, так и с его тональной стороны, т. е. той, которая связана с характеристикой уровня эмоциональной активности, включенности в деятельность, выступающей в нейтральной форме или активной. Она, в свою очередь, может иметь как положительную (увлеченность, энтузиазм, радость), так и отрицательную окраску (возмущение, агрессивность, депрессия и т. д.).

Предметный и тональный аспекты психического настроя не следует отождествлять с установкой. Психический настрой по своей структуре сложнее и динамичнее последней [4, с. 154—161].

Климат как психический настрой коллектива. Таким образом, климат коллектива представляет собой преобладающий и относительно устойчивый психический настрой коллектива, который находит многообразные формы проявления во всей его жизнедеятельности.

Отсюда следует, что нельзя отождествлять сам настрой с деятельностью или отрывать от нее, как нельзя отождествлять климат с его проявлениями, в частности, с конкретной деятельностью людей в коллективе, а иногда и с ее результатами.

17.2. Структура проявлений социально-психологического климата.

Основание для дифференциации проявлений климата. Существенным элементом в общей концепции социально-психологического климата (СПК) является характеристика структуры его проявлений. Это предполагает вычленение основных компонентов в рамках рассматриваемого явления по некоему единому основанию, в частности по категории отношения. Тогда в структуре проявлений СПК становится очевидным наличие двух основных составляющих — отношения людей к труду и их отношения друг к другу.

В этих отношениях проявляется социально-психологический климат или преобладающий и устойчивый психический настрой коллектива, что совершенно не тождественно всему многообразию действительных отношений, складывающихся у людей и между людьми в процессе их совместной деятельности.

Характер внутриколлективных отношений как главная составляющая в структуре всех проявлений СПК. В свою очередь, отношения людей друг к другу дифференцируются на отношения по вертикали (отношения между руководством и подчиненными) и отношения по горизонтали (отношения между коллегами).

Деловые отношения в системе руководства и подчинения могут носить как безличный или лично неопосредованный, так и лично опосредованный характер. Первое имеет место при отсутствии интереса руководителя к личности подчиненного, а нередко и непосредственного контакта с ним; второе, наоборот, — при выраженном интересе и непосредственном контакте.

Отношения по горизонтали могут иметь четыре различных по характеру формы проявления: деловые безличностные; деловые лично опосредованные; преимущественно межличностные, но связанные с делом; неделовые межличностные.

Все формы проявления отношений в коллективе приобретают ту или иную эмоциональную окраску. В таком случае принято различать отношения со знаком +, 0 или -, что равнозначно различию эмоционально-положительных, безразличных (индифферентных) или эмоционально-отрицательных отношений. В общении это выражается в отношениях симпатии, безразличия или ан-

типатии (см. схему 19).

Структура проявлений СПК во внутриколлективных отношениях

Схема 19

В конечном итоге все многообразие названных выше отношений рассматривается через призму двух основных параметров психического настроения — эмоционального и предметного.

Под предметным настроением подразумевается направленность внимания и характер восприятия человеком тех или иных сторон его деятельности. Под тональным — его эмоциональное отношение удовлетворенности или неудовлетворенности этими сторонами.

Психологический климат коллектива, обнаруживающий себя прежде всего в отношениях людей друг к другу и к общему делу, этим все же не исчерпывается. Он неизбежно сказывается и на отношениях людей к миру в целом, на их мироощущении и мировосприятии.

А это, в свою очередь, может проявиться во всей системе ценностных ориентации личности, являющейся членом данного коллектива. Следова-

но, климат проявляется определенным образом и в отношении каждого из членов коллектива к самому себе. Последнее кристаллизуется в некую ситуативно-общественную форму самоотношения и самосознания личности.

В результате создается определенная обобщенная структура всех — ближайших и последующих, более непосредственных и более опосредованных проявлений социально-психологического климата не только внутри, но и вовне коллектива (схема 20).

Структура всех проявлений СПК

Схема 20

То обстоятельство, что отношение к миру (система ценностных ориентации личности) и отношение к самому себе (самосознание, самоотношение и самочувствие) попадают в ранг последующих, а не ближайших проявлений климата, объясняется их более сложной, многократной опосредованной зависимостью не только от ситуации данного коллектива, но и от целого ряда других факторов, с одной стороны, макромасштабных, с другой — сугубо личностных.

Действительно, отношения человека к миру формируются в рамках его образа жизни в целом, который никогда не исчерпывается пределами того или иного, даже самого значимого для него, коллектива.

Аналогичным образом обстоит дело и с отношением к самому себе. Самосознание человека складывается в течение всей его жизни, а самочувствие находится в существенной зависимости не только от его статуса в трудовом коллективе, но нередко в еще большей мере от семейно-бытового положения и здоровья индивида.

Это, разумеется, не снимает возможности рассмотрения самооценки и самочувствия индивида в данном конкретном коллективе и в зависимости от него. Более того, данное явление, безусловно, заслуживает специального исследования. Есть, в частности, основание рассматривать самочувствие личности в группе в качестве показателя уровня ее адаптированности, меры включенности в совместную деятельность, степени причастности к жизни данной группы.

Самочувствие личности в коллективе как одно из проявлений его климата. На самочувствии личности в коллективе отражаются ее отношения в группе в целом, степень удовлетворенности своей позицией и межличностными отношениями в ней.

Можно говорить и об определенном представительстве как самоотношения, так и отношения к миру в структуре ближайших проявлений социаль-

но-психологического климата коллектива. Особенно существенна для характеристики уже ближайших проявлений климата оценка отношений индивида к самому себе (самооценка, самочувствие и т д)

Каждый из членов коллектива на основе всех других параметров психологического климата вырабатывает в себе соответствующее этому климату сознание, восприятие, оценку и ощущение своего "я" в рамках данной конкретной общности людей.

Самочувствие личности в определенной мере может служить и известным показателем степени развернутости ее духовного потенциала. В данном случае, конечно, подразумевается не физическое самочувствие человека, зависящее от его здоровья, а психическое состояние, определяемое во многом атмосферой коллектива.

С этой точки зрения самочувствие личности (самооценка, степень удовлетворенности положением в группе, преобладающий настрой) может рассматриваться и как один из наиболее общих показателей социально-психологического климата (схема 21).

Структура общих показателей СПК

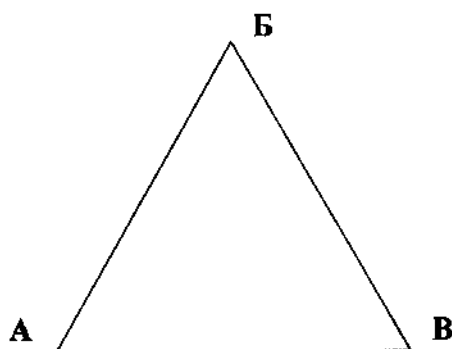

Схема 21

где:

А — отношение к делу

Б — самочувствие личности (отношение к самому себе)

В — отношение к другим людям

Вместе с тем он не может считаться вполне основательным для того, чтобы конкретно судить о всех аспектах СПК в коллективе, о мере эффективности его деятельности. Естественно поэтому, что вопрос о роли СПК как фактора жизнедеятельности коллектива и личности требует специального рассмотрения.

17.3. Роль социально-психологического климата в жизнедеятельности личности и коллектива.

Климат коллектива как важнейший элемент условий его жизнедеятельности. Роль социально-психологического климата в качестве фактора его состояния и продуктивности определяется несколькими обстоятельствами

Прежде всего, морально-психологический климат коллектива является одним из наиболее существенных элементов в общей системе условий существования и жизнедеятельности человека.

Особая значимость климата в системе условий человеческой деятельности определяется, во-первых, тем, что СПК характеризует ближайшие, самые непосредственные (в отличие от более удаленных и опосредованных) условия жизнедеятельности.

Не менее актуально, во-вторых, что явление климата характеризует не столько внешние по отношению к человеку, сколько внутренние, психологические аспекты этой среды, ее психологическую атмосферу

Нельзя не учитывать, наконец, и то обстоятельство, что с климатом трудового коллектива связано представление о наиболее значимом в структуре всего образа жизни человека плацдарме его трудовой деятельности.

Климат как проявление механизма обратной связи индивида со средой. В итоге роль социально-психологического климата коллектива как фактора существования, активности и формирования личности объясняется значимостью для человека механизма обратной связи с окружающей его средой обитания, и прежде всего средой социальной жизнедеятельности.

Духовная атмосфера коллектива, которая включает в себя как элемент и непосредственное отношение окружающих к человеку, их оценку его деятельности, как раз и реализует эту функцию обратной связи.

О значимости для человека механизма обратной связи наиболее убедительно говорит роль фактора общения в его жизни. Потребность человека в общении, обмене информацией с другими людьми относится к числу важнейших условий его жизнедеятельности.

Обратная информационная связь с непосредственной средой жизнедеятельности существенна для человека и как показатель приемлемости для окружающих, успешности его деятельности. В связи с этим уместно воспользоваться той аналогией психики человека с машиной, которую проводил Н. Винер, объясняя секрет мощного воздействия внешней информации на поведение любой системы, в данном случае на поведение человека. "Для эффективности работы любой машины, подверженной воздействию разнообразной внешней среды, — писал он, — необходимо, чтобы информация о результатах ее собственных действий передавалась ей как часть той информации, в соответствии с которой она должна продолжать функционировать" [5, с. 37].

Функция обратной связи реализуется в атмосфере коллектива за счет аккумуляции информации о психическом состоянии каждого члена, о его отношениях с окружающими, в преобладающем психическом настрое людей.

Из этого следует, что социально-психологический климат коллектива через осуществляемую им функцию обратной связи способен выступать и в качестве индикатора его психического состояния. А это имеет большое значение для понимания того, насколько данный климат позволяет коллективу наиболее полно реализовать свой духовно-психологический потенциал.

Социально-психологический климат как показатель состояния коллектива. Оптимальность или неоптимальность жизнедеятельности коллектива, эффективность или неэффективность его усилий в решающей степени зависят от его психического состояния, т. е. от способности в той или иной степени реализовать свои резервы и возможности, свой потенциал.

Значимость внутренних резервов и сил коллектива особенно возрастает в условиях глобального кризиса социума, когда резко снижается возможность ожидания помощи извне. Сам переход от доминанты вертикальных систем управления к режиму самоуправления предполагает развитие инициативы и потенциала самодостаточности всех структурных составляющих в обществе от

больших территориальных систем и организаций до первичных групп и коллективов.

Социально-психологический климат коллектива является существенным показателем его состояния, который позволяет судить о следующих характеристиках последнего: об уровне психологической включенности его членов в деятельность; о степени согласованности их усилий и отношений; о мере психологической эффективности этой деятельности; об уровне психического потенциала личности и коллектива, их не только реализуемых, но и скрытых, неиспользуемых резервах и возможностях; о масштабе и глубине барьеров, лежащих на путях реализации психологических резервов коллектива; и, наконец, о тех сдвигах, которые происходят в структуре психического потенциала личности и коллектива в целом.

Значимость рассматриваемого явления вполне объясняет тот стабильный интерес к нему, который на протяжении многих лет наблюдается как в отечественной, так и в зарубежной социально-психологической науке.

Климат коллектива как катализатор и фактор эффективности его деятельности. Морально-психологический климат коллектива — не простая сумма психических состояний составляющих его индивидов. Известно, что общность является мощным фактором умножения, усиления психического настроения его членов. И в этом также один из секретов значимости данного явления.

Социально-психологический климат является также фактором, через который преломляется, опосредуется любая деятельность коллектива. При этом преобладающий психический настрой той или иной группы людей определяет собой не только меру включенности каждого индивида в деятельность, но и характер ее направленности, ее эффективность. Известно, например, что от настроения людей, от их психического состояния зависит производительность труда, не только количество, но и качество произведенного продукта.

Нельзя, наконец, не учитывать и того обстоятельства, что в условиях современного научно-технического прогресса значение фактора климата возрастает.

А связано это с тем, что порождаемые ходом научно-технической революции тенденции — интенсификация, возрастание сложности и персонификации психической деятельности людей — замыкаются на СПК. В этом состоянии аккумулируются те или иные конфигурации и коллизии названных тенденций. Это могут быть ситуации столкновения и противоборства, соответствия и взаимостимуляции.

Естественно также, что влияние этих тенденций, равно как и психологической атмосферы коллектива, на личность может быть двояким — как стимулирующим, поощряющим, так и тормозящим, подавляющим творческую инициативу, активность и энергию личности. Отсюда же основания и для различия климата коллектива на благоприятствующий, здоровый и не благоприятствующий развертыванию духовного потенциала и активности личности.

Одним из наиболее очевидных проявлений благоприятной атмосферы, способствующей продуктивности совместной деятельности людей, является внимание, расположение, симпатия человека к человеку. На это обстоятельство обратил в свое время внимание Г. В. Плеханов, который писал: "Производительность труда достигнет наибольшей высоты только там, где человек будет предаваться любимым занятиям в обществе симпатичных ему товарищей" [6, с. 600].

Другим не менее актуальным свойством здорового морально-психологического климата коллектива является настроение духовного подъема, жизнерадостности, которое опирается на ясные цели и увлекательные задачи совместной деятельности. Существенно здесь и то, что это должна быть радость отношений, окрашенных определенной культурой проявления.

Именно так характеризовал основные признаки атмосферы здорового молодежного коллектива А. С. Макаренко: "Постоянная бодрость, никаких сумрачных лиц, никаких кислых выражений, постоянная готовность к действию, радужное настроение, именно мажорное, веселое, бодрое настроение, но вовсе не истеричность. Готовность к полезным действиям, к действиям интересным, к действиям с содержанием, со смыслом, но ни в коем случае не к бестолочи, визгу, крику, не к бестолковым зоологическим действиям" [7, с. 210—211].

Существенным условием наиболее полного развертывания духовного потенциала личности в коллективе является и обстановка взаимной ответственности и требовательности людей друг к другу. Разумеется, она не отменяет и не может заменить собой все сказанное выше. Речь может идти лишь о разумном и органичном сочетании в атмосфере коллектива таких черт и особенностей, которые лишь на первый и притом поверхностный взгляд могут показаться взаимоисключающими.

Преобладание и устойчивость атмосферы взаимного внимания, уважительного отношения к человеку, духа товарищества, сочетающегося с высокой внутренней дисциплиной, принципиальностью и ответственностью, с требовательностью как к другим, так и к себе, — таковы основные черты здорового морально-психологического климата.

Здоровый психологический климат — один из решающих факторов успешной жизнедеятельности человека во всех сферах общественных отношений, важнейшее условие совершенствования образа жизни и формирования личности.

Состояние климата и конфликт. В тех случаях, когда в коллективе недооценивается роль тех или иных факторов, благоприятно влияющих на психологический климат, может сложиться нездоровая атмосфера, проявляющаяся в напряженности человеческих отношений, в частых конфликтах между членами коллектива.

Человек же, если он оказывается втянутым в конфликт, как правило, достаточно остро и болезненно переживает возникшую ситуацию, особенно разлаженность своих взаимоотношений с другими. А это может иметь самые разнообразные отрицательные последствия для его психического состояния.

Напряжение противоборства (стресс), ожидание неприятностей могут вызвать тяжелое состояние болезненного возбуждения или депрессии, которые не остаются без последствий для здоровья людей. Даже тогда, когда конфликтуют два человека, то от работы отвлекается целый ряд сотрудников для выяснения причин и преодоления противоречий. Крупные конфликты потрясают всю группу и могут привести к ее распаду [8, с. 130].

Психологические последствия конфликта. О силе социально-психологических последствий конфликта, его влиянии на климат коллектива и психическое состояние людей достаточно убедительно свидетельствуют данные одного исследования, в котором было соотнесено время, потраченное на сам конфликт, со временем послеконфликтных переживаний его участников.

Оказалось, что на каждую минуту конфликта, возникшего в научном коллективе по причине несоответствия плановой тематики личным интересам

его членов, приходится 12 минут послеконфликтного времени; на минуту конфликта, возникшего из-за нетактичного высказывания товарища по работе, — 14 минут, а из-за конфликта на почве грубости и администрирования руководителя — 20 минут и т. д.

Социально-психологический эффект инерции включенности человека в конфликтную ситуацию уже за ее собственными пределами трудно переоценить.

Его отрицательные последствия определяются прежде всего тем обстоятельством, что время послеконфликтного напряжения во много раз превосходит время самого конфликта.

Это время доминирования в сознании людей, в их психике отрицательных эмоций, тяжелых, негативных переживаний, выбивающих из привычной колеи ранее заданной деятельности. Иными словами — это, по существу, время и психическое состояние недостаточной трудоспособности, неполной творческой отдачи, зачастую даже полной невключенности в деятельность.

Не менее значимы отрицательные последствия послеконфликтных переживаний и как фактор нарушения внутриколлективного равновесия, как фактор, разрушительно действующий на степень внутриколлективной сплоченности людей.

Известно, например, что те неприязненные чувства и взаимные обиды, которые возникают в конкретной ситуации, не исчезают сразу вместе с конфликтом, могут длительное время сохраняться в отношениях между людьми, выступают в дальнейшем в качестве серьезных психологических барьеров на пути их взаимопонимания.

Для преодоления этих барьеров в последующем необходимы время и энергия, нередко больше сил и психологической отдачи, чем требовалось в самой ситуации конфликта и полосе послеконфликтных переживаний, вместе взятых.

Психическое же напряжение людей, которым сопровождается как период конфликта, так и намного превосходящее его время послеконфликтных переживаний, может отрицательно сказаться не только на степени сплоченности коллектива, но и на здоровье его членов.

Длительное нервное напряжение в сочетании с травмирующим психику острым переживанием несправедливости или обиды, которые нередки в ситуации конфликта, способно поставить человека на грань серьезного душевного и физического кризиса.

Установлено, в частности, что в 80% случаев инфаркту миокарда предшествует либо острая психическая травма, либо длительное психическое напряжение.

Таким образом, социально-психологический климат коллектива является существенным фактором жизнедеятельности человека, оказывающим влияние на всю систему социальных отношений, на образ жизни людей, на их повседневное самочувствие, работоспособность и уровень творческой и личностной самореализации. Влияние это может быть самым разнообразным, и его характер зависит от множества факторов, основные из которых заслуживают специального рассмотрения.

17.4. Природа и факторы социально-психологического климата.

Влияние макросреды на социально-психологический климат коллектива. Являясь одним из решающих факторов успешной деятельности человека во всех сферах жизни общества, социально-психологический климат

коллектива, в свою очередь, складывается под воздействием всей системы отношений и доминирующей практики человеческого общения.

В каждом отдельном коллективе он зависит также от характера и успехов организации в целом и данного коллектива в отдельности, от уровня организации труда и управления и т. д.

Характеризуя все многообразие обстоятельств, оказывающих влияние на СПК коллектива, необходимо видеть различие между тем, что определяет его состояние в тот или иной момент, и тем, что обуславливает его структуру и функции вообще.

В последнем случае речь идет не о тех или иных отдельных детерминантах климата, а его природе в целом. Говоря о природе СПК, есть основание подразумевать прежде всего всю систему сложнейших социальных и социально-психологических взаимозависимостей, которые образуются в процессе взаимодействия социальной микро- и макросреды.

СПК в конечном итоге отражает всю систему социальных отношений макросреды. Однако эта система опосредована состоянием микросреды, т. е. специфическими для данного первичного коллектива условиями его жизнедеятельности.

Важно при этом учитывать, что система социальных отношений находится в динамике. Следовательно, состояние СПК, его конкретная структура и выполняемые им функции обусловлены в определенной мере и особенностями этой социальной динамики. Если говорить конкретнее, то СПК первичного коллектива во многом продукт той социальной атмосферы, которая характерна для состояния общества.

Таким образом, вопрос о природе и факторах СПК коллектива ставит нас перед общей проблемой духовной, социально-психологической атмосферы общества в целом.

В числе факторов СПК наряду с глобальными, связанными с характеристикой макросреды, необходимо учитывать и такие, которые относятся к непосредственным и специфическим условиям жизнедеятельности данного коллектива. В связи с этим существенно учитывать и тот социальный контекст, который наряду с понятием общества, социально-экономической формации представлен также и понятием социальной организации. Последняя (схема 22) опосредует собой связь микро-и макросреды.

Макросреда как фактор СПК

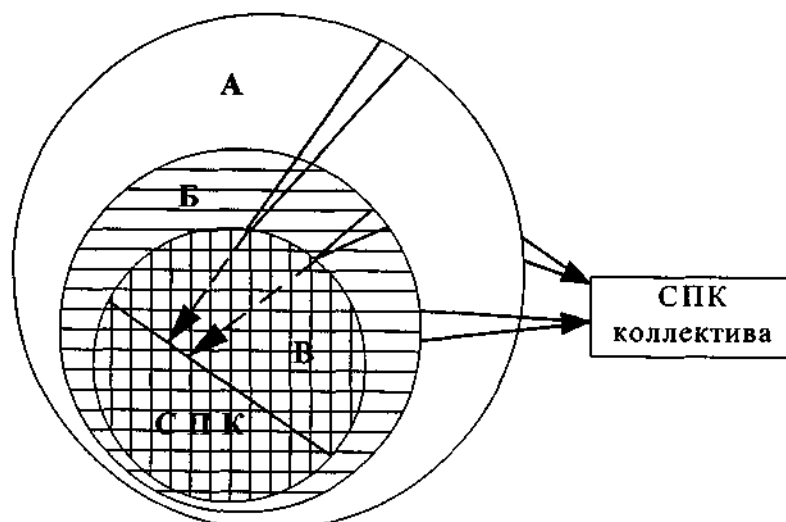

Схема 22

Примечание:

А — глобальная макросреда (общественно-экономическая формация и состояние международных отношений);

Б — локальная макросреда (социальная организация); В — микросреда (первичный коллектив, малая группа).

При этом влияние макросреды на СПК (как глобальной, так и локальной) может быть двояким (как это видно на схеме 22): непосредственным и опосредованным.

В рамках социальной организации правомерно говорить о двух важнейших факторах СПК коллектива: культуре человеческих отношений, человеческого общения, с одной стороны, и культуре организации труда — с другой. Таким образом, с учетом как глобальных, так и локальных компонентов макросреды можно вычлениить следующие основные факторы СПК первичного коллектива, выходящие по своему масштабу за его рамки:

1. Система социальных отношений общества в целом.
2. Социальные и социально-психологические тенденции современной научно-технической революции.
3. Культура межличностных человеческих отношений и общения.
4. Культура труда и управления в данной социальной организации.

Названными факторами, разумеется, далеко не исчерпывается все многообразие детерминант, могущих влиять на СПК коллектива. Кроме того, необходимо учитывать и взаимовлияние всех названных факторов и их многократно опосредованное друг через друга воздействие на СПК первичного коллектива (схема 23).

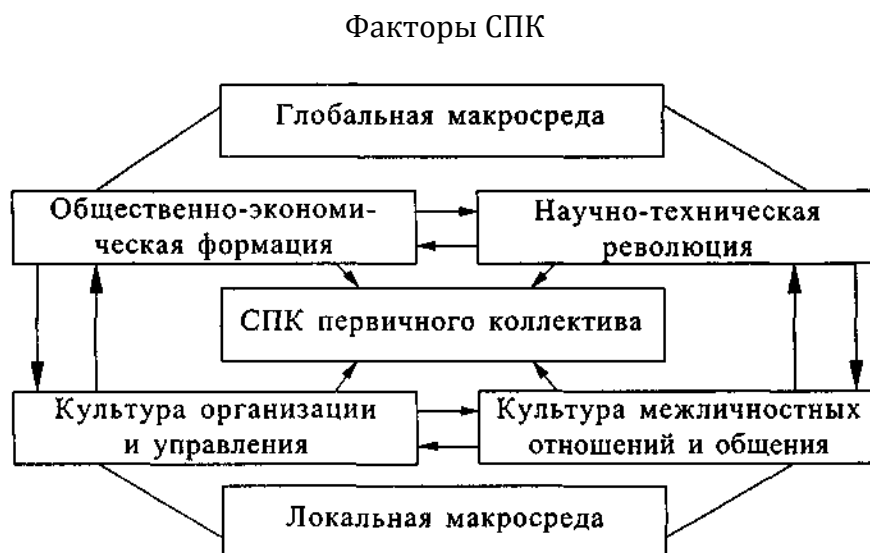

Схема 23

Культура общения и социально-психологический климат.

Подчеркивая роль объективных факторов в создании атмосферы коллектива, нельзя вместе с тем недооценивать и ответственность самих его членов за уровень морально-психологического состояния их совместной деятельности.

Если личностный фактор оказывается существенным инструментом атмосферы совместной деятельности, проявляющейся в характере человеческих взаимоотношений, то отсюда понятна и та роль, которую играет культура этих отношений, культура межличностного общения в формировании климата кол-

лектива.

Особенно велика роль культуры эмоционального отношения человека к человеку, поскольку механизм эмоций является древнейшим инструментом человеческих отношений.

В сложнейшем мире эмоционального взаимодействия людей возникает немало коллизий, сопровождающихся не только эффектом сочувствия, соучастия и взаимопонимания, но и психологическими барьерами предвзятости, неприятия и отчуждения.

Естественно, что создание благоприятного социально-психологического климата предполагает преодоление тех барьеров психической напряженности и сопровождающих эту напряженность отрицательных эмоций, которые могут возникнуть в процессе общения между людьми.

Актуальность данной задачи определяется как многообразной природой психологических барьеров, так и весомостью того потенциала скрытой творческой энергии личности, которая консервируется этими барьерами.

В конечном итоге степень развернутости духовного потенциала личности в коллективе определяется всей культурой внутриколлективных отношений, культурой межличностного общения.

Высокая культура социального общения представляет собой достаточно многогранное явление, которое включает в себя культуру восприятия и понимания, влияния и взаимовлияния людей друг на друга в процессе совместной деятельности.

Разве, например, несущественна для культуры человеческих отношений наша способность понимать партнера по общению, не только его слова, но и смысл выражения лица, жестов или наша готовность учитывать его пол и возраст, его положение и характер, его достоинства и недостатки? Все это в той или иной мере значимые факторы СПК любого коллектива.

Особенно существенна для формирования здорового нравственно-психологического климата культура человеческих эмоциональных отношений, проявляющихся в степени эмоциональной теплоты, симпатии или антипатии между членами коллектива.

Многочисленные исследования как отечественных, так и зарубежных социальных психологов убеждают в том, что психологический климат любой общности так или иначе суммируется из отношений симпатии и антипатии между членами коллектива, между различными группами коллег по работе, сложившимися уже в масштабах микросреды.

Однако нельзя и абсолютизировать значение тех межличностных отношений, которые носят не институциональный, не деловой, не функционально-ролевой, а лишь эмоционально-личностный характер.

Последние крайне существенны и играют, вероятно, доминирующую роль в системах внепроизводственной, досуговой, игровой, семейно-бытовой и иной преимущественно не столь жестко ориентированной активности.

В системе же производственной деятельности, требующей более высокой внутренней дисциплины и подчиненности общему распорядку, доминирующую роль скорее играют отношения ответственной, функционально-ролевой взаимозависимости, отношения руководства и исполнения, отношения, носящие преимущественно институциональный, а не чисто эмоционально-личностный характер.

Руководство коллективом как фактор его климата. Особую роль среди других факторов формирования социально-психологического климата первичного коллектива играют отношения руководства и подчинения, весь

комплекс функций, выполняемых руководителем.

Состояние СПК, его стимулирующее влияние на личность может рассматриваться в качестве одного из существенных показателей эффективности деятельности руководителя первичного коллектива, силы его положительного воздействия на подчиненных.

Значимость названного показателя определяется тем, что он характеризует один из результатов специфической именно для руководителя функции, которая направлена на организацию, совершенствование, повышение социальной и социально-экономической эффективности деятельности всего коллектива.

Отсюда же и очевидная значимость характеристики социально-психологического климата коллектива как показателя деятельности самого руководителя, от активности, степени творческого участия которого в делах коллектива решающим образом зависит и состояние этого климата.

Самого руководителя при этом должны отличать творческое отношение к делу, компетентность и инициативность, чувство ответственности, простота и доступность в общении с людьми, глубокое знание их интересов и запросов, честность, принципиальность, скромность. Такой руководитель способен вести за собой коллектив, ставить перед ним сложные задачи.

Не случайно и то, что в формировании морально-психологического климата все большая роль принадлежит руководителю именно первичного коллектива, в котором каждый человек находится в непосредственном контакте с другими людьми, где лучше видны его индивидуальные особенности, достоинства и недостатки.

Подчеркивая значимость учета социально-психологического климата, его рассмотрения в качестве показателя деятельности руководителя, необходимо отметить вместе с тем, что, к сожалению, пока этот показатель не стал предметом сколько-нибудь разностороннего изучения с данной точки зрения.

Это объясняется рядом причин, но в числе основных могут быть названы, на наш взгляд, две. Во-первых, в массе исследований, посвященных показателям, характеризующим руководителя, преобладает общепсихологический подход, который сводится к разработке перечня психологических качеств и свойств, необходимых руководителю вообще. Во-вторых, альтернативная этому попытка выйти на более высокий уровень социально-психологической оценки не общих психических свойств, а деятельности руководителя наталкивается на серьезные трудности ее диагностики.

Между тем есть основание рассматривать уровни СПК коллектива в связи с характером деятельности руководителя, со степенью его ориентированности на развертывание репродуктивной или творческой, безличной деловой или личностно-опосредованной активности подчиненных.

Вся многогранная деятельность руководителя так или иначе сказывается на психическом состоянии коллектива, на степени психологической включенности в работу каждого его члена.

Вместе с тем необходимо учитывать конкретные особенности того или иного вида деятельности руководителя, которая может быть направлена на принятие ответственного решения или мобилизацию коллектива на выполнение задания. Эти особенности специфической деятельности руководителя играют существенную роль в качестве фактора социально-психологического климата коллектива и заслуживают специального рассмотрения.

В многогранной деятельности руководителя доминирующей по сравнению со всеми другими сторонами является его активность, связанная с процессом принятия ответственного решения.

От степени научной обоснованности принимаемых решений в очень высокой, по существу в решающей, степени зависит эффективность деятельности не только отдельных руководителей, но и больших социальных организаций и институтов.

Проблема научной обоснованности принимаемых решений становится особенно актуальной в условиях, когда в силу все большей динамичности систем возрастает удельный вес и фактора неопределенности.

Как показали проведенные еще в 1960—1970 гг. социально-психологические исследования механизма принятия управленческого решения, одной из объективных тенденций является, в частности, возрастание роли функционально-ролевого, безлично-институционального, административно-волевого начала как естественной защитной реакции руководителя на рост неопределенности, на трудности ориентации в мощном потоке управленческой информации в условиях дефицита времени [4, с. 314—328].

Это связано прежде всего с увеличением потока оперативной информации, учет и осмысление которой является необходимым условием как правильной ориентации во все более быстро меняющейся обстановке, так и принятия обоснованного решения.

Однако высокий и могущий возрастать удельный вес фактора неопределенности в процессе управленческой деятельности продиктован прежде всего тем, что реальный объем информации, необходимый руководителю для выработки обоснованного решения, уже сейчас во многих случаях превосходит его аналитические способности.

Естественно, что в этих условиях реальным способом защиты руководителя от психической перегрузки оказывается социально-психологический механизм стереотипного восприятия информации и ориентации на авторитарные источники последней, т. е. на такие, которые подсказывают готовое, твердое и однозначное решение вопроса и берут одновременно за него всю полноту ответственности на себя [4, с. 314—328].

Таковы санкции вышестоящего руководства, требования инструкций и технологических предписаний в отличие от тех данных (например мнения научного эксперта или коллег), которые, как правило, лишь предлагают различные альтернативы для выбора и не снимают с самого руководителя ответственности за принимаемое решение.

Неудивительно, что в названной выше ситуации (оперативность деятельности, избыток информации, требующей переработки, дефицит времени и т. д.) руководитель предпочитает ориентироваться больше на авторитарные, чем на неавторитарные источники информации.

Этим, в частности, сфера оперативно-практической деятельности отличается от научно-исследовательской, где есть иные, более благоприятные возможности обстоятельного анализа поступающей информации.

Отсюда же и различия между диапазоном (общим количеством) авторитарных источников информации, которые необходимы, с одной стороны, оперативно-практическому, а с другой — научному работнику.

Так, установлено, что диапазон авторитарных источников информации у руководителя промышленного предприятия в четыре, а у руководителя административного учреждения в пять раз выше, чем у руководителя научно-исследовательского института.

А это вполне соответствует и тому разрыву между временным интервалом для принятия решения и выполнения задания, который имеет место в деятельности руководителя административного учреждения и промышленного предприятия, с одной стороны, и научно-исследовательского учреждения — с

другой.

В одном случае этот интервал колеблется преимущественно от нескольких минут до нескольких месяцев, в другом — от нескольких месяцев до нескольких лет.

Авторитет и роль руководителя как организатора трудового коллектива не определяется лишь степенью овладения им системой мер административного воздействия. Не меньшее значение в его деятельности имеет культура общения с подчиненными, его внимание к ним, способность налаживания продуктивных и вместе с тем лично-опосредованных отношений с людьми, его готовность формирования здорового климата коллектива.

ГЛАВА 18. ДИАГНОСТИКА СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КЛИМАТА КОЛЛЕКТИВА

18.1. Понятие и виды диагностики социально-психологического климата коллектива.

Понимание диагностики социально-психологического климата коллектива. Диагностика СПК данного коллектива — это интегральная содержательная характеристика проявлений его преобладающего настроения и оценка уровня его качества. Как следует из предложенного определения понятия диагностики СПК, это прежде всего содержательная характеристика его проявлений применительно к структуре отношений людей к делу и друг к другу.

Вместе с тем диагностика не только содержательная, но и интегральная характеристика. Это, в свою очередь, означает, что она должна быть выражена не в представлении о тех или иных конкретных отношениях и взаимоотношениях, а в понятиях преобладающего настроения или атмосферы коллектива применительно к делу, личности, творчеству.

И, наконец, из этого определения следует то, что диагностика предполагает качественную оценку уровня оптимальности основных составляющих климата, равно как и его структурных модификаций в целом.

Естественно, что достижение данных результатов возможно лишь по итогам эмпирического исследования или обследования состояния СПК того или иного коллектива.

Соотношение понятий: изучение, исследование, диагностика, обследование и оценка СПК. Изучение СПК предполагает получение общих представлений об этом явлении на основе знакомства с научной литературой. Исследование же предусматривает обращение к анализу и оценке состояния СПК какого-то одного или нескольких реальных коллективов по итогам проведенных в них социально-психологических опросов, наблюдений или экспериментов. Исследование СПК не сводится к его диагностике, но предполагает изучение природы и факторов СПК, а также его функций и роли в жизнедеятельности личности и коллектива.

Отличается исследование и от обследования тем, что его применение к данному коллективу не самоцель, а средство развития научных знаний и представлений о данном явлении. Обследование же преследует прикладные цели. Его задача состоит в том, чтобы помочь практическим работникам, членам коллектива и его руководителю дать адекватную реальности картину состояния их СПК.

Оценка состояния СПК, положения той или иной модификации его структурной модели на шкале климометра позволяет, не ограничиваясь диагностикой (для чего достаточно представлений о структурной модели СПК данного коллектива), судить уже и о возможных вариантах изменения СПК в ту или иную сторону, т. е. прогнозировать тенденции его развития при различных условиях.

Виды диагностики социально-психологического климата. Необходимо различать два основных варианта диагностики СПК коллектива:

- а) в рамках фундаментального исследования;
- б) в режиме оперативного обследования.

В первом случае диагностика СПК того или иного коллектива является частью более широкой программы, предусматривающей исследование всей совокупности социально-психологических условий жизнедеятельности коллек-

тива (руководство и лидерство, уровень социально-психологической культуры общения и т. д.).

При этом как диагностика СПК, так и исследование социально-психологических условий жизнедеятельности подчинены задачам фундаментально-исследовательского, а не прикладного характера.

Во втором же случае речь идет не о развитии научных представлений об СПК, а о применении имеющихся знаний и методов к конкретной практической задаче — улучшению СПК данного коллектива. Режим оперативного обследования предполагает, как правило, реализацию социального заказа в достаточно сжатые сроки его выполнения.

Вместе с тем и режим оперативного обследования, даже с учетом некоторой свернутости программы диагностики СПК в сравнении с рамками фундаментального исследования, предусматривает необходимый минимум гарантий качества и достоверности результата.

Наряду с двумя названными выше вариантами экспертной и научно обоснованной диагностики СПК могут практиковаться и такие варианты диагностики, которые не обеспечивают необходимых гарантий достоверности и качества, но зато позволяют получить какой-то результат в кратчайшие сроки.

Таковы варианты диагностической оценки СПК, осуществляемые в рамках, например, учебного процесса с целью формирования наглядного представления у учащихся о ее технологии: здесь методика опроса предельно приближена к режиму самооценки СПК.

Но в отличие от абсолютной самооценки, предполагающей "лобовой" вопрос: "Как Вы оцениваете климат своего коллектива?", в данном случае оценку дает все же экспериментатор — социальный психолог, а самооценочная часть опроса доводится до характеристики трех различных блоков структурной модели СПК.

Как показывает наш опыт, даже этого небольшого различия в технологии опроса вполне достаточно, чтобы результат, полученный по итогам такой "экспертизы", отличался от "лобовой" самооценки СПК опрашиваемыми. Такой вариант можно назвать экспресс-диагностикой СПК.

18.2. В поисках критерия.

Показатель групповой сплоченности. Существенным элементом программы диагностики является критерий для оценки уровня оптимальности социально-психологического климата. Прежде чем сформулировать свой подход к решению этой задачи, необходимо хотя бы кратко охарактеризовать ситуацию, сложившуюся в этой связи к настоящему времени в практике социально-психологических исследований.

При всем многообразии критериев, служивших до сих пор в качестве инструмента для определения уровня оптимальности социально-психологической атмосферы коллектива, все они в основном могут быть сведены к двум: групповой сплоченности—конфликтности и удовлетворенности—неудовлетворенности условиями деятельности.

Увлечение поиском индексов групповой интеграции, наблюдавшееся ранее, с неизбежностью должно было уступить место другим, казавшимся более надежными, критериям¹⁹.

¹⁹ Ненадежность показателя групповой сплоченности при всех его достоинствах и удобствах для чисто количественной, математической обработки эмпирических данных объясняется прежде всего его бессодержательным характером, его несоотнесенностью с сущностной, структурной картиной состояния, отношений и с деятельностью людей в коллективе

Не только бессодержательность феномена групповой сплоченности, несоотнесенность его с качественной характеристикой отношений в коллективе (сплоченность вокруг чего, на какой основе?), но и относительность, условность ценности самой сплоченности привели к девальвации этого критерия.

Было очевидно, например, что "сплоченность" на антиобщественной основе ничем не лучше конфликтности, принципиальной борьбы и разногласий по деловому поводу в жизнеспособном и деятельном коллективе. Конфликтность в свете сказанного утрачивала первоначальный смысл синонима только нездоровой, вредной социально-психологической атмосферы групповой деятельности.

Критерий удовлетворенности. Несколько иной оказалась судьба критерия удовлетворенности условиями деятельности. Последний обнаружил высокий уровень стабильности и сопротивляемости обстоятельствам времени.

Введенный в широкий научный оборот за рубежом, критерий удовлетворенности наиболее выразительно проявил себя в микросоциологической концепции известного американского психосоциолога Дж. Л. Морено [1]. У последнего этот критерий выступал в форме эмпатии и симпатии как фундаментальных механизмов группового сплочения.

Не меньшую популярность этот критерий приобрел и у нас в первые годы возрождения социологических и социально-психологических исследований — в период 60-х гг.

Устойчивая удовлетворенность работой рассматривалась в исследованиях того периода как важный элемент общего морального состояния человека, альтернативный настроению подавленности и пессимизма²⁰.

Сохраняет силу своего влияния на трактовку окружающих явлений этот критерий и сегодня. В большинстве случаев единственным основанием для суждения об уровне оптимальности при оценке тех или иных социальных явлений и процессов, в том числе и СПК, является критерий удовлетворенности индивида условиями своей предметно-производительной деятельности.

По этой же причине социальные психологи нередко отождествляли само понятие хорошего микроклимата или климата первичного коллектива с явлением удовлетворенности психологическими условиями жизнедеятельности в рамках групповых отношений.

В свете новых данных в области нейрофизиологии, в частности в связи с открытием так называемого гормона удовольствия, или особых молекул — эндорфинов, найденных в мозге человека и многих животных и ответственных за стабильность психического состояния и здоровье, с несколько неожиданной стороны приходят дополнительные аргументы в пользу фактора удовлетворенности. Это обстоятельство в определенной мере делает более понятным и то, почему из всего многообразия критериев оптимальности социально-психологического климата критерий удовлетворенности оказался наиболее значимым и стабильным. Он ближе всех других критериев к психическому состоянию и ощущению здоровья индивидом.

Ненадежность критерия удовлетворенности. Однако есть и основание для сомнений насчет достаточной надежности данного критерия. Многочисленные способы как активизации эндорфинов, так и компенсации их с помощью разнообразного допинга могут создать чувство глубочайшей удовлетворенности там, где для этого нет никаких оснований. Погоня же за иллюзор-

²⁰ Но уже тогда в ряде работ отмечалась противоречивость показателя удовлетворенности [2, с 78—87].

ным чувством удовлетворенности с помощью спиртных напитков или тем более наркотиков чревата прямым разрушением и гибелью организма.

Иными словами, критерий субъективной удовлетворенности, на наш взгляд, не может больше рассматриваться в качестве доминирующего, достаточного или тем более единственного обобщающего показателя оптимальности социальных явлений и процессов, в том числе социально-психологического климата коллектива. Последнее объясняется в конечном итоге как ограниченностью, так и недостаточной надежностью тех данных, которые могут быть получены с помощью критерия удовлетворенности, для характеристики состояния СПК в целом.

Действительно, можно ли считать достаточно надежным критерием СПК лишь свидетельства субъективного отношения опрашиваемых к условиям их труда? Может ли, далее, удовлетворенность рассматриваться в качестве интегральной характеристики психического состояния индивида, для которого характерны и другие, не менее значимые психические состояния?

Известно, например, что если удовлетворенность выступает в качестве фактора эффективного функционирования в рамках стабильной программы деятельности, то источником динамики, изменений и обновлений последней оказывается скорее неудовлетворенность. И, наконец, во всех ли случаях удовлетворенность свидетельствует об оптимальности психического состояния коллектива и гарантирует экономическую эффективность его деятельности? Гарантирует ли, например, удовлетворенность членов коллектива своими взаимоотношениями (их внутренняя сплоченность) и условиями труда рост производительности и качества выпускаемой продукции? Если не гарантирует, то можно ли в таком случае говорить об удовлетворенности членов коллектива своими взаимоотношениями, отношением к труду как надежном критерии благополучия СПК?

Иными словами, не удовлетворенность, а, наоборот, неудовлетворенность достигнутым, постоянное стремление превзойти взятые рубежи, критическое отношение к состоянию дел и своим усилиям — более достойная альтернатива для оценки СПК коллектива.

Свидетельства ограниченности критерия удовлетворенности для оценки микроклимата получены и в рамках эмпирических социально-психологических исследований. Экспериментально установлено, например, что чувство удовлетворенности индивида своим статусом или отношениями с окружающими людьми в коллективе может не соответствовать его реальному положению в группе.

Так, в исследованиях, проведенных в школе, было обнаружено, что иногда в классах, где плохо поставлена воспитательная работа, ученики, явно нарушающие дисциплину и имеющие низкую успеваемость, могут иметь высокий коэффициент удовлетворенности своим статусом в коллективе [3, с. 166].

Полученные данные позволили высказать предположение о компенсаторной функции высокой удовлетворенности во взаимоотношениях. Высокий коэффициент удовлетворенности может обеспечивать хорошее эмоциональное самочувствие, делает учеников, объективно находящихся в неблагоприятном положении, психологически защищенными от требований, предъявляемых им педагогами и коллективом.

Отсюда актуальность задачи поиска и логического обоснования такой структуры индикаторов СПК, которая бы отвечала требованиям какого-то другого, более надежного критерия оптимальности, чем глобальная удовлетворенность.

Другие подходы. В связи с этим заслуживает внимания стратометрическая концепция психологии коллектива, разработанная А. В. Петровским. Согласно этой теории, в качестве отношений, определяющих состояние и уровень развития коллектива, выступает не та или иная удовлетворенность или механическая сплоченность, а предметное взаимодействие и взаимоотношения людей, опосредованные целями, задачами и ценностями совместной деятельности, т. е. ее реальным содержанием [4].

Позволяя четко выделить ценностно-целевые характеристики коллектива и открывая перспективу дальнейших поисков в этом направлении, такой подход, однако, не исчерпывает всех его аспектов.

Критерий соответствия требованиям социального развития. Наша концепция предполагает не столько акцент на интегральных характеристиках коллектива, сколько на потребностях и ориентации личности в коллективе. Отсюда и различия по существу формулировки концепций: деятельностное опосредование межличностных отношений, в одном случае, и личностное опосредование функционально-ролевых отношений в процессе коллективной деятельности — в другом.

Существенно отметить и то, что, вписывая характеристики взаимосвязи личности и коллектива в социальную макросреду, как это делает и А. В. Петровский, мы исследуем активное воздействие изменений, происходящих в макросоциальной системе под влиянием НТР, на особенности социально-психологических изменений в коллективе и во взаимоотношениях между личностью и коллективом.

Именно в этом направлении был развернут наш поиск как критерия СПК, так и системы его индикаторов. Логическая цепочка, взятая здесь за основу поиска, такова: соответствие или несоответствие СПК объективным требованиям социального развития.

Наибольшее соответствие СПК требованиям социального развития обеспечивает максимальную включенность человека в деятельность. А это, в свою очередь, оказывается условием социальной и экономической эффективности самой деятельности.

В качестве объективного и одновременно интегрального критерия оптимальности СПК мы рассматриваем степень соответствия или несоответствия последнего социально-психологическим тенденциям и требованиям современного социального и научно-технического прогресса.

18.3. Определение основных показателей климата.

От критерия к показателям. Согласно критерию соответствия или несоответствия социально-психологического климата объективным социально-психологическим тенденциям социального и научно-технического прогресса, осуществлялся и поиск эмпирических показателей климата. В соответствии с концепцией социально-психологических тенденций научно-технической революции, изложенной нами в предыдущих работах, последние характеризуются интенсификацией, возрастанием сложности (эскалация опосредованности), персонификацией и деперсонификацией психической деятельности человека [5].

На основе анализа названных тенденций было осуществлено построение совокупности показателей социально-психологического климата коллектива, отвечающих требованиям хода научно-технического прогресса. Предельно кратко логика построения этих показателей может быть сведена к сле-

дующему.

Персонализация, рассматриваемая в качестве одной из ведущих социально-психологических тенденций НТР, сопровождается ростом духовного потенциала, самосознания и жизненных притязаний личности. Она проявляется в актуализации таких потребностей индивида, которые бы отвечали новому уровню его самосознания.

Это дает возможность говорить о трех основных группах потребностей — познавательных (потребность в самопознании и развитии самосознании), коммуникативных (потребность в духовном общении, понимании и признании), конструктивных (потребность в самовыражении, самоутверждении и творческой деятельности).

Понимаемая таким образом персонализация является одной из ведущих тенденций развития личности в условиях современной научно-технической революции.

Интенсификация психической деятельности. Развертыванию этой тенденции способствует весь ход научно-технического прогресса, и прежде всего интенсификация психической деятельности человека, которая вытекает из всего многообразия факторов, порождающих и сопровождающих современную научно-техническую революцию, — автоматизации и кибернетизации индустриального труда, наращивания промышленного потенциала и темпов производства, урбанизации с характерной для нее интенсивностью городских коммуникаций, активизации демографических и информационных процессов в обществе и др.

Интенсификация психической деятельности человека носит при этом достаточно разносторонний характер и предполагает активизацию его производственной, потребительской, коммуникативной, рефлексивной, познавательной, созидательной, репродуктивной и творческой активности.

Разносторонняя интенсификация психической деятельности человека не только предъявляет требования к его развитию. Она же одновременно способствует его развитию как активной, творческой индивидуальности, создавая условия для этого.

Постоянный рост психологических контактов и человеческих связей ведет к духовному обогащению личности. Разнообразие предметного мира, создаваемого человеком, обогащает его жизненный опыт новыми знаниями, умениями, потребностями.

Активизация личности. Таким образом, порожденная научно-технической революцией и сопровождающая ее интенсификация человеческой жизнедеятельности ведет к развитию духовного потенциала личности.

А это, в свою очередь, сопутствует развитию самосознания индивидуальности и росту потребности человека в самопознании, самовыражении и самоутверждении, которые не могут не сказаться на его образе жизни. Расширение плацдарма жизненных притязаний делает более динамичным и весь образ жизни человека, раздвигает горизонты его коммуникативных возможностей.

Внешними индикаторами этих тенденций являются показатели активности личности как в сфере труда, так и в сфере быта, досуга, в организации свободного времени и отдыха, в использовании системы обслуживания. Но еще более существенны для нас не столько внешние проявления персонализации, сколько показатели сущностных изменений, происходящих в личности.

Есть основание считать, что этот комплекс социально-психологических сдвигов может быть в той или иной мере верифицирован посредством такого

существенного показателя личностной активности, каким является механизм выбора альтернатив поведения, принятия решения, поскольку последний представляет собой фокус всей структуры саморегуляции, психической автономии индивида.

Современная научно-техническая революция больше, чем когда-либо раньше, активизирует фундаментальную основу персонификации личности — ее функцию выбора. Она постоянно ставит человека не только перед возможностью, но и необходимостью принятия многочисленных, в том числе и ответственных, решений.

Однако тот плацдарм персонификации личности, каким оказывается ее функция выбора, нельзя отнести к числу достаточно простых эмпирических показателей. Он наделен существенным внутренним противоречием. Здесь же, в неограниченной возможности и необходимости регулярного осуществления выбора, с одной стороны, и в том высоком уровне психического напряжения, которым это оплачивается, — с другой, заложена одновременно и внутренняя противоречивость самой персонификации.

Современный молодой человек примерно в 200 раз превосходит по возможностям свободного выбора профессии своего прадеда, выбиравшего профессию 100 лет назад. Однако на сегодня в мире имеется около 40 тысяч различных специальностей, получить представление о которых, необходимое для их сознательного выбора, а следовательно, и сделать выбор, не так просто.

Уже в этом избытке возможностей и вытекающем из него обязательном напряжении выбора заложен импульс, способный породить эффект, прямо противоположный персонификации, — деперсонификацию личности. Последняя в таком случае оказывается защитным механизмом, предохраняющим психику индивида от перегрузки и внутреннего дискомфорта.

В связи с этим в современной социально-психологической литературе не без основания ставится проблема готовности или неготовности человека к выбору альтернатив в критических, стрессовых ситуациях, которыми изобилует эпоха научно-технической революции.

Рост личностных притязаний. Другими, столь же существенными показателями персонификации личности являются характеристики уровня притязаний последней на ту или иную степень признания и самовыражения ее индивидуальной неповторимости и деятельности в коллективе.

Наряду с персонификацией личности существенными социально-психологическими тенденциями НТР являются, как уже отмечалось, интенсификация и усложнение (эскалация опосредованности) психической деятельности человека.

В качестве эмпирически замеримых показателей этих тенденций можно рассматривать соответственно уровень психического напряжения, а также степень обновления и неопределенности человеческой деятельности, которая растет под влиянием НТР.

Действительно, как уже отмечалось, самым непосредственным следствием интенсификации человеческой деятельности является рост ее напряженности, поскольку суть этой тенденции и состоит в том, чтобы добиваться все большего эффекта в одну и ту же единицу времени.

Интенсификация же человеческой жизнедеятельности с неизбежностью сопровождается и обновлением ее условий. Существенным фактором и структурным компонентом в процессе обновления оказывается и образ жизни человека, становящийся все более динамичным и разнообразным.

Со всем сказанным выше органически связан и показатель неопределен-

ности, поскольку рост многообразия приводит к расширению возможностей свободного выбора тех или иных вариантов поведения, к росту уровня его вариабельности.

Избыток информации относительно многообразных вариантов возможного поведения при дефиците времени с неизбежностью усиливает эффект неопределенности. Степень неопределенности, следовательно, может служить одновременно показателем напряженности психической деятельности человека.

Эмпирические показатели тенденций НТП. Таким образом, все сформулированные выше шесть эмпирических показателей социально-психологических тенденций НТП (схема 24) — выбор, обновление, потребность признания и самовыражения, напряженность и неопределенность — так или иначе связаны с каждой из трех тенденций: интенсификацией, эскалацией опосредованности и персонификацией психической деятельности.

Основные показатели социально-психологических тенденций НТП

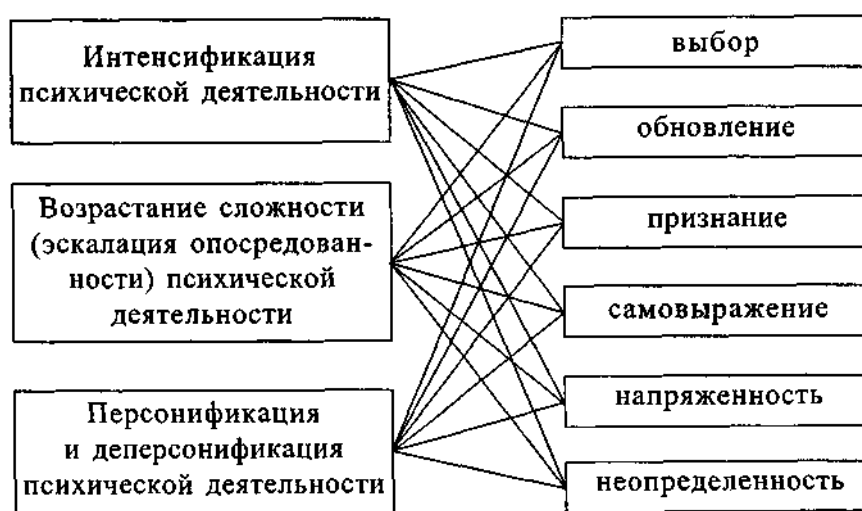

Схема 24

18.4. Потенциалы социально-психологического климата коллектива.

Понятие потенциала СПК. В соответствии с представлением об эмпирических показателях социально-психологических тенденций научно-технического прогресса применительно к задачам данного исследования мы сформулировали понятие потенциала СПК коллектива.

Последнее в отличие от функции показателя тенденций характеризует не столько ту или иную направленность развертывания процессов, сколько состояние и уровень реализации имеющихся возможностей деятельности.

Однако исследование потенциала дает в определенной мере и материал для характеристики направленности возможных изменений. Поэтому потенциал может рассматриваться в известном смысле как более широкая, чем понятие тенденции, категория. Вместе с тем тенденции характеризуются не только возможной, но и действительной направленностью процесса.

Остановимся кратко на рассмотрении тех шести потенциалов, которые

выведены нами с учетом соответствующих эмпирических показателей тенденций и которые характеризуют уровень социально-психологических возможностей и притязаний членов коллектива.

Потенциал выбора. Обозначает диапазон как объективных возможностей, так и субъективных притязаний членов коллектива применительно к выбору способа выполняемой ими деятельности. Актуальность рассматриваемого потенциала определяется его фундаментальным значением в качестве фактора личностной активности индивида в той мере, в какой функция выбора альтернатив поведения является внутренней основой личности.

Есть основание в гипотетическом плане предполагать двоякий эффект потенциала выбора в качестве показателя СПК при следующих условиях: а) чем выше уровень и шире диапазон внутриколлективных возможностей и субъективной предрасположенности к выбору, тем выше уровень творческой активности личности и коллектива в целом, психологической включенности в деятельность, а следовательно, и ее эффективности; б) принципиально возможен конфликт между предрасположенностью личности к выбору и отсутствием условий для ее реализации в данном коллективе; в) не исключен и конфликт между объективными возможностями выбора, с одной стороны, и нерасположенностью личности к их реализации — с другой.

В последних двух случаях (пункты «б» и «в») фактор потенциала выбора может отрицательно сказаться на СПК и уровне эффективности деятельности коллектива.

Потенциал обновления. Характеризует диапазон как объективных возможностей, так и субъективных притязаний членов коллектива применительно к темпам и масштабам перемен, могущих иметь место в рамках их как предметной, так и коммуникативной деятельности.

Значимость данного потенциала определяется присущей человеческому мозгу потребностью в обновлении информации, без удовлетворения которой невозможна сколько-нибудь длительная включенность индивида в деятельность.

Здесь, как и в предыдущем случае, есть основания различать два аспекта: объективный и субъективный. В первом — это характерная для коллектива степень, глубина, масштабность и количество объективных перемен в единицу времени. Во втором — уровень предрасположенности к ним членов коллектива: их потребность, стремление к переменам и обновлению основных условий деятельности (предметных и коммуникативных).

Можно допустить аналогично предыдущему случаю такие модели действия данного потенциала в качестве фактора СПК: а) объективные характеристики потенциала обновления находятся в полном соответствии с субъективными, что возможно как при его достаточно низком, так и при высоком уровне развернутости; б) объективные и субъективные характеристики потенциала обновления находятся в конфликтном состоянии. Тогда возможны два основных варианта, когда объективные или субъективные характеристики этого потенциала, будучи достаточно динамичными, сталкиваются с нединамичностью, консервативностью других.

Потенциал признания. Характеризует как объективные условия внутриколлективной деятельности, направленные на поощрение индивида, так и его субъективные притязания на тот или иной уровень положительной оценки своей деятельности коллективом.

Весомость потенциала признания в структуре показателей СПК определяется принципиальной значимостью для человека механизма обратной связи с окружающей его социальной средой. Подчеркивая огромную роль поощрения и одобрения человеческой деятельности окружающими как важнейшего фактора благоприятного психического состояния индивида, известный канадский биолог Г. Селье отмечал, в частности, что для него лично "жажда одобрения и признания была одной из главных движущих сил на протяжении всей жизни" [6].

Из сказанного вытекает и структура потенциала. Последняя включает в себя объективные по отношению к личности условия внутриколлективной деятельности, в той или иной мере удовлетворяющие потребность последней в признании, и субъективные стремления личности к признанию ее коллективом, уровень притязаний личности на ее оценку коллективом в соответствии с ее собственной самооценкой.

Как и в предыдущих случаях, возможны четыре варианта ситуаций: а) соответствие субъективных притязаний и объективных условий их удовлетворения при высоком уровне самого потенциала; б) соответствие на почве низкого потенциала; в) несоответствие на почве низкого уровня удовлетворения высокого уровня притязаний; г) несоответствие на почве системы поощрения, превосходящей реальный потенциал притязаний.

В качестве оптимальности, полноты удовлетворения потребности члена коллектива в признании может быть предложена следующая структурная модель потребности: признание общечеловеческих достоинств личности, социально-специфических (в первую очередь функционально-ролевых) и неповторимых особенностей личности как оригинальной индивидуальности.

Потенциал самовыражения. Наряду с потребностью признания каждому человеку в той или иной мере присуще стремление к самовыражению, т. е. к проявлению всех тех особенностей, способностей, склонностей и дарований, которые сформировались у него в течение жизни. Стремление к самовыражению является одним из важнейших проявлений и одновременно показателем тенденции персонификации личности.

Персонификация реализуется через развертывание процесса индивидуализации, финалом которого оказывается личностное самовыражение и самоутверждение индивида во всей своей неповторимости и духовной автономии. Есть основание рассматривать функцию самовыражения в качестве фундаментальной социально-психологической основы персонификации личности.

Потенциал самовыражения структурирован аналогично другим. Объективные условия самовыражения личности в коллективе целесообразно рассматривать прежде всего применительно к его функционально-ролевой деятельности.

Здесь важно учитывать, насколько эти условия соответствуют психическому состоянию, профессиональному опыту, творческой направленности личности, насколько они совпадают или расходятся с тем, в чем человек видит свое призвание, свой способ творческого самовыражения. Как и в предыдущих случаях, принципиально возможны четыре варианта коллизий между объективными и субъективными параметрами потенциала самовыражения.

Необходимо учитывать взаимосвязь и взаимозависимость двух последних потенциалов. Потребности самовыражения и признания органически взаимосвязаны. Это, по существу, две важнейшие стороны целого комплекса духовных потребностей человека, играющих роль мощных стимуляторов его ак-

тивности.

Потенциал психической напряженности применительно к объективным условиям может быть охарактеризован уровнем и диапазоном психического напряжения, которого требует от работника его повседневная деятельность.

Применительно же к прожективной характеристике психического состояния личности можно говорить о таком уровне и диапазоне психического напряжения, которое является для нее наиболее предпочтительным. Здесь, как и в предыдущих случаях, возможны четыре типологические характеристики этого потенциала.

Критерием для определения уровня оптимальности психического напряжения является соответствие объективных и прожективных характеристик напряженности, что дает наибольший рост производительности труда, с одной стороны, и простор для развития личности — с другой. Последнее может быть определено через реализацию потенциала выбора, обновления и самовыражения.

Специфическая задача измерения данного потенциала состоит в том, чтобы найти оптимальную меру психической напряженности в ситуации соответствия объективных условий и предпочтений личностью и коллективом достаточно напряженной деятельности.

Г. Селье отмечал в связи с этим, что большинству людей в равной мере не нравится и отсутствие стресса, и избыток его. Поэтому каждый должен тщательно изучить себя и найти тот уровень стресса, при котором он чувствует себя наиболее комфортно, какое бы занятие он ни избрал. Кто не сумеет изучить себя, будет страдать от дистресса, вызванного отсутствием стоящего дела либо чрезмерной нагрузкой.

Потенциал определенности. Применительно к функционально-ролевой деятельности, к ее объективным условиям это степень четкости, фиксированности, определенности тех требований, которые предъявляются характером работы и руководством к члену коллектива.

Значение фактора определенности в работе трудно переоценить. От степени определенности, четкости и ясности тех обязанностей, которые должен выполнять тот или иной член коллектива, самым прямым образом зависит успех общего дела. Без четкости в работе не может быть и требовательности.

Аналогично, хотя и несколько иначе, потенциал определенности проявляется в психическом состоянии, деятельности, потребностях и притязаниях отдельного индивида. Применительно к личности это прожективная характеристика ее предпочтительной ориентации на большую или меньшую степень определенности заданной извне деятельности.

Можно предполагать, что потенциал неопределенности играет разную роль в зависимости от характера труда коллектива. В условиях творческой деятельности степень неопределенности должна быть значительно более высокой, чем в условиях нетворческой работы.

Оптимальным же в качестве фактора СПК коллектива должно быть такое соотношение степени объективной определенности с соответствующим уровнем притязаний личности, которое бы коррелировало с наибольшей производительностью коллектива и развернутостью духовного потенциала личности (потенциал выбора, обновления и самовыражения).

Заранее трудно сказать о том, какой вариант из четырех возможных оказался бы наиболее предпочтительным с этой точки зрения. Не исключена возможность, что в качестве такового могла бы оказаться ситуация, когда низкий уровень объективной определенности столкнулся бы с высоким уровнем при-

тязаний коллектива на определенность.

Вся совокупность рассмотренных здесь потенциалов была в дальнейшем сгруппирована в определенные комплексы, позволяющие получить более обобщенную структурную модель СПК исследуемых коллективов. Вместе с тем каждый из названных потенциалов был переведен в систему эмпирически измеряемых поведенческих характеристик, что нашло свое отражение в анкете "Ваша работа в коллективе" [7, с. 158—175].

18.5. От характеристики потенциалов к структурной модели СПК.

Интеграция потенциалов в комплексы. Рассмотренные выше шесть потенциалов были объединены в дальнейшем в три группы комплексов. Основанием для такой группировки явились, с одной стороны, различия, а с другой — некая общность, которая была установлена при более пристальном изучении и сопоставлении друг с другом каждого из шести потенциалов. Личностный комплекс. Действительно, бросается в глаза бесспорное родство потенциалов признания и самовыражения личности. Здесь совершенно очевидна их личностная направленность, ориентированность на удовлетворение тех потребностей личности, которые связаны с ее оптимальным психическим состоянием на почве положительной обратной связи с окружающей средой и реализации ее положительной самооценки. Эта группа потенциалов была объединена под условным названием "личностный комплекс".

Комплекс творческой самореализации. В свою очередь, потенциалы выбора условий деятельности и ее обновления также обнаруживают между собой глубокую органическую связь, которая позволяет оба эти потенциала объединить в один ряд, условно названный "комплексом внутренних условий личностной деятельности".

Что послужило основанием для такой интеграции и такого названия? Во-первых, как уже отмечалось ранее, функция выбора, равно как и функция обновления, являются внутренними, сущностными характеристиками личностной активности человека. Степень реализации названных функций позволяет судить не столько о внешнем комфорте и благополучии, сколько о внутреннем, духовном, творческом богатстве индивида, о мере реализованности его индивидуальной неповторимости и творческого потенциала в деятельности.

Во-вторых, в этом же, т. е. в деятельной сущности данного комплекса, одновременно и его отличие от других близких к нему потенциалов, которые характеризуют не столько саму деятельность, сколько ту или иную степень стремления к ней (потенциал самовыражения), ее напряженности или определенности, притязаний на признание и положительную оценку (потенциал признания) и др. Таким образом, сущностная и деятельная направленность — это объединение потенциала выбора и обновления в комплекс и одновременное выделение его из других комплексов.

Комплекс внешних условий деятельности. Особую разновидность представляет собой так называемый комплекс внешних условий деятельности, в котором объединены два оставшихся потенциала — психической напряженности и определенности (неопределенности). Здесь, во-первых, нет (как в личностном комплексе) прямолинейной ориентированности или обращенности к личности, ее самосознанию, самооценке и т. д. (как это имеет место в потенциалах признания и самовыражения).

Здесь же, во-вторых, характеризуются не внутренние, сущностные усло-

вия творческой деятельности индивида (как это имеет место при рассмотрении потенциалов выбора и обновления), а относительно внешние по отношению к личности, ее внутреннему миру факторы и условия, каковыми и являются степень напряженности и мера определенности заданной ей извне деятельности.

Исходя из задачи диагностики состояния СПК коллектива и исследования тенденций его изменения, правомерно далее на основе трех названных выше группировок потенциалов или социально-психологических комплексов СПК коллектива перейти к построению структурной модели климата.

Структурная модель СПК. Необходимо при этом учитывать прежде всего, что структурная модель СПК коллектива должна обязательно предусматривать два основных параметра: фактический, или фиксирующий реальное положение названных выше комплексов, и прожективный, или характеризующий перспективную или желательную тенденцию изменения этих комплексов с точки зрения их иерархического распределения в структуре СПК коллектива.

В таком случае предельно абстрактно структурная модель СПК коллектива будет представлять собой некое качественное образование из шести составляющих ее элементов (схема 25).

Структурная модель СПК первичного коллектива

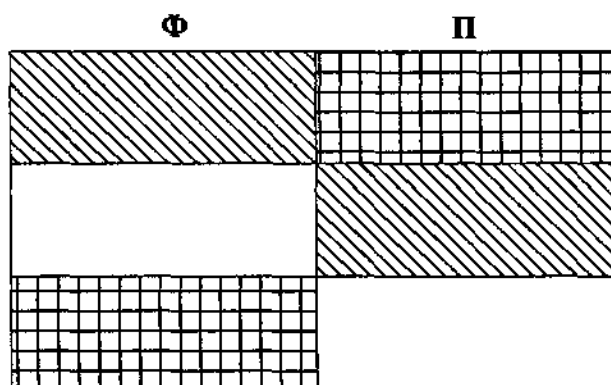

Схема 25

Примечание:

Ф — фактическая иерархия комплексов;

П — прожективная иерархия комплексов.

В свою очередь, конкретная картина названных комплексов может быть получена двумя путями. Один — прожективное моделирование или построение гипотез относительно различных типов ожидаемых по результатам исследования моделей СПК коллектива. Другой — собственно эмпирическое исследование, предусматривающее получение реальной картины, характеризующей структурную модель СПК обследованных коллективов.

Естественно, что второй путь предполагает наличие первого. Поэтому вполне логично перейти к рассмотрению различных вариантов типологии СПК с точки зрения гипотетической характеристики его структурных моделей, что связано с решением задач их прогнозирования.

ГЛАВА 19. ПРОГНОЗИРОВАНИЕ И РЕГУЛЯЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КЛИМАТА КОЛЛЕКТИВА

19.1. Прогнозирование социально-психологического климата коллектива.

Прогнозирование как предпосылка регуляции климата коллектива.

Одной из предпосылок осуществления эффективной регуляции СПК является прогнозирование тенденций наиболее вероятных сдвигов в его структурной модели. Только отчетливое представление о том, какие изменения в структурной модели СПК могут поднять ее уровень, может обеспечить осознанность действий по регуляции климата коллектива.

Прогнозная характеристика включает в себя представление как о тех блоках модели, которые нуждаются в качественном изменении, так и о том, в каком направлении или в направленности на какое другое качество эти изменения должны быть нацелены.

Принципиальная возможность прогнозирования, таким образом, содержится прежде всего в результатах диагностики СПК коллектива.

Прогностические возможности "климометра". Значительные прогностические возможности заложены в главных инструментах диагностики СПК, какими являются: 1) структурные модификации модели СПК; 2) шкала их пространственного распределения по уровню оптимальности, или "климометр" (см. схему 19).

Уже в самой модели СПК, предполагающей разделение всех потенциалов на два блока — реальный и прожективный, заложена возможность прогноза.

В случае, когда фактический и прожективный блоки не уравновешены, эта тенденция особенно очевидна. Специфический характер имеет прогностическая информативность самого статуса модели СПК. Положение любой структурной модификации СПК на шкале "климометра" позволяет с достаточной степенью обоснованности судить о наиболее вероятных тенденциях возможных изменений этой модели в ближайший отрезок времени и оценивать ее с точки зрения двух основных и одновременно альтернативных тенденций — движение вверх или вниз по данной шкале.

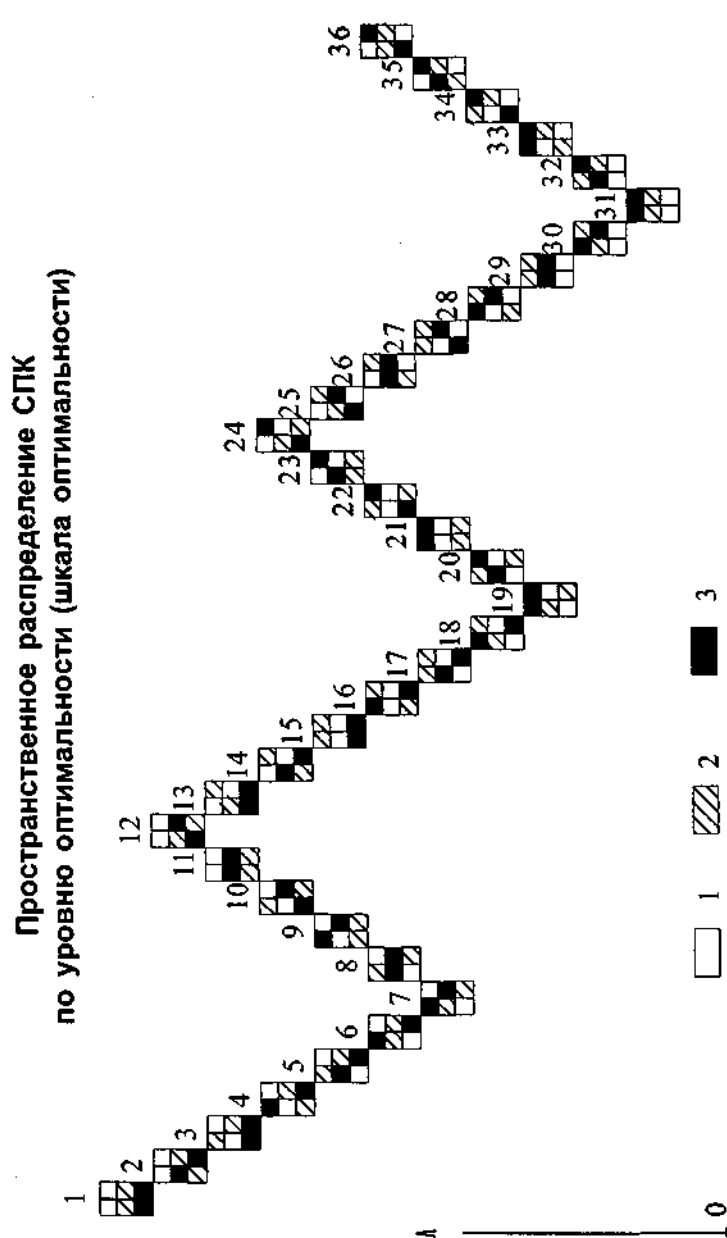
Зная, например, состояние дел в коллективе и предвосхищая спад или подъем состояния СПК, можно, исходя из структурных характеристик СПК, отраженных на шкале "климометра", с достаточной степенью достоверности предсказать наиболее вероятные структурные сдвиги в климате коллектива.

Так, для улучшения климата коллектива на "один шаг" вверх по шкале "климометра" (что связано со сменой знака с 15-го на 14-й номер) необходимо поднять уровень упорядоченности функционально-ролевых отношений.

При этом можно ожидать временное снижение недостаточно адекватной личностной самооценки у членов коллектива.

Границы возможностей прогнозирования. Однако задача построения прогнозных суждений и предположений на основе показаний "климометра" осложняется несколькими обстоятельствами. Прежде всего необходимо учитывать, что возможность идентификации 15-й структурной модификации СПК с номерами 5, 9, 23 и 25 делает эту зону структурных сдвигов в СПК многовариантной и, следовательно, достаточно трудно предсказуемой. Нельзя при этом забывать и о том, что в числе факторов, влияющих на эффект предсказания, достаточно велика роль руководителя первичного коллектива и его видения пер-

Схема 19

Примечание. 1 — внутренний комплекс; 2 — личный комплекс; 3 — внешний комплекс; 0 — оптимальность.

Схема 19

Как показывают проведенные исследования, достаточно типичной ситуацией является разрыв между диагностируемым состоянием СПК и его оценкой руководителем коллектива. Аналогично обстоит дело и с прогнозом возможных изменений. Видение руководителем того направления, в котором может и должен изменяться СПК, как правило, не совпадает с экспертной оценкой реальных тенденций. Естественно, что при таком разрыве должна быть внесена поправка и в экспертную оценку тенденций и перспектив изменения СПК с учетом того вектора, в направлении которого будут развиваться усилия руководителя коллектива.

19.2. Понятие регуляции социально-психологического климата.

Регуляция как функция психики. Одной из самых существенных предпосылок эффективной практической регуляции СПК является отчетливое представление руководителя, лидера или рядового члена коллектива о существе, природе и специфике данного механизма жизнедеятельности коллектива.

Прежде чем говорить о специфике регуляции внутриколлективных отношений с точки зрения проблемы социально-психологического климата, необходимо определить самый общий смысл этой категории.

Есть основание утверждать, что регуляция является общим свойством всей психической деятельности человека и связана с необходимостью приведения психического отражения мира человеком, его отношения к окружающей среде в наиболее полное соответствие с этой реальностью.

Характеризуя функции психических процессов применительно к деятельности человека, Б. Ф. Ломов говорил о регуляции как об универсальном механизме настраивания психической жизнедеятельности на адекватное отражение и отношение к действительности. "Роль психических процессов в деятельности, — отмечал он, — в том и состоит, что они, являясь процессами отражения действительности, обеспечивают ее регуляцию: ее адекватность предмету, средствам и условиям. Иначе говоря, основные функции психики в деятельности — когнитивная и регулятивная" [1, с. 215].

Регулятивная функция психики человека наиболее полно проявляется в его коммуникативной деятельности или в акте общения. Здесь она выступает одновременно как функция саморегуляции и как функция регулятивного влияния на других. В условиях общения регулятивная функция психики проявляется специфическим образом. Благодаря общению индивид получает возможность регулировать не только свое собственное поведение, но и поведение других людей, а вместе с тем испытывать регуляционные воздействия с их стороны. Во взаимной "подстройке" действий реализуется именно регуляционно-коммуникативная функция общения [1, с. 268].

Однако указание на место механизма регуляции в общей структуре психической деятельности, в частности коммуникативной, не снимает актуальности вопроса о специфическом смысловом значении этого понятия применительно к представлению о регуляции социально-психологического климата коллектива.

Такое представление предполагает соотнесение понятия регуляция с другими социально-психологическими понятиями и категориями — такими, например, как "факторы СПК", "формирование и моделирование СПК", "манипуляция", "саморегуляция" и целым рядом других. Поскольку понятие регуляции СПК коллектива относится к разряду детерминант или факторов групповой жизнедеятельности, то вполне логично начать с выяснения тех отношений, которые существуют между этими понятиями.

Факторы — это вся совокупность детерминант, так или иначе влияющих на состояние климата коллектива, независимо от того, осознают или не осознают это его члены. В числе этих факторов как объективные обстоятельства жизнедеятельности коллектива — экономические, правовые, политические, духовные, его успехи или неудачи, степень отлаженности хозяйственного механизма коллективного труда, так и жизненные обстоятельства и личные судьбы его членов.

К числу факторов СПК относятся и те действия членов коллектива, которые прямо или косвенно направлены на изменение их взаимоотношений друг к другу и труду. Именно эти действия, если они носят достаточно осознанный

характер, и могут рассматриваться в качестве деятельности, направленной на регуляцию СПК. Следовательно, главное отличие деятельности по регуляции от всей совокупности других факторов, влияющих на состояние СПК, состоит в степени целеустремленности, осознанности этой деятельности.

Определение понятия регуляции СПК. Под регуляцией СПК подразумевается такой способ преднамеренного воздействия на те или иные стороны психической жизнедеятельности коллектива, который приводит к изменению содержания и структуры СПК в желательном и предвидимом направлении, отражающем объективную тенденцию социального развития коллектива. В этом определении существенно остановиться на нескольких моментах.

Во-первых, регуляция — это всегда определенный способ преднамеренного воздействия, предполагающего наличие социально-психологических предпосылок готовности к такому действию.

Во-вторых, не менее важно и то, что регуляция означает способность действовать не только со знанием дела, но и в направлении, которое может быть предвосхищено. Предвидение отличает регуляцию как особый способ деятельности от эксперимента: эксперимент тем интереснее, чем непредвиденнее его результат; регулятивное действие, наоборот, тем эффективнее, чем более полно может быть предопределен его результат.

Соотношение понятий регуляции и манипуляции. Практический опыт людей и целых коллективов, направленный на коррекцию человеческих взаимоотношений, достаточно многообразен. Это опыт как налаживания, улучшения, так и обострения отношений. Это опыт, за которым стоит та или иная степень осознания связи самого действия и его эффекта.

Следует различать при этом действие, нацеленное на достижение общего положительного эффекта, на оздоровление климата коллектива и развитие личности его членов, от тех действий, также нацеленных на изменение отношений между людьми, которые преследуют узко корыстные цели и интересы.

Такие действия могут обеспечивать успех, повышение престижа, авторитета, морального и социального статуса одним индивидам за счет несправедливого унижения, морального ущемления и нравственного подавления других. Подобные действия, относящиеся также к разряду факторов, регулирующих взаимоотношения в коллективе, получили название методов манипуляции.

Манипуляция — это такое воздействие, которое рассчитано на достижение эффекта в интересах манипуляторов. Манипулятор, в свою очередь, или не способен, или преднамеренно не считает нужным рассматривать тех людей, на которых рассчитано его влияние, в качестве равноправных и достойных уважения и внимания партнеров по общению.

Естественно, что такая позиция того или иного руководителя или спонтанного, неинституционального лидера коллектива рано или поздно, прямо или косвенно оборачивается негативным нравственно-психологическим эффектом как по отношению к тому, на кого направлено его воздействие, так и применительно к статусу, авторитету данного руководителя или лидера.

Действие, рассчитанное на безучастное отношение объекта воздействия, ориентированное на него лишь как пассивный и безликий предмет, рано или поздно неизбежно придет в противоречие с подлинными интересами последнего как реальной личности.

Не случайно манипуляция — это такой способ воздействия, который чаще всего осуществляется в ущерб интересам того, на кого это действие направ-

лено. Реальным носителем такого опыта воздействия достаточно часто поэтому оказывается фигура изоциренного интригана, умеющего в своих интересах сталкивать между собой людей и извлекать из этого выгоду для себя.

Манипуляция человеческими отношениями, разумеется, не тождественна научно обоснованным методам регуляции климата коллектива. Даже в тех случаях, когда манипуляция внешне носит достаточно безобидный характер и даже снимает напряженность в отношениях между людьми, она остается искусственным приемом, чуждым интересам развития подлинной коллективности и интересам полнокровного развития человека как личности и неповторимой индивидуальности.

Регуляция и саморегуляция. Наиболее полной альтернативой манипуляции является такой способ регуляции жизнедеятельности и СПК коллектива, который основан на максимально активном участии в этом процессе всех его членов. В таком случае принято говорить уже не просто о регуляции, а о саморегуляции коллективной жизнедеятельности. Естественно при этом, что понятия регуляции и саморегуляции не тождественны друг другу.

Понятие саморегуляции имеет смысл лишь в соотнесении с регуляцией. В таком случае регуляция выступает как определенный способ внешнего воздействия по отношению к тому процессу или состоянию, на который оно рассчитано. Такова роль эксперта, специалиста — социального психолога, не являющегося членом того коллектива, климат которого подлежит регуляции.

Деятельность же руководителя этого коллектива, ориентированная на совершенствование СПК, может рассматриваться как форма саморегуляции по сравнению с деятельностью эксперта, пришедшего из другой организации. Однако, в свою очередь, деятельность руководителя первичного коллектива, направленная на совершенствование СПК, может рассматриваться и как феномен регуляции по сравнению с деятельностью рядовых членов коллектива, идущей в том же направлении.

Общей тенденцией, отражающей смысл названных понятий в практической деятельности, является то, что регуляция отражает опыт связи практики с научной теорией и ее средствами. Саморегуляция же в ее современном состоянии отражает, как правило, тот арсенал средств, который приобретен эмпирическим, опытным путем и соответствует определенному уровню обыденного и практического сознания.

В числе обычных инструментов практического сознания представлены, например, такие способы саморегуляции СПК, как выяснение и налаживание межличностных отношений, поощрение коммуникабельных и самоизоляция излишне "герметичных" индивидов, стимуляция конструктивных типов контакта и осуждение деструктивных и т. д.

Уровень социально-психологической культуры саморегуляции СПК коллектива во многом определяется самосознанием коллектива, степенью понимания членами коллектива места, роли и специфики регуляции и саморегуляции в ряду других социально-психологических механизмов социального контроля.

Методы регуляции СПК, их специфика. Значимость СПК как фактора жизнедеятельности коллектива делает все более актуальной проблему разностороннего и надежного социального контроля этого сложного явления. В ряду важнейших инструментов такого контроля наряду с методами диагностики и прогнозирования изменений состояния СПК особое место занимают активные методы, направленные на совершенствование самой структуры и содержания

СПК коллектива. Таковы по своему существу методы регуляции, моделирования и формирования СПК коллектива. В их ряду методам регуляции СПК коллектива принадлежит особая роль.

Это объясняется несколькими обстоятельствами. Во-первых, в отличие от методов оценки (диагностики и прогнозирования) СПК, регуляция относится к ряду инструментов достаточно активного социально-психологического контроля этого явления. Во-вторых, в отличие от других, еще более активных форм социально-психологического контроля, регуляция СПК представляет собой наиболее практически доступный инструмент в деятельности руководителя коллектива.

Существенно, в-третьих, и то, что регуляция как инструмент деятельности руководителя имеет более широкий спектр практического применения, чем, например, методы моделирования и формирования СПК. Зона последних уже. Она ограничена или фазой становления коллектива (моделирование СПК), или реальными инструментальными возможностями руководителя (формирование СПК). Этим объясняется, в частности, и то обстоятельство, что проблема формирования СПК не стала пока предметом инструментального решения, но остается до сих пор лишь предметом общих теоретических подходов.

Есть основание говорить о ряде существенных аспектов регуляции СПК коллектива как прикладной практической деятельности руководителя. В их числе — методы регуляции, необходимые предпосылки ее осуществления и социально-психологическая готовность руководителя к данному виду деятельности.

В качестве предпосылок готовности руководителя к осуществлению регуляции СПК необходимо рассматривать:

- диагностику и прогнозирование социально-психологических условий жизнедеятельности коллектива;
- владение методами социально-психологического тренинга, и в первую очередь тренинга партнерских отношений [2].

В качестве эффективного инструмента регуляции СПК коллектива может рассматриваться разработанный нами и экспериментально апробированный постдиагностический тренинг-коррекция [2, с. 116—157].

19.3. Постдиагностический тренинг-коррекция как инструмент регуляции СПК коллектива.

Специфика и функции постдиагностического тренинга. Остановимся несколько более подробно на особенностях, задачах и функциях данной модели тренинга. Основная задача тренинга — коррекция тех или иных социально-психологических характеристик группы с учетом результатов диагностики ее состояния.

Предлагаемая в данном случае методология и концепция технологии постдиагностического тренинга исходит из опыта работы в течение ряда лет с реальными трудовыми коллективами (научными, инженерно-техническими и рабочими), их лидерами и институциональными руководителями [3].

Специфика таких экспериментальных тренинговых групп состоит в следующем. Во-первых, это реальные коллективы (а не спонтанно или лабораторно образованные сообщества) со сложившимися отношениями (внутригрупповой структурой, лидерами и институциональным руководителем) уже задолго до начала тренинга. Во-вторых, это группы, которые подчинены целям предметно-функциональной деятельности, а не интересам только общения, как это происходит в группах встреч или в лабораторно организованных условиях.

Это, в свою очередь, определяет и специфику проявления самой феноменологии социально-психологической рассогласованности: она создается не из поля чисто межличностных коммуникаций, а на пересечении межличностных и заданных характером институциональных задач, функционально-ролевых отношений.

Такова, например, природа конфликта между представлением институционального руководителя о себе как о личности и специалисте-профессионале и представлением об этом его подчиненных.

Есть основание рассматривать в дальнейшем трудовые коллективы в качестве функционально стабильных тренинговых групп, в отличие от групп-встреч или лабораторных групп, менее стабилизированных и не ориентированных на ту или иную предметную деятельность.

Рассогласованность внутригрупповых отношений. Ее природа и критерий оценки.

Методологической предпосылкой решения такой задачи является представление-гипотеза о потенциальной или реальной психологической рассогласованности ряда характеристик в состоянии, установках и деятельности членов экспериментальной группы.

Поле социально-психологической рассогласованности внутригрупповых отношений возникает на пересечении оценок и самооценок, даваемых себе и другим, институциональным руководителем, лидерами и членами группы. Отсюда вытекает и структура основных параметров рассогласованности.

Предметом диагностики, предшествующей тренингу, в такой группе становятся соответственно:

1. Общая атмосфера или социально-психологический климат группы по результатам опроса всех ее членов.
2. Социально-психологический климат группы по мнению ее лидеров.
3. Социально-психологический климат группы по оценке ее институционального руководителя.
4. Феномен лидерства, его количественные и качественные характеристики (типология лидерства) по оценке группы.
5. Самооценка лидерами своей типологии.
6. Оценка типологии лидеров институциональным руководителем.
7. Интегральная оценка группой своих профессиональных (деловых) и личностных качеств.
8. Оценка группой деловых и личностных качеств выявленных ею спонтанных лидеров.
9. Самооценка лидерами своих деловых и личностных качеств.
10. Оценка лидерами деловых и личностных качеств группы.
11. Оценка деловых и личностных качеств группы институциональным руководителем.
12. Оценка им же деловых и личностных качеств лидеров группы.
13. Оценка группой деловых и личностных качеств институционального руководителя.
14. Самооценка институциональным руководителем своих деловых и личностных качеств.

Таковы основные параметры группы, подлежащие диагностике с целью последующей коррекции, направленной на преодоление рассогласований, возникающих в ходе ее коммуникативной деятельности.

По результатам диагностики рассогласованности внутригрупповых отношений становится очевидной картина реальной и потенциальной напря-

женности как межличностных, так и функционально-ролевых коммуникаций в группе.

Все рассогласования группируются вокруг трех основных индикаторов:

1. Оценка социально-психологического климата группы. Здесь, как правило, оценка климата, даваемая институциональным руководителем, не совпадает с самооценкой коллектива. Возможны и расхождения оценки нравственно-психологической атмосферы, даваемой лидерами, с оценкой как группы, так и институционального руководителя.

2. Оценка лидерской активности в группе. Здесь также редки случаи совпадения оценок, даваемых группой, институциональным руководителем и самими лидерами. Рассогласованность оценок в данном случае может быть источником серьезной напряженности. И это естественно, поскольку с данной оценкой связан социально-психологический статус не только лидеров, но и членов группы и ее институционального руководителя.

3. Взаимооценка относительной значимости в деятельности как членов коллектива, его лидеров, так и институционального руководителя, их деловых и личностных качеств. Обычно наблюдается тенденция расхождения между притязаниями лидеров и институционального руководителя на более высокую оценку их личностных качеств и не соответствующей этим ожиданиям оценкой, даваемой членами коллектива.

Все названные выше и достаточно устойчивые тенденции к рассогласованию восприятия и оценки тех или иных социально-психологических параметров жизнедеятельности группы крайне существенны как фактор не только стабильности, но и эффективности совместной деятельности людей.

Результаты опроса группы по всем трем параметрам ее жизнедеятельности дают лишь субъективную картину взаимных ожиданий, представлений и притязаний. За кадром остается природа этих рассогласований, т. е. скрытые от внешнего наблюдения подлинные мотивы и механизмы разногласий.

Это могут быть как предвзятые отношения, так и непреднамеренные ошибки взаимного восприятия и непонимания. Следовательно, необходимо установить степень обоснованности этих оценок и притязаний. Для этого нужен объективный критерий, которым могут быть результаты квалификации природы данных рассогласований по итогам взвешенной и методически обоснованной их диагностики.

Здесь за точку отсчета берется уже не мнение одного из членов группы о другом или других, а результаты экспертной оценки социально-психологических характеристик и статуса группы, ее лидеров и институционального руководителя.

В качестве критерия для определения природы рассогласованности по ряду параметров группы нами берутся результаты диагностики ее социально-психологического климата (СПК) и типологии лидерства. Расхождения в оценке членами коллектива относительной значимости их деловых и личностных качеств не подлежат дополнительной экспертизе.

Диагностика климата осуществляется по разработанной нами методике, которая предусматривает шесть эмпирических индикаторов для его оценки и построения соответствующей качественной модели [4, с. 70—76].

Квалификация типологии лидерства предполагает экспертную оценку различных видов лидерской активности [5, с. 305—307].

Полученные по результатам диагностики данные о состоянии СПК и типологии лидерства соотносятся с представлениями членов коллектива, лидеров и институционального руководителя. Это позволяет иметь экспертную точку отсчета для выводов относительно степени обоснованности представ-

лений тех или иных субъектов совместной деятельности о климате и лидерстве в группе.

Предмет коррекции — позиция членов группы. Предметом постдиагностического тренинга и коррекции является позиция трех субъектов совместной деятельности: группы в целом, ее лидеров, институционального руководителя группы.

Во всех трех случаях осуществляется сбор информации о сути рассматриваемых выше параметров группы (СПК, лидерство, соотносительная оценка деловых и личностных качеств). Каждый из трех субъектов отдельно информируется об оценке этих параметров с позиций других субъектов. Затем приводятся данные результатов экспертной диагностики.

На этой основе в дальнейшем осуществляется и собственно социально-психологический тренинг, т. е. коррекция позиции, занятой ранее теми или иными субъектами относительно других участников совместной деятельности. Под позицией при этом понимается достаточно стабильное и характерное для данного субъекта отношение к тем или иным социально-психологическим качествам других субъектов совместной деятельности.

Таким, например, может быть мнение большинства членов группы относительно ее климата, количества и типов ее лидеров, деловых и личностных качеств институционального руководителя. Изменение позиции достигается в процессе обсуждения полученных данных по всем параметрам. Способ влияния на позицию или точку зрения субъекта — убеждение, предполагающее соответствующую аргументацию высказываний, и логика эксперта-тренера.

ГЛАВА 20. ОБЩЕСТВЕННОЕ НАСТРОЕНИЕ КАК ЯВЛЕНИЕ МАССОВОЙ ПСИХОЛОГИИ

20.1. Общественное настроение как предмет исследования.

В. М. Бехтерев об общественных настроениях. Наряду с СПК как одним из таких состояний групп или коллективов, эквивалентом которых является их психический настрой, другой формой проявления состояний групповой и массовой психологии оказывается феномен общественного настроения. Он обнаруживает новые, существенные свойства общественной психологии. Научные поиски природы и законов динамики группового и массового настроения имеют свою самостоятельную историю.

Первые попытки исследования настроения как явления групповой и массовой психологии в отечественной литературе были предприняты в последней четверти XIX и первой четверти XX в. в трудах академика В. М. Бехтерева.

Первостепенное значение для понимания коллективной психологии имеет, по его мнению, не исследование племенных особенностей психической деятельности народа, а "определение общественных настроений и аффектов, общественной интеллектуальной работы и общественной деятельности" [1, с. 21].

В. М. Бехтерев отмечал, что настроения представляют собой наиболее массовидное явление. Будем ли мы изучать толпу или митинг, отмечал он, "везде и всюду мы будем встречаться с проявлением общественных настроений, умственного творчества и коллективных действий многих лиц..." [1, с. 22]. Уже одна только постановка В. М. Бехтеревым этой новой проблемы в социальной психологии имела огромное научное значение. Этим было привлечено внимание исследователей к такому явлению, истинная роль которого в жизни общества была понята не только психологами, но и философами, историками и социологами лишь многие десятилетия спустя. В. М. Бехтереву же принадлежит заслуга и первого опыта трактовки этого явления и исследования механизмов его динамики и различных форм проявления в жизни общества.

Однако В. М. Бехтерев не смог в полной мере раскрыть законы формирования настроений. Подобно Тарду, он объяснял динамику массового настроения главным образом внушением и подражанием [2, с. 50]. Впоследствии В. М. Бехтерев отошел от объяснения природы массового настроения подражанием, но взамен выдвинул достаточно механистичную интерпретацию природы общественного настроения, по которой его приливы и отливы — результат действия закона ритма [3, с. 288—289].

Л. Н. Войтоловский о настроениях масс. Массовые настроения привлекают в 20-е годы внимание и литератора Л. Н. Войтоловского [4]. Л. Н. Войтоловский говорил о необходимости глубже проникнуть в сущность настроения масс, чтобы выяснить, как совершается "всеобщее заражение масс" тем или иным настроением, "как совершается, например, та великая трансформация настроений, которая из простой покорности экономике создает героические порывы? ...В чем секрет и источник коллективного воодушевления масс? Отчего рождается этот могучий и единящий наплыв страстей и влечений, и бенгальский огонь экономической неуживчивости, копеечной злобы и недовольства дивно вспыхивает молниями энтузиазма на лицах возбужденной толпы" [4, с. 6].

Л. Н. Войтоловский подчеркивал также особую важность исследования

законов, действием которых определяется весь процесс движения, изменения и развития коллективных настроений.

"Понимание общественной связи во всей ее полноте, — писал он, — немыслимо без изучения законов, по которым совершаются колебания общественных и массовых настроений, смены и столкновения общественных чувств" [4, с. 16].

В. И. Ленин о революционном настроении. Большое значение формированию общественных настроений придавал В. И. Ленин. Им дан глубокий анализ настроений самых различных социальных групп, слоев и классов буржуазного общества, прослеживаются приливы и отливы революционного настроения масс в различные исторические периоды, влияние революционного настроения эпохи на все стороны общественной жизни [6].

Политическое настроение и стихийное движение рабочего класса явились, по мнению В. И. Ленина, главным источником, питающим революционную социал-демократию, они способствовали быстрому распространению идей марксизма в России.

То активное влияние, которое оказывали революционные настроения на все стороны общественной жизни, определило их значение для практической деятельности партии. В связи с этим особую важность приобрела задача формирования настроений масс.

Особенности группового и массового настроения. Настроение группы, коллектива, масс имеет как общие черты с настроением индивида, так, вместе с тем, и отличается от него целым рядом особенностей.

С одной стороны, групповое настроение сохраняет в себе свойства настроения личности — эмоциональный характер, импульсивность, массовидность и динамичность.

С другой стороны, в отличие от настроения индивида групповое настроение по своей природе оказывается в гораздо большей мере, чем индивидуальное, социально обусловленным.

Общественное настроение прежде всего продукт всей системы социальных (экономических, политических и идеологических) отношений. Степень социальной детерминированности психики индивида и социальной группы различна. Различна, следовательно, и степень социальной обусловленности индивидуального и группового настроения.

Если настроение отдельного человека зависит во многом от его физического самочувствия, от состояния его здоровья, то в настроении больших социальных групп фактор изменчивого физического самочувствия уступает место социальным факторам (условия материальной жизни людей, их отношения на производстве и в быту и т. д.).

Связь индивидуального и группового настроения нельзя, безусловно, понимать упрощенно. Коллективное настроение складывается из настроений отдельных людей. Но оно не представляет собой простой механической суммы индивидуальных настроений.

Групповое настроение обладает целым рядом новых свойств, например способностью к многократному увеличению энергии составляющих группу индивидов. К. Маркс указывал в "Капитале" на то обстоятельство, что в производственном коллективе прямо пропорционально его массе рождаются дополнительные источники воодушевления, трудового подъема.

Другой, качественно новой особенностью группового настроения является его заразительность, способность быстро передаваться от одних социаль-

ных групп к другим. Свойство заразительности массового настроения было замечено очень давно, еще первобытными племенами. Последние использовали это свойство как средство создания нужного настроения (например для начала военных действий, охоты или празднеств) участием в массовых играх, плясках, пении и т. д. Заразительность общественного настроения определяется самим процессом социально-психологического взаимодействия и взаимовлияния людей в группе, коллективе и массе.

Однако взаимовлияние людей вообще — это лишь необходимое условие заразительности настроения, но еще не ее основная причина. Объясняется заразительность групповых, коллективных и особенно массовых настроений прежде всего действием социально-психологического закона подражания и силой влияния на индивида и его настроение той духовной атмосферы, того настроения, которое преобладает в группе, коллективе и массе.

Групповое настроение от индивидуального отличают не только его качественно новые свойства, но и его способность к значительному усилению некоторых моментов в настроении индивида. Групповое настроение представляет собой еще более массовидное явление, чем настроение отдельного человека. Настроение личности массовидно лишь в том смысле, что этот компонент психики в отличие от некоторых других (например привычек, чувств) проявляется всегда. Этот признак массовидности сохраняется и в групповом настроении. Не всегда можно говорить о групповой привычке, традиции или чувстве, но всегда можно говорить о групповом настроении. Групповые, коллективные настроения проявляются всегда и всюду: на производстве и в быту, на демонстрации и на митинге, в мирное и военное время.

Большая массовидность группового настроения по сравнению с чувством, привычкой или традицией объясняется тем, что преобладающее настроение образуется гораздо легче и проще в любой, даже случайной, группе, чем общее чувство, традиция или привычка²¹.

Общественное настроение является наиболее массовидным компонентом групповой психологии не только потому, что оно в отличие от других элементов психики функционирует постоянно, но еще и потому, что оно наиболее ярко проявляет себя в группе, и с тем большей силой, чем больше эта социальная группа. Массовые настроения способны захватить, увлечь, подчинить себе самые различные, даже разнородные, социальные элементы.

20.2. Динамика социального настроения.

Динамизм как свойство группового и массового настроения. В групповом настроении с особой силой проявляется присущее настроению вообще свойство динамичности²².

Большая динамичность группового, коллективного и массового настроения в сравнении с настроением индивида проявляется особенно ярко в эпохи преобразований и социальных перемен, в периоды, когда ход исторического процесса намного ускоряется.

Эта особая динамичность группового настроения выражается в том, что оно постоянно переливается из одной формы в другую. Оно, может быть, и яв-

²¹ Это не значит, однако, что преобладающее настроение есть нечто однородное. Внутри него возможно наличие разнородных, противоречивых, даже противоположных тенденций.

²² Здесь речь пойдет лишь об одном из аспектов динамики общественного настроения — о проявлениях и причинах самой динамичности групповых и массовых настроений. О законах динамики социальных настроений, о путях распространения настроений, об основных стадиях и формах их изменения подробнее см. [7], [8].

ляется, как правило, на первых порах смутным, неопределенным и бессознательным, но со временем становится все более определенным, отчетливым и осознанным. Вначале оно носит скрытый характер, но со временем проявляется и выливается в действие, сказывается на поведении различных социальных групп общества.

Групповое, особенно массовое, настроение, в большей мере, чем индивидуальное, способно к быстрому перерастанию в действие.

Обусловлено это как силой социально-психологического взаимовлияния, создающего в группе и коллективе особую атмосферу повышенной жизнедеятельности и активности, так и некоторыми другими чертами групповой, и особенно массовой, психологии — способностью масс к быстрому переходу от определенного духовного состояния к действию, их повышенной внутренней импульсивностью и присущей низам чертой органического единства мысли и действия.

В общественном настроении в отличие от индивидуального проявляется способность к еще большей подвижности по сравнению с другими компонентами социальной психологии. Ведь все сколько-нибудь значительные изменения социальной психологии, связанные с воспитанием и перевоспитанием людей, могут происходить только постепенно. Объясняется это большой устойчивостью таких сторон общественной психологии, какими являются социальные привычки и традиции, формирующиеся на протяжении десятилетий, столетий и даже тысячелетий.

В отличие от общественной психологии в целом, качественное изменение которой в силу существования привычек и традиций происходит только постепенно, настроения могут изменяться коренным образом в самый незначительный срок, почти мгновенно.

Большой подвижностью отличается общественное настроение и от идеологических элементов социальной психологии — взглядов, убеждений, мировоззрения людей, от общественного мнения и, наконец, от теоретически систематизированных форм общественного сознания (наука), особенно от идеологии.

Новое настроение возникает в массах обычно раньше, чем соответствующая ему идеологическая форма, выступая в таком случае как психологическая почва систематизированной идеологии. Кроме того, возникнув, коллективное настроение распространяется быстрее, чем соответствующая идеология.

Природа динамичности массовых настроений. Исключительная динамичность настроений отмечается представителями самых различных направлений и школ в социологии.

Отмечая изменчивость общественных настроений (преимущественно настроений мелкой буржуазии) во Франции в первой половине XIX в., французский социолог Гюстав Лебон объяснял эту динамичность тремя причинами: 1) постепенным ослаблением прежних верований; 2) все возрастающим могуществом толпы; 3) противоречивостью информации, которую распространяет печать [9, с. 275—277].

Известный американский социолог XX в. Эдвард Росс объясняет духовную подвижность широких слоев, постоянную смену их эмоциональных состояний тем, что низы, или "толпа", постоянно руководствуются настроением, а не отчетливо выраженными идеями. Поведение толпы, по мнению Росса, именно потому и импульсируется ее настроением, что "средства для выражения чувств в толпе намного более эффективны, чем способности для выражения мыслей" [10, с. 64].

Трактовка коллективного настроения и его динамики современными зарубежными социологами мало чем отличается от аналогичных концепций конца XIX — начала XX в. Они игнорируют, как правило, особенности политического настроения различных слоев и классов общества, как и их предшественники, предпочитают говорить о массовых настроениях вообще. При этом исследование многообразных общественных настроений подменяется нередко описанием психологии аморфной, анархически настроенной толпы. Такая подмена предмета исследования открывает широкое поле для создания "теорий" об антисоциальности, патологичности массовой психологии, позволяет изображать любое массовое настроение и поведение как проявление бессознательности и истерии.

Предельно сближая понятия коллективное поведение и поведение толпы, американские психосоциологи К. Янг и Л. Фримен характеризуют различные формы массовых умонастроений и движений с помощью таких понятий, как "мода", "прихоть", "эпидемии" и т. д. «Увлечение, пристрастие, прихоти и "психические эпидемии", — пишут они, — точно так же проявления различных особенностей эмоционального поведения толпы» [11, с. 631]. Американские социологи Н. Фуут и К. Харт также противопоставляют поведению "публики" поведение толпы, движимой бессознательными настроениями, проявляющимися в "панике, мятеже, модах и сумасшествиях» [12, с. 309].

У. Липпман о противоречиях динамики массовых настроений. Более корректный вариант той же иррационалистической трактовки коллективного настроения можно найти в работах американского социолога, известного журналиста Уолтера Липпмана. Последний объясняет иррациональные моменты массового настроения тем разрывом, который возникает между процессом формирования настроений масс, а также соответствующим циклом объективного развития, с одной стороны, и не поспевающим за тем и другим процессом роста и распространения сознательного начала — с другой.

Сам по себе процесс формирования общественного настроения или, как его называет У. Липпман, "цикл субъективных переживаний", обычно отстает, буквально "отключен" (out of gear) от соответствующего цикла объективного развития и поэтому носит бессознательный характер. В то же время общественное мнение, призванное играть роль сознательного начала, идет по инерции за старым циклом переживаний.

Для того чтобы внести сознательность в процесс формирования настроений, необходимо изменить общественное мнение и посредством него — мнение масс. Но "на изменение в сознании масс уходит, как заявляет У. Липпман, больше времени, чем на изменение в умах немногих. Чтобы изменить мнения масс, требуется время для информации, убеждения и пробуждения больших и разрозненных различной величины социальных групп.

В результате... общественное мнение отражает ситуацию, которой уже не существует" [13].

Таким образом, по мнению У. Липпмана, получается некий замкнутый круг, из которого нет выхода: коллективное настроение носит бессознательный характер, потому что отстает от объективного цикла событий. Мнение, в свою очередь, движется по инерции за настроением. Но, чтобы внести элемент сознательности в процесс формирования массовых настроений, необходима намного большая динамичность и активность общественного мнения. Однако на это затрачивается немало времени, за которое цикл объективных событий уходит далеко вперед. В результате общественное мнение неизбежно оказывается устаревшим и, следовательно, ошибочным. Значит, вместо того чтобы

внести момент сознательности, оно еще более усиливает бессознательный элемент коллективного настроения.

Но тот порочный круг, который объясняет, по мнению У. Липпмана, бессознательный характер массовых настроений, вовсе не замкнут. Хотя некоторые элементы этого круга отмечены американским публицистом в основном верно (например момент отставания сознательного начала от объективного цикла событий и цикла развития массовых настроений), в данной трактовке имеют место и ошибочные установки. Так, во-первых, неверно положение о невозможности внесения элемента осознания общественных отношений в стихийное движение и настроение масс.

Неточно, во-вторых, утверждение об "отключенности" так называемого цикла субъективных переживаний от объективного цикла событий. В отличие от формирования систематизированной идеологии динамика массовых настроений, как правило, не только не отстает от объективного цикла, но, наоборот, самым непосредственным образом отражает этот процесс.

Непосредственная связь общественных настроений с изменениями социальной среды как фактор их динамичности. Одной из особенностей общественных настроений, в частности их массовых проявлений, а вместе с тем и причиной их высокой подвижности, является более непосредственная, чем у идеологии как формы теоретически систематизированного сознания, зависимость от изменений в социальной среде.

Систематизированная идеология не может сразу же отразить все сколько-нибудь значительные перемены, которые происходят в условиях социальной жизнедеятельности людей, поскольку она нуждается в накоплении достаточного количества новых данных, предполагает их анализ и обобщение и, наконец, установление связи со всей предшествующей и ныне существующей системой взглядов.

В общественных же, особенно массовых, настроениях эти изменения отражаются, как правило, сразу и в этом смысле непосредственно. Большая в сравнении с идеологией подвижность массовых настроений объясняется также и тем, что они могут возникать и распространяться самопроизвольно, стихийно, а не только в результате организованного воздействия или целенаправленной деятельности, как того требует процесс формирования идеологии.

Элемент стихийности в формировании настроений объясняется в известной мере и тем, что их возникновение и развитие далеко не всегда предполагает сколько-нибудь ясное осознание природы и факторов происходящих перемен. Поэтому групповое, а тем более массовое настроение оказывается нередко почти бессознательной импульсивной и эмоциональной реакцией на изменение окружающих людей социальных условий их существования. Такие перемены массовых настроений оказывают тем значительней, чем более болезненными для людей являются изменения условий их бытия. При этом может сказаться и способность масс поддаваться и увлекаться популярными в тот или иной период времени настроениями и модным поветриями.

20.3. Современные тенденции исследования общественного настроения.

От общей концепции общественного настроения к изучению его разновидностей. Несмотря на различные попытки освещения феномена общественного настроения, имевшие место еще в начале XX века в работах главным образом В. М. Бехтерева и других авторов [3], [4], первый опыт монографического исследования этого явления состоялся лишь в конце 50 — начале

60-х годов и был связан с рядом опубликованных нами [7], [14]—[16] и В. В. Новиковым работ [17].

За этим с интервалом в десять с небольшим, а то и в тридцать лет последовали монографические публикации других авторов; Наньо Стефанова из Болгарии в 1975 г. [18]; Д. В. Ольшанского в 1989 г. [19]; Ж. Т. Тощенко и С. В. Харченко в 1996 г. [8].

В нашей монографии (Парыгин Б. Д. Общественное настроение. М., 1966) была впервые предложена общая концепция данного явления, включающая в себя видение природы и структуры настроения индивида, и главным образом общественного настроения, его динамики и формирования, места и роли в социальной жизни, а также его различных модификаций (настроений личности и различных общностей, группового и массовых настроений, настроений политических, религиозных, экономических и др.).

В книге Н. Стефанова "Общественное настроение. Сущность и формирование" были определены социальные функции, виды, факторы формирования общественного настроения, методы его эмпирического исследования.

Дальнейший опыт изучения общественного настроения обнаружил отчетливую тенденцию развития внимания и интереса исследователей к различным формам и видам общественных настроений: к психологии массовых политических настроений (Д. В. Ольшанский) или к феноменологии социального настроения как специфической разновидности общественного настроения (Ж. Т. Тощенко и С. В. Харченко).

Социальное настроение как предмет социологического исследования. Из всего многообразия знаков внимания к феномену общественного настроения, равно как и психологии настроения вообще [20], уделяемого в последние годы рядом исследователей, особый интерес представляет опыт социологического исследования социального настроения, предпринятый известными социологами Ж. Т. Тощенко и С. В. Харченко [8]. Он знаменует собой, на первый взгляд, несколько необычный поворот внимания исследователей этой области научного знания к такому явлению, которое до сих пор было предметом специального изучения главным образом со стороны социальных психологов.

Однако границы между интересами и феноменологией социологии и социальной психологии уже изначально были достаточно прозрачными, и их переход с обеих сторон никогда не квалифицировался в терминах отклоняющегося поведения от рамок профессиональной принадлежности.

Последние же годы обнаружили особенно заметный рост интереса к социальному настроению со стороны не только психологов и социологов, но и представителей других отраслей гуманитарной науки: историков и экономистов, политологов, культурологов, правоведов и др.

Вместе с тем с середины шестидесятых и начала семидесятых годов до настоящего времени у нас не было опубликовано ни одной монографии, которая была бы целиком посвящена этому вопросу в его самостоятельной методолого-теоретической постановке.

Парадоксальность ситуации роста внимания к явлению и проблеме общественного настроения, с одной стороны, и затянувшейся неготовности к ее фундаментальному исследованию в современных условиях радикальных перемен и трансформаций — с другой, вполне объяснима несомненной трудностью решения данной задачи.

Последняя (т. е. эта трудность) после публикаций, имевших место в 60-х и 70-х годах [7], [18], состояла не только в том, чтобы, не повторяя уже сказан-

ного, предложить новый подход к уже известному явлению, но и в том, чтобы увидеть сам феномен социального настроения в новом свете, делающим понятным современный интерес к нему не только психологов, но и социологов и политологов.

Именно так, как нам кажется, понимали свою цель Ж. Т. Тощенко и С. В. Харченко, заявляя во введении к своей книге о том, что «речь идет не об анализе некоего "вдруг" обнаруженного факта или явления», а о «способе нового понимания и истолкования сущности и значения доминанты общественного сознания, предвосхищающей действительное, реальное поведение людей» [8, с. 5].

Было бы преждевременно торопиться с окончательным суждением относительно того, какова мера решения авторами поставленной ими задачи. Бесспорно тем не менее то, что ими представлен достаточно широкий спектр инновационного авторского видения многих сторон исследуемого явления, что позволяет говорить как об оригинальности, так и фундаментальности представленного труда.

Здесь рассматриваются теоретические и методологические основы исследования социального настроения, которое определяется в качестве объекта социологического знания, а изучение общественного сознания квалифицируется в качестве предпосылки познания социального настроения. Последнее же, в свою очередь, трактуется авторами как доминанта реального сознания и поведения.

Представляет интерес и предложенное Ж. Т. Тощенко и С. В. Харченко видение генезиса идей социального настроения, берущих свое начало в философии и психологии. Здесь же достаточно скрупулезно анализируются сам феномен и природа социального настроения, его сущностные характеристики и типология, его структура и место в системе социологических категорий. При этом социальное настроение соотносится с ценностными ориентациями и определено его место в контексте социально-психологических понятий. Авторами предложен оригинальный заряд инновационных подходов и видений феномена социального настроения, который открывает широкую и долговременную перспективу плодотворной дискуссии по целому ряду поставленных или даже только затронутых ими вопросов.

С одной стороны, не вызывает сомнений трактовка огромной значимости феномена социального настроения как фактора всей человеческой жизнедеятельности, в каких бы формах последняя ни проявлялась. С этим связана предложенная здесь концепция данного настроения как "доминанты реального сознания и поведения" [8, с. 12].

Убедительно звучат такие характеристики сути и специфики социального настроения, которые фиксируют его "результатирующий характер", его способность быть продуктом "переваривания прошлого опыта", его "неотложенность" и "актуализированность", его способность определять действие и поведение людей и др. [8, с. 12—13].

Однако, с другой стороны, когда речь заходит о структуре психического настроения, общественного или социального настроения, обнаруживаются как элементы некоторой недооценки авторами предшествующего опыта исследований этого явления, так и те позиции, которые могли бы стать хорошей почвой для разносторонней дискуссии.

Примером первого может служить перенос опыта исследования общественного настроения применительно к различным видам деятельности тех или иных социальных групп, классов или народов лишь в 70-е и даже 80-е годы так, как если бы это не было начато еще в середине 60-х годов. Такая трактовка

снижает, к сожалению, возможность сравнения того, что было сделано тогда и сейчас, а значит, делает не вполне ясными и новейшие тенденции исследования по этому вопросу [8, с. 16].

Аналогично обстоит дело и с трактовкой структуры психического настроения и общественного настроения, представленной двумя срезами — его предметной направленностью и тональной характеристикой или, что то же самое, уровнем и знаком эмоционального накала, время разработки которой почему-то переносится лишь в 90-е годы.

Между тем, обращение к первоисточкам этой концепции, предложенной нами более четверти века тому назад (см.: Парыгин Б. Д. Основы социально-психологической теории. М., 1971. С. 144—145), позволило бы определить те действительные тенденции и инновации в дальнейшем развитии данных идей, которые произошли за последние десятилетия.

Спорной представляется и авторская концепция структуры или структурных "уровней" социального настроения. Для нее характерна попытка предельно расширительной трактовки последнего в качестве некоего вместилища столь емких компонентов, какими являются такие разнородные явления, как: актуальное знание, историческая память, общественное мнение, социальный статус и престиж, социальные роли, воля, убеждения и даже мировоззрение [8, с. 31—32].

В такой трактовке социальное настроение предстает в роли столь же "прожорливой" доминанты сознания, сколь и неспособной к полному "сварению" всех этих достаточно самостоятельных компонентов в "статической структуре" социально-психологических явлений.

Думается, что здесь авторами не проведена достаточно четкая грань между социальным настроением как психическим состоянием общности или личности и теми факторами, которые участвуют в его формировании и в процессе его перерастания в социальное действие.

Следует, однако, отметить, что названная выше трудность или предмет для дискуссии побуждают к плодотворному обсуждению, дают хороший импульс для взятия новых рубежей в развитии социологической, социально-психологической концепции общественного и социального настроения.

Попутно заметим плодотворность, с нашей точки зрения, введения в научный оборот предложенного авторами как понимания термина, так и всей концепции социального настроения. Мы согласны с Ж. Т. Тощенко и С. В. Харченко в том, что понятие общественное настроение может рассматриваться по отношению к категории социальное настроение как общее к частному [8, с. 17].

Аналогично можно было бы говорить и о ждущих своей специальной и разносторонней разработки категориях политического, религиозного, экономического, эстетического и других модификаций общественного настроения.

С авторами можно было бы плодотворно дискутировать и по ряду других позиций, связанных, например, с их утверждениями о том, что "социальное настроение" — это одновременно "готовность к определенному действию, часто и само действие" [8, с. 45], что массовое настроение "наименее подвержено эмоциональным всплескам" [8, с. 49], что доминантами являются "те виды (формы) социального настроения, которые в настоящий период формируются под влиянием экономических и политических процессов" [8, с. 51].

Равнозначно ли социальное настроение психологической готовности к действию. Начнем с признания того, что достаточно часто социальное настроение или массовый настрой на ожидание перемен, например к лучшему, как раз и означает определенный уровень психологической готовности к началу этих перемен, к их как эмоциональной поддержке, так и поддержке действием. И в

таком случае есть все основания согласиться, безусловно, с Ж. Т. Тощенко и С. В. Харченко относительно того, что социальное настроение — это одновременно и готовность к определенному действию.

Именно к этому случаю можно было бы отнести популярное в свое время высказывание, созвучное настроению того времени: "Главное — начать". Однако на поверку испытания временем может оказаться совершенно недостаточной только такая готовность к переменам, которая в основном сводится к их большому ожиданию. Психологическая готовность к началу того или иного действия почти никогда не бывает равнозначной всему достаточно сложному и противоречивому, при его развертывании во времени, процессу подлинно эффективной деятельности на пути к достижению ожидаемых результатов. А это значит, что стартовая готовность к началу действия не тождественна социально-психологической готовности ко всей последующей деятельности [21], [22]. И в этом нам видится один из факторов пробуксовки сегодняшних процессов социальной трансформации в России.

Общественное настроение готовности к радикальным переменам, преобладавшее в первой половине 80-х годов, уже изначально не было равнозначной подлинной социально-психологической готовности к эффективной деятельности в заданном направлении. Это становилось все более очевидно по мере торможения процесса радикального реформирования и стало особенно ощутимо в ситуации затянувшегося социального, экономического, правового, политического, идеологического и духовно-нравственного кризиса российского общества [23], [24].

О подверженности же массового настроения неожиданным "эмоциональным всплескам" достаточно убедительно свидетельствует трудность его прогнозирования даже на основе вполне репрезентативных социологических опросов накануне, например, какой-либо выборной кампании.

Виды доминантности социальных настроений. Что касается оценки уровня доминантности тех или иных видов и форм социального настроения и факторов, под влиянием которых они формируются, то здесь, на наш взгляд, необходимо различать два вида возможной доминантности массовых настроений. Один можно было бы назвать преимущественно ситуативной, или актуальной, доминантой. Последний, как правило, больше других обращает на себя внимание и формируется чаще всего "под влиянием экономических и политических процессов". И применительно к этому случаю можно вполне согласиться с Ж. Т. Тощенко и С. В. Харченко относительно квалификации ими природы доминирования таких социальных настроений.

Однако возможен и другой, не столько ситуативный, сколько ориентированный на длительную перспективу, но пока не явный, хотя и глубокий слой будущей доминанты общественных настроений. Последний имеет в своей основе не каждодневно ощутимые экономические и политические факторы, а другие, пока менее заметные, но способные со временем набирать силу, — духовно-нравственные. Именно к таким настроениям относятся, на наш взгляд, те духовно-психические состояния людей, которые, по словам Ж. Т. Тощенко и С. В. Харченко, проявляются в "глубинных сдвигах, происходящих в недрах национального самосознания" [8, с. 82].

В связи с этим ими исследуются феномен характера социального настроения и те чувства тревоги и формирования настроения реванша, которые связаны с критической оценкой людьми современного геополитического положения страны и их озабоченностью по поводу ее будущности. Авторы убедительно показывают не только глубину, но и высокую степень готовности этих настроений к сопротивлению чужеродным, деформирующим их характер вли-

яниям.

Вместе с тем, они аргументировано предупреждают об опасности любых манипуляций с национально и патриотически окрашенными массовыми чувствами и настроениями, которые обладают огромной и нередко достаточно взрывной силой. Попытка, например, подвергнуть сомнению военные победы советского народа в Великой Отечественной войне, уничижительные оценки ее основных событий, героев битвы обернулись против инициаторов этой затеи, напоминают авторы [8, с. 100].

Ими же дан глубокий анализ возможности или невозможности изменить характер социального настроения. Отмечая свойственную характеру социального настроения в условиях переходного периода склонность к "крайним перепадам", Ж. Т. Тощенко и С. В. Харченко указывают вместе с тем и на его внутреннюю самостоятельность, способность к сопротивлению обстоятельствам. "С одной стороны, оно (проявление характера настроения. — Б. П.), — пишут они, — результат политической и экономической нестабильности, а с другой — молчаливая пока еще форма протеста против социальных унижений, порожденных шоковой терапией, политическими амбициями, межнациональными конфликтами" [8, с. 102].

Отсутствие единой национально-объединительной идеи увеличивает амплитуду колебаний в проявлениях социального настроения. А потребность духовного обогащения, желание приобрести покой и безопасность, стабилизировать это настроение способствуют обращению к религии. Но, как резонно отмечают авторы, история знает примеры, когда на определенной стадии зрелости социального настроения сами деятели церкви были способны от призывов к смирению и подчинению перейти к прямой поддержке открытых вызовов враждебным силам, как это было во времена Сергия Радонежского, благословившего монахов Пересвета и Ослябю на использование оружия против врага... [8, с. 104].

Однако, вопреки любым влияниям извне, решающим фактором формирования и перемен социального настроения в конечном итоге оказывается собственный жизненный опыт народа, который находит отражение в его настроении.

Так, объясняя эффект пульсации, колебания социальных настроений на примере отношения к собственности, Ж. Т. Тощенко и С. В. Харченко вводят в научный оборот понятие "длинные волны" социального настроения. Они показывают, что как настроение поворота внимания и интереса к негосударственным формам собственности в период между концом 60-х и до 1991—1992 гг., так и противоположное ему настроение разочарования в частной собственности и возврата к государственной уже в 1994—1995 гг. являются закономерным результатом собственного жизненного опыта не только работников предприятий, но и сторонников либеральной ориентации. Из этого делается вывод относительно способов измерения амплитуды колебаний "длинной волны" социального настроения. Последняя, по мнению исследователей, "равна периоду шоковой терапии, по результатам которой люди возвращаются к прежним ценностям" [8, с. 157].

Нельзя не согласиться с Ж. Т. Тощенко и С. В. Харченко, когда они с полным на то основанием говорят о социальном настроении как об индикаторе глубинных социальных процессов, происходящих не только в психическом состоянии масс и различных социальных групп нашего российского суперэтноса, но и как о показателе формирующихся в их рамках социальных отношений, о тенденциях предвидимых перемен и сдвигов не только в сознании, но и в дей-

ствиях этих масс как в настоящем, так и в предвидимом будущем²³.

И вместе с тем, отдавая дань самой высокой оценке роли социального настроения как индикатора глубинных процессов в динамике психического состояния масс, свидетельства огромной силы их эмоционального, энергетического потенциала, способного преодолеть любые преграды на своем пути, необходимо помнить и о том, что социальное настроение в своем спонтанном развитии может вылиться в любые и далеко не всегда прогнозируемые и контролируемые формы.

Бросая ретроспективный взгляд на превратности и драматизм нашей истории во имя лучшего видения перспектив, нельзя не вспомнить во многом пророческие слова Л. Н. Гумилева, адресованные оценке феномена пассионарности, или эмоциональной, энергетической одержимости, способной захватить огромные массы людей в те или иные отрезки времени: "Пассионарность может проявляться в самых различных чертах характера, с равной легкостью порождая подвиги и преступления, созидая благо и зло, но не оставляя места бездействию и спокойному равнодушию" [24, с. 262].

Наряду с феноменологией массового, как общественного, так и социального, в том числе и политически, идеологически и экономически направленного или окрашенного настроения, необходимо учитывать и всю многосложную гамму интегральных социально-психологических характеристик состояния общества в целом. Только соотнося собственно состояние общества (экономическое, правовое, социальное в узком смысле, политическое, духовное и психическое) с его отражением в явлениях общественного и социального настроения, можно ориентироваться в оценке его прошлого, настоящего и прогнозировать будущее.

²³ Книга Ж. Т. Тощенко и С. В. Харченко представляет собой, на наш взгляд, не только в отечественной, но в мировой науке первый опыт столь фундаментального и разностороннего социологического исследования социального настроения как феномена современности в его теснейшей связи с главными сторонами современной же социальной жизнедеятельности российского общества.

ГЛАВА 21. СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И СОСТОЯНИЕ ОБЩЕСТВА

21.1. Состояние общества как предмет социально-психологического исследования.

Социально-психологические аспекты понятия "состояние общества". Понятие состояния применительно к обществу, с точки зрения социальной психологии, достаточно многозначно. Оно может относиться как к его собственно социально-психологическим характеристикам, так и к определению других составляющих его структуры. В первом случае принято, например, говорить о его психическом состоянии как здорового или нездорового общества (Э. Фромм [1], А. Маслоу [2]).

Возможно и другое смысловое словоупотребление понятия состояния общества в рамках социальной психологии, когда под этим подразумевается преобладающее в нем общественное настроение. Последнее отражает психическое состояние общества в тот или иной момент его жизнедеятельности. При этом настроение не только не тождественно состоянию общества, но и далеко не всегда способно к его адекватному отражению. Оно может соответствовать состоянию здоровья общества, но быть выше или ниже его уровня.

Во втором случае правомерно говорить о состоянии тех или иных социальных институтов и структур — экономики и права, политики и идеологии, образования и культуры и т. д. Но и здесь вполне уместна характеристика соответствующих социально-психологических аспектов или компонентов состояния данных структур — психологических составляющих права, экономики, политики и т. д., а соответственно этому — состояния правовой, экономической и политической психологии.

Тенденции и проблемы изменения психического состояния общества. Подобно тому, как это уже рассматривалось нами выше применительно к изменению общественных настроений, отражающих состояние социально-психологической жизнедеятельности общества, можно говорить и о динамике собственно этого состояния.

В исторической психологии как научном направлении и относительно самостоятельной отрасли знания уже сложилась определенная практика исследования таких состояний [3]—[5]. Она показывает, в частности, что каждой исторической эпохе соответствуют свои не только преобладающие общественные настроения, но и особенности менталитета, доминирующих духовно-нравственных ценностей и проблем.

Так, если смена эпохи варварства эпохой цивилизации ознаменовалась проблемой внутреннего конфликта человека между инстинктивным наследием прошлого, его бессознательными биологическими влечениями и требованиями культуры, права и нравственности, что нашло отражение в концепции З. Фрейда, то начало эры постиндустриального общества принесло совсем другие социально-психологические проблемы. Последние связаны с изменением состояния социальной динамики, со значительным ускорением темпов развития общества, вызванным научно-техническим прогрессом, который привел к социальной дезадаптации человека — конфликту между прошлым и новым опытом его психической жизнедеятельности.

Результатом этого конфликта стало состояние шока индивида, который оказался психологически не готовым к столь высоким темпам перемен условий своей жизнедеятельности [6].

Гуманистическая психология о формировании готовности человека к си-

туации динамичных перемен. Новое направление социальной психологии, известное под названием "гуманистической психологии", основанное во второй половине XX века американским психологом Абрахамом Маслоу (1908—1970), как раз и было нацелено не только на диагностику, но и на поиск путей решения этой проблемы. Ключ к ней А. Маслоу видел в качественном повышении уровня внутренней, социально-психологической культуры человека, который должен овладеть прежде всего способностью к импровизации как основному инструменту реализации своего творческого потенциала.

"Нужен, по словам А. Маслоу, новый тип человека, который не чувствовал бы себя потерянным в быстро меняющемся мире", человека, готового к импровизации и способного "радостно встретить неожиданную, новую для него ситуацию" [2, с. 70]. Но для этого, по его мнению, должна быть выращена "новая порода людей", способных принимать "молниеносные, творческие решения" и снимать встающие перед ними проблемы "без предварительной подготовки" [2, с. 110—111].

В свою очередь, ставка на решение этой задачи предполагает радикальную перестройку системы образования и профессиональной подготовки. "Сегодня образование, — по мнению А. Маслоу, — ни в коем случае нельзя рассматривать только как процесс усвоения знаний, пора определить его как процесс становления характера, как процесс развития", потому что люди, слишком привязанные к старому опыту, стали почти бесполезными во многих профессиях [2].

Вот почему альтернативу психологической неготовности человека к быстро меняющимся условиям и требованиям жизни А. Маслоу видел в перспективах его целостного развития, в его культуре психической саморегуляции и личностного роста.

Массовая культура — психологический барьер на пути личностного роста. Однако практические возможности личностной "самоактуализации" (А. Маслоу) или личностного роста в ситуации возрастающих темпов социальных и научно-технических инноваций наталкиваются на мощный психологический барьер, создаваемый так называемой "массовой культурой". Будучи порожденной теми же темпами быстрых перемен в условиях рыночной экономики, эта "культура" формирует психологию всеядности, конъюнктуры, культура безудержного потребительства и новый тип так называемой "рыночной личности", всесторонне и глубоко описанной основателем неофрейдизма Эрихом Фроммом (1900—1980).

Рыночная личность, по Э. Фромму, ведет себя подобно товару, предлагая свои достоинства (красоту, молодость, ум, обаяние) в обмен на социальные и психологические блага (общественное положение, престиж, дружбу, любовь). Подверженность спроса конъюнктурным колебаниям и действию социально-психологических механизмов моды формирует у рыночной личности способности к перестройке и адаптации к любым переменам и инновациям.

Но это совсем не те способности и психологическая готовность к творческой импровизации, о которой говорил А. Маслоу. Социальные и личностные качества рыночной личности не только лишены внутренней целостности, крайне противоречивы, но (и это главное) несут на себе печать заземленного утилитаризма, бездуховности, а нередко и откровенного бескультурья. Вот как характеризовал две противоречивые (положительную и отрицательную) стороны личности с рыночной ориентацией Э. Фромм [7, с. 114] (см. таблицу 4).

Положительная сторона	Отрицательная сторона
Целеустремленная	Пользующаяся случаем
Готовая к обмену	Непоследовательная
Моложавая	Ребячливая
Устремленная вперед	Не считающаяся с будущим или прошлым
Свободомыслящая	Без принципов и ценностей
Общительная	Неспособная к уединению
Экспериментирующая	Бесцельная
Недогматичная	Релятивистская
Действенная	Сверхактивная
Любознательная	Бестактная
Понятливая	Умничающая
Контактная	Неразборчивая
Терпимая	Безразличная
Остроумная	Глуповатая
Щедрая	Расточительная

Таблица 4

Вместе с тем, несмотря на внутреннюю противоречивость и печать известной примитивизации, которую несет на себе массовая культура и порожденный ею (равно как и стимулирующий ее) рыночно ориентированный индивид, нельзя недооценивать силы их влияния на традиционные культурные и профессиональные ценности, как это будет очевидно из следующего изложения.

21.2. Социально-психологические проблемы гуманитарного образования и культуры как индикаторы состояния общества.

Парадоксы взаимовлияния гуманитарной культуры, социально-психологической науки и идеологии. Несмотря на многие особенности социокультурных и национальных традиций в историческом процессе развития различных стран и народов, опыт научного, в частности социально-психологического, видения позволяет заметить не только различие, но и определенное сходство в некоторых тенденциях, связанных с изучением социума и человека в изменяющемся мире.

То, с чем во второй половине XX века американская социальная психология столкнулась как с неожиданной и шокирующей проблемой формирования человека в условиях динамичных перемен, в известном смысле (пусть весьма условно), но все же напоминает ситуацию, сложившуюся значительно раньше, еще в начале века, в 20-е годы, в нашей стране.

Правда, тогда в России стоял хоть внешне и аналогичный (нынешним проблемам подготовки нового типа личности в США) вопрос о формировании нового человека, но почвой для его постановки было не просто ускорение темпов перемен, а стремление к радикальному изменению всей системы общественных отношений.

Различными были и результаты сравниваемых процессов, успешное рождение и развитие новых плодотворных научных направлений в американской социальной психологии, с одной стороны, и перерыв затянувшийся на несколько десятилетий в осуществлении смелых попыток решения социально-психологических проблем человека у нас — с другой.

Слишком очевидное различие результатов научного поиска при внешнем и весьма условном сходстве задач и сейчас стимулирует потребность осмысления этого опыта, когда ситуация с положением отечественной социальной психологии существенно изменилась.

Статус и перспективы развития современной отечественной социальной психологии органически связаны с возможностью и необходимостью более полного включения ее потенциала в решение многих актуальных проблем реформируемой России, и в первую очередь с потребностями и задачами повышения эффективности системы гуманитарного образования.

Гуманитарное образование необходимо рассматривать как форму и фактор сохранения и развития культурного достояния нации, уникальности ее духовного опыта, особой духовной миссии России в мировом цивилизационном процессе [8, с. 3—6].

В свою очередь, в концептуальном обосновании приоритета российской гуманитарной культуры и гуманитарного образования несомненна значимость всей системы гуманитарного научного знания, и социально-психологического в частности.

В известном смысле можно было бы сказать о том, что в тенденциях разветвления именно гуманитарной культуры, образования, как в зеркале, отражается многогранный процесс духовной эволюции и России в целом по пути поиска альтернатив прежней командно-авторитарной системы.

На пути к такой перспективе, когда общественное сознание и общенациональная гуманитарная культура, образование и питающая их наука (прежде всего гуманитарная) не пребывали бы больше в состоянии жесткой и односторонней зависимости от идеологических и политических акцентов или императивов, все более привлекательным и популярным представляется тезис о деидеологизации и деполитизации всей духовно-нравственной жизни социума.

В этом тезисе отражается реакция и на те драматические страницы в истории отечественной науки, когда судьба последней предопределялась без достаточных на то оснований, как это произошло, например, с социальной психологией, лишившейся нормальных условий для своего развития да и просто существования на протяжении трех десятилетий.

В силу специфики своего предмета, связанного с изучением прежде всего массовой психологии, путей и методов формирования нового человека-коллективиста, психологического обеспечения строительства социалистического общества, эта наука оказалась на авансцене 20-х годов в далеко не простых, а точнее просто в "конкурентных отношениях с официальной идеологией". Последняя же опиралась не на научные, а на политические основания, что и предопределило "драматическую судьбу" социальной психологии [9].

Социальная психология вновь перед масштабным социальным заказом времени. На первый взгляд, сегодня меньше, чем когда-либо раньше, поводов для сравнения современного статуса социальной психологии с тем, каким он у нее был в прошлом. Она ныне получила все необходимые и достаточные права для своей самореализации и развития. Сегодня вновь все более очевидным становится растущий заказ на активное включение ее потенциала в решение многих проблем нашего социума.

В числе важнейших при этом оказываются прежде всего вопросы психо-

логического обеспечения эффективности профессионального образования и профессионального труда в ситуации резкого падения их престижа²⁴ [10, с. 8].

Поскольку эта тенденция находится в зависимости от общего процесса трансформации российского общества, то вполне правомерно встает вопрос о необходимости создания "национальной системы психологического сопровождения и поддержки индивида на его жизненном пути", и прежде всего в процессе формирования и реализации его профессиональной карьеры [10, с. 13—14].

Разумеется, эта же проблема может быть поставлена несколько шире, как требующая научного решения всех ее аспектов, касающихся не только жизни и деятельности индивида как ресурса, но и как личности в условиях радикальной и глобальной трансформации социальных и человеческих отношений и структур.

Формирование социально-психологической культуры личности специалиста как одна из задач гуманитарного образования. Одним из условий именно такой постановки и решения названных выше проблем должно стать обеспечение более высокого уровня духовно-нравственной, в частности социально-психологической, культуры личности и ее деятельности в первую очередь для своей страны, готовности к профессиональной самореализации вопреки тем трудностям и психологическим барьерам, которые возможны на жизненном пути.

Социально-психологическая культура личности в предельно широком смысле этого слова — прежде всего культура ее психического состояния, предполагающая способность человека к испытанию стрессом, или стрессоустойчивость, а следовательно, достаточно высокий уровень готовности к психической саморегуляции и самокоррекции всех форм и видов собственной жизнедеятельности [11, с. 87—90].

А это, в свою очередь, предполагает воспитание и самовоспитание внутренней собранности, готовности как к полному психологическому включению в действие, так и к снятию психического напряжения, к релаксации. Значимость этой составляющей социально-психологической культуры трудно переоценить перед лицом эскалации или интенсификации психической напряженности как общечеловеческой тенденции социального и научно-технического прогресса.

Не менее значима коммуникативная культура деловых и межличностных отношений будущего специалиста. Высокая культура социального общения представляет собой достаточно многогранное явление, которое включает в себя культуру восприятия и понимания, отношения и обращения, сообщения и убеждения, влияния и взаимовлияния людей друг на друга в процессе совместной деятельности. Критерием этой культуры является адекватность человеческих отношений той ценности, которую эти отношения представляют для людей.

В самой профессиональной деятельности специалиста, особенно гуманитарного профиля, весьма существенна его психологическая готовность к работе с коллегами и руководителем, коммуникативная культура его как "вертикальных", так и "горизонтальных" отношений в группе и коллективе.

Антикультуре командно-авторитарных отношений, подавляющих лич-

²⁴ Не сказывается ли здесь несомненная психологическая одаренность наших предпринимателей, не страдающих комплексом психологической неготовности к крутым переменам и трансформациям (в том числе и к рынку), чем в свое время был так озабочен как проблемой А. Маслоу. Их способность в короткий срок осваивать свою деятельность, не имея базового профессионального образования, несомненно, снижает престиж последнего, но вместе с тем и очень остро ставит вопрос о необходимости его реформирования.

ность и унижающих человеческое достоинство, должна быть противопоставлена и развита новая культура — партнерских и межличностных деловых отношений, предполагающих внимательное и уважительное отношение к человеку с учетом как его статуса в коллективе, деловых и профессиональных качеств, так и его уникальной индивидуальности [12, с. 14—16].

21.3. Гуманитарное образование и наука как зеркало состояния общества и духовной эволюции нации.

Традиция как социально-психологический барьер на пути деидеологизации гуманитарного образования. В современной исторической ситуации, когда взят курс на демократизацию общественных отношений и институтов, в том числе образования и науки, достаточно актуальным остается вопрос о гарантиях неповторимости тех моментов уже пройденного пути, когда наука и образование (в первую очередь гуманитарное) оказывались в заложниках у идеологических и политических институтов власти.

Иными словами, встает вопрос о том, насколько зеркально этот новый курс в стратегии духовной эволюции нации способен отразиться на гуманизации образования и быть гарантом необратимости процессов деполитизации и деидеологизации не только гуманитарного образования, но и общественных наук.

Ответ нам не представляется однозначным в силу все более очевидных социально-психологических барьеров на пути развертывания названной выше тенденции, которая идет вразрез с достаточно укорененной традицией привязки духовной сферы жизнедеятельности (в том числе образования и гуманитарных наук) к политическим и идеологическим структурам в истории России задолго до октября 1917 года.

Нельзя не согласиться с известным историком А. Ф. Замалеевым, который отмечает то существенное обстоятельство, что «в отношении к русской философии превалирующей тенденцией всегда оставался идеологизм. Историко-философский процесс в России сводился либо к эволюции "по пути к марксизму", либо к идиллической встрече философии и православия. В результате русская философия превращалась в подмости для идеологических декораций, которые менялись в зависимости от политической конъюнктуры» [13].

На наш взгляд, данная тенденция уходит своими корнями в глубинные основы архетипа российского менталитета с характерной для него доминантой идеологически окрашенных ценностей — веры (в том числе и прежде всего религиозной), искания смысла бытия, чувства соборности, равенства, справедливости, совести и т. д. Недаром Ф. М. Достоевский говорил об отличии ценностей русского народа, который живет "Духом", а не "Рамой", как человек Запада. А "неистовый Виссарион" Белинский восклицал: "Социальность, социальность — или смерть", подчеркивал характерный для россиянина взгляд на все через призму социальности.

Есть все основания говорить о том, что и сегодня идеи социальной справедливости и особой значимости духовных ценностей вновь приобретают все большее значение. Последнее связано прежде всего с интенсивным процессом роста социальной дифференциации населения по уровню жизни. С не меньшей силой духовные ценности актуализируются и тенденциями регионализации и территориальной автономизации, несущими в себе угрозу распада России как целостного государственного образования [14].

В качестве противовеса этим разрушительным тенденциям все более популярным становятся не только идеи, но и в целом самосознание значимости

духовно-психологического единства россиян, необходимости подкрепления последнего средствами идеологической интеграции. Убедительным показателем этого явился и вполне адекватный вызову времени социальный заказ, сформулированный на правительственном уровне, на формирование в новой редакции российской общенациональной идеи [15].

Этой теме было посвящено и заседание одной из секций проходившей в мае 1997 года в стенах Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов международной научно-практической конференции "Гуманитарная культура как фактор преобразования России". Анализ заслушанных на секции докладов и содержания опубликованных материалов позволяет утверждать, что подавляющее большинство исследователей — за актуальность и позитивное значение самой постановки и разработки проблемы российской общенациональной идеи как одного из существенных условий и фактора преобразования России, ее выхода из современного кризиса.

В современной ситуации глобального кризиса, переживаемого российским социумом, становится особенно ощутимой и болезненной для его судьбы полная утрата многих прежних политических и идеологических скреп и опор, цементировавших (хотя заодно и подавлявших многие инновации в сфере науки, культуры и гуманитарного образования) его фундамент. В результате этого возникает известный вакуум там, где на месте старых должны были бы возникнуть новые идеологические ценности и опоры, способные интегрировать общество и государство.

В таком качестве должна была бы выступить новая концепция жизни и перспектив развития российского общества, способная аргументированно ответить на традиционные вопросы: "кто виноват?" и "что делать?", равно как и "в каком обществе мы живем?" и "какое строим?". Без ответа на эти вопросы не может быть обеспечено успешное и целенаправленное развитие российского самосознания, культуры, науки и гуманитарного образования. Вот почему попытки дискредитации идеологии как таковой встречают достаточно сильное сопротивление с ее стороны. И в этом парадоксальность складывающейся ситуации. Ведь стратегия развития гуманитарного образования нуждается в прочных идеологических опорах, а опереться можно лишь на то, что не поддается давлению, а сопротивляется ему.

Российская интеллигенция и перспективы гуманитарного образования. Но задача концептуального и идеологического обеспечения видения перспектив развития гуманитарного образования и науки наталкивается, кроме названного выше, еще и на другой социально-психологический барьер. Последний связан с характерной для российского менталитета в целом и для интеллигенции в частности способностью легко увлекаться яркой идеей и отсутствием склонности к скрупулезному анализу "фактов", разработке строгой и выверенной концепции своего развития [16, с. 116].

Выступая весной 1918 года в Петрограде с публичными лекциями "Об уме вообще и русском в частности", великий русский ученый академик И. П. Павлов упрекал "прогрессивную" русскую мысль в том, что она не столько работала "о просвещении и культивировании народа, сколько о его революционизировании", что "русский ум не привязан к фактам", что идеей диктатуры пролетариата мы... "мозг, голову поставили вниз, а ноги вверх. То, что составляет культуру, умственную силу нации, то обесценено, а то, что пока является еще грубой силой, которую можно заменить и машиной, выдвинули на первый план" [17].

В аналогичном ключе рассуждал и М. Горький в "Несвоевременных мыс-

лях", предупреждавший русскую интеллигенцию о преждевременности социалистической революции в неподготовленной к ней крестьянской стихии, когда этой революции не предшествовал период культурного строительства. Да и саму интеллигенцию М. Горький упрекал за неспособность противопоставить социальному произволу и бесправию личности ничего вразумительного, кроме брюзжания. [18, с. 116]

Сегодняшняя ситуация не представляет исключения из этого правила. Благородный порыв к радикальному обновлению, выстраданный российской интеллигенцией 60-х годов уже XX века, но не подкрепленный сколько-нибудь фундаментальной концепцией или, что почти то же самое, предвидением хода реальных перемен, ныне обернулся глобальным кризисом общества. Драматический парадокс этого положения состоит в том, что отсутствие необходимой концепции общественного развития является скорее результатом не востребо-ванности, чем показателем реального творческого потенциала российской интеллигенции, скорее ее недостаточной психологической готовности к диалогу со своими оппонентами и другими субъектами социального действия, чем неспособности найти конструктивную альтернативу нынешнему кризису.

21.4. Смена надстроечной парадигмы: способ преодоления барьеров на пути гуманизации общества.

Есть ли альтернатива традиции идеологического и политического диктата. Однако вернемся к исходному тезису относительно деидеологизации и деполитизации как условий свободного и независимого развития гуманитарного образования и науки. Можно ли совместить его со всем тем, о чем только что говорилось выше как о совершенно противоположной и столь же обоснованной тенденции?

Если исходный тезис о необходимости освобождения гуманитарного образования и науки от давления идеологических и политических структур оставить в силе, то вопрос этот можно сформулировать и иначе: есть ли альтернатива прежнему наследию односторонней подчиненности духовной жизни общества (в том числе науки, культуры и образования) политическому и идеологическому диктату?

На наш взгляд, имеются все основания для того, чтобы такую альтернативу предложить. Она, по нашему глубокому убеждению, состоит в смене парадигм, характеризующих взаимосвязь и взаимозависимость, с одной стороны, политико-идеологических, а с другой — духовно-нравственных структур и приоритетов в системе распределения социальных ценностей и доминант российского социума.

Прежняя парадигма взаимосвязи и соподчинения этих структур может быть представлена такой моделью, у которой в вершине в качестве цели выступает политика и идеология, а в качестве средств, обеспечивающих ее доминирующую и приоритетную роль, равно как и подчиненных первым, — духовно-нравственные ценности, представленные национальной культурой, национальным самосознанием и общественным настроением, наукой и гуманитарным образованием (см. таблицу 5).

Старая надстроечная парадигма

Политика и идеология
Духовно-нравственные ценности (национальная культура, самосознание и настроение, наука и гуманитарное образование)

Таблица 5

Нам представляется назревшей и правомерной тенденцией, отвечающей социальному заказу и духу времени, необходимость смены старой парадигмы на новую, построенную по альтернативному принципу доминирования духовно-нравственных ценностей над идеологическими (см. схему 26).

Смена надстроечной парадигмы

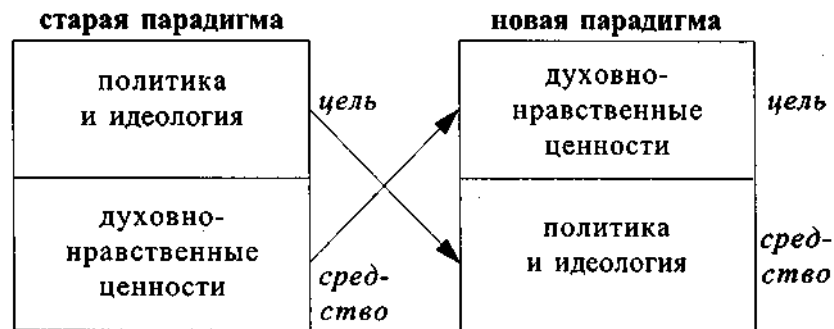

Схема 26

Идея такой перестановки акцентов и представлений о приоритетных и доминирующих ценностях в структуре традиционной модели социума, конечно, нуждается в дальнейшем анализе с точки зрения того, насколько она может быть воплощена в реальный алгоритм жизнедеятельности.

Возможности и реальность смены надстроечной парадигмы в прошлом и теперь. Начнем с определения того, насколько она практически достижима вообще. На наш взгляд, вопреки обозначенной ранее модели, характерной для распределения названных ценностей в нашей российской истории, даже в ней можно найти ситуацию если не полного, то хотя бы частичного подобия новой парадигме распределения политических и духовно-нравственных ценностей.

Пример такого распределения дает, на наш взгляд, время царствования Екатерины II, когда, по свидетельству выдающегося российского историка В. О. Ключевского, доминантой в структуре социальных ценностей общества того времени было духовно-нравственное начало, вершиной которого являлось состояние социальной психики, преобладающее общественное настроение, в котором было аккумулировано высокое чувство и мироощущение национального достоинства и национального самосознания народа [19, с. 290].

Другим примером той эталонной модели распределения приоритетов, где тон задает социально-психологическая доминанта, представленная преобладающим общественным настроением, общественным мнением и высоко поднятым чувством национального достоинства, является способ связи гуманитарного образования в университетах США с системой тех нравственных ценностей, которые в них впитывает, а затем и реализует в политике будущая правящая элита.

Здесь очевидна инструментальная роль политики и идеологии в качестве средства сохранения, поддержания и развития тех ценностей, которые формируются как некая доминанта в духовной атмосфере американского университета. Естественной традицией в такой ситуации становится выработка именно в университетской среде неформального общения, критериев и эмпирических индикаторов для оценки всей системы управления страной, начиная с фигуры скромного менеджера до президента того или иного концерна и даже страны.

Это позволяет говорить о том, что искомая нами парадигма перераспределения приоритетов власти и духовно-нравственных ценностей как некая модель вполне достижима в ее практическом осуществлении как в нашем же историческом прошлом, так и в настоящем. Об этом свидетельствует и некоторый наш современный опыт развития университетского образования.

Современный опыт развития университетского гуманитарного образования. Примером этого может служить в числе других вузов и опыт Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, в котором в качестве стратегической цели формирования специалиста гуманитарного профиля ставится задача осуществления преемственности, сохранения и развития лучших национальных традиций российского социума, и прежде всего гуманитарной и духовно-нравственной культуры [20]. Этот курс, взятый СПбГУП на приоритетное развитие духовной, правовой, экономической, политической и профессиональной культуры будущего специалиста, получает аргументированное обоснование в культуросцентристской концепции образования, предложенной А. С. Запесоцким [21].

Есть все основания предполагать, что реализация культуросцентристской концепции в качестве стратегии вузовского, и прежде всего гуманитарного, образования позволит со временем привести к смене рассмотренных выше парадигм и способствовать на пороге XXI века как свободной и всесторонней реализации творческого потенциала нового молодого поколения, так и духовно-нравственному преобразованию России.

Необходимость социально-психологического обеспечения гуманитарного образования и духовного здоровья общества. Такая смена предполагает расширение поля практического внедрения культуросцентристской концепции и выход за ее рамки одного или несколько вузов на широкий простор университетского образования в стране в целом.

А это, в свою очередь, возможно лишь при условии всестороннего как экономического, правового, так и научного, и в частности социально-психологического, обеспечения готовности всего общества, народа и государства к включению своих сил в решение обозначенных выше задач.

Существенную роль здесь могли бы сыграть концепция и программа социально-психологического исследования и обеспечения эффективности гуманитарного образования. Их разработка и последующая реализация позволили бы поднять уровень психологической готовности молодого специалиста к продуктивной профессиональной деятельности и в экстремальных условиях современной жизни. Это, в свою очередь, явилось бы надежной гарантией неповторения ошибок прошлого опыта и условием формирования не только социального оптимизма, но и самого общества, подлинно здорового во всех отношениях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Социальная психология как наука, изучающая многообразные проявления психической жизнедеятельности человека, прошла значительный путь в своем развитии как у нас в стране, так и за рубежом.

Сегодня ей предстоит принять активное участие в решении больших и сложных социально-психологических проблем, связанных с историческим процессом экономического и политико-правового реформирования, а также духовно-нравственного возрождения и преобразования России.

Это, в свою очередь, предполагает развитие и совершенствование духовно-нравственной и социально-психологической культуры, гражданского самосознания человека, а также его психологической готовности к эффективной деятельности во всех сферах социальной жизни.

Для успешного решения данных задач нужны глубокие и разносторонние знания в области социальной психологии, и прежде всего те, которые связаны с феноменом личности и деятельности последней в свете данной науки.

Исторический опыт и исследования говорят об огромном потенциале возможностей эффективной психической деятельности человека как личности и неповторимой индивидуальности.

Но на пути развертывания и реализации психического потенциала человека немало трудностей, противоречий и многочисленных барьеров.

Социально-психологические знания, новейшие методы оценки, коррекции и развития психического потенциала и деятельности человека позволяют сформировать надежную систему научного обеспечения эффективности последней.

Как фундаментальная наука, опирающаяся на мировой опыт осмысления и обобщения закономерностей и тенденций психической жизнедеятельности человека, социальная психология накопила достаточно богатый опыт понимания природы и механизмов психического состояния и поведения людей, который позволяет ей предугадывать и предвидеть многое из того, что может и должно произойти в развитии общества.

Рост интереса людей, например, к этой науке, который наблюдается сегодня, перспектива и расширение сферы ее практического применения — все это было предугадано пионерами ее возрождения в нашей стране еще более четверти века назад.

В середине 80-х годов нами было высказано и предостережение об угрозе психологической неготовности общества к эффективному осуществлению процесса его радикального обновления без необходимой программы социально-психологического обеспечения.

Однако практическое подтверждение этого и других прогнозов не означает, что концептуальные и прогностические возможности социальной психологии не имеют строгих границ. Сама наука, как известно, не обнаружила той степени динамичности в восприятии и понимании природы современных процессов социальной трансформации (которая была столь необходима), а значит, оказалась не готовой к адекватному ответу на те непростые вопросы, связанные с психическим состоянием, отношениями и действиями людей, которые были поставлены в эпоху радикальных перемен.

Из этого следует очевидная актуальность обновления ее концептуального аппарата и методов исследования, значимость перестройки позиций и подходов специалистов в данной области знаний. Заслуживает в связи с этим особого внимания проблема формирования психологической готовности человека к эффективной деятельности вообще и инновационной в первую очередь.

Вместе с тем было бы ошибочно и абсолютизировать стремление к переменам любым способом и любой ценой. Вряд ли можно оправдать то шарханье из одной крайности в другую, которое наблюдается нередко как среди практических деятелей, так и среди исследователей, способных в относительно короткий интервал времени пережить обращение или трансформацию из бескомпромиссных критиков в апологетов одних и тех же теорий, равно как и наоборот.

Подобные трансформации во взглядах на проблемы социальной психологии во многом несут на себе печать как излишней политизации, так и подверженности влиянию моды или конъюнктуры, неспособности выдержать дистанцию, необходимую для взвешенной оценки событий и обстоятельств, прежде чем они станут предметом обоснованного научного осмысления и т. д.

В этом же ряду факторов, деформирующих строгость и взвешенность научной выправки исследователя, может оказаться и некритическое заимствование, если не слепое копирование чьего-либо опыта при одновременной недооценке собственного.

Последнее особенно актуально учитывать в том случае, когда речь идет об отношении к опыту развития отечественной социальной психологии. Последняя, к сожалению, пока не стала предметом постоянного и скрупулезного внимания наших исследователей.

Между тем, будучи мировой наукой, социальная психология может успешно развиваться и в рамках сложившихся традиций национальных школ под влиянием специфических для истории того или иного народа проблем, не говоря уже о его специфическом взгляде на мир, о его менталитете.

Нам представляется, что одной из причин трудностей осуществления современной трансформации социальных структур и отношений в России является как раз неготовность исследователей и практиков к тому, чтобы учесть особенности психологии своего народа и его истории, избежав тем самым механического копирования опыта других стран и народов при решении своих в высокой степени уникальных проблем.

Вполне понятно и объяснимо стремление как исследователей, так и практиков добиться эффективности от внедрения социально-психологического знания в решение актуальных социальных проблем. Успешное развитие современных отраслей прикладной социальной психологии, несомненно, открывает перспективу их эффективного внедрения в самые разные сферы социальных отношений и структур.

Нельзя вместе с тем не видеть постепенно растущего разрыва между уровнем притязаний специалистов на масштабы внедренческой деятельности, с одной стороны, и уровнем фундаментально-теоретического обеспечения потенциала практической социальной психологии — с другой.

Отставание с развитием современной социально-психологической теории с неизбежностью сказывается на потенциале диагностического и прогностического подкрепления современной прикладной социальной психологии.

Бесспорно, полезно накопление и обогащение опыта психологических консультаций и внедрения технологий диагностического и корректирующего характера в работе тех или иных частных фирм, объединений и организаций. Однако еще более весомо внедрение методов социальной психологии для решения масштабных задач на уровне государственного управления.

Перед практической социальной психологией стоит непростая задача занять адекватную позицию при поиске способов преодоления тех негативных социально-психологических последствий, которые порождаются в обществе растущей социальной дифференциацией населения, сопровождающейся ро-

стом недовольства ее наиболее ущемленных слоев, их нереализованных потребностей в социальной защищенности от угрозы нищеты, безработицы и преступности. Не менее острой и чреватой социальными катаклизмами проблемой остается ущемленное у значительной части населения чувство социальной справедливости, равно как и потребность полноценной реализации чувства гражданского и человеческого достоинства.

Естественно, что решение этих проблем невозможно лишь на уровне индивидуальной психотерапии или психологических консультаций, но предполагает включение потенциала всей социальной психологии в формирование общенациональной стратегии социального развития и контроля тех механизмов социальной трансформации, которые бы исключали само возникновение подобных проблем.

Тем не менее необходимо учитывать, что социальная психология как наука может отвечать лишь за успехи формирования тех или иных социально-психологических условий и предпосылок, связанных с эффективностью человеческой деятельности в различных сферах социальной жизни.

Поэтому, подчеркивая ее возрастающую значимость, нужно помнить не только о ее больших возможностях, но и границах. По мере изменения статуса социальной психологии, когда она покажет возможность успешного решения проблем не только на личностном или микрогрупповом, но и на государственном уровне, шире станут и возможности ее творческой и эффективной самореализации как фундаментальной и прикладной науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Введение

1. **Методологические проблемы социальной психологии** / Под ред. Г. П. Предвечного, Ю. А. Шерковина. — М., 1975.
2. **Социальная психология** / Под ред. Е. С. Кузьмина, В. Е. Семенова. — Л., 1979.
3. **Абульханова-Славская К. А., Кольцова В. А.** Отечественная социальная психология // Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / Под ред. А. В. Брушлинского. — М., 1997.
4. **Андреева Г. М.** Социальная психология. — М., 1997.
5. **Андреева Г. М.** Актуальные проблемы социальной психологии. — М., 1988.
6. **Асмолов А. Г.** Культурно-историческая психология и конструирование миров. — М., 1996.
7. **Боброва Е. Ю.** Основы исторической психологии. — Л., 1997.
8. **Бодалев А. А.** Восприятие и понимание человека человеком. — М., 1982.
9. **Бодалев А. А.** Личность и общение. — М., 1983.
10. **Бодалев А. А.** Психология личности. — М., 1988.
11. **Брушлинский А. В., Поликарпов В. А.** Мышление и общение. — Минск, 1990.
12. **Будилова Е. А.** Социально-психологические проблемы в русской науке. — М., 1983.
13. **Грушин Б. А.** Массовое сознание. — М., 1988.
14. **Динамика социально-психологических явлений в изменяющемся обществе** / Под ред. А. Л. Журавлева. — М., 1996.
15. **Донцов А. И.** Психология коллектива. — М., 1984.
16. **Зотова О. И. и др.** Особенности психологии крестьянства. Прошлое и настоящее / О. И. Зотова, В. В. Новиков, Е. В. Шорохова. — М., 1988.
17. **Основы социально-психологической теории** / Под ред. А. А. Бодалева, А. Н. Сухова. — М., 1995.
18. **Парыгин Б. Д.** Социальная психология территориального самоуправления. — СПб., 1993.
19. **Петровский А. В.** Личность. Деятельность. Коллектив. — М., 1982.
20. **Психологический пульс современной России** / Под ред. В. В. Новикова (на англ. языке). — М.; Ярославль, 1997.
21. **Регуляция социально-психологического климата трудового коллектива** / Под ред. Б. Д. Парыгина. — Л., 1986.
22. **Руденский Е. В.** Социальная психология: Курс лекций. — М.; Новосибирск, 1997.
23. **Советова О. С.** Инновация: теория и практика. — СПб., 1997.
24. **Социальная психология** / Под ред. А. В. Петровского. — М., 1987.
25. **Социальная психология и общественная практика.** — М., 1985.
26. **Теоретическая и прикладная социальная психология** / Под ред. А. К. Уледова. — М., 1988.
27. **Тощенко Ж. Т., Харченко С. В.** Социальное настроение. — М., 1996.
28. **Уледов А. К.** Общественная психология и идеология. — М., 1985.
29. **Уледов А. К.** Психосоциология: сущность и функции. — М., 1995.
30. **Шепель В. М.** Управленческая психология. — М., 1984.
31. **Шестопалов Ю. А.** Общение: возможность и действительность. — Фрунзе, 1985.

32. **Шихирев П. Н.** Современная социальная психология в Западной Европе. — М., 1985.
33. **Историческая психология.** — М., 1997.
34. **Человек в изменяющемся мире: социальные и психологические проблемы: Материалы научной конференции** / Под ред. Б. Д. Парыгина. — СПб., 1993. — В 3 ч.

Глава 1

1. **Фурст Д.** Невротик, его среда и внутренний мир. — М., 1957.
2. **Андреева Г. М.** Социальная психология. — М., 1996.
3. **Тард Г.** Законы подражания. — СПб., 1982.
4. **Тард Г.** Общественное мнение и толпа. — М., 1902.
5. **Вундт В.** Проблемы психологии народов. — М., 1912.
6. **Лебон Г.** Психология народов и масс. — СПб., 1996.
7. **Парыгин Б. Д.** Социальная психология как наука. — Л., 1967.
8. **Теоретическая и прикладная социальная психология** / Под ред. А. К. Уледова. — М., 1988.
9. **Андреева Г. М.** Социальная психология. — М., 1996.
10. **Методология и методы социальной психологии.** — М., 1977.
11. **Методы социальной психологии** / Под ред. Е. С. Кузьмина, В. Е. Семенова. — Л., 1977.
12. **Парыгин Б. Д.** Социально-психологический климат коллектива. Пути и методы изучения. — Л., 1981.
13. **Регуляция социально-психологического климата трудового коллектива** / Под ред. Б. Д. Парыгина. — Л., 1986.
14. **Запесоцкий А. С.** Гуманитарная культура и гуманитарное образование. — СПб., 1996.

Глава 2

1. **Лебон Г.** Психология народов и масс. — СПб., 1996.
2. **Гибш Г., Форверг М.** Введение в марксистскую социальную психологию. — М., 1972.
3. **Ковалев А. Г.** Курс лекций по социальной психологии. — М., 1972.
4. **Андреева Г. М.** Социальная психология. — М., 1996.
5. **Allport Y. W.** The Historical Background of Modern Social Psychology. — Cambridge, 1954.
6. **Поршнев Б. Ф.** Социальная психология и история. — М., 1979.
7. **Аристотель.** Политика. — М., 1911.
8. **Фейербах Л.** Основные положения философии будущего // Избр. филос. произв. — М., 1955. — Т. I.
9. **Гегель.** Философия истории // Соч. — М., 1935. — Т. VIII.
10. **Лабриола А.** Очерки материалистического понимания истории. — М., 1960.
11. **Плеханов Г. В.** Материалистическое понимание истории // Избр. филос. произв. — М., 1956. — Т. II.
12. **Sargent S. St.** Social Psychology. — New-York, 1950.

Глава 3

1. **Андреева Г. М., Богомолова Н. П., Петровская Л. А.** Современная соци-

- альная психология на Западе (Теоретическая ориентация). — М., 1978.
2. **Шихирев П. Н.** Современная социальная психология США. — М., 1979.
 3. **Шихирев П. Н.** Современная социальная психология в Западной Европе. — М., 1985.
 4. **Роцин С. К.** Западная психология как инструмент идеологии и политики. — М., 1980.
 5. **Будилова Е. А.** Социально-психологические проблемы в русской науке. — М., 1983.
 6. **Парыгин Б. Д., Рудаков Л. И.** Н. К. Михайловский о психологическом факторе в историческом процессе // История и психология. — М., 1971.
 7. **Рудаков Л. И.** К вопросу об оценке социально-психологических воззрений Н. К. Михайловского // Проблемы философии и социологии. — Л., 1968.
 8. **Будилова Е. А.** Социально-психологические проблемы в русской науке. — М., 1983.
 9. **Михайловский Н. К.** Граф Бисмарк // Полн. собр. соч. — Спб., 1909. — Т. 6.
 10. **Михайловский Н. К.** Отклики // Поли. собр. соч. — Спб., 1914. — Т. 8.
 11. **Михайловский Н. К.** Герои и толпа // Поли. собр. соч. — Спб., 1907. — Т. 2.
 12. **Парыгин Б. Д.** Вопросы социальной психологии в работах Г. В. Плеханова // Проблемы общественной психологии. — М., 1965.
 13. **Флегонтова С. М.** Г. В. Плеханов о роли психологического фактора в истории // Социальная психология и философия. — Л., 1973. — Вып. 2.
 14. **Кольцова В. А.** Проблемы социальной психологии в трудах Г. В. Плеханова // Психол. журнал. — 1981. — № 5.
 15. **Будилова Е. А.** Социально-психологические проблемы в русской науке. — М., 1983.
 16. **Плеханов Г. В.** О материалистическом понимании истории // Избр. филос. произв. в пяти томах. — М., 1956. — Т. П.
 17. **Плеханов Г. В.** Очерки по истории материализма // Избр. филос. произв. — М., 1956. — Т. П.
 18. **Плеханов Г. В.** О так называемых религиозных исканиях в России // Избр. филос. произв. — М., 1957. — Т. III.
 19. **Плеханов Г. В.** Французская драматическая литература и французская живопись XVIII века с точки зрения социологии // Избр. филос. произв. — М., 1958. — Т. V.
 20. **Плеханов Г. В.** К психологии рабочего движения // Избр. филос. произв. — М., 1958. — Т. V.
 21. **Плеханов Г. В.** Письма без адреса // Избр. филос. произв. — М., 1958. — Т. V.
 22. **Бердяев Н. А.** Судьба России. — М., 1990.
 23. **Бехтерев В. М.** Предмет и задачи общественной психологии как объективной науки. — Спб., 1911.
 24. **Бехтерев В. М.** Коллективная рефлексология // Избранные работы по социальной психологии. — М., 1994.
 25. **Кузьмин Е. С.** Развитие социальной психологии в СССР // Социальная психология / Под ред. Е. С. Кузьмина, В. Е. Семенова. — Л., 1979.
 26. **Горячева А. И., Макаров М. Г.** Общественная психология. — Л., 1979.
 27. **Андреева Г. М.** Социальная психология. — М., 1997.
 28. **Свенцицкий А. Л.** История развития социально-психологической теории // Основы социально-психологической теории / Под ред. А. А. Бодалева,

- А. Н. Сухова. — М., 1995.
29. **Абульханова-Славская К. А., Кольцова В. А.** Отечественная социальная психология // Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / Под ред. А. В. Брушлинского. — М., 1997.
 30. **Челпанов Г. И.** Психология и марксизм. — М., 1924.
 31. **Артемов В. А.** Введение в социальную психологию. — М., 1927.
 32. **Блонский П. П.** Очерки научной психологии. — М., 1924.
 33. **Рейснер М. А.** Проблемы социальной психологии. — Ростов-на-Дону, 1925.
 34. **Челпанов Г. И.** Социальная психология или "условные рефлексy"? — М.; Л., 1926.
 35. **Корнилов К. Н.** Психология и марксизм. — М.; Л., 1925.
 36. **Артемов В. А.** К вопросу о социальной психологии // Психология. — М.; Л., 1929. — Т. II. Вып. 2.
 37. **Залкинд А. Б.** Половой вопрос в условиях советской общественности. — Л., 1926.
 38. **Эткинд А. М.** Эрос невозможного. История психоанализа в России. — СПб., 1993.
 39. **Троцкий Л.** Литература и революция. — М., 1991.
 40. **Блонский П. П.** Педагогика. — М., 1922.
 41. **Петровский А. В.** История советской психологии. — М., 1967.
 42. **Рейснер М. А.** Проблемы психологии и теории исторического материализма // Вестник социалистической академии. — 1923. — № 3.
 43. **Диалектический и исторический материализм.** / Под ред. М. Митина, И. Разумовского. — М., 1932.
 44. **Фомина В. А.** Рецензия на книгу Г. В. Плеханова "О материалистическом понимании истории" // Советская книга. — 1946. — № 2.
 45. **Рубинштейн С. Л.** Бытие и сознание. — М., 1937.
 46. **Барт П.** Философия истории как социология. — Спб., 1902.
 47. **Fromt E.** The Sane Society. — N.Y.; Toronto, 1955.
 48. **Ананьев Б. Г.** Бытие и сознание (О новой книге С. Л. Рубинштейна) // Вопросы психологии. — 1959. — № 1.
 49. **Ковалев А. Г.** О социальной психологии // Вестник ЛГУ. — 1959. — № 11.
 50. **Парыгин Б. Д.** О психологическом направлении в современной буржуазной социологии и о социальной психологии // Вестник ЛГУ. — 1959. — № 23.
 51. **Проблемы общественной психологии** / Под ред. В. Н. Колбановского и Б. Ф. Поршнева. — М., 1965.
 52. **Маркс К.** Тезисы о Фейербахе // К. Марк и Ф. Энгельс. Соч. Т. 3.
 53. **Энгельс Ф.** — И. Блоху // Маркс К. и Энгельс Ф. Избр. произв. в 2 т. Т. II.
 54. **Энгельс Ф.** Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Избр. произв. в 2 т. Т. II.
 55. **Лабриола А.** Очерки материалистического понимания истории. — М., 1960.
 56. **Психологическая теория коллектива** / Под ред. А. В. Петровского. — М., 1979.
 57. **Парыгин Б. Д.** Основы социально-психологической теории. — М., 1971.
 58. **Абульханова-Славская К. А.** Состояние социальной психологии в 80—90-е годы. Заключение // Психологическая наука в России XX столетия. — М., 1997.
 59. **Человек в изменяющемся мире: социальные и психологические проблемы: Материалы научной конференции** / Под ред. Б. Д. Парыгина. —

- СПб., 1993. — В 3 ч.
60. *Динамика социально-психологических явлений в изменяющемся обществе* / Под ред. А. Л. Журавлева. — М., 1996.
 61. *Практикум по социально-психологическому тренингу* / Под ред. Б.Д. Парыгина. — 2-е изд., доп. и испр. — СПб., 1997.

Глава 4

1. *Парсонс Т.* Общетеоретические проблемы социологии // Социология сегодня. Проблемы и перспективы. — М., 1965.
2. *Джемс В.* Научные основы психологии. — СПб., 1902.
3. *Merton R.* Social Theory and Social Structure. — Ylencoe, 1957.
4. *Замошкин Ю. А.* Кризис буржуазного индивидуализма и личность. — М., 1966.
5. *Леонтьев А. А.* Языкознание и психология. — М., 1966.
6. *Дивитовская Н. А.* Позиция личности // Социальная психология и философия. — Л., 1971.
7. *Ломов Б. Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. — М., 1984.
8. *Столин В. В.* Самосознание личности. — М., 1983.
9. *Соколова Е. Т.* Самосознание и самооценка при аномалиях личности. — М., 1989.
10. *Парыгин Б. Д.* Общественное настроение, его природа и динамика // Проблемы общественной психологии. — М., 1965.
11. *Парыгин Б. Д.* Общественное настроение. — М. 1966.
12. *Парыгин Б. Д.* Основы социально-психологической теории. — М., 1971.
13. *Петровский А. В., Ярошевский М. Г.* Психология. — М., 1990.
14. *Тощенко Ж. Т., Харченко С. В.* Социальное настроение. — М., 1996.
15. *Краткий словарь по социологии.* — М., 1989.
16. *Парыгин Б. Д.* Социальная психология территориального самоуправления. — СПб., 1993.
17. *Ломов Б.Ф.* Общение как проблема общей психологии // Методологические проблемы социальной психологии. — М., 1975.
18. *Ломов Б. Ф.* Категории общения и деятельности в психологии // Вопросы философии. — 1979. — № 8.
19. *Андреева Г. М.* Социальная психология. — М., 1997.
20. *Боброва Е. Ю.* Основы исторической психологии. — СПб., 1997.

Глава 5

1. *Мопассан Ги де.* Пьер и Жан // Поли. собр. соч. в 12 т. — М., 1958. — Т. 8.
2. *Павлов Т.* Некоторые методологические вопросы эстетики // Проблемы эстетики. — М., 1958. «гш
3. *Дубинин Н. П.* Философский и социологический аспект генетики человека // Вопросы философии. — 1971. — № 1.
4. *Добжанский Т.* Детерминизм и индетерминизм в биологической эволюции // Философские вопросы биологии и биокибернетики. — М., 1970.
5. *Сеченов И. М.* Избранные философские и психологические произведения. — М., 1947.
6. *Маслоу А. Г.* Дальние пределы человеческой психики. — СПб., 1997.
7. *Гримак Л. П.* Моделирование состояния человека в гипнозе. — М., 1978.
8. *Гримак Л. П.* Резервы человеческой психики. — М., 1987.

9. **Гримак Л. П.** Общение с собой. — М., 1991.
10. **Уровень таланта** // Комсомольская правда. — 1972. — 19 авг.
11. **Могендович М.** Мозг и жизнь. — Пермь, 1967.
12. **Амосов Н. М.** Искусственный разум. — Киев, 1969.
13. **Амосов Н. М.** Алгоритмы разума. — Киев, 1979.
14. **Симонов П. В.** Что такое эмоция? — М., 1966.
15. **Парыгин Б. Д.** Можно ли раскрыть "второе дно"? // Неделя. — 1973.
16. **Парыгин Б. Д.** Научно-техническая революция и личность. — М., 1978.
17. **Грановская Р. М., Крижанская Ю. С.** Творчество и преодоление стереотипов. — СПб., 1994.

Глава 6

1. **Парыгин Б. Д.** Психологический барьер как фактор общения // Общение как предмет теоретических и прикладных исследований. — Л., 1973.
2. **Парыгин Б. Д.** Социально-психологический барьер и его функции // Философия и социальная психология. — Л., 1974.
3. **Парыгин Б. Д.** Психологический барьер и его природа // Социальная психология и философия. — Л., 1975. — Вып. 3.
4. **Мясищев В. Н.** Личность и неврозы. — Л., 1960.
5. **Эмоциональный стресс.** — Л., 1970.
6. **Наенко Н. И.** Психическая напряженность. — М., 1976.
7. **Селье Г.** На уровне целого организма. — М., 1966.
8. **Селье Г.** Стресс без дистресса. — М., 1979.
9. **Китаев-Смык Л. А.** Психология стресса. — М., 1983.
10. **Захаров А. И.** Психотерапия неврозов у детей и подростков. — Л., 1982.
11. **Немчин Т. А.** Состояние нервно-психического напряжения. — Л., 1983.
12. **Психогении в экстремальных условиях.** — М., 1991.
13. **Горбачевский В. Ф.** Психологический барьер на пути к научному открытию // Проблемы философии и социологии / Под ред. Б. Д. Парыгина. — Л., 1968.
14. **Бэкон Ф.** Опыт или наставления нравственные или политические // Соч. — М., 1972. — Т. 2.
15. **Бернал Дж.** Наука в истории общества. — М., 1956.
16. **Фрейд З.** Психология Я и защитные механизмы. — М., 1993.
17. **Бассин Ф. В.** О силе "Я" и психологической защите // Вопросы философии. — 1969. — № 2.
18. **Воловик В. М., Вид В. Д.** Психологическая защита как механизм компенсации и ее значение в психотерапии больных шизофренией // Психологические проблемы психогигиены, психопрофилактики и медицинской деонтологии / Под ред. М. М. Кабанова. — Л., 1976.
19. **Бассин Ф. В., Бурлакова М. К., Волков В. Н.** Проблема психологической защиты // Психологический журнал. — 1988. — № 3.
20. **Зейгарник Б. В.** Патопсихология. — М., 1986.
21. **Романова Е. С., Гребенникова Л. Р.** Механизмы психологической защиты. Генезис. Функционирование. Диагностика. — Мытищи, 1996.
22. **Freud A.** Defense Mechanisms: Encyclopedia Britanika. V. 7. // Романова Е. С., Гребенников Л. Р. Механизмы психологической защиты. Генезис. Функционирование. Диагностика. — Мытищи, 1996.
23. **Грановская Р. М., Крижанская Ю. С.** Творчество и преодоление стереотипов. — СПб., 1994.
24. **Гримак Л. П.** Резервы человеческой психики. — М., 1987.

25. *Практикум по социально-психологическому тренингу*/ Под ред. Б. Д. Парыгина. — 2-е изд., испр. и доп. — СПб., 1997.

Глава 7

1. *Абульханова-Славская К. А.* О субъекте психической деятельности. — М., 1973.
2. *Абульханова-Славская К. А.* Деятельность и психология личности. — М., 1980.
3. *Каган М. С.* Человеческая деятельность. — М., 1974.
4. *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. — М., 1975.
5. *Буева Л. П.* Человек: деятельность и общение. — М., 1978.
6. *Асмолов А. Г.* Деятельность и установка. — М., 1979.
7. *Уманский Л. И.* Психология организаторской деятельности школьников. — М., 1980.
8. *Петровский А. В.* Личность. Деятельность. Коллектив. — М., 1982.
9. *Общение и оптимизация совместной деятельности* / Под ред. Г. М. Андреевой и Я. Яноушека. — М., 1987.
10. *Шадриков В. Д.* Деятельность и способности. — М., 1994.
11. *Выготский Л. С.* История развития высших психических функций. Т. 3. — М., 1983.
12. *Краткий психологический словарь* / Под ред. А.В. Петровского и М. Г. Ярошевского. — М., 1985.
13. *Тоффлер А.* Футурошок. — СПб., 1997.
14. *Сатпрем.* Шри Ауробиндо, или Путешествие сознания. — Л., 1989.
15. *Кастанеда К.* Дверь в иные миры. — Л., 1991.
16. *Солженицин А.* Лицемерие на исходе XX века // Аргументы и факты. — 1997. — № 40.

Глава 8

1. *Парыгин Б. Д.* Психологическая готовность к работе в новых условиях: проблемы, тенденции и пути решения // Психологический журнал. — 1986. — Т. 7, № 6.
2. *Парыгин Б. Д.* Психологическая готовность к социальному действию // Человек, наука, производство. — СПб., 1992. — Ч. 1.
3. *Парыгин Б. Д.* Проблема готовности в социальной психологии // Динамика социально-психологических явлений в изменяющемся обществе / Под ред. А. Л. Журавлева. — М., 1996.
4. *Иолов Г.* Критические ситуации и массовая психика. — София, 1973 (на болг. яз.).
5. *Парыгин Б. Д.* Психологическая готовность к территориальному самоуправлению: проблемы и перспективы. — Л., 1991.
6. *Парыгин Б. Д.* Социальная психология территориального самоуправления. — СПб., 1993.
7. *Краткий психологический словарь* / Под ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. — М., 1985.
8. *Николаев Д. П.* Смех Щедрина. Очерки сатирической поэтики. — М., 1988.

Глава 9

1. **Парыгин Б. Д.** Научно-техническая революция и личность. Социально-психологические проблемы. — М., 1978.
2. **Крылов А. А.** Человек в автоматизированных системах управления. — Л., 1972.
3. **Мечников И. И.** Этюды оптимизма. — М., 1964.
4. **Бондарев Ю.** Ожидание. — М., 1976.
5. **Селье Г.** На уровне целого организма. — М., 1966.
6. **Селье Г.** Стресс без дистресса. — М., 1979.
7. **Наенко Н. И.** Психическая напряженность. — М., 1976.
8. **Китаев-Смык Л. А.** Психология стресса. — М., 1983.
9. **Лозанов Г.** Суггестология. — София, 1971.
10. **Шварц И. Е.** Внушение в педагогическом процессе. — Пермь, 1971.
11. **Вопросы внушающего воздействия в педагогике.** — Пермь, 1972.
12. **Циолковский К. Э.** Гений среди людей. // Terminator. — 1994. — № 1.
13. **Зейгарник Б. В.** Основы патопсихологии. — М.: Изд-во МГУ, 1973.
14. **Божович Л. И.** Личность и ее формирование в детском возрасте. — М., 1968.

Глава 10

1. **Андреева Г. М.** Социальная психология. — М., 1996.
2. **Волков И. П.** Социометрические методы в социально-психологических исследованиях. — Л., 1970.
3. **Десев Л.** Психология малых групп. — М., 1979.
4. **Донцов А. И.** Проблемы групповой сплоченности. — М., 1979.
5. **Кричевский Р. Л., Дубовская Е. М.** Психология малой группы. — М., 1991.
6. **Основы социально-психологической теории** / Под ред. А. А. Бодалева, А. Н. Сухова. — М., 1995.
7. **Парыгин Б. Д.** Основы социально-психологической теории. — М., 1971.
8. **Парыгин Б. Д.** Научно-техническая революция и личность. — М., 1978.
9. **Поршнев Б. Ф.** Социальная психология и история. — М., 1979.
10. **Парыгин Б. Д.** Руководство и лидерство // Руководство и лидерство. — Л., 1973.
11. **Парыгин Б. Д.** Как найти ключи // Комсомольская правда. — 1974. — 29 марта.
12. **Регуляция социально-психологического климата трудового коллектива** / Под ред. Б. Д. Парыгина. — М., 1986.
13. **Гумилев Л. Н.** Этногенез и биосфера земли. — Л., 1990.

Глава 11

1. **Андреева Г. М.** Социальная психология. — М., 1996.
2. **Основы социально-психологической теории** / Под ред. А. А. Бодалева, А. Н. Сухова. — М., 1995.
3. **Гегель.** Энциклопедия философских наук. Ч. 3. Философия духа // Соч. — М., 1956. — Т. III.
4. **Гегель.** Фрагменты. Исторические этюды // Работы разных лет: В 2 т. — М., 1970. — Т. 1.
5. **Ключевский В. О.** Исторические портреты. — М., 1990.
6. **Астафьев Н.** О духе времени. — Спб., 1899.

7. **Болдуин Д. М.** Психология и ее методы. — Спб., 1908.
8. **Белинский В. Г.** Речь о критике // Избр. филос. соч.: В 2 т. Т. 1.
9. **Тарле Е. В.** Наполеон. — М., 1957.
10. **Плеханов Г. В.** О материалистическом понимании истории // Избр. философ, произв.: В 5 т. — М., 1956. — Т. II.
11. **Тугаринов В. П.** Личность и общество. — М., 1965.
12. **Спиноза Б.** Этика. Теорема 42 // Избр. произв.: В 2 т. — М., 1957. — Т. 1.
13. **Энгельс Ф.** Развитие социализма от утопии к науке // К. Маркс и Ф. Энгельс. Избр. произв.: В 2 т. — М., 1948. — Т. II.
14. **Овсяннико-Куликовский Д. Н.** Психология национальности. — Пг., 1922.
15. **Белинский В. Г.** Литературные мечтания // Избр. филос. соч. — М., 1948. — Т. 1.
16. **Шагинян М.** Голландские письма // Литературная газета. — 22 февр. — 1966.
17. **Ильин И. А.** Поющее сердце. Книга тихих созерцаний // Собр. соч. — М., 1994. — Т. III.
18. **Соболев Г. Л.** В поисках новой теории истории // Гуманитарий. — 1995. — № 1.
19. **Герцен А. И.** С того берега // Избр. филос. произв. — М., 1946. — Т. П.
20. **Лебон Г.** Психология народов и масс. — Спб., 1896.
21. **Гаршин В. М.** Из воспоминаний рядового Иванова // Соч. — М., 1984.
22. **Московичи С.** Век толп. — М., 1996.
23. **Поршнев Б. Ф.** Социальная психология и история. — М., 1979.
24. **Горький М.** Несвоевременные мысли // Свободы вечное преддверье. — Л., 1990.
25. **Бунин И.** Окаянные дни // Свободы вечное преддверье. — Л., 1990.
26. **Хрусталева Н. С.** Психология эмиграции (Социально-психологические и личностные проблемы): Автореф. дисс. ...д-ра психол. наук. — СПб., 1996.
27. **Поршнев Б. Ф.** Контрсуггестия и история (Элементарное социально-психологическое явление и его трансформации в развитии человечества) // История и психология. — М., 1971.
28. **Социология: хрестоматия.** — М., 1997.
29. **Hare A. F.** Handbook of Small Group Research. — New York, 1993.
30. **Чечулин А. А.** Микросреда в системе социальных связей и отношений ученого. — Новосибирск, 1989.

Глава 12

1. **Каган М. С.** Человеческая деятельность. — М., 1974.
2. **Парыгин Б. Д.** Основы социально-психологической теории. — М., 1971.
3. **Леонтьев А. А.** Общение как объект психологического исследования // Методологические проблемы социальной психологии. — М., 1975.
4. **Ломов Б. Ф.** Общение и социальная регуляция поведения индивида // Психологические проблемы социальной регуляции поведения. — М., 1976.
5. **Леонтьев А. А.** Деятельность и общение // Вопросы философии. — 1979. — № 1.
6. **Ломов Б. Ф.** Категории общения и деятельности в психологии // Вопросы философии. — 1979. — № 8.
7. **Ломов Б. Ф.** Общение как проблема общей психологии // Методологические проблемы социальной психологии. — М., 1975.
8. **Буева Л. П.** Человек: деятельность и общение. — М., 1978.

9. **Каган М. С.** Мир общения. — М., 1988.
10. **Мясищев В. Н.** Психология отношений. — М.; Воро*' неж, 1995,
11. **Выготский Л. С.** Мышление и речь // Избр. психол. ис-след. — М., 1956.
12. **Бодалев А. А.** Формирование понятия о другом человеке как личности. — Л., 1970.
13. **Маркс К.** Капитал. Критика политической экономии. Том первый // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 23.
14. **Шибутани Т.** Социальная психология. — М., 1969.
15. **Рубинштейн С. Л.** Принципы и пути развития психологии. — М., 1959.
16. **Василюк Ф. Е.** Психология переживания. Анализ преодоления критических ситуаций. — М., 1984.
17. **Фейербах Л.** Основные положения философии будущего // Избр. филос. произв. — М., 1955. — Т. 1.
18. **Маркс К.** Тезисы о Фейербахе // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. — М., 1955. — Т. 3.
19. **Бехтерев В. М.** Предмет и задачи общественной психологии как объективной науки. — Спб., 1911.
20. **Локк Дж.** Опыт о человеческом разуме. Книга вторая // Избр. филос. произв.: В 2 т. — М., 1960. — Т. 1.

Глава 13

1. **Парыгин Б. Д.** Основы социально-психологической теории. — М., 1971.
2. **Андреева Г. М.** Социальная психология. — М., 1996.
3. **Майерс Д.** Социальная психология. — СПб., 1997.
4. **Каган М. С.** Мир общения. — М., 1988.
5. **Бодалев А. А.** Психология общения // Избр. психол. труды. — М.; Воронеж, 1996.
6. **Бехтерев В. М.** Предмет и задачи общественной психологии как объективной науки. — Спб., 1911.
7. **Поршнев Б. Ф.** Социальная психология и история. — М., 1979.
8. **Леонтьев А. А.** Психология общения. — М., 1997.
9. **Пиз А.** Язык телодвижений. Как читать мысли других по их жестам. — Нижний Новгород, 1992.
10. **Рудестам К.** Групповая психотерапия. Психокоррекционные группы: теория и практика. — М., 1993.
11. **Бодалев А. А.** Восприятие человека человеком. — Л., 1965.
12. **Парыгин Б. Д.** Социальная психология как наука. — Л., 1967.
13. **Моэм С.** Луна и грош. — М., 1960.
14. **Станиславский К. С.** Работа актера над собой. — М., 1961.
15. **Искаков Б.** Постулат Гаутамы // 24 часа. — 1991. — № 24.
16. **Мулдашев Э.** От кого мы произошли // Аргументы и факты. — 1996. — № 45.
17. **Бржемский Г. Л.** Закономерности и парадоксы дирижирования. — СПб., 1993.
18. **Современная западная философия: Словарь.** — М., 1991.
19. **Бердяев Н. А.** Самопознание. — Л., 1991.
20. **Лихачев Д. С.** Об актуальности проблемы общения в современном искусствознании // Искусство и общение. — Л., 1984.
21. **Maletzke У.** Psychologic der Massen Kommunikation. — Hamburg, 1963.
22. **Холодович А. А.** О типологии речи // Историко-философские исследования. — М., 1967.

23. **Bernstein P., Jelzschmann H.** Informations und Spieltheoretische Aspekte in der Soziologischen Forschung. — Berlin, 1969.
24. **Ананьев Б. Г.** Человек как предмет познания. — Л., 1969.
25. **Шибутани Т.** Социальная психология. — М., 1969.
26. **Волошинов В. Н.** Марксизм и философия языка. — Л., 1929.
27. **Festinger L.** A Theory of Cognitive Dissonance. — New York, 1957.
28. **Парсонс Т.** Общетеоретические проблемы социологии // Социология сегодня. Проблемы и перспективы. — М., 1965.
29. **Янг К., Фримен Л.** Социальная психология и социология // Г. Беккер, А. Бесков. Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении. — М., 1961.
30. **Щепанский Я.** Элементарные понятия социологии. — М., 1969.
31. **Argyle M.** Social Interaction. — London, 1969.
32. **Znaniecki F.** Social Actions. — New York, 1936.
33. **Bales R. F.** Interaction Process Analysis. — Cambridge, 1950.

Глава 14

1. **Михайловский Н. К.** Герои и толпа // Поли. собр. соч. В 10 т. — Спб., 1909. — Т. 2.
2. **Поршнев Б. Ф.** Контрсуггестия и история // История и психология / Под ред. Б. Ф. Поршнева и Л. И. Анциферовой. — М., 1971.
3. **Бехтерев В. М.** Роль внушения в общественной жизни. — Спб., 1898.
4. **Бодалев А. А.** Восприятие человека человеком. — Л., 1965.
5. **Платон.** Теэтет. — М., 1936.
6. **Фейербах Л.** Избр. филос. произв. — М., 1955. — Т. II.
7. **Добролюбов Н. А.** Избр. филос. соч. — М., 1946. — Т. II.
8. **Макаренко А. С.** О воспитании молодежи. — М., 1951.
9. **Вигуру А., Жукелье. П.** Психическая зараза. — М., 1912.
10. **Лебон Г.** Психология народов и масс. — Спб., 1896.
11. **Тард Г.** Законы подражания. — Спб., 1892.
12. **Hiebsch H., Vorweg M.** Einfuhrung in die marksistische Sozial Psychologic. — Berlin, 1966.
13. **Simmel G.** Die Mode // Philosophische Kultur. — Potsdam, 1923.
14. **Зиммель Г.** Социальная дифференциация. — М., 1909.
15. **Плеханов Г. В.** Соч. — М.; Л., 1928. — Т. XI.
16. **Плеханов Г. В.** Письма без адреса // Избр. филос. произв. Т. V.
17. **Котарбинский Т.** Вопросы рациональной организации деятельности // Избр. произв. — М., 1963.
18. **Зомбарт В.** Современный капитализм. — М., 1905. — Т. II.
19. **Зомбарт В.** Современный капитализм. — М.; Л., 1930. — Т. III.
20. **Барышников Н. С.** Тише — дельфины! — Л., 1975.

Глава 15

1. **Левитов Н. Д.** О психических состояниях человека. — М. 1964.
2. **Куликов Л. В.** Психология настроения. — Спб., 1997.
3. **Ярошевский М. Г.** История психологии. — М., 1966.
4. **Парыгин Б. Д.** Общественное настроение. — М., 1966.
5. **Кирибаум Э. И., Еремеева А. И.** Психические состояния. — Владивосток, 1990.
6. **Парыгин Б. Д.** Научно-техническая революция и личность. — М., 1978.

7. **Иолов Г.** Критическая ситуация и массовая психика. — 1969. — Кн. 2 (на болгар.).
8. **Парыгин Б. Д.** Основы социально-психологической теории. — М., 1971.
9. **Станиславский К. С.** Моя жизнь в искусстве. — М., 1983.
10. **Поршнев Б. Ф.** Социальная психология и история. — М., 1979.
11. **Парыгин Б. Д.** Проблема готовности в социальной психологии // Динамика социально-психологических явлений в изменяющемся обществе. — М., 1996.
12. **Парыгин Б. Д.** Социальная психология территориального самоуправления. — СПб., 1993.
13. **Ержемский Г. Л.** Закономерности и парадоксы дирижирования. Психология. Теория. Практика. — СПб., 1993.

Глава 16

1. **Выготский Л. С.** Проблема эмоций // Вопросы психологии. — 1958. — № 3.
2. **Викторов П. П.** Учение о личности и настроениях. — М., 1904.
3. **Петражицкий Л. И.** Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии. — СПб., 1908.
4. **Войтоловский Л.** Текущий момент и текущая литература (К психологии современных общественных настроений). — СПб., 1908.
5. **Бехтерев В. М.** Объективная психология. — СПб., 1911. — Вып. III.
6. **Осипова В. Н.** Влияние нервно-психического тона (настроения) на скорость зрительных впечатлений. — Казань, 1914.
7. **Артемов В. А.** Конспект лекций по психологии. — Харьков, 1953.
9. **Якобсон П. М.** Психология чувств. — М., 1958.
10. **Philosophisches Worterbuch.** — Stuttgart, 1957.
11. **Рубинштейн С. Л.** Основы общей психологии. — М., 1946.
12. **Левитов Н. Д.** О психических состояниях человека. — М., 1964.
13. **Поршнев Б. Ф.** Функция выбора — основа личности // Проблемы личности. — М., 1969.

Глава 17

1. **Маркс К.** Речь на юбилее "The people's Paper", произнесенная в Лондоне 14 апреля 1856 года // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. — М., 1958. — Т. 12.
2. **Парыгин Б. Д.** Социально-психологический климат коллектива. — Л., 1981.
3. **Парыгин Б. Д.** Общественное настроение. — М., 1966.
4. **Парыгин Б. Д.** Основы социально-психологической теории. — М., 1971.
5. **Винер Н.** Кибернетика и общество. — М., 1958.
6. **Плеханов Г. В.** Избр. филос. произв. — М., 1957. — Т. III.
7. **Макаренко А. С.** Проблемы школьного советского воспитания // Соч.: В 7 т. — М., 1958. — Т. 5.
8. **Ковалев А. Г.** Коллектив и социально-психологические проблемы руководства. — М., 1978.

Глава 18

1. **Морено Дж. Л.** Социометрия. Экспериментальный метод и наука об обществе (подход к новой политической ориентации). — М., 1958.

2. **Ядов В. А., Киссель А. А.** Удовлетворенность работой: анализ эмпирических обобщений и попытка их теоретического использования // Социологические исследования. — 1974. — № 1.
3. **Коломинский Я. Л.** Психология взаимоотношений в малых группах. — Минск, 1976.
4. **Петровский А. В., Шпалинский В. В.** Социальная психология коллектива. — М., 1978.
5. **Парыгин Б. Д.** Научно-техническая революция и личность. Социально-психологические проблемы. — М., 1978.
6. **Селье Г.** Стресс без дистресса. — М., 1979.
7. **Парыгин Б. Д.** Социально-психологический климат коллектива. — М., 1981.

Глава 19

1. **Ломов Б. Ф.** Методологические и теоретические проблемы психологии. — М., 1984.
2. **Практикум по социально-психологическому тренингу** / Под ред. Б. Д. Парыгина. — 2-е изд., испр. и доп. — СПб., 1997.
3. **Регуляция социально-психологического климата трудового коллектива** / Под ред. Б. Д. Парыгина. — Л., 1986.
4. **Парыгин Б. Д.** Социально-психологический климат коллектива. — Л., 1981.
5. **Парыгин Б. Д.** Основы социально-психологической теории. — М., 1971.

Глава 20

1. **Бехтерев В. М.** Предмет и задачи общественной психологии как объективной науки // Вестник знания. — 1911. — № 1.
2. **Бехтерев В. М.** Роль внушения в общественной жизни. — СПб., 1898.
3. **Бехтерев В. М.** Коллективная рефлексология. — Пг., 1921.
4. **Войтоловский Л.** Очерки коллективной психологии. — М.; Пг., 1924. — Ч. 1. Психология масс.
5. **Войтоловский Л.** Очерки коллективной психологии. — М.; Л., 1925. — Ч. 2.
6. **Парыгин Б. Д.** Ленин об общественных настроениях // Вестник ЛГУ. — № 17. Сер. Экономика, философия и право. — 1952. — Вып. 3.
7. **Парыгин Б. Д.** Общественное настроение. — М., 1966.
8. **Тощенко Ж. Т., Харченко С. В.** Социальное настроение. — М., 1996.
9. **Лебон Г.** Психология народов и масс. — СПб., 1898.
10. **Ross E.** Social Psychology. — New York, 1912.
11. **Беккер Г., Босков А.** Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении. — М., 1961.
12. **Footе N., Hart C.** Public Opinion and Collective Behavior in the Book // Group Relations at the Crossroads. — New York, 1953.
13. **Liprtan W.** The Public Philosophy. — London, 1995.
14. **Парыгин Б. Д.** Основы социально-психологической теории. — М., 1971.
15. **Парыгин Б. Д.** Общественное настроение, его природа и динамика // Проблемы общественной психологии. — М., 1965.
16. **Социальное настроение как объект исторической науки** // История и психология / Под ред. Б. Ф. Поршнева, Л. И. Анциферовой. — М., 1971.
17. **Новиков В. В.** Настроение и труд. — Ярославль, 1967.

18. **Стефанов Н.** Общественото настроение. Същност и формиране. — София, 1975 (на болг. яз.).
19. **Ольшанский Д. В.** Психология массовых настроений в мировой политике. — М., 1989.
20. **Куликов Л. В.** Психология настроения. — СПб., 1997.
21. **Парыгин Б. Д.** Психологическая готовность к работе в новых условиях: проблемы, тенденции и пути решения // Психологический журнал. — 1986. — Т. 7, № 6.
22. **Парыгин Б. Д.** Проблема готовности в социальной психологии // Динамика социально-психологических явлений в изменяющемся обществе. — М., 1996.
23. **Парыгин Б. Д.** Социальная психология территориального самоуправления — СПб., 1993.
24. **Гумилев Л. Н.** Этногенез и биосфера земли. — Л., 1990.

Глава 21

1. **Fromm E.** The Sane Society. — London, 1959.
2. **Маслоу А.** Дальние пределы человеческой психики. — СПб., 1997.
3. **История и психология.** — М., 1971.
4. **Боброва Е. Ю.** Основы исторической психологии. — СПб., 1997.
5. **Шкуратов В. А.** Историческая психология. — М., 1997.
6. **Тоффлер А.** Футурошок. — СПб., 1997.
7. **Фромм Э.** Человек для себя. Исследование психологических проблем этики. — Минск, 1992.
8. **Запесоцкий А. С.** Гуманитарная культура и гуманитарное образование // Magister. — 1997. — № 1.
9. **Абульханова-Славская К. А., Кольцова В. А.** Отечественная социальная психология // Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / Под ред. А. В. Брушлинского. — М., 1997.
10. **Забродин Ю. М.** Российские реформы и перспективы развития психологии // Magister. — 1996. — № 6.
11. **Парыгин Б. Д.** Проблема готовности в социальной психологии // Динамика социально-психологических явлений в изменяющемся обществе. — М., 1996.
12. **Практикум по социально-психологическому тренингу** / Под ред. Б. Д. Парыгина. — 2-е изд., испр. и доп. — СПб., 1997.
13. **Замалеев А. Ф.** Лекции по истории русской философии. — М., 1995.
14. **Парыгин Б. Д.** Социальная психология территориального самоуправления. — СПб., 1993.
15. **Парыгин Б. Д.** Российская общенациональная идея сегодня // День науки в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов / Под ред. В. Е. Триодина. — СПб., 1997.
16. **Парыгин Б. Д.** Российская интеллигенция как носитель общественного самосознания // Судьба российской интеллигенции: Материалы научной дискуссии. — СПб., 1996.
17. **Павлов И. П.** О русском уме // Литературная газета. — 1991. — № 30. — 31 июля.
18. **Горький М.** Несвоевременные мысли // Свободы вечное преддверье. — Л., 1990.
19. **Ключевский В. О.** Исторические портреты. — М., 1990.
20. **Запесоцкий А. С.** О развитии гуманитарного образования в университете

// Magister. — 1996. — № 1.

21. **Запесоцкий А. С.** Гуманитарная культура и гуманитарное образование.
— СПб., 1996.

Б. Д. Парыгин
СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ: ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ, ИСТОРИИ И
ТЕОРИИ

Редакторы: О. В. Фокина, Н. В. Фролова
Компьютерная верстка Л. В. Климкович
Корректоры: Я. А. Бобкова, Е. В. Каоасева, О. В. Фокина
Дизайн обложки В. Е. Черкасов
ЛРН[№] 000075 от 04.02.99.

Подписано в печать 09.03.99. Формат 60x88/16.

Гарнитура Times New Roman Суг. Печ. л. 37,0.

Тираж 5000 экз. Заказ № 314.

Издательство Санкт-Петербургского Гуманитарного
университета профсоюзов. 192238, Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15.

Издательство СЗТК

Отпечатано с готовых диапозитивов в ордена Трудового Красного Зна-
мени ГП «Техническая книга»

Комитета Российской Федерации по печати 198005, Санкт-Петербург,
Измайловский пр., 29